

ISSN 0038-5050

С О В Е Т С К А Я Э Т Н О Г Р А Ф И Я

1982

ИЗДАТЕЛЬСТВО • НАУКА •

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

6

Ноябрь — Декабрь
1982

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1926 ГОДУ

• ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

СОДЕРЖАНИЕ

К 60-летию СССР

- Ю. В. Бромлей (Москва). Основные тенденции национальных процессов в СССР (к 60-летию образования СССР) 3
- И. С. Гурвич (Москва). Особенности современного этапа этнокультурного развития народов Советского Союза 15
- О. Р. Будина, М. Н. Шмелева (Москва). Традиция в культурно-бытовом развитии современного русского города 27

- Я. С. Смирнова (Москва). Роли и статусы старших в абхазской семье (к проблеме геронтофильных факторов долгожительства) 40
- Н. А. Бутинов (Ленинград). Остров Пасхи: вожди, племена, племенные территории (в связи с кохау ронгоронго) 51
- Г. А. Агранат (Москва). Коренное население Аляски и Канадского Севера: современные социально-экономические и политические проблемы 66

Народы мира. Информационные материалы

- Б. В. Соколов (Москва). Население Фолклендских (Мальвинских) островов 81

Сообщения

- В. Ф. Горленко (Киев). Киев — центр этнографической науки на Украине (к 1500-летию Киева) 89
- А. В. Чернецов (Москва). Полевые меты крестьян Подмосковья в начале XX в. этнологических наук) 101
- В. П. Алексеев (Москва), У. Лафлин (Сторс, Коннектикут). Материалы к антропологии древнего населения Аляски и Алеутских островов. I. Скелеты из ипипутакских погребений на мысе Крузенштерн 105

Поиски, факты, гипотезы

- [А. П. Окладников], Л. А. Рагозин (Москва). Загадка Улалинки 115

Научная жизнь

- Л. П. Кузьмина, Т. А. Воронина (Москва). Международный форум ученых (к предстоящему XI Международному Конгрессу антропологических и этнологических наук) 126
- А. В. Гуря (Москва). Симпозиум «Вопросы комплексного изучения древней славянской культуры». (Этногенетический аспект) 129
- В. Н. Кисляков, В. П. Курьлев (Ленинград). Научная сессия в Институте этнографии АН СССР (Ленинградская часть) 132

В. Н. Морохин (Горький). Конференция «Фольклор и художественная самодетельность»	135
М. М. Герасимова (Москва). Советско-французский полевой семинар «Динамика взаимодействия между естественной средой и доисторическими обществами»	137
Коротко об экспедициях	141

Критика и библиография

Критические статьи и обзоры

Ю. И. Семенов (Москва). О структуре стратифицированной сельской общины и ее роли в истории докапиталистических классовых обществ (в связи с книгой Л. Б. Алаева «Сельская община в Северной Индии»)	143
М. Ф. Филипенко (Минск). Современные этнические и культурно-бытовые процессы в Белоруссии (обзор работ)	149

Общая этнография

Е. М. Мелетинский (Москва). А. Я. Гуревич. Проблемы средневековой народной культуры	153
---	-----

Народы СССР

М. В. Иордан (Москва). Р. К. Грдзелидзе. Межнациональное общение в развитии социалистическом обществе (на примере Грузинской ССР)	155
М. М. Громыко, С. К. Жегалова (Москва). С. Б. Рождественская. Русская народная художественная традиция в современном обществе. Архитектурный декор и художественные промыслы	156
Н. П. Лобачева (Москва). М. Я. Устинова. Семейные обряды латышского городского населения в XX в.	158
Ю. Д. Анчабадзе (Сухуми). Кавказский этнографический сборник. VII.	163
В. В. Митрофанова (Ленинград). Русский фольклор. Библиографический указатель. 1901—1916 гг.	166
Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале в 1982 году	168

Редакционная коллегия:

К. В. Чистов — член-корр. АН СССР (главный редактор),
 В. П. Алексеев — член-корр. АН СССР, И. Л. Андреев, С. А. Арутюнов,
 С. И. Брук, Н. Г. Волкова (зам. главн. редактора), Л. М. Дробизева,
 Т. А. Жданко, А. А. Зубов, Р. Н. Исмагилова, Р. Ф. Итс, Л. Е. Куббель
 (зам. главн. редактора), А. А. Леонтьев, Б.-Р. Логашова, Г. Е. Марков,
 А. И. Першиц, Н. С. Полищук (зам. главн. редактора),
 П. И. Пучков, Ю. И. Семенов, В. К. Соколова, С. А. Токарев,
 Д. Д. Тумаркин

Ответственный секретарь редакции Н. С. Соболев

Адрес редакции: 117036 Москва, В-36, ул. Д. Ульянова, 19
 телефон 126-94-91

Зав. редакцией Е. А. Эшлиман

Ю. В. Бромлей

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ В СССР

[к 60-летию образования СССР]

60 лет назад, 30 декабря 1922 г., в истории народов нашей страны произошло событие огромной значимости — по предложению В. И. Ленина был образован Союз Советских Социалистических Республик. Так было создано, как подчеркивается в постановлении ЦК КПСС «О 60-й годовщине образования Союза Советских Социалистических Республик», «первое в мире единое союзное многонациональное государство рабочих и крестьян»¹. Это сыграло важную роль в решении в нашей стране национального вопроса в том виде, в каком он достался нам от царской России. Вопрос этот, как общепризнано, по праву относится к самым сложным и драматическим проблемам в истории человечества. Его успешное решение — великое достижение реального социализма, свидетельство торжества ленинской национальной политики КПСС.

Как известно, первая в истории человечества победоносная социалистическая революция произошла в одной из самых многонациональных стран мира. Ныне в ней живут и трудятся свыше 100 национальностей. При этом история одних из них измеряется многими веками, формирование других по существу закончилось лишь после Октября. Пестрота этнического состава в сочетании с политикой царизма, направленной на разжигание национальных противоречий, придавала особую значимость национальному вопросу в дореволюционной России. Не случайно поэтому национальный вопрос занял видное место в многогранной деятельности В. И. Ленина в канун Октября и в первые годы Советской власти.

Претворение в жизнь основных принципов ленинской национальной политики в практической деятельности КПСС, как подчеркнул Л. И. Брежнев, занимает особое место среди достижений Октября². Это достижение, отмечал он, «по праву можно поставить в один ряд с такими победами в строительстве нового общества в СССР, как индустриализация, коллективизация, культурная революция»³.

Для того чтобы лучше уяснить всемирно-историческую значимость этого достижения, представляется целесообразным рассмотреть его в исторической перспективе, а также в контексте национальных процессов, происходящих в современном мире в целом.

В этой связи прежде всего напомним, что в канун Октябрьской революции народы царской России стояли на самых разных уровнях социально-экономического развития. Если большинство крупных народов европейской России (русские, украинцы, белорусы, прибалтийские на-

¹ Правда, 21 февраля 1982 г.

² Правда, 3 ноября 1977 г.

³ Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Речи и статьи. Т. 4. М.: Политиздат, 1975, с. 50.

роды, народы Закавказья и др.) уже сложились в нации и находились на стадии капитализма, то народы Средней Азии по существу были лишь на стадии феодализма, а народы Севера (эвенки, чукчи, ненцы и др.) — на уровне патриархально-родового строя и жили мелкими родоплеменными группами, занимаясь охотой, рыболовством и оленеводством. Неравномерным было и культурное развитие народов России, что, в частности, отражалось в их историко-региональных различиях, сложившихся в ходе предшествующего исторического развития. Более или менее целостный восточноевропейский регион с преобладающим православным населением соседствовал на юго-востоке с областями распространения мусульманской культуры, а на западе и северо-западе — с областями католической или лютеранской ориентации; каждый из этих регионов имел свои преобладающие языковые системы, системы письменности, культурно-бытовые традиции и т. д. В Сибири восточно-славянская культура соприкасалась с архаическими культурами народов, для которых были характерны буддийские и ламаистские традиции со свойственными им чертами. Сильно различался и уровень грамотности народов России. Так, если, например, в Грузии в канун Октябрьской революции 22% населения было неграмотным, то в Туркестанском крае среди представителей коренных национальностей неграмотных было около 98%⁴. В целом же по стране неграмотные составляли свыше 75% взрослого населения. Более 50 народов не имело даже своей письменности.

Нельзя не упомянуть и о том, что в канун образования Союза ССР страна переживала страшную экономическую разруху, порожденную почти восьмью годами войны — вначале империалистической, а затем гражданской.

Вместе с тем именно окончание гражданской войны и разгром иностранной военной интервенции позволили поставить вопрос о создании Союза ССР с тем, чтобы объединить материальные ресурсы страны для восстановления народного хозяйства, а главное, обеспечить защиту молодых советских республик. К этому моменту наряду с РСФСР существовали еще пять независимых советских республик: Украинская, Белорусская, Азербайджанская, Армянская, Грузинская, причем последние три республики в конце 1922 г. объединились в Закавказскую Социалистическую Федеративную Советскую Республику (ЗСФСР). Кроме того, в Средней Азии существовали возникшие в 1920 г. Бухарская и Хорезмская народные республики, которые еще не были социалистическими.

Возникновение всех этих республик на развалинах бывшей Российской империи явилось реальным претворением в жизнь тезиса о праве народов на самоопределение, принятого в качестве важнейшего пункта программы большевистской партии еще задолго до Октябрьской революции. «Мы тем более обязаны признать свободу отделения, — писал В. И. Ленин, — что царизм и великорусская буржуазия своим угнетением оставила в соседних нациях тьму озлобления и недоверия к великорусам вообще, и это недоверие надо рассеять *делами*, а не словами»⁵.

Однако, утверждая право народов на самоопределение вплоть до отделения⁶, большевики вовсе не призывали к такому отделению. Напротив, В. И. Ленин указывал, что в экономическом и других отношениях крупное государство гораздо предпочтительнее мелких. «Мы хотим, — писал в связи с этим В. И. Ленин, — как можно более крупного государства, как можно более тесного союза, как можно большего числа наций, живущих по соседству с великорусами; мы хотим этого в интересах демократии и социализма, в интересах привлечения к борьбе пролетариата как можно большего числа трудящихся разных наций»⁷.

⁴ Современные этнические процессы в СССР. М.: Наука, 1977, с. 336.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 379.

⁶ Такое право было реализовано рядом народов бывшей царской России: поляками, финнами, эстонцами, латышами, литовцами.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 379.

Эта идея и получила свое воплощение в образовании Союза ССР на I Общесоюзном съезде Советов. Впрочем, следует заметить, что обсуждение самого вопроса о форме объединения советских республик вызвало на съезде дискуссию со сторонниками так называемой «автономизации», т. е. объединения всех республик в рамках РСФСР на правах ее автономных частей. В. И. Ленин и большинство членов ЦК, поддержанные партийными организациями на местах, выступили за создание союзного государства, о чем Съездом Советов и было принято решение в декабре 1922 г.

Национально-государственное строительство продолжалось и после образования СССР. Наиболее значительным событием последующих лет было образование республик в Средней Азии. В октябре 1923 г. Хорезмская Народная Советская Республика преобразуется в социалистическую и заявляет о своем желании войти в СССР; в сентябре 1924 г. то же самое осуществляет Бухарская Народная Советская Республика. В 1936 г. Казахская и Киргизская АССР были преобразованы в союзные республики, а Закавказская федерация была упразднена и образованы Грузинская, Армянская и Азербайджанская Советские Социалистические Республики. В результате все эти республики непосредственно вошли в состав СССР. Конституция 1936 г. зафиксировала 11 союзных и 20 автономных республик. Впоследствии к ним прибавились еще четыре республики (три прибалтийские и Молдавская ССР)⁸. В Конституции СССР 1977 г. значатся 15 союзных и 20 автономных республик; кроме того, имеются 8 автономных областей и 10 автономных (прежде — национальных) округов, т. е. всего 53 национально-административные единицы.

Рассматривая в целом результаты образования СССР, как и всей ленинской национальной политики КПСС, необходимо непременно иметь в виду диалектику взаимодействия национального и интернационального, в частности наличие двух взаимосвязанных тенденций в национальных процессах, происходящих в нашей стране: развитие, расцвет наций, с одной стороны, и их все большее сближение — с другой.

Необходимость учитывать диалектическое единство этих тенденций становится особенно очевидной при обращении к зарубежной буржуазной литературе по национальной проблематике. Для этой литературы характерны две крайности: абсолютизация либо тенденции национального развития, либо тенденции интернационализации. В первом случае расцвет суверенных советских республик, подъем национального достоинства советского человека, рост национального самосознания они трактуют как предвестник «сепаратистских тенденций». На Западе создана целая система доводов, призванных во что бы то ни стало «обосновать» неизбежность обострения национальных отношений в нашей стране. Во втором случае процесс сближения наций рисуется как их ликвидация путем создания «единой советской нации»⁹.

Несостоятельность всех построений подобного рода становится совершенно очевидной, если иметь в виду органическую взаимосвязь двух основных тенденций, присущих национальным процессам в нашей стране.

Правда, в разных сферах общественной жизни эти тенденции проявляются неодинаково, но их взаимосвязь обнаруживается повсюду. Весьма наглядно она, в частности, проступает в сфере государственно-правового регламентирования межнациональных отношений. Нетрудно заметить, что федеративное устройство Союза ССР в сочетании с демократическим централизмом обеспечивает государственно-правовое равенство каждой из образующих его республик и вместе с тем его еди-

⁸ Подробнее см.: История национально-государственного строительства в СССР. М.: Мысль, 1968; Современные этнические процессы в СССР, с. 85—104.

⁹ Об этом см., например, Баграмов Э. А. Национальные отношения и борьба идей. — Правда, 26 июля 1979 г.

ный межнациональный характер, т. е. диалектическое сочетание отдельного (национального) и общего (интернационального).

Как известно, опыт национально-государственного строительства в СССР явился важнейшим ориентиром в осуществлении национальной политики в других социалистических странах. Показательно, что в конституционных документах, принятых в этих странах после победы народно-демократических революций, воспроизводятся многие идеи Советской Конституции, касающиеся национального равноправия¹⁰. Подобно СССР такая многонациональная страна, как Югославия, с самого момента ее провозглашения в 1945 г. республикой избрала федерацию в качестве формы государственного устройства. В 1969 г. в федеративное государство была преобразована и Чехословакия, состоящая ныне из двух национально-государственных образований — Чешской и Словацкой социалистических республик¹¹.

Хорошо известно, что федеративное государственное устройство имеет место и в капиталистическом мире. И в наши дни в некоторых капиталистических странах сравнительно крупные национальности, составляющие, однако, меньшую часть населения этих стран, требуют предоставления им той или иной формы автономии, а иногда и преобразования государства на федеративных началах. Подобные требования, например, выдвигаются частью франкоканадцев, шотландцев, валлийцев, корсиканцев, бретонцев и т. д. Недавно парламентом Бельгии принято решение о превращении этого государства в федерацию путем разделения страны на два региона: Фландрию и Валлонию. Разумеется, буржуазное федеративное государство в большей мере, чем унитарное, отвечает интересам национальных меньшинств. Следует, однако, иметь в виду, что, как правило, в буржуазных государствах сам принцип федерации имеет формально-территориальный характер и не учитывает национальную структуру страны. Даже в тех случаях, когда предоставляется национальная автономия, это обычно не влечет за собой существенного улучшения положения национальных меньшинств. При этом возможность хотя бы частичного удовлетворения их интересов зависит от целого комплекса факторов, в первую очередь социально-экономических. Показателен в этом отношении пример Каталонии. Предоставление этой испанской провинции автономии (предварительной в 1977 г., постоянной в 1980 г.) не повлекло сколько-нибудь существенного изменения социального уровня жизни основной массы населения, проявившись преимущественно в распространении каталанского языка в средствах массовой информации¹². Более того, автономизация Каталонии создала дополнительные трудности для части ее рабочего класса — выходцев из других провинций Испании (галисийцев, андалузцев и др.).

Словом, самого по себе провозглашения юридического равноправия народов отнюдь недостаточно для достижения их фактического равенства. Именно поэтому сразу же после победы Октября в нашей стране началась борьба за ликвидацию такого тяжелейшего наследия царской России, как огромные различия в уровне экономического развития народов. В ходе построения основ социализма в стране уже в канун Великой Отечественной войны они были фактически ликвидированы. Огромную роль в этом сыграла братская помощь отстававшим в своем развитии народам со стороны более развитых. После образования СССР такая помощь, как отмечал Л. И. Брежнев, «приняла форму последовательно и всестороннего курса общесоюзной хозяйственной политики. Достаточно сказать, что бюджеты ряда союзных республик в течение многих

¹⁰ См. Бромлей Н. Я., Жуков Е. М., Лисицына Л. Н. Мировая социалистическая система. Некоторые проблемы теории и истории становления социализма. М.: Мысль, 1973, с. 298.

¹¹ См. Госиоровский М. Советский опыт национально-государственного строительства и его международное значение. — В кн.: Социализм и нации. М.: Мысль, 1975, с. 382—386.

¹² См. Кожановский А. Н. Этнические процессы в Каталонии (60—70-е годы XX века). — В кн.: Современные этносоциальные процессы в Западной Европе. М.: Наука, 1981, с. 182—184.

лет покрывались в своей расходной части главным образом за счет дотаций из общесоюзного бюджета»¹³. В результате этого в предвоенные годы темпы прироста промышленной продукции в республиках, прежде представлявших отсталые национальные окраины страны, превышали соответствующие средние общесоюзные показатели в три-четыре раза. Совершенно очевидно, что перед нами проявление в сфере экономики тенденции развития, расцвета наций. Тенденция же к сближению в этой сфере проявилась особенно отчетливо в создании единого народнохозяйственного комплекса страны, единого хозяйственного организма, сложившегося на основе общих экономических целей и интересов всех наций и народностей.

В целом же стремительное экономическое развитие Советского Союза за прошедшие 60 лет привело к тому, что доля страны в мировом промышленном производстве с 1% в 1922 г. поднялась теперь до 20%¹⁴.

Важно иметь в виду и то, что если в нашей стране за этот период шло выравнивание экономического уровня населяющих ее народов, то в капиталистическом мире продолжала действовать характерная для эпохи империализма и отмеченная еще на его начальной стадии В. И. Лениным тенденция неравномерного развития стран и народов. В данной связи, в частности, весьма показательны изменения в условиях общего кризиса капитализма доли крупнейших капиталистических стран в мировом промышленном производстве. Так, если в результате поражения в первой мировой войне Германия со второго места среди ведущих в экономическом отношении капиталистических держав была отброшена на третье (после США и Англии), то уже в 1937 г. она вновь оказалась впереди Англии. Примерно то же произошло и после второй мировой войны, когда ФРГ с четвертого места в первые послевоенные годы уже к середине 60-х годов продвинулась на второе (после США). К концу 60-х годов ФРГ и Англию обогнала Япония¹⁵, которая в начале 70-х годов вышла на второе место в капиталистическом мире по объему промышленного производства и валового национального продукта.

Одновременно увеличивается разрыв между империалистическими государствами и развивающимися странами по важнейшему экономическому показателю. Так, если в 1960 г. валовой национальный продукт в расчете на душу населения в развивающихся странах был меньше в 10,7 раза, чем в развитых, то в 1975 г. — уже в 11,2 раза¹⁶. Растет экономическая дифференциация и самих развивающихся стран. По данным ЮНЕСКО, в 1979 г. доход в расчете на душу населения в 31 развивающейся стране был меньше 200 долл., тогда как в среднем по всей группе развивающихся стран он составил 700 долл.

Правда, империалистические монополии, стремясь эксплуатировать дешевую рабочую силу развивающихся стран, создают там многочисленные промышленные предприятия. Однако при этом чаще всего производства, требующие высококвалифицированной рабочей силы, продолжают функционировать и развиваться в ведущих индустриальных государствах Запада, тогда как трудоемкие, материалоемкие и энергоемкие отрасли, а также производства, причиняющие особенно большой ущерб окружающей среде, переносятся в развивающиеся страны. Таким образом, количественный рост промышленности в этих странах зачастую скрывает их усиливающуюся технико-экономическую зависимость от империалистических держав.

Наконец, увеличивается разрыв в уровне экономического развития между отдельными народами внутри самих капиталистических стран.

¹³ Брежнев Л. И. О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик. М.: Политиздат, 1973, с. 27.

¹⁴ См. постановление ЦК КПСС «О 60-й годовщине образования Союза Советских Социалистических Республик». — Правда, 21 февраля 1982 г.

¹⁵ Кучинский Ю. Неравномерность экономического развития капитализма усиливается. — Проблемы мира и социализма, 1968, № 10—11, с. 52—55; Динкевич А. И. О законе неравномерности общественного развития. — Новая и новейшая история, 1979, № 6.

¹⁶ Брутенц К. Н. Освободившиеся страны в 70-е годы. М.: Политиздат, 1979, с. 24.

В частности, ухудшение экономического положения отдельных национальных общностей — одна из коренных причин обострения национальных противоречий в Великобритании. Это прежде всего упадок после второй мировой войны традиционных отраслей хозяйства Северной Ирландии, Шотландии и Уэльса (судостроение, текстильная промышленность, добыча угля и т. д.); новые же отрасли развиваются здесь слабо, что ведет к увеличению числа безработных.

В условиях социализма тенденции развития и сближения наций чрезвычайно ярко проявляются в сфере социально-классовых отношений. Здесь на первое место, несомненно, следует поставить уничтожение характерного для буржуазного общества раскола наций на антагонистические классы в результате ликвидации эксплуататорских классов. Октябрьская революция положила начало этому процессу в нашей стране, революционные преобразования в других социалистических странах продолжили его. Вместе с тем ряд народов нашей страны и некоторых зарубежных стран за короткий во всемирно-историческом масштабе срок проделали гигантский социальный скачок из докапиталистических обществ прямо в социализм, минуя одну, а иногда и несколько социально-экономических формаций. Весьма показателен и процесс создания однотипной социальной структуры социалистических наций. В частности, огромное значение для сближения социальной структуры народов нашей страны имело создание во всех республиках национального рабочего класса, а также своей национальной интеллигенции, притом если первоначально это была главным образом творческая, административно-управленческая интеллигенция и интеллигенция массовых профессий (врачи, учителя), то в послевоенные годы наблюдается интенсивный рост производственной и научно-технической интеллигенции.

Одним словом, нетрудно заметить, что и в социальной сфере при социализме проступают все те же две тенденции, ибо развитие социальной структуры каждой нации одновременно означает создание однотипной социальной структуры также в масштабах всей нашей страны.

В условиях зрелого социализма происходит дальнейшее усиление процесса формирования социальной однородности нашего общества. Не случайно на XXVI съезде КПСС было подчеркнуто, что «становление бесклассовой структуры общества в главном и основном произойдет в исторических рамках зрелого социализма»¹⁷.

Что касается капиталистического мира, то здесь нередко налицо совпадение социально-классовых и национальных различий. Немалую роль этот фактор сыграл опять-таки в возникновении острой национальной ситуации в Северной Ирландии (Ольстере), где переселенцы из Англии и Шотландии еще в позднее средневековье составляли основное ядро местных помещиков — лендлордов.

Своеобразное переплетение социальных и национальных начал наблюдается в США, где сложилась целая система соответствующей стратификации. Низшие места в ней занимают в настоящее время негры, пуэрториканцы, мексиканцы — самые обездоленные в социально-экономическом отношении. Положение других иммигрантских групп в этой иерархии во многом зависит от степени их ассимилированности. На самом верху — расплывчатая общность WASP (White Anglo-Saxon Protestant, буквально — белые протестанты англосаксонского происхождения), представляющая как бы эталон стопроцентных американцев¹⁸. Аналогичное явление наблюдается в Канаде, где англоканадцы имеют явное преимущество перед другими национальностями по месту и роли в социальной иерархии страны. В частности, живущие в ней немцы, итальянцы, украинцы и другие национальные меньшинства по уровню жизни заметно уступают представителям господствующей англоканадской нации¹⁹.

¹⁷ Материалы XXVI съезда КПСС, с. 53.

¹⁸ *Богина Ш. А.* Межэтнические отношения в США (XIX в.). — Сов. этнография, 1974, № 4, с. 68—69.

¹⁹ Государственная политика и обострение национальных отношений в странах капитала. Киев: Наукова думка, 1979, с. 94.

Социально-экономическое неравенство национальных групп в развитых странах Западной Европы весьма наглядно проявляется в положении иммигрантов. Как правило, социально-экономическое положение иммигрантов значительно хуже, чем положение коренных жителей. Они обычно выполняют неквалифицированную работу, имеют худшие жилищные условия и т. п. Следует также иметь в виду, что национальный плюрализм издавна используется господствующими классами развитых капиталистических стран для облегчения эксплуатации масс путем натравливания одних национальных меньшинств на другие, противопоставления их в политической борьбе, подмены классовых понятий национальными и т. п.²⁰

Как известно, весьма наглядно расцвет и сближение народов СССР проявляются в сфере культуры. С первых лет Советской власти культура народов СССР стала развиваться ускоренными темпами; особенно быстро — у ранее отстававших в своем развитии угнетенных народов окраинных областей. Этот процесс выразился прежде всего в ликвидации неграмотности путем развития образования на родном языке, в создании письменности для ранее не имевших ее народов, в развитии национальной художественной культуры, общем расширении сферы использования национальных языков в средствах массовой информации и в других областях жизни. Большие сдвиги в уровне образования населения произошли в послевоенные годы.

При этом тенденция к ускоренному развитию системы народного образования в ранее отсталых районах страны, появившаяся еще в первые годы Советской власти, существует и сейчас. Всесоюзная перепись населения 1979 г. вновь (как и перепись 1970 г.) зафиксировала особенно высокие темпы роста уровня образования за последние 20 лет (между переписями 1959 и 1979 гг.) у народов Средней Азии, казахов и молдаван. Число лиц со средним и высшим образованием увеличилось у них в 2—2,5 раза, в то время как у русских, грузин, армян, эстонцев и латышей — примерно в 1,8 раза. В результате менее чем за период жизни одного поколения произошло существенное сближение образовательного уровня населения различных республик: так, разрыв между республиками с наивысшим уровнем образования (Армения) и самым низким (Молдавия) сократился более чем в 1,5 раза.

Что касается стран капитализма, то здесь прежде всего следует отметить огромные различия в уровне элементарного образования (грамотности) между отдельными регионами. Почти $\frac{3}{4}$ всех неграмотных живут в Зарубежной Азии, приблизительно 20% — в Африке, 5% — в Латинской Америке. В 23 развивающихся странах доля неграмотных превышает 70% населения. При этом абсолютное число неграмотных постоянно возрастает вследствие ускоренного роста населения²¹. Сейчас оно достигло 900 млн. чел.²² По данным ЮНЕСКО, при сохранении нынешних тенденций человечество может вступить в XXI век по крайней мере с 954 млн. неграмотных взрослых²³.

Заметные различия между развитыми странами наблюдаются в сфере высшего образования. В США, например, число студентов высших учебных заведений (на 10 тыс. чел.) примерно в 3 раза превосходит соответствующие показатели Великобритании и Испании. К тому же в некоторых даже развитых странах уровень образованности быстро падает. Сейчас, как отмечает известный английский писатель Джеймс Олдридж, 40% всех английских школьников бросают учебу в 16-летнем возрасте и не получают больше никакого образования. В 1981 г. в Англии потеряло работу 3 тысячи университетских преподавателей²⁴.

²⁰ Богина Ш. А., Козлов В. И., Нитобург Э. Л., Фурсова Л. Н. Национальные процессы и национальные отношения в странах Западной Европы и Северной Америки.— Сов. этнография, 1975, № 5, с. 9.

²¹ Право, которого лишены 800 млн.— Курьер ЮНЕСКО, июль 1980, с. 5.

²² Загладин В. В., Фролов И. Т. Глобальные проблемы современности: научный и социальный аспекты. М.: Междунар. отношения, 1981, с. 92.

²³ Право, которого лишены 800 млн., с. 5.

²⁴ Олдридж Д. Враги культуры у нашего порога.— Коммунист, 1982, № 3, с. 97.

Следует также учитывать, что разные национальные и расовые группы в капиталистических странах имеют далеко не одинаковые возможности получить образование. Статистика США показывает, что образовательный уровень негритянского населения в этой стране существенно ниже, чем образовательный уровень «белых». Так, по данным на 1979 г. процент негров США, получивших высшее образование, в 2,2 раза ниже соответствующего показателя у «белого» населения. Да и у «белых» различного этнического происхождения наблюдаются заметные колебания в образовательном уровне в зависимости от места данной группы в сложившейся в США системе этносоциальной стратификации. В ЮАР до $\frac{2}{3}$ школьников-африканцев покидают школу, не завершив даже начального образования. А среди жителей «процветающей» Австралии значительная часть аборигенного населения до сих пор вообще неграмотна.

Одно из наглядных проявлений выравнивания культурного уровня народов нашей страны — развитие науки во всех республиках. Особенно показательное возникновение крупных научных центров в прежде отсталых национальных окраинных районах царской России. Наряду с Академией наук СССР — ведущим научным учреждением страны — за годы Советской власти во всех союзных республиках созданы академии наук, а в автономных республиках — либо филиалы АН СССР, либо специальные комплексные институты. И сегодня уже никого не удивляет, что целые научные направления, научные школы возглавляются учеными из разных республик. Ныне на нашей планете каждый четвертый научный сотрудник — советский человек.

Что касается капиталистических стран, то между ними сохраняются и нередко даже углубляются различия в уровне развития науки. Следует также учитывать, что даже в наиболее развитых в научном отношении капиталистических государствах наука остается почти недостижимой для многих угнетенных национальных и расовых групп. Так, в ЮАР коренные жители страны, составляющие подавляющее большинство населения, принимают самое незначительное участие в научных исследованиях, выполняя в них в основном вспомогательную работу. В другой богатой капиталистической стране — Австралии аборигенное население вплоть до недавнего времени вообще практически не имело доступа к высшему образованию. Да и теперь весьма немногочисленная интеллигенция из числа аборигенов сильно отстает от «белой» интеллигенции по уровню своей подготовки и не может в большинстве случаев вести самостоятельную научную работу. Вместе с тем монополии и послушные им правительства ведущих капиталистических государств Европы и Америки не гнушаются переманивать, суля более высокое вознаграждение за труд, наиболее одаренных представителей интеллигенции из развивающихся стран. Эта так называемая перекачка мозгов, по сути своей, настоящий грабег недавно освободившихся от колониальной зависимости стран, с большим трудом выделяющих из своих скудных ресурсов средства на подготовку столь нужных им специалистов. По официальным данным, только из стран Латинской Америки в 60—70-е годы в США эмигрировало около 100 тыс. специалистов — инженеров, врачей, агрономов и т. д. Соответственно примерно трое из каждых 10 выпускников латиноамериканских университетов выехали в США.

Особенно яркое отражение процесс развития и сближения народов СССР получил в сфере художественной литературы и искусства. Профессиональная литература, театральное, музыкальное, изобразительное искусство и архитектура во многих союзных и автономных республиках развивались при содействии советских народов с уже сложившимися формами культуры (чаще всего русского народа). Так было у среднеазиатских наций, у народов Дагестана и ряда северных народностей.

Перевод произведений писателей национальных республик на русский язык делает их творчество доступным широким массам населения всей страны. Включение произведений национальных композиторов, драматургов в репертуар центральных театров, участие в центральных

художественных выставках деятелей искусств национальных республик ведет к обмену достижениями культуры. В свою очередь через русскоязычную культуру многие малые народы и отдельные этнографические группы могут приобщаться к достижениям мировой культуры. Нарастающий обмен ценностями во всех областях культуры влечет за собой интернационализацию вкусов, интенсивное межнациональное сближение. В общую культуру советского народа вошли Пушкин и Шевченко, Якуб Колас и Муса Джалиль, Шостакович и Хачатурян. Показательны следующие данные научных социологических обследований. Если в старшем поколении эстонцев и грузин доля читающих художественную литературу в 3 раза больше, чем у молдаван и узбеков, то среди молодежи (18—19 лет) доля постоянных ее читателей у представителей всех этих национальностей практически одинакова²⁵.

Советская многонациональная художественная культура резко контрастирует с захлестнувшей западный мир так называемой «массовой культурой», для которой характерна профанация интеллектуальной деятельности людей, пропаганда жестокости, потакание человеческим слабостям и порокам. «На экранах наших телевизоров,— пишет Джеймс Олдридж,— рядовой англичанин может видеть убийства, картины жестокости, насилие, которое вершит полиция, неправдоподобные шпионские истории; грубый секс и идиотские комедии»²⁶.

В характерных для буржуазного общества условиях национального антагонизма достижения культуры малых народов, как бы весомы они ни были, остаются либо замкнутыми преимущественно в своей же национальной среде, либо, напротив, отрываясь от нее, становятся придатком господствующей культуры. Уэльсская или баскская литература и поэзия мало кого интересуют за пределами Уэльса и страны басков; что же касается художественного творчества индейцев США, айнов Японии, аборигенов Австралии, то оно в значительной степени обслуживает запросы основного населения данных стран, а не ориентировано на удовлетворение эстетических потребностей самих этих народов.

Весьма своеобразно тенденции развития и сближения народов СССР проявились в такой сфере культуры (в широком смысле данного слова), как язык. Это, в частности, было обусловлено тем, что задача подъема экономики республик, требовавшая ликвидации прежней культурной отсталости, могла быть быстро решена только путем распространения образования на родном языке, использования этого языка средствами массовой информации (пресса, радио, кино) и т. д. Политика равенства национальных языков, применение их в административной сфере, судопроизводстве и т. п., создание письменности и литературы у многих ранее бесписьменных народов, издание литературы на родном языке — все это с первых же лет Советской власти привело к расширению сферы действия языков народов СССР. В свою очередь развитие литературных языков, использование их в школьной практике, в радиовещании, в печати способствовали этнической консолидации наций и народностей, сопровождаясь обычно изживанием диалектной пестроты.

Что касается взаимодействия языков народов СССР, то оно выражалось главным образом в развитии их лексического состава как в результате использования внутренних возможностей отдельных языков, так и путем заимствования слов из других языков; но такое взаимодействие, разумеется, не могло привести к какому-то их «слиянию». Поэтому действие интегрирующей тенденции в сфере языковых процессов проявляется в основном в форме развития двуязычия, главным образом распространения русского языка как языка межнационального общения. За годы, прошедшие после Великой Октябрьской социалистической революции, распространение его заметно возросло. В настоящее время на русском языке может свободно объясняться по крайней мере $\frac{1}{5}$ населе-

²⁵ См. Межнациональные связи и взаимодействие культур СССР. Таллин: Ээсти раамат, 1978, с. 90—91.

²⁶ Олдридж Д. Указ. изд., с. 99.

ния Советского Союза. При этом очевидна тенденция к расширению двуязычия. Так, за период от переписи 1970 г. до переписи 1979 г. удельный вес лиц, свободно владеющих русским языком, возрос с 76 до 82%. Следует отметить вместе с тем, что широкое использование языка межнационального общения сочетается в нашей стране с устойчивым сохранением представления о языке своей национальности как о родном. За годы Советской власти соответствующий показатель почти не изменился: в 1926 г. он был равен 94,2%, в 1959 г. — 94,3%, в 1970 г. — 93,9%, в 1979 г. — 93,1%²⁷.

В нашу эпоху языки межнационального общения получили широкое распространение во всем мире. Нередко при этом имеет место двуязычие, а подчас и трехязычие. Языки межнационального общения и в капиталистическом мире, конечно, открывают возможности для приобщения народов к достижениям мировой культуры. Однако следует иметь в виду, что при этом они служат прежде всего каналом пропаганды так называемой «массовой культуры». Нельзя не отметить и того, что распространение языков межнационального общения нередко сопровождалось исчезновением с лица земли языков коренного населения. Так, в частности, случилось со многими языками индейцев Северной Америки.

Консолидации народов нашей страны способствуют и нормы социалистической морали, ставшие нормами поведения всех советских людей и получившие отражение в моральном кодексе строителей коммунизма. Коммунистическое отношение к труду, непримиримость к стяжательству, тунеядству, рвачеству, спекулятивным устремлениям, а также тяга к знаниям, творческое отношение к труду, уверенность в завтрашнем дне — черты, характерные для советских людей²⁸.

За годы Советской власти наша родина стала страной массового атеизма. Отход от религии способствовал преодолению былой обособленности многих народов, изживанию национальной ограниченности.

Между тем в мире капитализма межнациональные отношения нередко чрезвычайно осложняются различной религиозной принадлежностью народов. Весьма показательны в этой связи те конфликты, которые сопровождали в 1947 г. раздел Британской Индии на два независимых государства: Индию и Пакистан. Раздел этот, как известно, был осуществлен по религиозно-общинному признаку. «Бескровная революция», как английские империалисты именовали раздел Индии, сопровождалась переселением миллионов людей, разорением беженцев и массовыми погромами и резней. Особенно кровавый характер они приняли в Панджабе. По приблизительным данным, количество жертв здесь превысило 500 тыс. человек. Практически в Пакистане не осталось панджабцев-сикхов и индусов, а в Индии — панджабцев-мусульман²⁹. Религиозные различия отчетливо дают о себе знать и в конфликтной ситуации в Ольстере, неоднократно перераставшей в вооруженные столкновения между угнетенным католическим ирландским меньшинством и стремящимся сохранить свои привилегированные позиции протестантским англо-шотландским большинством.

Достижения в области экономического, социального и культурного развития народов нашей страны находят отражение и в сфере психологии советских людей. Сознание сопричастности достижениям своего народа, естественно, вызывает у них чувство национальной гордости, рост национального самосознания. Следует учитывать, однако, что психология более консервативна, чем идеология; прежние психологические установки продолжают существовать в виде пережитков и тогда, когда вызвавшие их факторы уже сошли со сцены. «Националистические предрассудки, преувеличенное или извращенное проявление национальных чувств — явление чрезвычайно живучее, цепко держащееся в психологии

²⁷ См. Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. М.: Наука, 1981, с. 335.

²⁸ Смирнов Г. Л. Советский человек. М.: Политиздат, 1971.

²⁹ Кочнев В. И. Этнополитическая обстановка на Индостанском полуострове. — Расы и народы. М.: Наука, 1975, вып. 5, с. 105.

людей, недостаточно зрелых в политическом отношении»³⁰, — подчеркивал в одном из своих выступлений Л. И. Брежнев.

В связи с этим область национальной психологии в период становления и развития социалистических наций является ареной, идейной борьбой, важной сферой воспитания. Формирование у широких масс трудящихся революционного, интернационального по своему существу марксистско-ленинского мировоззрения способствует возникновению правильного взгляда и на национальные ценности. Национальная ограниченность уступает место представлениям о прогрессивности сближения наций и народностей. Чувство любви к своему народу, к своей этнической территории сочетается у советских людей со все возрастающим, более широким чувством принадлежности к советскому народу — советским патриотизмом, опирающимся на фундамент интернационализма, на идеи равенства и нерасторжимой общности народов нашей страны. Таким образом, и в сфере общественной психологии мы отчетливо видим проявление все той же диалектики развития и сближения наций — сочетание роста национального сознания и укрепления чувства принадлежности к советскому народу.

Процессы, происходящие в сфере общественного сознания под воздействием идей социалистического интернационализма, во многом определяют особый психологический климат общения людей различной национальной принадлежности, играющий важную роль во взаимодействии народов, в сближении наций. Значение такого социально-психологического фактора для общего культурного прогресса подчеркивал В. И. Ленин еще в первые годы Советской власти. Без доверия, указывал он, «ни мирные отношения между народами, ни сколько-нибудь успешное развитие всего того, что есть ценного в современной цивилизации, абсолютно невозможны»³¹.

Взаимная заинтересованность в сотрудничестве на равноправных началах, общие цели в годы войны и мирного строительства все более сплачивают народы нашей страны. Сложившиеся на этой основе дружественные отношения между людьми разных национальностей проявляются как в поступках, так и в настроениях и ориентациях. Можно вспомнить немало примеров, которые отражают характерные явления в национальных взаимоотношениях: семьи, воспитавшие в трудные военные и послевоенные годы детей других национальностей; тысячи молодых русских, украинских, грузинских, армянских парней и девушек, добровольно приехавших восстанавливать разрушенный землетрясением Ташкент, строить Нурекскую ГЭС, БАМ, осваивать нефтяные и газовые богатства Западной Сибири и т. д.

Дружба народов нашей страны — историческое явление, возникшее отнюдь не стихийно. Она закономерное следствие интернационалистской природы социализма. Вместе с тем она результат повседневной, целенаправленной политики КПСС.

Как подчеркивается в постановлении ЦК КПСС «О 60-й годовщине образования Союза Советских Социалистических Республик», «высокий гуманизм межнациональных отношений, прочно утвердившийся в нашей стране, особенно рельефно проявляется на фоне обострения национальных противоречий в капиталистических странах, разгула в них национализма, шовинизма и расизма»³². Это, в частности, весьма наглядно проявляется в росте национализма у сравнительно крупных национальных общностей, имеющих, однако, относительно приниженный статус в данном государстве (по сравнению с «основной» нацией): у басков Испании, шотландцев и уэльсцев Англии, фламандцев Бельгии, франкоканадцев Канады и т. д. При этом наблюдается своеобразный парадокс: с одной стороны, увеличиваются экономические и культурные связи этих национальных общностей с основными нациями страны (испанцами, французами, англичанами), с другой — происходит уже отмеченный рост

³⁰ Брежнев Л. И. Ленинским курсом. М.: Политиздат, 1978, т. 4, с. 163.

³¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 240.

³² Правда, 21 февраля 1982 г.

национального самосознания. Более того, нередко возникают межнациональные конфликты: таковы англо-ирландские столкновения в Ольстере, англо- и франко-канадские противоречия в Канаде, борьба между фламандцами и валлонами в Бельгии, между сингалами и тамилами в Шри Ланке и т. д. В данной связи следует учитывать и то, что обострению самосознания этнических общностей, находящихся в неравноправном положении, в немалой степени содействует сопровождающее НТР развитие средств массовой информации, делающее весьма наглядным, а потому и особенно невыносимым их неравенство.

Реальный социализм убедительно продемонстрировал всему человечеству, что, как и предсказывали основоположники марксизма, с падением антагонизма классов исчезнет и антагонизм наций. Своеобразным итогом гармоничного развития межнациональных отношений в нашей стране явилось возникновение новой исторической общности — советского народа. Как отмечается в постановлении ЦК КПСС «О 60-й годовщине образования Союза Советских Социалистических Республик»: «Эта общность основывается на нераздельности исторических судеб советских людей, на глубоких объективных изменениях как материального, так и духовного порядка, на нерушимом союзе рабочего класса, крестьянства и интеллигенции. Она — результат возрастающей интернационализации хозяйственной и всей общественной жизни...»³³.

Советский народ по своему характеру явление динамичное. С утверждением зрелого социализма, в частности, изменились его государственно-политические параметры. Новая Конституция СССР (1977 г.) фиксировала тот факт, что «государство наше, возникшее как диктатура пролетариата, переросло в общенародное государство»³⁴. Факт возникновения советского народа как новой интернациональной общности различного рода зарубежные «советологи» нередко пытаются представить как свидетельство того, что якобы на смену ныне существующим национальностям нашей страны приходит единая советская нация и, следовательно, национальности у нас исчезают. Нетрудно заметить, что перед нами типичное непонимание (вернее говоря, извращение) происходящего в СССР диалектического процесса сближения наций, которое сопровождается не их ликвидацией, а расцветом. В данной связи следует особо отметить, что было бы ошибочным считать советский народ единой советской нацией. Характеризуя процесс сближения наций в условиях развитого социализма, Л. И. Брежнев специально подчеркнул, что «...мы бы встали на опасный путь, если бы начали искусственно форсировать этот объективный процесс...»³⁵.

Развитой социализм, как мы могли убедиться, наглядно демонстрирует гармоничное сочетание тенденций развития и сближения наций. Однако такое их сочетание отнюдь не устанавливается автоматически. Именно поэтому претворение в жизнь Коммунистической партией Советского Союза основных принципов ленинской национальной политики не снимает с повестки дня необходимости всестороннего и постоянного учета национальных факторов, тщательного регулирования отношений между народами нашей многонациональной страны, изучения этих отношений. Национальные факторы играют и в обозримом будущем будут играть видную роль в нашей жизни, и не случайно их анализу по-прежнему уделяется столь существенное внимание в программных документах КПСС.

Как известно, и в условиях зрелого социализма национальные отношения — это реальность, которая выдвигает свои проблемы и задачи. Одна из них — упоминавшийся на XXVI съезде КПСС рост многонациональности республик, территориального смешения народов СССР. В результате в каждой союзной республике сейчас проживают представители многих некоренных национальностей. «У них, — как особо отметил на XXVI съезде КПСС Л. И. Брежнев, — есть свои специфические запросы

³³ Правда, 21 февраля 1982 г.

³⁴ Брежнев Л. И. О Конституции СССР. М.: Политиздат, 1977, с. 11.

³⁵ Там же, с. 39.

в области языка, культуры, быта». Не случайно поэтому в постановлении «О 60-й годовщине образования Союза Советских Социалистических Республик» специально говорится о том, что «партийные комитеты призваны глубже вникать в эти проблемы, своевременно предлагать пути их решения»³⁶.

Установление отношений дружбы, доверия, взаимопомощи между народами нашей страны не снимает задачи воспитания трудящихся в духе советского патриотизма и социалистического интернационализма. Ведь патриотами и интернационалистами не рождаются. Эти свойства усваиваются в ходе социализации личности. Соответственно интернационалистское воспитание трудящихся остается важнейшим направлением идеологической работы партии. При этом, как отмечалось на XXVI съезде, «КПСС боролась и всегда будет решительно бороться против таких чуждых природе социализма проявлений, как шовинизм или национализм, против любых националистических вывихов, будь то, скажем, антисемитизм или сионизм»³⁷. Верная ленинским заветам партия вырабатывает у трудящихся умение с классовых позиций подходить к любым национальным проблемам. И долг всех советских этнографов вместе с представителями других общественно-научных дисциплин вносить в реализацию этой задачи партии свой посильный вклад.

³⁶ Правда, 21 февраля 1982 г.

³⁷ Материалы XXVI съезда КПСС. М.: Политиздат, 1981, с. 57.

И. С. Гурвич

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО ЭТАПА ЭТНОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ НАРОДОВ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Образование Союза Советских Социалистических Республик, многонационального государства рабочих и крестьян, явилось важнейшим общественно-политическим событием в жизни всех больших и малых советских народов. В рамках единого союзного государства на основе доверия, взаимопомощи, сотрудничества в борьбе за построение нового общества, лишённого эксплуатации человека человеком, сложилась нерушимая дружба народов нашей страны. Прошедшие 60 лет отмечены стремительным социально-экономическим развитием народов Советского Союза. Все нации и народности первого в мире социалистического государства за этот период прошли огромный путь в своем политическом, экономическом и культурном развитии. С установлением зрелых социалистических общественных отношений, как отмечается в постановлении ЦК КПСС «О 60-й годовщине образования Союза Советских Социалистических Республик», в стране удалось в основном решить задачу выравнивания уровней экономического развития советских республик, обеспечить юридическое и фактическое равенство всех наций и народностей¹. Советский опыт решения национального вопроса, проблемы, связанные с современным развитием социалистических наций и народностей, неизменно привлекают к себе внимание исследователей-обществоведов. Среди различных аспектов национальных процессов особый интерес вызывает этнический аспект². Опубликовано значительное число работ, посвященных анализу этнических изменений, проявлению их в языковой и культурно-бытовой сферах³. Появились исследования, касающиеся ти-

¹ Правда, 21 февраля 1982 г.

² Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М.: Наука, 1973; Современные этнические процессы в СССР. М.: Наука, 1977.

³ Этнические и культурно-бытовые процессы на Кавказе. М.: Наука, 1978; Этнические процессы у национальных групп Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1980; Устинова М. Я. Семейные обряды латышского городского населения в XX в. (По ма-

пологии этнических процессов, условий и факторов, воздействующих на их развитие, и т. д.

Весьма важен вопрос о характере современного этапа этнического развития народов СССР и особенностях этнических изменений, происходящих в последние два десятилетия. Задачей настоящей статьи и является рассмотрение этого этапа, совпадающего, по мнению автора, с периодом развитого социалистического общества. Следует отметить, что по сравнению с политическими, экономическими и даже культурными процессами, этнические отличаются гораздо большей длительностью. Нередко их результаты становятся заметными лишь в ходе смены поколений. В конце 50-х — начале 60-х годов в активную трудовую жизнь вступило поколение советских людей, рожденных в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период, отличающееся в целом высоким образовательным уровнем, коммунистической сознательностью, ярко выраженными интернационалистическими установками. В этот период в ходе активного сотрудничества народов нашей страны в создании современной крупномасштабной социалистической экономики крепнет их дружба, обогащается интернациональная культура советского народа, выражающая общие идеалы трудящихся нашей страны. Складываются также единые для населения Страны Советов устои социалистического образа жизни. Они закреплены конституциями СССР, союзных и автономных республик⁴. Все это оказывало и оказывает огромное влияние на дальнейшее развитие советских наций и народностей, которое, как неоднократно отмечалось, в целом характеризуется расцветом национальных культур, внутренним сплочением каждой нации и народности и неуклонным сближением их, выражающимся в укреплении новой интернациональной общности — советского народа⁵. Вместе с тем в последние десятилетия в этническом развитии каждого из народов СССР наблюдаются значительные специфические черты. В настоящее время, как уже указывалось в литературе, пора наибольшей активности консолидационных процессов миновала⁶. В ходе государственного национального строительства в условиях социалистической экономики, перераспределения населения между городом и деревней, с ростом хозяйственных и культурных связей внутри наций и народностей была преодолена обособленность периферийных этнографических и локальных историко-культурных групп и других этнических подразделений. Список национальностей между переписями 1926 и 1939 гг. сократился, что объясняется консолидационными процессами. Ряд групп, осознававших себя самостоятельными этносами, в течение 1920—1930-х годов слились с более крупными народностями.

К 1940—1950-м годам консолидационные процессы в целом завершились. Однако сближение отдельных диалектальных групп между собой, а также обособленных в прошлом территориальных групп населения с основной массой той или иной народности или нации в ряде республик и областей еще продолжается и в настоящее время.

Другой характерной особенностью современного этнического развития народов СССР является резкое перемещение этнической специфики из сферы традиционной материальной культуры в сферу духовной, главным образом профессиональной, культуры. Современное социалистиче-

териалам городов Латгале и Курземе). М.: Наука, 1980; Опыт этносоциологического исследования образа жизни (По материалам Молдавской ССР). М.: Наука, 1980.

⁴ О 60-й годовщине образования Союза Советских Социалистических Республик.— Правда, 21 февраля 1982 г.

⁵ Куличенко М. И. Национальные отношения в СССР и тенденции их развития. М.: Мысль, 1972; Советский народ — новая историческая общность людей. М.: Наука, 1975; Национальные отношения на современном этапе. М.: Наука, 1978; Куличенко М. И. Образование и развитие советского народа как новой исторической общности.— Вопросы истории, 1979, № 4, с. 3—23; его же. XXVI съезд КПСС о развитии наций и национальных отношений в условиях зрелого социализма.— История СССР, 1982, № 3, с. 104—117.

⁶ Бромлей Ю. В. Этнический аспект современных национальных процессов.— В кн.: Межнациональные связи и взаимодействие культур народов СССР. Таллин: Ээсти раамат, 1978, с. 30, 31.

ское производство в условиях научно-технической революции и неуклонный рост материального благосостояния всего населения Советского Союза привели к отходу от архаических примитивных форм материальной культуры. С внедрением в быт техники, новых форм жилища, одежды, обуви, новых видов пищи материальная культура во многом утратила свои этнические признаки.

Несомненно, наиболее яркой чертой современного этнического развития является этнокультурное сближение, обмен культурным достоянием между всеми советскими нациями и народностями, резкое падение национальных предубеждений, крепнущее единство советской интернациональной общности.

Данные переписи 1979 г., материалы ряда этносоциологических обследований, проведенных во многих регионах нашей страны, и накопившиеся за последние годы этнографические наблюдения позволяют рассмотреть некоторые особенности происходящих этнических изменений в различных сферах общественного быта.

Значительное влияние на этническое развитие народов Советского Союза продолжает оказывать интенсивный процесс урбанизации. Удельный вес городского населения с 1970 по 1979 г. возрос с 56 до 63%⁷. В ряде союзных республик он увеличивался еще более стремительно. Рост урбанизированности значительной части союзных республик Европейской части СССР — свидетельство того, что языковой, бытовой и психологический барьеры перестали здесь сдерживать переход населения в города. Следует, однако, отметить, что степень урбанизированности в республиках Прибалтики и Закавказья значительно выше, чем в Средней Азии и Молдавии.

Значительно выросло городское население и в автономных республиках. Между 1970 и 1979 гг., например, доля городского населения в Башкирской АССР увеличилась с 48 до 57%, в Карельской АССР — с 69 до 78, в Якутской АССР — с 56 до 61% и т. д.⁸

Большинство городов, в особенности столицы республик, в настоящее время имеют сложный национальный состав. Естественно, что такие города являются центрами национального смешения. Именно в них быстро распространяются смешанные в национальном отношении браки, утверждаются интернациональные общесоветские формы культуры.

В большинстве союзных республик растет однородность этнического состава населения. Однако наряду с этим число лиц, живущих за пределами своих республик, увеличивается.

В 1959 г. вне своих республик жило около 36,5 млн. чел., в 1979 — 49,1 млн. чел.⁹ Теперь в каждой республике проживают обычно представители десятков народов СССР. Так, например, в Грузинской ССР, где 68,8% населения составляют грузины (1979 г.), трудятся люди более 70 различных национальностей. Во всесоюзных стройках — БАМ, Атоммаш, Камаз и др. — участвуют представители десятков национальностей. Решение общесоюзных народнохозяйственных задач, таких, как освоение топливно-энергетических и сырьевых богатств Сибири и Дальнего Востока, развитие Нечерноземья, осуществляется силами всех союзных республик, направляющих в эти районы технику, строительные материалы, оборудование и трудовые резервы¹⁰. В этих больших свершениях активно участвует молодежь различных национальностей. Перераспределение трудовых ресурсов в ходе строительства материально-технической базы коммунизма — одна из сторон экономического сотрудничества советских наций и народностей, способствующая дальнейшему упрочению единства советского народа.

Для понимания особенностей этнокультурного развития народов СССР весьма важно проанализировать некоторые стороны этноязыко-

⁷ Брик С. И. Население мира. М.: Наука, 1981, с. 192.

⁸ Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. 1. М.: Статистика, 1972, с. 13, 14.

⁹ Исчислено по результатам всесоюзных переписей населения 1959, 1979 гг.

¹⁰ Соломенцев М. С. Социально-экономическое развитие РСФСР на современном этапе. — История СССР, 1981, № 1.

вых процессов, так как языковая принадлежность является одним из главных этнодифференцирующих факторов.

Всесоюзные переписи населения свидетельствуют о том, что признающиеся родными языки народов нашей страны сохраняют прочные позиции. Согласно данным переписи 1979 г., языком своей национальности пользуются от 74 до 99,3% коренного населения союзных республик и от 55,6 до 98,9% населения автономных республик¹¹. За 20 лет, прошедших между переписями 1959 и 1979 гг., удельный вес лиц, считающих язык своей национальности родным, существенно не изменился. В 1959 г. показали в качестве родного языка язык своей национальности 99,8%, а в 1979 г. — 93,1%¹².

Языковая трансформация (переход на другой язык) характерна лишь для дисперсно расселенных народов и для этнических групп, находящихся в иноязычном окружении, главным образом в городах.

Стойкое бытование и развитие языков народов СССР свидетельствует о неуклонном подъеме национальных культур.

В союзных республиках языки коренных народов выполняют важные функции во всех областях общественной жизни. На них ведется преподавание в средней и высшей школе, печатаются научные труды. Особо важную роль эти языки играют в области литературы, искусства, в сферах радиовещания, телевидения, кинематографии. Это же можно сказать и о языках коренных народов автономных республик, областей и округов. Даже на языках народностей, насчитывающих в своем составе всего несколько десятков тысяч человек, издаются учебники, художественная литература и газеты. Партия и правительство неизменно уделяют большое внимание развитию всех языков народов СССР. Так, в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему экономическому и социальному развитию районов проживания народностей Севера» Академии наук СССР предложено продолжить лингвистические и социологические исследования по проблемам развития письменности на языках малочисленных народностей Севера¹³. Недавно разработаны алфавиты для таких языков, как ительменский, удэгейский, юкагирский, хотя численность их носителей не превышает нескольких сот человек.

Благодаря развитию общественных функций языков народов СССР преобразуется облик национальных культур. В советский период возникла богатая художественная литература не только на языках, имеющих древнюю письменную традицию, но и на языках младописьменных народов. В настоящее время художественные произведения издаются на 89 языках народов СССР, передачи по радио и телевидению ведутся на 67, а спектакли в театрах ставятся на 47 языках¹⁴. Все это способствует укреплению национального самосознания каждого народа.

Заслуживает внимания само внутреннее поступательное развитие языков народов СССР. За советский период в ходе языкового строительства, совершенствования письменности у большинства народов СССР сложились свои литературные языки. Они оказывают огромное влияние не только на речевое поведение, но и на судьбу самих языков. Под воздействием литературных языков происходит процесс сглаживания диалектов. Изживание диалектальных различий способствует дальнейшему упрочению единства этнических общностей.

В языковой сфере отчетливо проявляется и другое направление развития советских народов — неуклонное сближение их. Все большее распространение получает знание русского языка, избранного народами нашей страны в качестве языка межнационального общения. За советский период русский язык стал могучим орудием взаимосвязи, сближения и

¹¹ Вестник статистики, 1980, № 7, с. 41, 42.

¹² Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. СССР (сводный том). М.: Госстатиздат, 1962, с. 184—189; Вестник статистики, 1980, № 2, с. 24.

¹³ Правда, 26 февраля 1980 г.

¹⁴ Лукин Ю. Советская многонациональная. — Советская культура, № 29, 9 апреля 1982 г.

сплочения наций и народностей нашей страны, средством приобщения к лучшим достижениям отечественной и мировой культуры.

Перепись 1970 г. показала, что среди народов союзных республик наибольший процент лиц, свободно владеющих русским языком в качестве второго языка, был среди белорусов и украинцев, латышей и литовцев, а наименьший — среди народов Средней Азии. Однако за девять лет, прошедших после этой переписи, разрыв между ними уменьшился. Так, у таджиков доля лиц, свободно владеющих в качестве второго языка русским, поднялась до 29,6%, у киргизов — до 29,4, у узбеков — до 49,3%¹⁵. Возросла численность таких лиц и в Закавказье. Среди народов автономных республик наибольший процент лиц, свободно владеющих русским языком, в 1970 г. был у калмыков, карел и народов Поволжья, наименьший — у якутов и тувинцев. К 1979 г. доля якутов, свободно владеющих в качестве второго языка русским, поднялась до 56,7%, а тувинцев — до 59,4%¹⁶.

В целом по стране в 1979 г. доля двуязычных среди нерусских народов составила 55,1%. В союзных и автономных республиках, областях и округах созданы необходимые условия для того, чтобы все желающие могли освоить русский язык¹⁷. В Узбекской ССР, например, увеличение числа лиц, показавших, что они свободно владеют русским языком, видимо, связано с хорошо организованной в республике системой преподавания этого языка. В Узбекистане обучение детей русской разговорной речи начинается в национальных детских садах. Для детей, не охваченных дошкольными учреждениями, в республике организованы подготовительные классы при общеобразовательных школах. Разработаны программы, методические и учебные пособия по русскому языку. Русский язык преподается в школах в качестве предмета, но помимо этого существуют факультативы и кружки по изучению русского языка и литературы, организуемые с учетом интересов учащихся. Изданы необходимые учебники по русскому языку и литературе для общеобразовательных школ, публикуется художественная литература для школьников. Серьезное внимание уделяется подготовке учительских кадров. Только республиканский Педагогический институт русского языка и литературы за 20 лет своего существования выпустил свыше 6,5 тыс. учителей. Подготовка преподавателей русского языка ведется также в университетах и в 20 педагогических институтах¹⁸.

Высокий процент пользующихся родным языком и неуклонное возрастание числа лиц, владеющих языком межнационального общения, свидетельствуют о том, что в целом языковая жизнь в стране характеризуется не вытеснением родных языков русским, не языковой ассимиляцией, а параллельно идущим развитием родных языков и распространением двуязычия. Общая языковая ситуация в нашей стране способствует, таким образом, дальнейшему развитию культур социалистических наций и народностей, а также развитию общесоветской культуры.

Одним из показателей этнического сближения народов нашей страны являются межнациональные браки, смешанные в национальном отношении семьи. Имеющиеся этнографические и статистические данные свидетельствуют о том, что подобные браки и семьи наиболее распространены в этноконтактных зонах с разнонациональным составом населения, в крупных промышленных городах, в районах, имеющих вкрапление инонациональных групп¹⁹. Перепись 1970 г. показала, что такие семьи в целом по стране в сельской местности составляют 7,9% и в городах —

¹⁵ Вестник статистики, 1980, № 2, с. 24.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Следует отметить, что двуязычие, где в качестве второго языка выступает русский, не единственная форма этого явления. Перепись 1979 г. выявила 7498 тыс. чел., свободно владеющих помимо своего родного и русского другими языками народов СССР (Вестник статистики, 1980, № 7, с. 41).

¹⁸ Шермухамедов С. Ш. Русский язык изучают миллионы учащихся. — Русская речь, 1982, № 2.

¹⁹ Современные этнические процессы в СССР, с. 460.

17,5%²⁰. Однако в зависимости от характера расселения национальных групп в том или ином регионе количество их резко колеблется. Так, например, в Латвии в 1970 г. в сельской местности национально-смешанные семьи составляли 13,9%, в городах — 25,4%, а в соседней Литве — соответственно 4,6 и 14,8%²¹. В Армении в связи с почти мононациональным составом населения межнациональных браков было в 1970 г. всего 3,8%²². Численность национально-смешанных семей особенно велика и продолжает расти в столицах союзных и автономных республик. Так, в Риге доля этнически смешанных семей, по данным обследования 1975 г., составила 32%²³.

Быстро увеличивается процент межнациональных браков среди коренного населения тех автономных республик и областей, где оно составляет меньшинство. Так, например, в Мордовской АССР (в 1970 г. мордва составляла 35,4% всего населения республики) браки мордвы с русскими, украинцами и татарами в 1973 г. достигли в городах 53% от всех браков²⁴. В Хакасской автономной области (хакасы — 12,3%) в сельской местности межнациональные браки составляли 20,1%, в городах и рабочих поселках — от 22 до 50%²⁵. Такое же положение наблюдается в районах проживания шорцев²⁶ и алтайцев²⁷.

В бытовом укладе национально-смешанных семей обычно наблюдается сочетание культурных традиций обоих супругов. Так как семья выполняет роль передатчика этнических традиций, то национально-смешанные семьи в настоящее время оказывают значительное влияние на сближение контактирующих этносов.

Проведенные за последние годы в разных регионах страны этносоциологические исследования свидетельствуют о благожелательном отношении большинства населения к межнациональным бракам²⁸.

Рост таких браков — одна из характерных черт современного этапа этнического развития народов нашей страны.

Этнические изменения весьма своеобразно проявляются в традиционной культуре народов СССР. Как уже отмечалось выше, процесс замены архаических форм традиционной материальной культуры современными в целом завершился еще к концу 1950-х годов. Однако и в настоящее время продолжает существовать, утратив часть своих былых функций, отдельные формы традиционной национальной одежды, обуви, орудий труда, утвари. Так, сложный национальный костюм у народов ряда регионов страны стал праздничной, свадебной или сценической одеждой (Прибалтика, Северный Кавказ, Поволжье)²⁹. В настоящее время почти 2/3 населения СССР проживает в городах и рабочих поселках, где жилище не имеет традиционной этнической специфики. Появилось и значительное число сел с современной планировкой и домами заводского производства. Жилище постепенно все больше теряет этническую специфику.

Однако осведомленность о традиционной материальной культуре в

²⁰ Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. VII. М.: Статистика, 1974, с. 272, 273.

²¹ Там же, с. 292, 294.

²² Там же, с. 298.

²³ Материалы сектора этнографии народов Европейского Севера, Поволжья и Прибалтики Ин-та этнографии АН СССР по современным этническим процессам. — Архив Ин-та этнографии АН СССР (далее — Архив ИЭ), л. 5.

²⁴ Там же, л. 13.

²⁵ Кривоногов В. П. Межэтнические браки у хакасов в современный период. — Сов. этнография, 1980, № 3.

²⁶ Патрушева Г. М. О национально-смешанных браках шорцев Кемеровской области. — В кн.: Современные этнические процессы у народов Западной и Южной Сибири. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1980.

²⁷ Шатинова Н. И. Семья у алтайцев. Горно-Алтайск: Алтайское кн. изд-во, 1981.

²⁸ Обзор исследований по смешанным в национальном отношении бракам и влиянию этого фактора на этнические процессы см.: Терентьева Л. Н., Устинова М. Я. Межнациональные браки и их роль в этнических процессах в СССР (историографический очерк). — В кн.: Основные направления национальных отношений в СССР. М.: Наука, 1979, с. 216—246; Дробижева Л. М., Суколов А. А. Межэтнические отношения и этнокультурные процессы (по материалам этносоциологических исследований в СССР). — Сов. этнография, 1981, № 3, с. 29.

²⁹ Современные этнические процессы в СССР, с. 226—235.

значительной мере сохраняется. Как показываают, например, этносоциологические исследования, проведенные среди южных народов Западной Сибири, она играет немаловажную роль в формировании представлений о прошлом своего народа³⁰.

В то же время, как нам уже приходилось отмечать, внутри отдельных больших историко-культурных областей, таких, как Средняя Азия и Казахстан, Закавказье, Северный Кавказ, Прибалтика, в которых происходит особенно интенсивный обмен культурными достижениями между живущими в них народами, складываются общие черты и особенности материальной культуры³¹. При этом в каждой из таких областей постепенно уходят из жизни локальные традиционные варианты одежды, обуви, жилища, характерные в прошлом для отдельных народов. Они вытесняются общерегиональными.

Из всех элементов материальной культуры наиболее консервативна пища³². Так, у всех народов нашей страны в известной мере сохраняется национальная специфика в питании, и в обозримый период она, видимо, не исчезнет. Это обстоятельство учитывается государственными планами. Так, в Продовольственной программе СССР на период до 1990 г., предусматривающей значительное повышение среднего по стране уровня потребления основных продуктов питания на душу населения, отмечается, что в конкретных районах этот уровень будет складываться с учетом национальных традиций, природно-климатических условий и других особенностей³³.

Для современного этапа этнического развития народов СССР характерны значительные преобразования бытового слоя культуры — обрядов, праздничных традиций, норм поведения. Все это продолжает оказывать значительное влияние на национальное самосознание, на взаимосвязи и взаимодействия между лицами разных национальностей.

Как показывают этнографические исследования, в большинстве этнокультурных регионов отчетливо проявляется тенденция к предпочтению не традиционных, а так называемых «полутрадиционных» обрядов и обычаев, т. е. таких, в которых отвергнуты наиболее отрицательные традиции и привнесены многие новые черты, лишенные этнической специфики.

Впервые в наиболее четкой форме становление «полутрадиционной» обрядности было показано на кавказском материале³⁴. Исследование современной свадебной обрядности у разных народов Северного Кавказа (кабардинцев, карачаевцев, балкарцев, осетин и др.) показало, что в ней исчезли элементы, унижавшие достоинство новобрачных (свадебное скрывание, фиктивное похищение невесты, уплата брачного выкупа и т. д.). Сократились сроки избегания. Появились новые элементы обряда — обмен кольцами, белое свадебное платье и фата у невесты, торжественная регистрация. «Полутрадиционная» свадебная обрядность, как и похоронная, судя по этносоциологическим опросам, признается больше чем половиной населения Северного Кавказа как наиболее желательная³⁵.

Хотя становление новой обрядности еще не завершилось, происшедшие изменения в свадебных и других обрядах сделали их приемлемыми

³⁰ Томилов Н. А. Этнокультурные процессы у южных народов Западной Сибири.— В кн.: Современные этнические процессы у народов Западной и Южной Сибири, с. 21.

³¹ Гурвич И. С. Этнокультурное сближение народов СССР.— Сов. этнография, 1977, № 5.

³² Современные этнические процессы в СССР, с. 239—256.

³³ Правда, 27 мая 1982 г.

³⁴ Смирнова Я. С. Детский и свадебный циклы обычаев и обрядов у народов Северного Кавказа.— В кн.: Кавказский этнографический сборник, VI (Тр. Ин-та этнографии АН СССР, т. 106). М.: Наука, 1976, с. 31—69.

³⁵ Смирнова Я. С. Избегание и процесс его отрицания у народов Северного Кавказа.— В кн.: Этнические и культурно-бытовые процессы на Кавказе; *ее же*. Старое и новое в современной погребальной обрядности народов Северного Кавказа.— В кн.: Полевые исследования Института этнографии АН СССР. М.: Наука, 1978; *ее же*. Новое и традиционное в быту осетинской сельской семьи.— В кн.: Кавказский этнографический сборник, VII (Тр. Ин-та этнографии АН СССР, т. 108). М.: Наука, 1980.

как для современной молодежи из среды народов Северного Кавказа, так и в известной мере для окружающего русского и украинского населения. Несомненно, это обстоятельство положительно сказалось на увеличении здесь числа межнациональных браков.

Обрядность, сочетающая в себе новые и традиционные элементы, утверждается и в Среднеазиатско-Казахстанском регионе. В результате глубоких изменений в социально-экономическом строе жизни и интенсивной целенаправленной деятельности местных общественных организаций по созданию новой обрядности появился свадебный церемониал, включающий старинный ритуал (без некоторых особенно архаичных элементов) с привнесением общесоветских черт — торжественная регистрация, свадебное застолье с участием жениха и невесты и т. д. В настоящее время в республиках Средней Азии и в Казахстане практикуется несколько вариантов свадебного церемониала с тем или иным сочетанием старых (традиционных) и новых элементов. Преобладание новых традиций особенно отчетливо наблюдается в городах (например, торжественное застолье в ресторане). Вместе с тем следует отметить, что значительная часть населения этого региона отдает предпочтение традиционной свадебной обрядности.

Изменились в республиках Средней Азии и в Казахстане родинные обряды, а также обычаи, связанные с воспитанием детей. Ряд новых элементов вошел в похоронно-поминальный цикл³⁶.

Тенденция к упрощению свадебной обрядности отчетливо проявляется в среде восточнославянских народов. Так, свадебный ритуал русских горожан утратил религиозные моменты. Центральное место в нем заняли торжественная регистрация брака с последующим застольем, сопровождающаяся рядом традиционных и новых обычаев³⁷. С некоторыми отклонениями такой же процесс изменения свадебного обряда характерен для горожан Украины, Белоруссии и в известной мере для народов Прибалтики³⁸. Значительная часть сельского населения России, Белоруссии, Украины, Молдавии, Поволжья, судя по проведенным этнографическим опросам и соответствующим наблюдениям, предпочитает в отличие от городского населения развернутый свадебный обряд с использованием элементов традиционного церемониала, за исключением венчания и благословения. Нередко выпадает и сватовство³⁹.

Безрелигиозный свадебный обряд с сохранением ряда традиционных элементов игрового характера утверждается и в прибалтийских республиках⁴⁰.

Исследование современного свадебного обряда алтайцев, бурят, якутов показало, что в наши дни у этих народов бытует традиционная схема свадебного церемониала, дополненная новыми элементами (регистрация брака, поздравление и др.). Многие детали обряда, обязательные в прошлом, исчезли. Так, алтайцы перестали строить свадебное жилище, шить специальную одежду и изготавливать особую церемониальную посуду.

³⁶ Лобачева Н. П. Формирование новой обрядности у узбеков. М.: Наука, 1975; Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М. Советский образ жизни: общее и национально-особенное. — Сов. этнография, 1976, № 3; Лобачева Н. П., Тульцева Л. А. Традиции в современной обрядности узбеков. — Там же, 1977, № 6.

³⁷ Жирнова Г. В. Брак и свадьба русских горожан в прошлом и настоящем (по материалам городов средней полосы РСФСР). М.: Наука, 1980.

³⁸ Социалистическая обрядность и формирование нового человека. Киев: Политиздат Украины, 1979.

³⁹ Кубанские станицы. М.: Наука, 1967; Христолюбова Л. С. Семейные обряды удмуртов (Опыт количественной характеристики): Автореф. дис. на соиск. уч. ст. канд. истор. наук. М.: Ин-т этнографии АН СССР, 1970; Русский народный свадебный обряд. Исследования и материалы. Л.: Наука, 1978; Браун И. Н. Из опыта разработки и распространения новой обрядности в Белорусской ССР. — В кн.: Традиционные и новые обряды в быту народов СССР. М.: Наука, 1981, с. 71—82.

⁴⁰ Семья и семейный быт колхозников Прибалтики. М.: Изд-во АН СССР, 1962; Устинова М. Я. Семейные обряды латышского городского населения в XX в. (По материалам городов Латгале и Курземе); Григорьева Р. А. Традиционный свадебный обряд в современном быту белорусов Латгалии. — Сов. этнография, 1981, № 3; Каллис В. Я. О развитии новых свадебных традиций в Эстонской ССР. — В кн.: Традиционные и новые обряды в быту народов СССР.

Уменьшились подношения родителям. Характерно, что значительная часть алтайцев, так же как якутов и бурят, в младших возрастах (18—25 лет) имеют весьма слабое представление о бывшей традиционной свадебной обрядности⁴¹. Сложные процессы изменения наблюдаются и в других видах бытовой обрядности народов СССР. В них также утверждаются общесоветские черты, в разной степени сочетающиеся с несколькими современными традиционными чертами.

Глубокие изменения затрагивают все стороны бытовой культуры. Этносоциологические исследования, проведенные сотрудниками Сектора конкретно-социологических исследований Института этнографии АН СССР в РСФСР, Молдавии, Грузии, Эстонии, Узбекистане, свидетельствуют, что в условиях современной социально-экономической и политической обстановки в стране у людей разных национальностей в младших поколениях возникли сходные ценностные установки и нормы поведения. Так, массовые опросы людей разных социальных групп в упомянутых республиках показали, что среди большинства населения преобладает положительное отношение к работе в многонациональных коллективах, к межнациональному общению в неформальной обстановке, а у многих и к национально-смешанным бракам. Утвердились общие взгляды на труд, на семью, на то, что следует понимать под «хорошей жизнью». На первый план теперь выдвигается не накопление материальных благ или высокая зарплата, а интересная работа, хорошая, дружная семья и т. д.⁴²

Сближение жизненных установок, несомненно, благоприятно сказывается на межнациональных отношениях.

Большое влияние на этническое развитие народов нашей страны оказывает характерное для последних десятилетий быстрое сближение уровней потребления современных видов духовной культуры и возникновение во всех союзных республиках культурного климата, позволяющего удовлетворять запросы коренного населения и переселенцев из других союзных республик.

Этносоциологические исследования показывают, что в потреблении культуры между городскими и сельскими жителями имеются существенные различия. Однако внутри города и деревни культурный уровень людей разных национальностей в целом одинаков⁴³. Так, вне зависимости от национальности горожане регулярно читают художественную литературу, смотрят телепередачи, посещают кино и театры, занимаются спортом, участвуют в художественной самодеятельности. При этом следует иметь в виду, что интенсивно развиваются национальные формы культуры — литература, телевизионные передачи, театральные постановки на языках народов СССР, национальные виды музыкального и хореографического творчества, спорта. Вместе с тем интенсивно осваиваются интонациональные духовные ценности. На интернационализацию духовной жизни огромное воздействие оказывают получившие широкое распространение в последние десятилетия декады и недели культуры союзных и

⁴¹ Шатинова Н. И. Указ. раб.; Басаева К. Д. Преобразования в семейно-брачных отношениях бурят. Улан-Удэ: Буряткнигоиздат, 1974; *ее же*. Современные свадебные обряды селенгинских и баргузинских бурят. — В кн.: Быт бурят в настоящем и прошлом. Улан-Удэ: Бурятский филиал СО АН СССР, 1980, с. 15—42; Евсеева Н. К. Семейная обрядность народов Якутии. — В кн.: Проблемы развития социалистического образа жизни в свете требований XXVI съезда КПСС. Тезисы докладов и сообщений. Секция 4. Магадан: Кн. изд-во, 1982.

⁴² Дробижева Л. М. Сближение культур народов СССР и межнациональные отношения. — Сов. этнография, 1977, № 6; Арутюнян Ю. В. О некоторых тенденциях культурного сближения народов СССР на современном этапе. — История СССР, 1978, № 4; Дробижева Л. М. Духовная общность народов СССР. Историко-социологический очерк межнациональных отношений. М.: Мысль, 1981; Дробижева Л. М., Суколов А. А. Указ. раб.; Национальное и интернациональное в современном мире. Кишинев: Штиинца, 1981, гл. V; Арутюнян Ю. В., Какх Ю. Ю. О некоторых результатах этносоциологического исследования взаимодействия культур. — В кн.: Межнациональные связи и взаимодействие культур народов СССР.

⁴³ Национальное и интернациональное в современном мире, с. 212—216.

автономных республик, гастроли по стране национальных театральных и самодеятельных коллективов. В этом культурном взаимодействии участвуют и большие и малые народы. Так, в ознаменование 60-летия образования Советского Союза в Москве в январе — феврале 1982 г. проходил смотр художественной самодеятельности всех северных автономных округов. Свое мастерство продемонстрировали чукчи, азиатские эскимосы, коряки, эвены, эвенки, ханты, манси и др.

Рост и совершенствование профессиональных форм национальных культур, многообразные формы культурного сотрудничества советских наций и народностей, усиливающийся взаимообмен духовными ценностями способствуют укреплению национального (этнического) самосознания и вместе с тем уважительного отношения к другим национальным культурам. В условиях широкого распространения среднего и высшего образования национальное самосознание становится все более четким и мотивированным. Немалую роль в этом играет, как отметил Ю. В. Бромлей, историческая наука, позволяющая глубже понять происхождение своего народа, осмыслить историческое прошлое, оценить культурное наследие предков⁴⁴. Из очень зыбкого, по сути легендарного представления понятие «национальное происхождение» превратилось у многих народов в весьма важный элемент национального самосознания. Напомним, что многие в прошлом бесписьменные народы нашей страны узнали свою подлинную историю лишь в советский период благодаря усилиям историков, этнографов, археологов. Следует отметить, что данные исторической науки способствуют не только осознанию вклада своей нации или народности в общечеловеческую культуру, но и пониманию своей связи с другими этносами и тем самым утверждению интернационалистических установок.

В заключение представляется целесообразным остановиться на некоторых конкретных проявлениях этнических процессов в отдельных регионах страны. К сожалению, данных об этнических изменениях применительно к большим этнокультурным регионам, таким, как восточнославянский, прибалтийский, поволжский, кавказский, среднеазиатско-казахстанский, сибирский, северный, дальневосточный, очень мало⁴⁵.

В этнокультурном развитии восточнославянских народов, например, наблюдается дальнейшее стирание различий между очень размытыми этнографическими группами, такими, как северные и южные русские, западные и восточные украинцы, западные и восточные белорусы. Сближаются с основной массой русского населения и растворяются в ней в прошлом обособленные этнографические и этнические группы — «поляки» Алтая, семейские Забайкалья; с украинцами — гуцулы, лемки и бойки⁴⁶. Однако не эти явления определяют в настоящее время этнические консолидационные процессы в среде восточнославянских народов. Более важным и заметным представляется сближение и слияние с русскими на территории РСФСР украинцев и белорусов. Численность украинцев в РСФСР, показавших своим родным языком русский, увеличилась между переписями 1970 и 1979 гг. на 8,8% и составила 2180 тыс., а белорусов — соответственно на 8,7% и составила 671 тыс. Растворяются в русской среде и старожильческие группы украинцев. На юге Западной Сибири, в Омской области, давние поселенцы — украинцы постепенно сливаются с русским населением. От переписи к переписи сокращается их численность в связи с переменой этнического самосознания. Из этой группы украинцев только 18%, как показали специальные этносоциологические исследования, владеют украинским языком, часты браки этих

⁴⁴ Национальное и интернациональное в современном мире, с. 384.

⁴⁵ См., например: Преобразования в хозяйстве, культуре и этнические процессы у народов Севера; Этнические и культурно-бытовые процессы на Кавказе; Современные этнические процессы у народов Западной и Южной Сибири.

⁴⁶ Материалы сектора этнографии восточнославянских народов Ин-та этнографии АН СССР по современным этническим процессам. — Архив ИЭ, л. 7.

украинцев с преобладающим русским населением⁴⁷. Аналогичные процессы наблюдаются и среди уральских украинцев в Башкирии⁴⁸.

В городах РСФСР, УССР и БССР растворяются дисперсные группы неславянского населения⁴⁹. Заслуживают внимания происходящие в этом регионе, к сожалению слабо изученные, интеграционные процессы. Так, на территории УССР за последние десятилетия значительно расширились взаимодействия украинской и молдавской культур.

Сложные этноконсолидационные процессы происходят в Закавказье. Например, в Армении постепенно уходят из жизни бытовые различия, характерные в прошлом для отдельных историко-этнографических групп. Вследствие подъема культуры и усилившихся миграций внутри Грузинской ССР происходит дальнейшее стирание различий между грузинскими этнографическими группами. Их особенности теперь воспринимаются как областные различия⁵⁰.

Как показывают этнографические наблюдения, подкрепленные статистическими данными, в Узбекистане в последние 15—20 лет по существу завершилось слияние обособленных в прошлом этнографических групп с узбекской нацией. В составе узбеков растворились зеравшанские кипчаки. Память о былой племенной принадлежности сохраняет лишь их старшее поколение. Часть ферганских кипчаков еще сохраняет свой диалект, некоторые обычаи, особенности материальной культуры, однако они осознают себя узбеками. Далеко продвинулось сближение с узбеками этноконфессиональной группы ирони. Былые отличия ее в языке и материальной культуре исчезли. Внутренние консолидационные процессы в среде туркмен в настоящее время близки к завершению, хотя в отдельных локальных этнографических группах туркмен сохраняются диалектальные и культурные особенности.

С киргизами сливается небольшая группа сарт-калмыков, не утративших свой этноним и особенности бытового уклада.

Наблюдается дальнейшее сближение и слияние припамирских народностей с таджиками. В настоящее время они осознают себя «памирскими таджиками», так как владеют таджикским языком и обучаются на этом языке, хотя и сохраняют родные языки, ставшие «домашними», и некоторые особенности традиционного быта.

Однако в целом для среднеазиатско-казахстанского региона преодоление обособленности отдельных этнографических и локальных групп, вытеснение племенных и локальных форм самосознания национальным — пройденный этап. Для современных этнических процессов в каждой из союзных республик этого региона более характерно этническое сближение с основной массой населения вкрапленных в их состав иноязычных народностей, таких, как уйгуры, арабы, дунгане, каракалпаки. Сближение обычно выражается в восприятии культурно-бытового уклада и усвоении языка окружающего большинства в качестве второго или третьего. Компактно расселенные народности наряду с этим сохраняют свои родные языки, национальную специфику и самосознание. Весьма заметным в среднеазиатско-казахстанском регионе является процесс слияния с основными нациями недавних переселенцев или целых групп из среды соседних республик⁵¹.

⁴⁷ *Калашиников Д. Д. и др.* Некоторые направления современных этнических процессов среди украинцев юга Западной Сибири. — В кн.: Современные этнические процессы у народов Западной и Южной Сибири, с. 74—85.

⁴⁸ *Бабенко В. Я.* Этнические процессы у украинских переселенцев в Башкирии. — В кн.: Всесоюзная конференция «Этнокультурные процессы в современном мире», май, 1981 год. Краткие тезисы докладов и сообщений. Элиста, 1981.

⁴⁹ Материалы Сектора этнографии восточнославянских народов Ин-та этнографии АН СССР по современным этническим процессам. — Архив ИЭ, л. 7.

⁵⁰ Материалы сектора этнографии народов Кавказа Ин-та этнографии АН СССР по современным этническим процессам. — Архив ИЭ, л. 5—8.

⁵¹ *Решетов А. М.* Этноконсолидационные процессы в советской Средней Азии и Казахстане. — В кн.: Этнографические аспекты изучения современности. М.: Наука. 1980, с. 74—84.

Дальнейшее усиление этнического единства характерно в настоящее время и для народов Прибалтики. Этому способствует поступательное развитие национальных культур, а также вытеснение диалектов и говоров литературными языками. Общие специфические обрядовые и праздничные традиции распространяются по всей Прибалтике. Вместе с тем возрастает экономическое и культурное взаимодействие между прибалтийскими и соседними республиками, увеличивается число межнациональных браков⁵².

Значительными особенностями отличается этническое развитие каждого из народов, входящих в южносибирскую историко-этнографическую область. Так, в Якутии в целом завершились консолидационные процессы, исчезли этнографические различия между локальными, в прошлом обособленными группами, такими, как центральная, вилюйская, колымская и олекминская. В Бурятии продолжается интенсивное сближение между восточными и западными бурятами. В отличие от якутов и бурят у алтайцев, судя по этносоциологическим исследованиям, пережитки родо-племенного деления еще сохраняются в памяти и воздействуют на их брачные связи⁵³.

Вместе с тем в сибирских автономных республиках и областях в связи с индустриальным развитием сокращается доля коренных национальностей в общей численности населения. Отмечается интенсивная миграция из сельской местности в города.

В области культуры следует отметить такие явления, как расширение общественных функций якутского и бурятского языков, развитие литературы, театрального искусства. Одновременно во всех сибирских автономных республиках и областях наблюдается сближение коренных народов с основным населением РСФСР — русскими.

Особой сложностью отличается этническое развитие народностей Крайнего Севера. Здесь, например у коряков, интенсивно происходят консолидационные процессы — преодоление диалектальных различий, постепенное стирание особенностей материальной и духовной культуры, характерных для отдельных этнографических групп. В связи с относительной неразвитостью общественных функций корякского языка среди коряков отмечается повышенный процент свободно владеющих русским языком. Язык межнационального общения становится для многих, особенно для лиц младших возрастов, родным. Для некоторых народностей Севера, например алеутов, чуванцев, ительменов, характерна языковая трансформация — переход на русский язык.

За последние годы у народностей Севера, как и у всех народов Сибири, изменилась социально-профессиональная структура: появились представители таких категорий интеллигенции, как врачи, учителя и др., квалифицированные рабочие, неуклонно растет число горожан. В связи с участвующим общением с окружающим населением число межнациональных браков у отдельных народностей из этих групп колеблется от 10 до 35%. Однако это не мешает им сохранять свое национальное (этническое) самосознание.

Таким образом, происходящие в различных регионах страны этнические процессы отличаются значительной спецификой. Это обусловлено историческими причинами, особенностями хозяйства, расселения, соотношением численности контактирующих общностей и т. д.

Вместе с тем для современных этнических процессов в масштабах всей страны характерна общая направленность — во всех этнокультурных регионах отмечается упрочение внутреннего единства и монолитности отдельных социалистических наций и народностей. Эти прогрессивные явления органически сочетаются с нарастающим сближением всех этнических общностей Советского Союза.

⁵² Ганцкая О. А., Терентьева Л. Н. Этнографические исследования национальных процессов в Прибалтике. — Сов. этнография, 1965, № 5; Калитс В. Изучение новых семейных обрядов в Эстонской ССР. — Сов. этнография, 1969, № 4.

⁵³ Шатинова Н. И. Указ. раб., с. 35—38, 128—130.

Рассмотренные особенности поступательного этнокультурного развития и сближения наций и народностей СССР в условиях зрелого социалистического общества полностью подтверждают положение, высказанное Л. И. Брежневым, о том, что вопреки клевете наших недругов социализм не только не ведет к утрате народами своего неповторимого лица, особенностей культуры, традиций, а поднимает это своеобразие на новую высоту и делает его достоянием многих народов ⁵⁴.

⁵⁴ Брежнев Л. И. Речь при вручении Узбекской ССР ордена Ленина.— Правда, 25 марта 1982 г.

О. Р. Будина, М. Н. Шмелева

ТРАДИЦИЯ В КУЛЬТУРНО-БЫТОВОМ РАЗВИТИИ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ГОРОДА

При рассмотрении вопросов этнографии современности, в том числе такого сложного объекта, как современное городское население, на первый план обычно выступает новое в культуре, вызванное социальным переустройством и индустриальным развитием советского общества. Проблема же традиционности современного быта, культурной преемственности в нем как бы выпадает из поля зрения исследователей. Между тем проведенная к настоящему времени этнографическая работа показывает, что развитие социалистического города отнюдь не означает разрыва с традициями.

Непрерывность культурно-бытовых процессов, обусловленных, как известно, взаимодействием разных факторов (природных, социально-экономических, демографических и др.), приводит к постоянным изменениям фонда народной культуры. Находясь в определенном соотношении между собой, составляющие культурный фонд явления в каждый исторический момент образуют характерный для него своеобразный культурный пласт. Современный культурный пласт отличается большей насыщенностью как унифицированными не этническими, так и этнически специфическими по происхождению явлениями, имеющими разный ареал.

В данном случае в русском городе в культурно-бытовых процессах наряду с разнородными явлениями общего характера продолжают участвовать явления, отражающие этническую специфику русской народной культуры. При этом важно иметь в виду, что постоянно изменяющаяся бытовая культура хотя и имеет у разных групп русского городского и сельского населения свои определенные особенности, в целом едина в силу общих корней и неизбежного взаимодействия и взаимобоюмена. В связи с этим, в частности, нам представляется неудачным использование таких определений, как «городская» и «деревенская» народная культура ¹. Это предполагает расчленение генетически единой культуры этноса, в то время как в подобных случаях, вероятно, правильнее говорить о ее вариантах, функционирующих в разных социальных средах.

Явления традиционной народной культуры, претерпевая в ходе развития различные изменения, со временем могут утратить некоторые присущие им ранее черты либо, наоборот, сравнительно долго оставаться неизменными или дополняться новыми элементами, способными в свою очередь стать традиционными. При этом традиция, находя свое многообразное выражение в процессе функционирования культуры (от использования традиционного материала в предметах быта до создания обобщенного образа-символа в духовной сфере), является залогом сохранения национальных черт культуры, в том числе и в городской среде, в наибольшей мере подверженной стандартизации и унификации быта.

¹ См., например, Мыльников А. С. Народная культура и генезис национального самосознания.— Сов. этнография, 1981, № 6, с. 10.

В настоящей работе мы постараемся показать, как в отдельных сторонах современной бытовой культуры у русского городского населения проявляется традиционность, выражение и значимость которой в каждом случае иные.

Многие особенности современных культурно-бытовых процессов в русских городах связаны с изменениями в их хозяйственной жизни, и прежде всего в профессиональных занятиях населения. Создание и развитие в процессе построения социализма высокоразвитой индустрии, освоение новых производящих и обслуживающих отраслей народного хозяйства, которые приводят в числе других изменений к увеличению населения городов, к вовлечению в орбиту городской жизни массы сельских жителей, к росту профессиональной и общей культуры подавляющего большинства рабочих и служащих, к повышению социальной мобильности, сказываются как на культурно-бытовом облике горожан в целом, так и на отдельных сторонах их жизни.

Наиболее чувствительной к новому оказывается сфера хозяйственной жизни². Высокая степень сменяемости бытовых форм в этой области и их внеэтническая стереотипизация, вызванная научно-техническим прогрессом, не исключают, однако, и известной традиционности, связывающей современный быт народа с его историческим прошлым. Устойчивая преемственность проявляется, например, в унаследованной от предшествующего времени специализации некоторых современных производств. В экономическом развитии нашей страны и теперь немалую роль играет исторически сложившаяся хозяйственная специфика отдельных регионов, соответствующая наиболее полному и рациональному использованию природных и трудовых ресурсов, в том числе и местных кадров, обладающих определенными трудовыми навыками³.

Отсюда проистекает широко известная преемственность профессий, особенно характерная для старых промышленных районов. Так, несмотря на расширение по сравнению с прошлым географии различных видов промышленности и изменение соотношения их в различных районах, и теперь можно говорить о своеобразных профессионально-бытовых типах уральских металлургов, ивановских и костромских текстильщиков, подмосковных угольщиков, горьковских станко- и судостроителей, волго-вятских умельцев — мастеров народных промыслов и т. д. К старым занятиям прибавились новые, которые за годы Советской власти для двух-трех поколений уже успели стать традиционными (например, тракторостроение во Владимире, производство синтетического каучука в г. Ефремове Тульской обл. и др.).

Механизм передачи профессиональных традиций, как и многих других, в значительной мере кроется, вероятно, в семье. Известно, что на каждом коренном городском предприятии всегда есть немалое число так называемых трудовых династий, судьбы которых прочно связаны с историей того или иного производства. Профессиональные навыки, склонности, пристрастия передаются в таких семьях из поколения в поколение, охватывая часто довольно широкий круг людей, близких по родству и свойству. Правда, теперь младшие уже обычно не просто повторяют трудовой путь старших. Они повышают по сравнению со старшим поколением уровень своей профессиональной подготовки и знаний в пределах одной отрасли народного хозяйства, что часто сопровождается социальными передвижениями, например от рабочего к инженерно-техническому и научным работникам⁴.

² Современные этнические процессы в СССР. М.: Наука, 1977, с. 316—317; Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. М.: Наука, 1981, с. 362.

³ Советский народ — новая историческая общность людей. Становление и развитие. М.: Наука, 1975, с. 371.

⁴ Крупянская В. Ю., Будина О. Р., Полищук Н. С., Юхнева Н. В. Культура и быт горняков и металлургов Нижнего Тагила (1917—1970). М.: Наука, 1974, с. 83—84; Анохина Л. А., Шмелева М. Н. Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем. М.: Наука, 1977, с. 99.

В настоящее время правильнее, пожалуй, говорить о существовании отраслевой профессиональной преемственности, тем более что в ходе технического прогресса постоянно меняется состав профессий, да и сами они становятся иными, что, однако, не лишает их известной традиционности. Примером может служить стойкая приверженность к занятиям, связанным с сооружением металлических конструкций у потомков гороховецких котельщиков, прозванных «глухарями» (изготовление вручную клепаных котлов и других металлических резервуаров, сопровождавшееся оглушительным шумом, приводило к быстрой потере слуха). Клепальный промысел в Гороховецком уезде Владимирской губернии стал широко развиваться со второй половины XIX в. и внес заметный вклад в становление и развитие отечественной промышленности. Гороховецкие мастера принимали участие в создании русского флота, конструкций для нефтеразработок, железнодорожного транспорта, в строительстве мостов, перекрытий, линий электропередач и т. п.⁵ Профессия клепальщика отмерла в 1930-е годы с появлением автогенной сварки, но ее заменили многие другие связанные с кораблестроением и производством металлоконструкций, широко распространенные среди гороховчан, ставшие для них традиционными профессии (электросварщиков, электрорезчиков, разметчиков, пневмоклепальщиков и т. п.).

Отдельные традиционные черты свойственны и производственному быту — тому устойчивому повседневному порядку жизни, который складывается в процессе труда и определяется в основном особенностями производства. Черты эти многообразны и гетерогенны. Рожденные в условиях современного производства или прошедшие вместе с ним сложный путь развития, начиная от домашнего производства и ремесла, они проявляются в различных сторонах производственной жизни в неодинаковой степени. Сравнительно легко их выделить в одежде и питании. Наряду с новой профодеждой на производстве сохраняются старые и бытуют видоизмененные формы народной рабочей одежды — универсальные (фартуки, рукавицы, сапоги и др.) или специфические, приспособленные к выполнению отдельных видов работ (например, особого покрова суконная блуза, войлочная шляпа и рукавицы «вачеги» у работников горячих цехов в Нижнем Тагиле)⁶. Традиционность питания на работе выражается в соблюдении привычного пищевого режима национального типа, в выборе потребляемых блюд и в их сочетании; в некоторых случаях еда приносится из дома (широко известный «сидор» или уральский «тормозок» — мешочек с едой), реже рабочие ходят домой на обед и т. д.

Труднее выявить традиционные черты в этической сфере производственного быта, в отношениях, складывающихся между людьми в процессе совместной работы. Однако и здесь можно найти свидетельства как о преодолении устаревших правил и привычек, связанных, например, с сохранением отдельных производственных секретов (в рабочих приемах, в подготовке рабочего места, инструмента), так и о развитии национальных черт, восходящих к старому быту. Последнее проявляется в распределении обязанностей между опытными и начинающими работниками, в обучении старшими младших, имеющих порой более высокий уровень образования. Опыт, накопленный ранее, в частности в условиях семейно-родственной трудовой кооперации, наставники используют при подготовке кадров молодых рабочих. Производственное обучение молодежи проходит наиболее успешно, если наставникам удастся сочетать его с постоянным наблюдением за бытом молодых людей. Наиболее благоприятная почва для формирования черт коллективизма создается в бригадах, работающих по единому наряду с оплатой труда по конечным результатам⁷.

⁵ Андреев Н. И. Первенец Московского радио. — Газ. Призыв, Владимир, 1972, № 71; его же. Мосты котельщиков. — Газ. Новая жизнь, Гороховец, 1972, № 148; его же. О судьбах морских и корабельных. — Газ. Новая жизнь, Гороховец, 1974, № 66, 68.

⁶ Крупянская В. Ю., Будина О. Р., Полищук Н. С., Юхнева Н. В. Указ. раб., с. 70—72.

⁷ Архив Института этнографии АН СССР. Материалы Гоподского отряда Восточ-

Особое место в культурно-бытовых процессах современного русского города занимают общественные традиции, исторически складывающиеся в трудовых коллективах, которые представляют собой важнейшее средоточие общественной жизни горожан. Они проявляются в различных формах взаимопомощи, в совместном проведении досуга, в воспитании подрастающего поколения, в общественных и семейных торжествах и закрепляются в быту как более или менее устойчивые обычаи, обряды, ритуалы, во многом определяющие круг духовных интересов и особенности социального поведения городских жителей⁸.

Немало традиционных черт быта связано с участием сельского населения в хозяйственной жизни города, которое хотя и изменилось коренным образом, но проявляется иногда в давно сложившихся бытовых формах. Так, маятниковые мигранты, число которых с ростом городов сильно увеличилось, по-прежнему продолжают вести в основном сельский образ жизни. И если молодежь, еще не успевшая обзавестись своей семьей, сравнительно активно участвует в общественной и культурной жизни города, то среднее и старшее поколения сельских жителей, работающих в городе, по вполне естественным причинам, вне работы сосредоточены на сельских интересах (личное и общественное хозяйство, родственные и соседские связи, а порой и сельский общественный быт)⁹.

Юноши и девушки из села, работающие и живущие в городе, мало напоминают бывших отходников. Они обеспечиваются благоустроенными общежитиями и имеют возможность пользоваться всеми преимуществами городской жизни. Однако в их быту сохраняются такие традиционные черты, как регулярное посещение села, принесение из дому «харчей» на 1—2 недели, обязательное участие в хозяйственных работах семьи (в посадке и уборке картофеля, а в отпуск — в сенокосе). Сохраняется также ориентация на соблюдение традиционных семейных (особенно свадебных) и календарных обрядов и даже на выбор брачных партнеров из близкой сельской среды¹⁰. Иногда в городах наблюдаются и своеобразные земляческие связи среди молодежи, особенно среди девушек, выражающиеся в преимущественном устройстве односельчан на каком-либо предприятии, в совместном проведении досуга, в предпочтительном выборе друзей из числа земляков¹¹. Известную роль в сохранении земляческих связей играют семейно-родственные и соседские связи горожан и сельских жителей. Городская семья при этом по традиции является как бы своего рода трамплином для закрепления в городе приехавших из села. Она представляет им на первое время жилье, помогает выбрать место работы и служит в известном смысле психологическим убежищем.

Связи с сельскими жителями, в разной степени поддерживающиеся многими категориями горожан, способствуют традиционному культурно-бытовому обмену между городом и селом, хотя каналов для этого обмена значительно больше, чем прежде. Горожане в селе по-прежнему являются проводниками городских вкусов. Влияние семейно-родственных связей с селом сказывается в более стойком сохранении у горожан традиционности в пище, в интерьере жилища, в обрядности.

Как развитие в новых условиях давней традиции русских горожан разводить сады и огороды можно рассматривать современные сельскохозяйственные занятия городского населения¹². Уже говорилось, что участие горожан, связанных с селом, в производстве сельскохозяйственной продукции выступает как одна из форм семейно-родственной взаи-

нославянской экспедиции (далее — АИЭ, МГОВЭ), 1980, тетр. № 3, л. 6 (г. Владимир); 1981, тетр. № 4, л. 11, 31 (г. Гороховец Владимирской обл.).

⁸ Анохина Л. А., Шмелева М. Н. Указ. раб., с. 307; Крупянская В. Ю., Будина О. Р., Полищук Н. С., Юхнева Н. В. Указ. раб., с. 128—131, 136—140 и др.

⁹ См. Коган Д. М. Особенности быта сельского населения, работающего в городе. — Сов. этнография, 1975, № 6, с. 71—78.

¹⁰ Коган Д. М. Связи городского и сельского населения как одна из проблем этнографии города. — Сов. этнография, 1967, № 4, с. 46.

¹¹ Коган Д. М. Связи городского и сельского населения..., с. 49; Анохина Л. А., Шмелева М. Н. Указ. раб., с. 299—300.

¹² Рабинович М. Г. Город и традиционная народная культура. — Сов. этнография, 1980, № 4, с. 17.

мопомощи и обусловлено тем, что формирование городского населения происходило, в частности, и за счет массы сельских жителей. Наряду с этим значительная группа горожан имеет сады и огороды на усадьбах и на участках в коллективных садах.

Любительское садоводство и огородничество усиливает трудовую занятость семьи и до некоторой степени осложняет ее быт. Сравнительно широкое распространение этого занятия в современном городе свидетельствует о сильной тяге его жителей к природе и физическому труду, оно, разумеется, увеличивает и материальный достаток семьи. Подсобное хозяйство горожан, как правило, ведется на высоком уровне, чтобы «не зря трудиться» и иметь возможность обеспечить потребности семьи в овощах и фруктах в течение лета и сделать заготовки впрок¹³. Этнографические наблюдения в городах за последние годы свидетельствуют, что любительские занятия сельским хозяйством все шире входят в быт молодых семей и занимают определенное место в системе их ценностных ориентаций¹⁴.

Неоднозначность традиций, многообразие их природы и функционирования ярко проявляются в семейном быту горожан, которого мы отчасти касались в связи с их занятиями.

Известно, что современная городская семья состоит преимущественно из супругов и их детей¹⁵. Предпосылки для господства этой ставшей традиционной формы семьи в русском городе начали складываться уже давно. Выделение малой семьи у горожан в феодалный период исследователи склонны связывать с влиянием на структуру семьи производственной деятельности городских жителей¹⁶. В XIX — начале XX в. малая семья у русских горожан становится преобладающей, причем в рабочей среде особенно активно шел процесс демократизации семьи.

В настоящее время в русском городе заметнее, чем в селе, выявляется характерная для индустриально развитых стран тенденция к дальнейшей сегментации и нуклеаризации семьи¹⁷. Она выражается в стремлении молодых брачных пар жить отдельно от родителей, которые нередко сами способны реализовать такого стремления. При этом многообразные бытовые связи, устанавливающиеся между родственными семьями (в материальной, морально-этической, культурной сферах) выступают как дальнейшее развитие в современных условиях давно сложившейся традиции семейно-родственной взаимопомощи и взаимоподдержки. В силу ряда обстоятельств взаимное участие родителей и отдельно живущих семейных детей в жизни друг друга по сравнению с прошлым расширилось и приобрело новые черты. Так, например, в разрез с патриархальными обычаями, всегда отличавшимися большой стойкостью, наиболее тесные связи наблюдаются теперь между родительскими семьями и семьями замужних дочерей, что подтверждается также и исследованиями социологов, проведенными в Москве¹⁸.

Об отступлении от старых патриархальных традиций в современной городской семье говорит также нарушение порядка, согласно которому в родительской семье оставался один из женатых сыновей, впоследствии получавший все родительское хозяйство. О нарушении этого порядка свидетельствует и все более частое отселение всех взрослых детей от родителей и часто встречающиеся случаи совместного проживания матери и отца или одного из них (даже вместе с другими младшими детьми) с замужней дочерью.

Многие черты современного уклада городской семьи, где все более укрепляется равноправие между взрослыми ее членами (и прежде всего между мужчиной и женщиной) и расширяется разумная кооперация в

¹³ АИЭ, МГОВЭ, 1980, тетр. № 4, л. 22 (г. Владимир).

¹⁴ Там же, 1981, тетр. № 2, л. 5, 6, 30 (г. Гороховец Владимирской обл.).

¹⁵ См., например, Янкова З. А. Городская семья. М.: Наука, 1979, с. 38—39.

¹⁶ См. Рабинович М. Г. Очерки этнографии русского феодального города. М.: Наука, 1978, с. 178—179.

¹⁷ Харчев А. Г., Голод С. И. Профессиональная работа женщин и семья. Л.: Наука, 1971, с. 71.

¹⁸ Янкова З. А. Указ. раб., с. 134.

делах, как считают исследователи рабочего быта, восходят к традициям, сформировавшимся в среде наиболее сознательных рабочих еще в дореволюционное время¹⁹ и коренятся не только в особенностях экономических и социальных условий жизни, но и в широком распространении среди них передовых идей.

Характерное для современной городской семьи усиление авторитета женщины, выступающей ныне в качестве одного из организаторов семейной жизни, ломка старых представлений о главенстве, большое внимание к запросам учащейся и работающей молодежи — все это находит отражение в новых семейных обычаях и порядках, превращающихся постепенно в устойчивые традиции. Так, становится привычным принимать важные семейные решения не единолично ее главой, а совместно обоими супругами; иногда подобные вопросы обсуждаются всеми взрослыми членами семьи. Отошел в прошлое и обычай ориентировать организацию домашнего быта на потребности главы семьи — старшего мужчины, основного кормильца семьи. В настоящее время семейный уклад строится с учетом интересов всех членов семьи, в зависимости от их трудовой деятельности. Сейчас на первом месте стоят, пожалуй, заботы о детях. Старшие в семье в противовес давним правилам прислушиваются к мнению молодежи в делах, касающихся не только младшего, но и старшего поколений или семьи в целом. Советам подрастающего поколения принято следовать в устройстве жилища (в функциональном распределении жилой площади, меблировке и убранстве), при выборе одежды (тканей, фасонов, цветовых сочетаний), в проведении досуга (в выборе кинофильмов, книг, праздничных развлечений)²⁰.

В связи с вовлечением женщин в общественное производство и действием ряда других факторов (улучшение жилищных условий, сокращающее тяжелый домашний труд, развитие общественного обслуживания бытовых нужд семьи, применение бытовой техники) четко выявляется тенденция к рациональному распределению домашних работ между всеми членами семьи, в зависимости от их занятий и от состава семьи без прежнего разделения этих работ на мужские и женские. Такой порядок в быту семьи особенно часто встречается у групп горожан, работающих посменно²¹. Нельзя, однако, не отметить, что хотя эта тенденция доминирует в современной семье, еще встречаются и старые взгляды на разделение домашних работ, когда большая часть их падала на долю женщины. Однако взаимозаменяемость членов семьи в домашних работах становится все более характерной, особенно в молодых семьях, где складываются даже своего рода новые традиции. Так, наблюдения свидетельствуют, что «техникой» для выполнения домашних работ прежде всего «овладевают» именно мужчины (стирают белье в стиральной машине, убирают квартиру, применяя электропылесос и электрополотер, участвуют в приготовлении пищи с помощью кухонного комбайна и т. д.)²². Обычным делом молодых семейных мужчин становятся и приготовление пищи для детей и стирка детского белья.

Объем домашних работ, их распределение (с соблюдением старых традиций или отступлением от них) находятся в тесной связи с составом семьи. Тот или иной порядок зависит от возраста супругов, от наличия в семье детей, бабушек и дедушек, от того, родители мужа или жены живут с молодой семьей или молодые супруги входят в состав родительской семьи и т. п. Но как бы то ни было, участие женщины в общественном производстве, а мужчины в домашних работах, считавшихся ранее сугубо женскими, свидетельствует об успешном преодолении известного психологического стереотипа и о создании новых семейно-бытовых традиций, хотя до сих пор еще встречаются случаи неодобрительного отношения к мужчинам, выполняющим в семье «женские» дела.

¹⁹ Крупянская В. Ю., Будина О. Р., Полищук Н. С., Юхнева Н. В. Указ. раб., с. 168.

²⁰ АИЭ, МГОВЭ, 1981, тетр. № 2, л. 44 (г. Гороховец Владимирской обл.).

²¹ Крупянская В. Ю., Будина О. Р., Полищук Н. С., Юхнева Н. В. Указ. раб., с. 180.

²² Анохина Л. А., Шмелева М. Н. Указ. раб., с. 103.

Свою роль в жизни городской семьи продолжают играть традиционные соседские связи. Они значительно ослаблены и ограничены по сравнению с деревней, однако, несмотря на известную анонимность городской жизни, продолжают поддерживаться, особенно в небольших городах на улицах с одно- и двухэтажной застройкой. Эти связи выражаются в дружеских отношениях и взаимной выручке в повседневных делах (чаще всего избирательно), а также в сохранении функций социального контроля, главным образом за поведением детей и подростков на улице и отчасти за выполнением семейных обрядов (например, свадьбы, отдельные элементы которой и теперь не обходятся без участия соседей, и еще больше — похорон)²³.

В материальном быту русских горожан, значительно унифицированном в результате научно-технического прогресса и перехода к индустриальным методам изготовления большого числа предметов материальной культуры (от домов до пищевых продуктов), также наряду с чертами общего характера наблюдаются и особенности традиционной культуры. Представленные в той или иной мере и форме в разных сферах материального быта традиционные черты обнаруживаются иногда на уровне типа (самой общей модели) явлений.

Так, например, в значительной степени традиционными остаются тип заселения и планировка городских поселений. Несмотря на изменившуюся по сравнению с прошлым хозяйственную и транспортную значимость водоема, на иное пространственное соотношение в современном городе воды и застроенных массивов (которые все более удаляются от нее)²⁴, расположение у водоема на холме остается привычным для русского города. Традиционный тип заселения (хотя он отнюдь не является особенностью лишь русских поселений), таким образом, в значительной мере продолжает сохраняться.

Планировка современного города, отражая различные периоды городской жизни и формирования русских поселений (городских и сельских)²⁵ характеризуется обычно сочетанием нескольких типов. Во многих городах сохраняется радиальная (или радиально-кольцевая, например, в Москве, Костроме) планировка, когда ряд улиц отходит от центра (в прошлом крепости, торговой площади, культовых зданий). Во всех городских поселениях имеется уличная застройка, генетически связанная с рядовой, которую в наши дни можно увидеть в некоторых городах (например, вдоль рек в городах Вязники, Гороховец, Муром Владимирской обл. и др.).

Квартальная планировка, вводившаяся с XVIII в. по распоряжению правительства для придания поселениям большей «регулярности», не искоренила ранних видов планировки даже в городах, в наибольшей степени перестроенных. В продолжающих расширяться городах встречается застройка микрорайонами — свободная застройка уличного типа с зонами отдыха. При этом соотношение разных типов планировки бывает связано с типом города, его возрастом и темпами его роста. Это хорошо видно на примере даже новых городов²⁶.

В функциональном использовании городского пространства традиционные особенности выявляются, в частности, в развитии центра города. Так, одновременно с новым оформлением его архитектурными ансамблями используются старые сооружения, в частности торговые ряды. В древ-

²³ АИЭ, МГОВЭ, с. 30, 32, 38 и др. (г. Владимир).

²⁴ Следует сказать, что и в древних городах близость к воде различных частей города или всего поселения была неодинаковой в зависимости от типа поселения и назначения его частей. См. Рабинович М. Г. Поселения. — В кн.: Очерки русской культуры XIII—XV вв. Ч. I. М.: Изд-во МГУ, 1970; *его же*. Поселения. — В кн.: Очерки русской культуры XVI в. Ч. I. М.: Изд-во МГУ, 1977.

²⁵ Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов (поселение, жилище и хозяйственные постройки). — Тр. Ин-та этнографии АН СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1956, т. XXXI, с. 44—56; Рабинович М. Г. Очерки этнографии русского феодального города. М.: Наука, 1978, с. 23—30.

²⁶ Рождественская С. Б. Жилище рабочих Горьковской области (XIX—XX вв.). М.: Наука, 1972, с. 105—106.

них городах (например, во Владимире) наряду со старым центром, приобретающим мемориальное значение, появляется нередко новый центр, служащий средоточием деловой жизни города. Характер расселения, в прошлом связанный с социальной и профессиональной принадлежностью горожан, обнаруживается в городской топонимике, в характере сохраняющейся застройки центральных улиц и окраин. В настоящее время в некоторых местах наблюдается расселение по производственному принципу; частично оно связано с подобным расселением в прошлом. Так, в Нижнем Тагиле рабочие строили собственные дома близ тех предприятий, где работали и часто передавали детям свою профессию и владение домом²⁷. В наши дни такая производственная топография встречается в тех случаях, когда предприятие строит дома, заселяемые преимущественно его работниками.

Жилище в современном городе чрезвычайно разнородно по времени постройки, материалу и конструкции, способу заселения и характеру владения. Основная часть горожан живет в многоквартирных домах городского типа, принадлежащих государству. Строительство таких домов ведется обычно индустриальными методами, материал изготавливается промышленным способом (блоки, панели). Поэтому в отношении таких жилищ говорить о преемственности в строительном материале и технике не приходится. Это — то новое, что является общим для населения, независимо от его национальной и даже подчас региональной принадлежности.

Вместе с тем в жилом фонде многих русских городов, преимущественно небольших и средних, значительное место продолжают занимать дома индивидуальной застройки. Одни из них возведены в дореволюционное время, другие в советский период, причем в некоторых городах строительство таких домов идет и в наши дни. Эти постройки, относящиеся к разному времени, естественно, различаются между собой. Объединяет их принадлежность к традиционному народному зодчеству. Так, применение срубной техники свойственно жилищу народов лесной зоны Европы, в частности, русскому, и более широко восточнославянскому жилищу. Среди городской индивидуальной застройки распространены традиционные для бревенчатого русского жилища виды срубов — дом с прирубом, дом-связь, пятистенки. Двухэтажные деревянные дома, построенные в XIX в. и в начале XX в., подчас представляют собой поставленные один на другой такие срубы²⁸.

Планировка традиционного дома в городских условиях имеет значительно больше вариантов, чем в селе. Однако в основе ее часто лежат указанные виды срубов, усложненные за счет разгораживания и пристройки новых помещений. Распространен и односрубный многокомнатный дом, который начали строить в дореволюционный период²⁹. Продолжает бытовать и традиционный декор жилища.

Касаясь вопроса о степени бытования традиционной культуры в разных социальных средах, следует отметить значительную общность в жилище русского города и села в XIX — начале XX в. Так, основным материалом для постройки стен жилых зданий в начале XX в. было дерево. Крыши городских домов подобно деревенским крылись соломой (в городах Калужской и Тульской губерний таких домов в середине XIX в. было более половины³⁰), а внутреннее убранство жилищ, на что специально обращали внимание корреспонденты Русского географического обще-

²⁷ Крупянская В. Ю., Полищук Н. С. Культура и быт рабочих горнозаводского Урала (конец XIX — начало XX в.). М.: Наука, 1971, с. 8.

²⁸ Крупянская В. Ю., Будина О. Р., Полищук Н. С., Юхнева Н. В. Указ. раб., с. 217—222; Рождественская С. Б. Указ. раб., с. 80, 119—120, 129—130; Анохина Л. А., Шмелева М. Н. Указ. раб., с. 220—221; АИЭ, МГОВЭ, 1980, тетр. № 1, лл. 21, 25, 33, тетр. № 2, лл. 3/об., 12/об., 27, 28, 32—34, 53, 55; 1981, тетр. № 4, лл. 69, 78—88, тетр. № 5, лл. 24, 51—53, 67, 79—81 (города Владимир, Вязники, Гороховец, Муром).

²⁹ Там же, а также см. АИЭ, МГОВЭ, 1980, планы (г. Вязники Владимирской обл.), 1981, планы (города Гороховец и Муром Владимирской обл.).

³⁰ См., например, Архив Географического общества СССР (далее АГО), р. 42, сп. 1, № 10, л. 1; № 29, л. 4; № 19, л. 1 (об.) и др.

ства, мало отличалось от деревенского³¹. Вместе с тем во внутреннем устройстве сельских домов прослеживалось влияние города: разгораживание жилого помещения с целью выделения отдельных функциональных зон, оклеивание стен обоями, использование городской мебели, настенных украшений³².

Соединение дома и двора в городских усадьбах деревянного жилого фонда иногда осуществляется тем же способом, что и в крестьянских постройках этих мест во второй половине XIX — начале XX в. (в некоторых городах Владимирской области, например, в таких случаях нередко и теперь встречается слитная, или скрытая, двухрядная связь, при которой двор примыкает к дому под низкой односкатной крышей). Этот вид связи находит определенное выражение и в современном индивидуальном строительстве. Во время экспедиционных работ нам приходилось видеть выстроенные в последние годы кирпичные дома в один или два этажа под шиферным покрытием, с примыкающей к ним хозяйственной частью (также из кирпича под односкатной шиферной крышей)³³. Здесь, как видно, традиция нашла выражение в форме соединения жилой и хозяйственной частей, тогда как материал, техника строительства, внутреннее устройство дома и назначение хозяйственной части стали иными по сравнению с прошлым.

Не останавливаясь на многих других вопросах, связанных с развитием городских поселений и жилища, хочется обратить внимание на некоторые другие особенности, которые придают традиционность внешнему облику русского города (главным образом среднего и небольшого). Они тем более заметны, что существуют в этих городах на фоне урбанизированного поселения, благоустроенного и усовершенствованного городского хозяйства (электрическое освещение, развитая сеть водоснабжения, благоустроенные улицы, усовершенствованный городской транспорт и т. д.). Помимо деревянных зданий, построенных и декорированных в традициях народного зодчества, о которых шла речь, своеобразие городам придают сохраняющиеся на многих городских усадьбах ворота, порой затейливо украшенные, играющие важную композиционную роль в фасадной части усадьбы (сельской и городской); колодцы, которые редко, но встречаются еще на городских улицах (иногда им придается мемориальное значение, как в г. Вязники Владимирской обл.); мостки на реке в пределах города, используемые, как и прежде, для полоскания белья, и т. д.

В одежде тенденция к изменчивости и восприятию элементов разного происхождения выражена сильнее, чем в других сторонах материальной культуры.

Разрушение традиционных форм одежды началось, как известно, давно и интенсивно протекало уже в XIX в., когда в силу развития текстильной промышленности и товарно-денежных отношений широко распространились фабричные ткани и новые виды одежды³⁴.

Во второй половине XIX — начале XX в. в России бытовал костюм, который принято называть городским. Его шили из фабричных материй. Формы его развились под влиянием европейского платья, но вместе с тем в него включались и элементы, и формы традиционной русской одежды. Так, в мужской костюм входили брюки и пиджак общеевропейского типа и рубашка-косоворотка, свойственная русскому традиционному костюму. Традиционен был и способ ношения определенных его элементов (рубашка выпускалась поверх брюк и подпоясывалась, брюки заправлялись в сапоги).

Знаменательно, что так называемый городской костюм, получивший широкое распространение в России, стал традиционным к концу XIX — началу XX в. Его носили как в городе, так и в селах, связанных с горо-

³¹ АГО, там же, № 22, л. 2; № 46, л. 3 (об.) и др.

³² Государственный музей этнографии народов СССР (ГМЭ), Отдел рукописей, ф. 7, оп. 1, № 27, лл. 16—18; № 530, л. 6; № 1807, л. 9 (об.) и др.

³³ АИЭ, МГОВЭ, 1980, тетр. № 1, л. 1—3, планы.

³⁴ Русские. Историко-этнографический атлас. Земледелие. Крестьянское жилище. Крестьянская одежда (середина XIX — начало XX века). М.: Наука, 1967, с. 195—196.

дом,—обычно там, где было принято работать на фабрике или заниматься отхожими промыслами. Крестьяне таких сел бывали в курсе городских мод и выделяли немалые средства на приобретение одежды³⁵.

Небезынтересно вместе с тем, что в городе в середине XIX в., а иногда и позже, женщины из определенных социальных групп (купецество, мещанство) еще носили такие выразительные элементы традиционного костюма, как сарафан и кокошник³⁶. В среде старообрядческого населения, обладающей известной консервативностью быта, традиционный костюм сохранялся значительно дольше. Правда, функция его постепенно сужалась до обрядовой (например, в Нижнем Тагиле)³⁷. В целом данные об одежде свидетельствуют, что в прошлом развитие костюма у русских в городе и в селе шло по общему пути при тесном взаимном влиянии.

Для одежды современного городского и сельского населения характерно еще большее сближение. Ее развитие в основном идет по пути дифференциации форм в зависимости от назначения, возраста, сезонности, характера труда, ритуальных целей.

В целом же одежда еще более приблизилась к образцам, которые можно назвать международными. Однако в общем фонде одежды продолжают сохраняться отдельные формы или элементы традиционного русского костюма, хотя сфера их применения ограничена. До сих пор выделяются и используются такие предметы одежды и обуви, как сапоги, валенки, рукавицы, головной платок, передник и др. Некоторые из них остались почти неизменными, другие представляют собой вторичные формы или лишь символизируют причастность к той или иной этнической традиции. Так, обобщением национального комплекса русской народной одежды (в разных случаях более или менее удачным) является костюм, в котором выступают на сцене профессиональные и самодеятельные актеры различных ансамблей (следует отметить, что самодеятельные фольклорные ансамбли ряда областей РСФСР пользуются подлинными народными костюмами, которые сохраняют локальные особенности).

Такая область материальной культуры, как пища, в наибольшей мере продолжает оставаться в компетенции семьи. Несмотря на развитие сети общественного питания, к которому практически в той или иной мере прибегает все городское население, пища преимущественно готовится и потребляется в домашних условиях. Для домашнего питания характерны предпочтительное приобретение продуктов и выбор определенных блюд. Это способствует сохранению традиционности питания. Наряду с тем, что в рационе населения известное место занимают продукты, привезенные из других регионов (в том числе из других стран), в основе питания все же лежат продукты, традиционные для данного региона и производимые в нем. Набор блюд, составляющих трапезы городских жителей, включает многие традиционные кушанья. Хорошо известно, что в городе и селе повсеместно распространены такие обязательные компоненты повседневного стола русской народной кухни, как щи и каша, причем это свойственно не только домашнему, но и общественному питанию. В зависимости от состава семьи и трудовой занятости ее членов в разных категориях семей режим питания варьирует, в целом же он остается традиционным и состоит из трех-четырех трапез.

³⁵ О том, что одежда была предметом большой заботы у крестьянства, в особенности у молодых людей, выразительно свидетельствуют материалы Бюро Тенишева (ГМЭ, Отдел рукописей, ф. 7, оп. 1), в которых содержатся сведения о том, на какие средства и каким образом «фабричные» составляли свой гардероб, как хранили одежду (в фабричных селах члены семьи имели для одежды отдельные сундуки). Среди материалов есть подробные описания гардероба людей разного возраста и достатка. В частности, по описанию деревенских щеголей из Владимирской губернии видно, что молодые люди стремились следовать городской моде—носили жилеты, шелковые шейные платки и длинные вязаные шарфы, тросточки и т. д. (ГМЭ, Отдел рукописей, ф. 7, оп. 1, № 8, с. 24—25, № 71, л. 7—8 и др.).

³⁶ Русские. Историко-этнографический атлас..., с. 202, 234; Анохина Л. А., Шмелева М. Н. Указ. раб., с. 171—172.

³⁷ Крулянская В. Ю., Полищук Н. С. Указ. раб., с. 127—131.

Характерно, что привычный набор блюд у русских горожан включал как традиционные блюда русской кухни, так и много инонациональных кушаний, в том числе народов СССР (некоторые из них стали интернациональными). Это касается как повседневного, так и праздничного стола (например, борщ, шашлык, винегрет, бифштекс, котлеты и др.). Примечательно, что те или иные блюда и способы их приготовления вошли в состав русской кулинарии в разное время и различными путями, а многие «преодолели» социальные преграды, прежде чем распространиться среди широких масс городского населения.

Так же, как и в других областях материальной культуры, в питании и ныне формируются традиционные явления. В настоящее время сложилась праздничная трапеза с определенным набором блюд, подаваемых в определенном порядке. В отличие от дореволюционного времени такая трапеза в основном сопровождает все празднества, проходящие в домашних условиях. При этом наряду с блюдами разного происхождения (и не только домашнего изготовления) в праздничном меню важное место занимают исконно русские блюда (например, пироги, студень).

Следует отметить, что исследование пищи показало зависимость между сохранностью традиционного явления и его функциональной и эстетической значимостью. Это относится и к праздничным пирогам, занявшим важное место в современной праздничной трапезе, и к выполняющим функцию ритуальной либо праздничной еды блинам, и к таким обрядовым блюдам, как куличи и крашение яиц, функционирование которых значительно шире, чем круг более или менее последовательных приверженцев связанных с ними праздников, в особенности в их предписанных церковью формах.

Для культурно-бытовых процессов в обширной области духовной культуры русских горожан, так же как и для материального быта, характерно все усиливающееся внедрение стандартизованных форм. По мере совершенствования способов удовлетворения духовных запросов людей огромное значение в современных условиях приобретает общественное начало в культурном обслуживании со свойственным ему развитием средств массовой информации. Вместе с тем эта область, тесно связанная с этническим сознанием и относительно свободная по сравнению со многими сторонами материального быта от жестко детерминирующего влияния производительных сил³⁸, более стойко сохраняет культурные традиции этноса (или части его), находящиеся в неизменном движении.

Занимающие значительное место в современном праздничном быту различные виды общественных праздников неодинаковы по своему составу; их праздничный комплекс, включающий торжественную часть, массово-развлекательную и домашне-бытовую, обладает разной степенью полноты³⁹. И традиции, участвующие в формировании тех или иных его компонентов, различны как по происхождению, так и по способам воплощения.

В наиболее развитых по составу, представленных полным праздничным комплексом советских государственных праздниках традиции разного характера нашли выражение во всех их компонентах. Для торжественной части с самого основания этих праздников были характерны такие формы, как митинг, собрание, демонстрация. Будучи собственно формами общественной борьбы пролетариата, они приобрели в советских революционных праздниках зрелищно-обрядовое значение. В этом качестве, подчеркивая гражданский характер торжеств данной группы, они стали традиционными, причем не только в общесоюзном, но и в международном масштабе. Следует отметить, что и в этой части государственных праздников, в целом отличающейся устойчивостью, происходили изменения по мере их формирования. В частности, были утрачены харак-

³⁸ Современные этнические процессы в СССР, с. 316—317.

³⁹ Будина О. Р., Шмелева М. Н. Общественные праздники в современном быту русского городского населения.— Сов. этнография, 1979, № 6, с. 4—5.

терные для раннего революционного праздника парнавалы и массовые инстинктивные.

Элементы более ранних, иногда древних, обычаев и обрядов, почерпнутых из известной русскому и другим народам праздничной культуры, также нашли отражение в праздниках этой группы (в основном в их развлекательной и домашне-бытовой частях). На формы проведения такого общественно-политического праздника, как 1 Мая, известное влияние оказал обычай маёвок — традиционных Первомайских гуляний, входящих в состав весенне-летнего календарного цикла европейских народов. Элементы календарной обрядности (карнавал, новогодняя елка) оказались включенными в праздник Нового года, имеющий в нашей стране большое общественно-политическое значение. Быстро сформировавшийся Праздник Победы вобрал в себя черты, присущие другим общественным праздникам. В нем нашли определенное место и традиционные народные представления и обряды, связанные с поминовением усопших.

В праздниках этой группы в настоящее время занимают большое место формы времяпрепровождения, традиционные для русского праздничного быта. Это — народное гуляние, включенное в массово-развлекательную часть всех праздников; гостевание и праздничное застолье, утвердившиеся в домашней сфере по мере вхождения советских праздников в быт. Упомянутые формы, присущие в прошлом празднествам иных типов, в наши дни значительно обогатились как за счет включения новых зрелищ и развлечений, так и вследствие расширения характера и круга общения.

В другой группе общественных праздников — производственных⁴⁰, также возникших в советское время; праздничный комплекс обладает значительно меньшей полнотой, чем в государственных праздниках. Отсюда и их меньшая по сравнению с последними насыщенность традиционными элементами.

Следует отметить, что есть категории производственных праздников, торжественная часть которых включает и определенные действия, задуманные в качестве обряда (например, клятва при посвящении в рабочий класс)⁴¹. Некоторые из них вошли или имеют тенденцию вхождения в традицию. Хотя производственные праздники в целом находятся в процессе становления, многие из них уже успели упрочиться в общественном быту трудовых коллективов, отдельных городов или районов, стали в них традиционными.

Примечательно, что праздники в честь определенных профессий пользуются большим успехом в целом ряде городов, где они стали не только частью общественного быта, но и распространились на домашне-бытовую сферу. Это можно сказать о Нижнем Тагиле — городе шахтеров и металлургов, где праздники этих профессий являются общегородскими; о Гусе Хрустальном, известном на всю Владимирскую область Праздником мастеров стекла; о Гороховце, где потомки мастеров редкой, почти исчезнувшей теперь профессии клепальщиков отмечают День судостроителя. Как видно, локальное вхождение в традицию таких праздников обусловлено традиционностью самих занятий, которым посвятили в течение ряда поколений трудовые усилия жители этих и подобных им городов.

Ярко выраженным национальным колоритом отличается третья группа современных общественных праздничных торжеств — так называемые сезонные праздники, отмечать которые за последние 20—30 лет вошло в обычай как у русских, так и у других народов СССР. Наиболее характерными для русских городов и достаточно сформировавшимися можно считать Праздник русской зимы, а также Праздник русской березки, в которых в переосмысленной на новой идеологической основе форме про-

⁴⁰ Будина О. Р., Шмелева М. Н. Общественные праздники в современном быту..., с. 9.

⁴¹ Крупянская В. Ю., Будина О. Р., Полищук Н. С., Юхнева Н. В. Указ. раб., с. 136.

исходит своего рода возрождение летних и весенних обрядов. К ним примыкает и осенний Праздник урожая, особенно широко отмечаемый в городах, являющихся центрами сельскохозяйственных районов. Он начал формироваться еще в 20—30-е годы и включает элементы древних восточнославянских «дожинок». Примером развития интернационалистских тенденций в праздничной культуре русских является празднование в ряде городов в числе сезонных праздников «сабантуя», берущего начало от татарского народного праздника в честь прихода весны⁴².

Поскольку сезонные праздники, как правило, не имеют отдельной развитой торжественной части и мало связаны с домашним бытом, традиционные элементы сосредоточены главным образом в общественно-развлекательных действиях праздничного комплекса, имеющих зрелищный и игровой характер. Большая роль в формировании этих праздников наряду с исторической преемственностью принадлежит современной творческой инициативе. Отсюда и свойственное им большое разнообразие обрядовых и игровых форм (давно сложившихся и новых, возникших стихийно и специально сконструированных, широко распространенных и местных), находящихся в различных динамических сочетаниях. При составлении праздничного сценария и реализации таких элементов праздников, как торжественные шествия, концерты, театрализованные представления и др., используются старые традиционные действия, символизирующие тот или иной праздник (катание с гор, езда на лошадях, выпекание блинов, сжигание чучела, плетение венков, повязывание березки, вождение хороводов, ряжение и др.). Здесь имеют место также состязания и увеселения ярмарочного типа, широко распространенные прежде в праздничном быту горожан и жителей крупных торговых сел (лазание по столбу, борьба, «потешные» маски, карусели). Заметную роль в праздничной игре выполняют обобщенные национально-символические персонажи, заимствованные из русского фольклора (Дед-Мороз, Снегурочка, Девушка-Березка). Оформление праздников, материальные их компоненты в той или иной мере отражают также специфику национальной культуры или какие-либо локальные ее особенности. Так, например, в Муроме Владимирской обл. в ходе Праздника русской зимы обыгрываются традиционные калачи, изображенные на гербе города⁴³. И чем органичнее при создании таких праздников удастся сочетать новые и традиционные, интернациональные и национальные черты, тем более вероятным становится вхождение их в традицию.

В области семейных праздников и обрядов также наблюдаются поиски новых форм использования традиционных элементов, отвечающих требованиям времени.

Профессионально созданные и внедренные ритуалы семейной обрядности, выполняющие роль общественной санкции (торжественное именование, регистрация брака, гражданская панихида и др.) приобрели широкое распространение. Наряду с ними продолжает функционировать (в разной мере) традиционная семейная обрядность. Основу ее составляет живая традиция, претерпевшая определенную трансформацию.

Итак, традиционность в разных сферах быта населения русских городов в настоящее время, как мы пытались показать, весьма неодинакова. Обусловленная степенью распространенности и характером отдельных элементов традиционной культуры, она, наряду с явлениями общего порядка, определяет особенности современного культурного пласта. По-разному (в зависимости от множества факторов) воплощаясь в бытовые формы, традиция играет существенную роль в культурно-бытовых процессах. Именно она, постоянно вбирая в себя культурные достижения человечества, при сохранении этнической преемственности, придает культурно-бытовым процессам национальный характер, соединяя, таким образом, прошлое и настоящее этноса в единое целое.

⁴² Будина О. Р., Шмелева М. Н. Указ. раб., с. 12.

⁴³ АИЭ, МГОВЭ, 1981, тетр. № 5, л. 28 (г. Муром Владимирской обл.).

Я. С. Смирнова

РОЛИ И СТАТУСЫ СТАРШИХ В АБХАЗСКОЙ СЕМЬЕ

[к проблеме геронтофильных факторов долгожительства]

В разработке геронтофильной гипотезы социальных факторов абхазского долгожительства, т. е. предположения о том, что высокий статус старших возрастных групп является одной из причин продления их жизни¹, видное место занимает характеристика положения старших в семье и ее быту. Это и понятно. По крайней мере, со времен развитого первобытного общества семья, несомненно, принадлежит к числу важнейших первичных социальных групп, и положение в ней старших в значительной мере проецируется на их положение в других социальных группах и в обществе в целом. Предлагаемая статья² посвящена взаимосвязанным ролям и статусам старших в семье. Под ролями мы в дальнейшем будем понимать не только активные, но и пассивные роли, а под статусами — не только, в соответствии со специальным значением этого термина, позиции в семейной иерархии, но и, шире, степень внутрисемейного престижа.

В пореформенное время, если не раньше, у абхазов преобладала малая, или нуклеарная, семья, но местами, особенно в горных селениях, сохранялись и большие, или расширенные, семьи (*аюнду* — «большой дом»; также *атацваду* в нынешнем Гудаутском и *атаачаду* в нынешнем Очамчирском районах)³. Надо также учесть, что подобно тому, как это наблюдалось у многих соседних народов⁴, часть семей была не большими и не малыми, а переходного от первых ко вторым типам. Чаще всего это выражалось в том, что разделившиеся в хозяйственном отношении семьи сохраняли локальное единство: дома женатых сыновей (*амхара*) располагались подле отцовского (носившего в этом случае название «большого») дома — (рис. 1), либо образовывали удлинявшие его пристройки, и это в свою очередь не могло не сказываться на определенной бытовой общности и поведенческих стереотипах⁵.

Как большой, так и малой семье было свойственно традиционное разделение хозяйственных работ, детально описанное уже в дореволюционной абхазоведческой литературе. Это главным образом разделение труда между мужчинами и женщинами, а также между взрослыми и под-

¹ Наряду с геронтофильной разрабатываются и другие гипотезы повышенного процента долгожительства у тех или иных этносов или этнических групп: экологическая, генетическая, демографическая, репродуктивная, психологическая, трудовая и т. п.

² В работе помимо литературных обобщены полевые этнографические материалы, собранные автором частью в 1946—1948 гг. в Гудаутском и Очамчирском районах Абхазии (селения Абгырхук, Ачандара, Блабурхва, Джирхва, Дурипш, Киндги, Лыхна, Отхара, Хопа, Члоу), частью в 1978—1979 и 1981 гг. в Очамчирском р-не (селения Атара-Абхазская, Джгерда, Киндги, Отап, Тхина, Члоу). В дальнейшем приводятся ссылки только на литературные данные.

³ Державин Н. Абхазия в этнографическом отношении. — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа (далее — СМОМПК). Тифлис, 1907, в. XXXVII, с. 6; Инал-ипа Ш. Д. Очерки по истории брака и семьи у абхазов. Сухуми: Абгосиздат, 1954, с. 184 сл.; его же. Абхазы. Историко-этнографические очерки. Сухуми: Алашара, 1965, с. 466; Аджинджал И. А. Из этнографии Абхазии. Материалы и исследования. Сухуми: Алашара, 1969, с. 95.

⁴ Смирнова Я. С. Формы семьи у народов Северного Кавказа в XIX — начале XX в. — Сов. этнография, 1981, № 1.

⁵ Джанашивили М. Абхазия и абхазцы. Этнографический очерк. — Записки Кавказского отдела Русского географического общества. Тифлис, 1894, кн. XVI, с. 17.

Рис. 1. «Большой дом» и амхара на усадьбе

ростками⁶. В противоположность этому, хозяйственные роли старших не получили сколько-нибудь заметного освещения. Есть, правда, сообщение И. Аверкиева о распределении обязанностей в одной из семей, где отец занимался «делами политическими»⁷, но оно с очевидностью относится к верхушечным слоям общества. Казалось бы, объяснение такого невнимания к хозяйственным ролям старших лежит на поверхности: в данном случае роли определялись не традицией, а физическими возможностями старших мужчин и женщин. Так оно и есть, но только в отношении мужчин и тех женщин, хозяйственная жизнь которых протекала в малых семьях. Пока мужчина мог, он делал все основные мужские работы: вспахивал землю и ухаживал за посевами важнейших сельскохозяйственных культур, заботился о скоте вплоть до дойки коров или коз и стрижки овец, ремонтировал дом и доставлял дрова, а часто и ходил на охоту. Точно так же и женщина в малой семье, пока позволяли силы, ухаживала за огородом, птицей и свиньями (у христиан), готовила пищу и заготавливала продукты впрок, в случае надобности доставляла воду и следила за чистотой дома, а также, по крайней мере до конца XIX — начала XX в., сама выделявала значительную часть предметов одежды и кожаной хозяйственной утвари. Неженатые сыновья и незамужние дочери, разумеется, работали тоже и обычно брали на себя работы потяжелее, скажем, такие, как доставка топлива и воды. Но перекаладывать на их плечи основную часть работы без особой к тому необходимости было не принято. С другой стороны, было не принято не считаться с возрастными возможностями престарелых. «Старик, соревновавшийся с молодым, спину ломал», «Со старухой и у очага случилось несчастие», — напоминали абхазские пословицы⁸.

Не так распределялись хозяйственные обязанности женщин в больших семьях. Женские работы в целом считались менее престижными, чем мужские, и поэтому старшие женщины оставляли за собой более легкие и почетные обязанности, передавая остальные младшим невесткам. Так, старшие женщины готовили пищу (обычно опять-таки прибегая к помощи одной из невесток), младшие работали на огороде, доставляли воду, убирали дом, стирали и т. п. Что касается дочерей, то

⁶ [Введенский А. Н.] Экономическое положение туземного населения Сухумского отдела. — Сборник сведений о кавказских горцах (далее — ССКГ). Тифлис, 1872, в. 6, с. 13 сл.; Абхазцы (азега). — Там же, с. 46; Рыбинский Г. А. Абхазия в сельскохозяйственном отношении. Тифлис, 1894, с. 15; Джанашивили М. Указ. раб., с. 18 сл.; Инал-ипа Ш. Д. К вопросу о матриархально-родовом строе в Абхазии. — Тр. Абхазского научно-исслед. ин-та языка, литературы и истории. Сухуми, 1954, т. XV, с. 218 сл. и др.

⁷ Аверкиев И. Еще об Абхазии. — Кавказ, 1854, № 81; ср.: Мачавариани К. Д. Некоторые черты из жизни абхазцев. — СМОМПК, 1884, в. IV, с. 52.

⁸ Гулия Д. И. Сборник абхазских пословиц, загадок, скороговорок, омонимов и омографов, народных примет о погоде, заговоров и наговоров. Сухуми, 1939, с. 43, 48.

они не столько работали, сколько учились работать, чтобы быть хорошими хозяйками после замужества.

К хозяйственным примыкал такой вид семейных работ, как уход за детьми, неженатыми мужчинами, больными и одряхлевшими членами семьи, а также особая разновидность этих работ — забота о старших членах семьи и гостях. За исключением заботы о гостях, все это были преимущественно женские работы, причем ведущие роли принадлежали в них не старшим, а младшим женщинам: в малых семьях — незамужним дочерям, в больших — невесткам.

Специфика ухода за маленьким ребенком первое время в какой-то степени определялась обычаями избегания, речь о которых впереди. Полагалось, чтобы поначалу молодая мать при старших вообще не подходила к своему ребенку. Колыбель с новорожденным помещали в «большом доме», где о ребенке заботилась свекровь, которой помогали другие невестки или дочери. Лишь по прошествии некоторого времени свекровь просила молодую мать больше не стесняться ее присутствием и самой ухаживать за ребенком. Сходным образом и, по-видимому, также не без связи с обычаями избегания обстояло дело с уходом за одряхлевшими членами семьи. До появления в доме невестки этим занималась главным образом одна из незамужних дочерей или внучек, теперь же обязанность переходила к невестке, однако не сразу, а лишь после годичного пребывания в доме. Поскольку девушки дома считались старше невесток, роль здесь передавалась от старшей к младшей и позднее, по мере новых женитб, продолжала передаваться по тому же принципу, оставаясь за самой младшей из невесток.

Что касается заботы о старших членах семьи, то они были объектом подчеркнутого внимания и тогда, когда по своему физическому состоянию не нуждались ни в каком уходе. В частности, не только одряхлевшим старикам (*алыгажвам*), но и в достаточной степени бодрым пожилым мужчинам (*абыргам*) дочери или сыновья, а в больших семьях позднее невестки помогали мыть руки и ноги, раздеваться и т. п. Это было демонстрацией внимания и уважения к высокому семейному статусу и в этом отношении напоминало заботу о гостях с той, впрочем, разницей, что в последнем случае семейные роли распределялись сложнее.

Гостеприимство в жизни абхазов не было занятием эпизодическим. В силу местных особенностей традиционного уклада жизни в большинстве семей гостили очень часто, а если селение было административным, культовым и т. п. центром, то практически чуть ли не постоянно. Считалось, что старшему в семье следует самолично встретить гостей и проводить их в особое помещение — стоящую особняком кунацкую или гостевое помещение дома. Хороший тон требовал также, чтобы за столом старший, если он не был совсем дряхл, поначалу сам стоя прислуживал гостям и лишь затем поручал эту почетную обязанность младшим мужчинам. Недостатка в последних не было не только в больших, но и в малых семьях, так как по случаю приема гостей должны были явиться также и отделившиеся сыновья, чтобы прислуживать при угощении. Поскольку гостеприимство было преимущественно мужским делом, роль в нем женщин до конца XIX в. оставалась ограниченной и сводилась главным образом к помощи при омовении рук, приготовлению пищи и предписанным правилами вежливости услугам при отходе ко сну. Девушки, кроме того, могли развлекать гостей танцами. С конца XIX в. девушки и младшие женщины стали наряду с мужчинами прислуживать гостям за столом. Старшая в семье женщина иногда сама помогала мыть руки особенно почетным гостям, но чаще только выходила, чтобы приветствовать гостей за столом и произнести тост за их здоровье⁹.

⁹ Торнау Ф. Воспоминания кавказского офицера. — Русский вестник, 1864, № 9, с. 8; Sereno C. Excursion en Samourzacan et en Abkhasie. — Tour du monde, 1882, p. 358; Державин Н. Указ. раб., с. 5; Миллер А. Из поездки по Абхазии в 1907 г. — Материалы по этнографии России. Спб., 1910, т. 1, с. 65; Шилинг Е. М. В Гудаутской Абхазии. — Этнография, 1926, № 1—2.

Очень важными и, может быть, одними из самых монопольных были организаторские роли старших членов семьи. Они, с одной стороны, естественно коренились в накопленном жизненном опыте, с другой — как бы институционализировались на основе особого статуса старших. По существу именно старшие направляли всю жизнь семьи, будь то повседневная хозяйственная деятельность, внутрисемейные отношения или праздничные или иные обряды.

Старшие мужчины — отец, дед, старший брат — распределяли между другими мужчинами хозяйственные работы, различные виды которых в одних семьях или случаях закреплялись за кем-нибудь на длительное время, в других — поручались ежедневно. Они же задавали урок и при необходимости руководили работой. Равным образом мать семейства, а за ее отсутствием старшая невестка ведали распределением работ между другими невестками и дочерьми, определяли, сколько чего надо заготовить на зиму, распоряжались запасами продуктов, ведя их учет и устанавливая норму для каждой трапезы. Если дело того требовало, они же осуществляли надзор за ее ходом. Старший мужчина следил за поведением мужской, а старшая женщина — женской части семьи, давая наставления и улаживая конфликты. Считалось, что мужчинам не следует вмешиваться в женские, женщинам же — в мужские дела, но если во взаимоотношениях между женщинами возникали серьезные осложнения, если кто-нибудь был не согласен с действиями старшей женщины, она обращалась за советом или помощью к старшему мужчине. Для решения важнейших вопросов созывался семейный совет, на котором присутствовали все взрослые мужчины и старшая женщина, представлявшая интересы женской половины дома. Старший всех выслушивал и решал, как быть. Обрядовая жизнь семьи опять-таки всегда протекала под непосредственным руководством старших мужчин, а в области специфически женских обрядов — старших женщин. Они назначали день празднования рождения ребенка и совершения других многочисленных обрядов детского цикла, устанавливали время свадьбы или похорон, определяли круг приглашенных и чаще всего сами возглавляли все проходившие в семье праздничные или траурные церемонии.

Если наставническая, воспитательская роль старших по отношению к другим взрослым членам семьи по существу была лишь одной из составляющих их общей роли в организации семейного общежития, то воспитательская роль по отношению к детям являлась особой и очень важной линией повседневной деятельности старших мужчин и женщин. Эта линия была особенно заметна в больших семьях из-за более жесткого гам избегания между родителями и детьми, но не исчезала и в тех малых семьях, которые локализовались подле «большого дома», оставаясь связанными с ним определенной бытовой общностью. Не будет преувеличением сказать, что в этих случаях детей часто воспитывали не столько их родители, сколько деды и бабушки, не связанные избеганием и в то же время обычно имевшие больше свободного времени, чем родственники помоложе. Дед постепенно приучал мальчика к крестьянской работе, передавая ему навыки земледелия, ухода за скотом и различных мужских ремесел — обработки дерева, грубой кожи, а в семьях кузнецов — также металлообработки. В свою очередь бабушка учила девочку домашним работам и еще более разнообразным женским рукоделиям и ремеслам — вышивке, плетению, обработке шерсти и тонкой кожи и т. п. Старики же нередко прививали детям первые навыки верховой езды, ухода за лошадьми и обращения с холодным и огнестрельным оружием, что в условиях традиций вфеицированного быта абхазов считалось не менее важным, чем трудовое воспитание. Выдающейся была роль представителей старшего поколения семьи в эстетическом и нравственном воспитании детей: они раскрывали перед детьми богатства народного творчества абхазов и исподволь знакомили их с нормами обычного права, требованиями этикета, религиозными предписаниями и другими идеологическими стереотипами¹⁰.

¹⁰ Подробнее см.: Смирнова Я. С. Воспитание ребенка у абхазов. — Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР, 1961, в. XXXVI.

На идеологической роли старших членов семьи, далеко не последней в ряду их ролей, надо остановиться особо. Естественно, что, как и в других крестьянских обществах, именно старики были главными хранителями представлений и норм, а равно исполнителями связанных с ними ритуальных, в том числе культовых, действий. Прежде всего они были хранителями обычного права — *адатов*, которыми вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции в основном регулировалась юридическая жизнь абхазских селений. Судопроизводство считалось специфически мужской сферой деятельности, однако бывало, что в затруднительных случаях обращались за советом к известной своими познаниями в этой области старухе. Абхазские *адаты*, как и всякое обычное

Рис. 2. Старейший произносит молитву перед началом свадебной трапезы

право, не отделены четко от других поведенческих норм, и люди старшего поколения были вместе с тем хранителями и блюстителями правил поведения вообще, и в том числе сложных правил абхазского патриархально-феодалного этикета. В то же время, поскольку многие поведенческие нормы были освящены мифологически, старики хранили в памяти множество мифологических образов и сюжетов. Все эти идеологические роли переплетались с организаторскими и особенно с наставническими, воспитательскими ролями старшего поколения и немало способствовали их укреплению. Еще больше способствовали этому идеологические роли старших членов семьи в такой области, как религия.

Как известно, традиционной религией части абхазов было христианство, другой части — ислам, причем обе эти конфессии были тонким суперстратом, покоившемся на мощном субстрате древнейших политеистических верований. Какого бы официального вероисповедания ни придерживалась семья, в

религиозных представлениях доминировал пантеон древнеабхазских богов и духов, а в культовой практике — неприкрыто языческие жертвоприношения и моления неофициальным божествам. И жрецами этих культов, среди которых наряду с общеабхазскими, общинными и семейно-патронимическими было немало семейных, почти всегда являлись представители старшего поколения, по большей части мужчины, реже женщины. Уже при возникновении новой супружеской ячейки, на свадьбе и при вводе невесты в «большой дом», старший в семье или один из других стариков приносил жертвы и молился покровителю домашнего очага Ажахаре и духам предков о благополучии молодых (рис. 2). То же происходило во время ряда календарных обрядов. Например, после уборки урожая на стол ставили кушанья ото всех плодов земли, и старший в семье обращался к богине плодородия Джадже со словами благодарности или с просьбой возместить плохой урожай урожаем будущего года. После отела скота он же молился духам предков о сохранении стада. Во время таких праздников, как, скажем, Рождество, Новый год или Пасха, он же совершал жертвоприношения и молился о благополучии всех членов семьи. В первый понедельник великого поста и в первое воскресенье после Пасхи о благополучии семьи (однако лишь ее женской части) молилась старшая женщина. Она же всегда выступала на сцену, совершая жертвоприношения и творя молитвы, когда дело касалось такой специфически женской области обрядовой жизни семьи, как обвод новобрачной вокруг семейного очага при вводе ее в «большой

дом» или как первый выход невестки за водой, а тем более когда нужно было обеспечить ей плодovitость, или благополучный исход родов, или покровительство высших сил в послеродовой период. Вообще, если молодой мужчина иногда все же мог выступать в роли жреца (например, кузнец, совершавший обряды кузнечного культа бога Шашвы), то для молодой женщины роль жрицы исключалась. По обычаю, быть посредницей в общении с высшими силами имела право только «чистая», т. е. уже не имеющая менструаций, женщина (*апхюсцке*)¹¹.

Наконец, старшие члены семьи выступали в репрезентативной роли, представляя своих близких не только перед богами и духами, но и во всех сколько-нибудь важных делах. Именно они были их главными и практически обязательными представителями на свадьбах, похоронах и поминках в других семьях, а также на ритуальных собраниях, связанных с отправлением фамильно-патронимических, общинных и общеабхазских культов. Они же входили в патронимические и фамильные советы старейших, которые ведали всеми чрезвычайными делами данного круга родственников — экономической взаимопомощью и взаимозащитой, организацией свадеб, похорон и поминок, конфликтными ситуациями при женитьбах и замужествах, принятием в число однофамильцев и исключением из их числа. Эти свои функции они сохранили и тогда, когда в пореформенное время (по мнению Ш. Д. Инал-ипа, уже до реформы)¹² место родственных советов старейших в основном заняли территориальные, общинные советы; впрочем, четкой границы между ними не было и раньше, так как во всех важных случаях к участию в советах родственных семей привлекались также старшие из других семей поселка или селения. Некогда старшие отстаивали интересы семьи или были в ответе за нее перед своими феодалами, а позднее стали представлять ее перед другими, прежде всего сельскими, властями. Они же выступали истцами или ответчиками в судах при всех тяжбах, касавшихся интересов семьи в целом.

Выдающимся семейным ролям старших членов семьи соответствовали их высокие семейные статусы. Самым высоким был статус старшего мужчины, который, как правило, был в то же время и главой семьи (*аюны аихабы*). Точнее говоря, формально он всегда был главой семьи, а исключения могли делаться лишь де-факто в тех случаях, когда, как писал М. Джанашивили, младший член семьи по уму и опытности превосходил старшего¹³. Еще точнее следует дифференцировать различные области соотношения формального и фактического главенства. Официальный статус главы семейства и ее заступника перед небесными силами всегда оставался за старшим мужчиной, даже если он уже был совсем дряхл и не покидал дома. В этом последнем случае к младшему мог перейти лишь неофициальный статус фактического распорядителя хозяйственной жизни и представителя перед земными властями, действовавшего как бы от лица традиционного главы и, хотя бы по видимости, согласно его советам и указаниям. Известную роль в этом отношении играл также тип семьи. В малой семье со взрослыми сыновьями и в большой семье вертикального типа, т. е. так называемой отцовской, старшинство было связано с главенством теснее и прочнее, чем в большой семье горизонтального типа, т. е. так называемой братской, где младшему брату, если он намного превосходил своими данными старшего, было легче приобрести статус также и формального главенства.

Как в большой, так и в малой семье старший мужчина в качестве главы семьи был прежде всего если не неограниченным собственником, то полномочным распорядителем общесемейного имущества — земли и

¹¹ [Введенский А. Н.] Религиозные верования абхазцев. — ССКГ, 1871, в. V, с. 20, 21; Альбов Н. М. Этнографические наблюдения в Абхазии. — Живая старина, 1893, № 3, с. 323; Званба С. Т. Этнографические этюды. Сухуми: Абгосиздат, 1955, с. 55, 75—77; Джанашивили М. Указ. раб., с. 32; Чурсин Г. Ф. Материалы по этнографии Абхазии. Сухуми: Абгосиздат, 1956, с. 27; Джанашиа Н. С. Статьи по этнографии Абхазии. Сухуми: Абгосиздат, 1960, с. 24, 25, 27, 33, 37, 43, 50, 51, 61, 67, 90, 99.

¹² Инал-ипа Ш. Д. Абхазы, с. 410, 411.

¹³ Джанашивили М. Указ. раб., с. 17.

сельскохозяйственного двора со скотом и инвентарем. Соответственно все продукты труда членов семьи или вырученные от их продажи деньги, а равно и сторонние заработки взрослых сыновей поступали в его распоряжение. Единственное, на что он не мог претендовать, была личная собственность других членов семьи — одежда и оружие у мужчин, та же одежда и приданое (у мусульман также часть брачного выкупа — *мека*) у женщин. Естественно, что от его воли всецело зависел выдел женатого сына, а отделившийся самовольно мог остаться без имущества. При разделе семьи, сколько бы членов ее ни делилось, отец и глава семейства получал половину. Юридический статус старшего вместе с его исключительными семейными ролями определял его огромную власть и престиж в семье. Еще в первой половине XIX в. отец семейства был волен в жизни и смерти своих детей, и даже позднее его власть над ними оставалась очень большой. «Власть родительская в Абхазии неограниченна, — писал Ф. Ф. Торнау. — Одно природное чувство любви к детям, сильное в здешнем народе, является порукой нерушимости их прав»¹⁴. О престиже старшего мужчины можно судить по такому обычаю: после его смерти через дом перекидывали веревку и изо всех сил ее натягивали, чтобы якобы начавший расшатываться дом не рухнул¹⁵.

Следующую ступень в семейной иерархии трудно определить однозначно. С одной стороны, на ней стояла старшая женщина как мать семейства и глава женской части семьи, с другой — второй по старшинству мужчина как ближайший помощник и наиболее вероятный преемник самого старшего.

Имущественно-правовой статус старшей женщины (*аюны аихабы апхюс*) был невысок: как и всякая другая женщина семьи, она имела право только на свою личную собственность. При семейном разделе ей не полагалось ничего из общесемейного имущества. Есть, правда, единичное сообщение М. Джанашивили, что при разделе мать получала долю, равную доле каждого сына¹⁶, но оно не подтверждено другими литературными источниками и категорически опровергнуто полевой информацией. Только в последней трети XIX в. в высших сословиях абхазов под влиянием российского законодательства стала укореняться практика, по которой муж мог завещательным порядком передать жене часть движимого имущества¹⁷. Вообще же, даже в тех нечастых случаях, когда старшая женщина после смерти мужа становилась главой большой семьи, противясь ее разделу, ее право распоряжения имуществом было по объему практически уже, чем право старшего мужчины. Таким образом, общий высокий статус старшей женщины, властвовавшей над женской половиной дома и обладавшей в глазах младших членов семьи престижем, мало уступавшим престижу старшего мужчины, был основан не на ее формальных правах и возможностях, а на неформальной традиции. О силе этой традиции говорит то, что еще в 1924 г. в записке о быте абхазов, составленной по поручению Совета Народных Комиссаров Абхазской АССР, отмечалось: в женской половине дома «властвует старшая из женщин; молодые невестки (атаца) находятся на положении рабынь»¹⁸.

В кавказоведческой литературе имеет известное распространение восходящее к М. О. Косвену¹⁹ мнение, что в этой традиции следует видеть отголоски матриархата. Едва ли это так. Патриархальная семья, как и всякая семья, для своего нормального функционирования требует не только мужского, но и женского руководства и соответственно опре-

¹⁴ Торнау Ф. Ф. Обычаи абхазского народа и разделение его на состояния. — Центральный государственный военно-исторический архив, ф. 482, д. 57, л. 11. Приведено по работе: Дзидзария Г. А. Ф. Ф. Торнау и его кавказские материалы XIX в. М.: Наука, 1976, с. 122; ср.: Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. Спб., 1871, т. 1, кн. II, с. 53.

¹⁵ Джанашивили М. Указ. раб., с. 28.

¹⁶ Там же, с. 17.

¹⁷ Завадский Ф. Абхазия и Цебельда. — Кавказ, 1867, № 60.

¹⁸ Центральный государственный архив Абхазской АССР, ф. 70, д. 1, л. 31.

¹⁹ Косвен М. О. Семейная община и патронимия. М.: Изд-во АН СССР, 1963, с. 51.

деленного статуса старшей женщины²⁰. Поэтому можно думать, что прерогативы старшей женщины — это прерогативы, в целях ролевой целесообразности переданные ей старшим мужчиной, а высокий статус старшей женщины — это естественное следствие данных прерогатив.

В противоположность этому, высокий статус второго по старшинству мужчины не только определялся ролевой целесообразностью, но и получил определенное юридическое закрепление. При разделе семьи старший из братьев получал майоратную долю (*аихабшаху*) оружием или скотом (например, по дополнительной голове скота каждого вида или лучшую скотину в стаде), а по некоторым литературным и полевым сообщениям, также отцовский дом. По другим сообщениям, в последнем случае преобладало миноратное право, и отцовский дом становился миноратной долей (*аицабшаху*) младшего из братьев²¹. Однако при оценке этих, казалось бы, противоречивых данных надо иметь в виду два обстоятельства. Первое: у многих народов мира, и, видимо, у абхазов в их числе, майорат в верхушечных слоях населения сочетался с миноратом в широких народных массах. И второе, особенно существенное для рассматриваемого вопроса: миноратное право всегда было лишь специфическим выражением привилегии самых старших членов семьи — ведь оно потому-то и возникло, что родители чаще всего оставались жить с младшим из сыновей. Поэтому трудно сказать, чем на деле была миноратная доля: привилегией или повинностью. Что же касается майоратной доли, то она, несомненно, была привилегией. Старший из братьев имел и другие привилегии. Он наследовал идеологические функции главы дома, например функции жреца кузнечного культа в семьях кузнецов²². Его полагалось слушаться, спорить с ним считалось неприличным.

Статусы других членов большой или малой семьи, а равно всех близких родственников вплоть до дядьев или племянников, принадлежавших к одному разделившемуся «большому дому», также были иерархизированы по старшинству, хотя, может быть, и не так жестко, как по отношению к самым старшим. Младший брат не должен был жениться раньше старшего, разве что с его согласия в порядке исключения. При разделе общесемейного имущества братья выбирали свои доли по очереди, устанавливаемой в зависимости от старшинства. Обычай требовал, чтобы брат помоложе почитал брата постарше и не вступал с ним ни в какие пререкания. Так же соотносились между собой статусы сестер и статусы невесток, а равно общий статус невесток по отношению к золовкам и другим девушкам данной семьи, в том числе самым младшим. Вообще, статусы коренных и пришлых членов семьи соотносились не столько по фактическому, т. е. возрастному, старшинству, сколько по старшинству, так сказать, **позиционному**, ставившему кровное родство по отношению к хозяину дома выше свойства. Исключением из этого правила была мать семейства, об особом положении которой уже говорилось раньше. В значительно меньшей степени, но все же также исключительное положение занимала старшая из невесток, естественно являвшаяся ближайшей помощницей и возможной преемницей старшей женщины. Наряду с названным действовало еще одно правило старшинства: мужчины как таковые считались старше женщин как таковых, в силу чего статус младшего брата оказывался выше статуса старшей сестры со всеми вытекающими отсюда не только имущественно-правовыми, но и нормативно-поведенческими последствиями. По мужчинам же в определенных случаях устанавливалось старшинство женщин. Так, если жена старшего брата была моложе жены младшего, то она все равно считалась старше ее позиционным старшинством. Все эти пересекавшиеся линии факти-

²⁰ См.: *Першиц А. И.* Динамика традиций и возможности их источниковедческого истолкования. — Народы Азии и Африки, 1981, № 5, с. 89.

²¹ *Пушкарёв С.* Абхазия и абхазцы. — Кавказ, 1854, № 61; *Торнау Ф.* Воспоминания кавказского офицера, с. 8; *Аверкиев И. С.* С северо-восточного побережья Черного моря. — Кавказ, 1866, № 74; *Завадский Ф.* Указ. раб.; *Джанашвили М.* Указ. раб., с. 17, 18; *Дубровин Н.* Указ. раб., с. 81.

²² *Джанашаши Н. С.* Указ. раб., с. 72.

ческого и позиционного старшинства были строго упорядочены, можно сказать, кодифицированы в неписаном своде традиционных социальных норм абхазов. Разумеется, эти нормы корректировались и здравым смыслом (взрослая сестра не всегда на деле отдавала пальму первенства малолетнему брату), и индивидуальными особенностями характеров (умная и волевая младшая невестка умела фактически подняться в семейной иерархии над старшей, но недалекой и слабОВОЛЬНОЙ), и многим другим. Однако в принципе внутрисемейная иерархия старшинства была фиксированной и, как правило, больше или меньше давала себя знать во всех областях жизни семьи, наиболее повседневно и зримо проявляясь в правилах абхазского этикета (*ансуара*).

Доминирующей чертой абхазского семейного, как, впрочем, и общественного, этикета было выражение подчеркнутого почтения к старшим. Как справедливо обобщает Ш. Д. Инал-ипа, всё сводилось к тому, чтобы «старший всегда был первым, всегда впереди, всегда в почете»²³. При этом знаки уважения были тем более ярко выраженными, чем выше был фактический и позиционный возраст их объекта. Так, при старшем в семье мужчине даже его взрослые, давно женатые сыновья не сидели, не лежали, не курили, не вели разговоры на флиртовые темы, не заговаривали с ним первыми, не появлялись небрежно одетыми и т. п. Ш. Д. Инал-ипа приводит характерное предание о сыне, который, даже умирая, поднялся при появлении отца²⁴. Старшему брату оказывали почти такие же знаки уважения, как и отцу семейства. Девушкам полагалось быть со старшими еще более скромными и почтительными, чем молодым мужчинам. В частности, при старших они не должны были мыться, одеваться, причесываться; в то же время им, как уже отмечалось, вменялось в обязанность демонстрировать свое уважение к старшим такими символическими услугами, как помощь при мытье рук и ног, отходе ко сну и т. п. Но более всего было связано такими этикетными предписаниями и ограничениями поведение самых младших членов семьи — невесток, на которых к тому же ложилась основная тяжесть особой части семейно-родственного этикета — обычаев избегания.

Абхазское избегание мало отличалось от принятого у многих других народов Кавказа, также образуя четыре группы ограничений в общении: между супругами, между родителями и детьми, между женой и родственниками мужа и между мужем и родственниками жены. Наиболее существенной чертой этих ограничений было то, что они особенно заметно проявлялись либо при старших, либо по отношению к самим старшим. Так, в присутствии старших, и прежде всего ближайших старших родственников, супругам долго не полагалось показываться вместе; мать не должна была, как уже говорилось, первое время подходить к младенцу, а отец на протяжении многих лет избегал показываться рядом с ребенком; невестке длительно не разрешалось разговаривать со свекровью и обычно всю жизнь — со свекром; зять не менее года не показывался тестю и теще. Даже и после снятия запретов показываться на глаза или разговаривать оставались определенные ограничения. Скажем, невестка никогда не села бы на одну скамью со свекровью, а зять — с тестем или с тещей, муж и жена также не уселись бы рядом при старших. Между лицами, подлежащими взаимному избеганию, навсегда устанавливался запрет на личные и фамильные имена. При этом невестка величала старших почтительными нарицательными именами: свекровь — *нан* (мать, старшая), старшего деверя — *хак* (господин) и т. д. Мало того, хотя в абхазском языке не принято обращение на «Вы», из правила делалось исключение для невестки, которая должна была употреблять это местоимение по отношению ко всем старшим родственникам мужа и их женам или мужьям²⁵. В целом, таким образом, хотя избегание

²³ Инал-ипа Ш. Д. Традиции и современность. Сухуми: Алашара, 1973, с. 73.

²⁴ Там же, с. 74.

²⁵ Подробнее см.: Смирнова Я. С. Семейный быт и общественное положение абхазской женщины (XIX—XX вв.). — В кн.: Кавказский этнографический сборник. М.: Изд-во АН СССР, 1955, в. I, с. 120 сл.; Инал-ипа Ш. Д. Абхазы, с. 324 сл.; Патейна Н. С. Избранное (статьи, рассказы, стихи). Сухуми: Алашара, 1978, с. 17.

было, во-первых, обоюдным и, во-вторых, отнюдь не воспринималось как сознательное стремление кого-нибудь унижить, в рассматриваемое время оно объективно выступало в качестве этикетного подчеркивания высокого статуса старших и подчиненного — младших²⁶. Последнее более всего касалось невесток, контакты которых со старшими членами семьи, в отличие от контактов зятеев с их свойственниками, были постоянными и, следовательно, постоянно напоминали обеим сторонам о различии в их статусах. Характерно, что по мере того, как супруги старели сами, избегание между ними и их старшей родней все же смягчалось. Это опять-таки с очевидностью обнаруживает престижную функцию избегания в патриархально-феодальной абхазской семье.

Многими столетиями складывавшиеся традиции, связанные с ролями и статусами старших возрастных групп в семейном быту абхазов, сохранились не только с развитием в крае капиталистических отношений, но и в советское время, дожив до сегодняшнего дня.

Прежде всего в значительной мере удерживается локально-бытовая основа распределения ролей и соотношения статусов в семье, так как, хотя большие семьи сейчас составляют редкое исключение, жива традиция селиться подле отцовского «большого дома» и продолжать ощущать себя единым близкородственным «большим домом». В основном удерживаются и хозяйственные, а также примыкающие к ним бытовые роли старших мужчин и женщин: ведь начавшийся отход от традиционного разделения труда в семье меньше всего затронул ее старшее поколение. Вместе с тем в этой области фиксируются определенные изменения, касающиеся главным образом ролей старших женщин в таких усложненных малых семьях, которые включают в свой состав мать или тетку мужа. Массовое вовлечение в общественное производство женщин, особенно молодых, повело к тому, что во многих семьях старшие женщины взяли на себя не только уход за детьми или больными, но и такие особенно непрестижные работы, как уборка дома, стирка и т. п. В организаторских и репрезентативных ролях традиция до известной степени расшатывается рядом факторов современной жизни, в первую очередь резким сужением сферы семейного хозяйства и общей демократизацией структуры семьи. В этих условиях область лидерства старших либо сужается (например, ограничиваясь сферой подсобного личного хозяйства), либо приобретает в какой-то мере формальный характер (скажем, представитель семьи ссылается на полномочия, данные ему старшим). В то же время общий дух возрастного лидерства жив настолько, что редко кто усомнится в праве не только родителей или деда с бабкой, но и других относительно близких старших родственников в случае нужды вмешиваться в дела всех младших членов «большого дома». Заметной остается и роль старших членов семьи в воспитании детей. Она отчасти ослабела в связи с начавшимся изживанием обычаев избегания, но далеко не исчезла совсем. Меньше всего поколеблена традиционная идеологическая роль старших возрастных групп, и прежде всего (в той мере, в какой сохраняются остатки религиозного мировоззрения или привычных ритуальных действий) их роль в области религиозных культов.

Соответственно по-прежнему очень высок престиж старших, а стало быть их мироощущение (рис. 3). В особенности же высок престиж старшего мужчины дома. Как правило, именно он является главой семьи, хотя случаи несовпадения формального и фактического главенства участились и продолжают учащаться. Семьи, возглавленные молодыми мужчинами, — это почти всегда молодые семьи, а семьи, возглавленные женщинами, — это почти всегда неполные семьи. Интересное наблюдение сделано В. Л. Бигавой: бывает, что семья формально возглавляется женщиной, если муж — примак и внесение его фамилии в похозяйствен-

²⁶ О генезисе и функциях обычаев избегания на Кавказе подробнее см.: *Смирнова Я. С.* Избегание и процесс его отмирания у народов Северного Кавказа. — В кн.: *Этнические и культурно-бытовые процессы на Кавказе*. М.: Наука, 1978; *Смирнова Я. С., Першиц А. И.* Избегание: формационная оценка или «этический нейтралитет»? — *Сов. этнография*, 1978, № 6, а также обсуждение этой статьи там же, 1979, № 5.

Рис. 3. Абхазские долгожители

ную книгу как фамилии главы семьи подчеркнет «прекращение рода»²⁷. Очевидно, что здесь перед нами лишь своеобразное отражение того особого престижа, которым обладает старший мужчина в качестве продолжателя дела предков и хранителя фамильного имени. Как и раньше, очень высок престиж старшей женщины — матери или бабушки, а равно других старших членов абхазской семьи — старшего брата, старшей сестры, старшей невестки и т. п. Вообще, хотя многие реальные основания, на которых некогда покоились статусы членов семьи (хозяйственные и организаторские роли, обычноправовые привилегии и пр.), расшатаны или рухнули, а некоторые черты закреплявшего их этикета (скажем, наиболее неудобные из обычаев избегания) отходят в прошлое, традиционное соотношение статусов как собственно возрастного, так и позиционного старшинства, равно как и его этикетное оформление, в основном живы. Так, в горных селениях, где бытовые традиции расшатаны меньше, чем в курортной приморской зоне, младший брат все еще не женится без уважительных причин и без особого на то разрешения раньше старшего, младшая сестра — раньше старшей. Либо, скажем, не только взрослый абхаз, но и юноша и даже подросток хорошо знают, кому положено занять место первому и произнести первое слово, а кому надлежит скромно дожидаться приглашения сесты и заговорить²⁸.

Приведенные данные, как представляется, позволяют сделать два вывода.

1. Несомненна одна из общих закономерностей семейного, как и общественного, быта, состоящая в том, что роли порождают статусы. Применительно к межполовому разделению труда на нее в свое время обратил внимание Ф. Энгельс, писавший, что народы, у которых женщины должны работать гораздо больше, чем им полагается по нашим представлениям, часто питают к женщинам намного больше подлинного ува-

²⁷ Бигвава В. Л. Современная семья у абхазов (по этнографическим материалам сельских районов Абхазской АССР). Рукопись дис. на соискание степени канд. ист. наук. Тбилиси, 1980, с. 72.

²⁸ Акаба Л. Х. Абхазы Очамчирского района. — В кн.: Кавказский этнографический сборник, в. I, с. 93 сл.; Смирнова Я. С. Семейный быт и общественное положение..., с. 176 сл.; Инал-ипа Ш. Д. Абхазы, с. 480; его же. Традиции и современность, с. 68; Бжания Ц. Н. Из истории хозяйства и культуры абхазов (Исследования и материалы). Сухуми: Алашара, 1973, с. 237 сл.; Бигвава В. Л. Указ. раб., с. 72 сл.

жения, чем европейцы²⁹. Это подтверждается и рассмотренными выше данными, показывающими, что высокий статус старших членов абхазской семьи в большой степени определялся их активной хозяйственной, организаторской и иной деятельностью. Однако в то же время следует обратить внимание и на другую закономерность: уже устоявшиеся, институционализовавшиеся статусы получали определенную автономию и, более того, со своей стороны оказывали воздействие на семейные роли. Это особенно хорошо видно на примере распределения женских работ в большой семье, при котором старшие женщины, опираясь на свой высокий статус, перекладывали более тяжелые и менее престижные обязанности на невесток. Таким образом, соотношение ролей и статусов в семье правильнее представлять себе не как одностороннюю причинно-следственную, а как двустороннюю связь.

2. Отсюда следует, что в качестве свидетельств в пользу социальной (или также и социальной) природы абхазского долгожительства могут рассматриваться как активные роли и высокие статусы старших членов семьи, так и утратившие прямую связь с ролями, но институционализированные высокие статусы. Иначе говоря, достаточно высоким престижем в абхазской семье обладал не только деятельный абырг, но и одряхлевший алыгажв. Разумеется, этот вывод нельзя принимать упрощенно. Окружающие понимали, что старший старшему и старик старику рознь. Иначе у абхазов не было бы таких пословиц, как «человека узнают не по бороде — бороду и козел носит»³⁰. Однако очевидно, что здесь перед нами лишь порожденные реальной жизнью поправки к народной геронтофильной традиции, не ломавшие самой традиции.

Значение институционализации высоких статусов старших членов семьи для упрочения геронтофильной традиции в семейном быту абхазов, как и многих других народов Кавказа, особенно заметно при сопоставлении рассмотренных данных с данными по тем народам региона, которые в XIX в. дальше продвинулись по пути развития капиталистических отношений и соответственно разложения традиционного крестьянского общества. В частности, у армян старший мужчина и старшая женщина большесемейной общины с наступлением глубокой старости теряли не только фактическую власть, но и прежнее уважение других членов семьи³¹, у грузин-картлийцев могли быть смещены³² и т. д. В Абхазии это было бы немыслимо, в чем нельзя не видеть еще одно свидетельство в пользу геронтофильной гипотезы абхазского долгожительства.

²⁹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 53.

³⁰ Гулия Д. И. Указ. раб., с. 58.

³¹ Карапетян Э. Т. Армянская семейная община. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1958, с. 127, 128.

³² Абазадзе Н. Л. Семейная община у грузин. — Этнографическое обозрение, 1889, ч. III, с. 17.

Н. А. Бутинов

ОСТРОВ ПАСХИ:

ВОЖДИ, ПЛЕМЕНА, ПЛЕМЕННЫЕ ТЕРРИТОРИИ

(в связи с кохау ронгоронго)

Дощечки с письменами — *кохау ронгоронго* — давно привлекают внимание исследователей. К сожалению, таких дощечек известно немного, около двадцати, к тому же примерно половина из них плохой сохранности¹.

¹ Перечень дощечек ронгоронго см.: Бутинов Н. А., Кнорозов Ю. В. Предварительное сообщение об изучении письменности острова Пасхи. — Сов. этнография, 1956, № 4, с. 77, 78.

Первый шаг к дешифровке кохау ронгоронго сделал епископ Т. Жоссан, живший на Таити. На этот остров в 1870—1871 гг. переселились многие жители о. Пасхи — рапануйцы, спасаясь от притеснений плантатора. Вместе с ними был миссионер, взявший с собой несколько дощечек с письменами и передавший их Жоссану. Н. Н. Миклухо-Маклай, посетивший Таити в 1871 г. по пути на Новую Гвинею, видел эти дощечки, проявил к ним самый живой интерес и получил от Жоссана одну из них (позднее он приобрел вторую)².

Жоссан, услышав о том, что среди рапануйцев, работавших на таитянских плантациях, есть *тангата ронгоронго*, т. е. человек, который может читать дощечки с письменами, пригласил его к себе и положил перед ним четыре дощечки (Аруку Куренга, Тахуа, Кохау о те ранга, Апаи). Меторо (так звали рапануйца, подлинное его имя — Тау а Уре) продемонстрировал все, на что был способен, — стал нараспев объяснять, что изображает каждый знак: «это человек», «это земля», «птица летит» и т. д. Можно было в данном случае обойтись без пения, но Меторо пел — он знал, что на дощечках записаны сказы, которые надо петь (слова «пение», «петь» здесь и далее употреблены нами весьма условно; скорее, это «распевная» декламация).

Меторо, будучи еще мальчиком, проходил курс обучения в школе, где готовили сказителей — *тангата ронгоронго*. Его учителями были Нгаху, Реи-Миро и Паоваа. Кроме имен, мы об этих людях ничего не знаем (видимо, они в числе многих других были в 1862 г. насильно увезены на разработки гуано в Перу и там погибли). В школе обучали географии, астрономии, календарю, генеалогиям, мифам, преданиям. Знания передавались устным путем, обычно в форме песен, что облегчало запоминание. «Люди, воспитанные на книгах, — пишет Те Ранги Хироа, — вряд ли могут полностью оценить те великие подвиги памяти, которые совершали люди, воспринимающие науку только на слух»³. Объем знаний был велик, поэтому приходилось помимо облечения их в форму песен прибегать к другим средствам, облегчающим усвоение. В роли помощника памяти выступали фигуры, искусно выполнявшиеся из шнура. Каждая из таких фигур была написанием об определенном историческом либо мифическом герое или событии. Именно с изготовления таких фигур и запоминания связанных с ними сказов начиналось обучение детей вождей и детей жрецов на о. Пасхи.

Дисциплина в школе была образцовой. Ученики сидели на пятках, сложив руки на груди. Шалость, посторонний разговор, невнимательность пресекались телесными наказаниями. Прослушав пропетый учителем сказ, ученики затем пели его вслед за ним, стараясь заучить наизусть. После этого учитель показывал им, как надо делать различные фигуры из шнура («игра в веревочку»). Эти фигуры могли изображать часть тела, цинковку, наконечник копья, бухту, платформу с каменными статуями и т. д. С каждой фигурой был связан определенный сказ: Если фигура изображала героя сказа, то сказ пелся от имени этого героя. Фигуры из шнура делались с единственной целью — облегчить запоминание сказов⁴.

Когда сказы были заучены, начиналось обучение знакам письма. Учитель показывал знаки, видимо называя их («это птица», «это черепаха»); ученики чертили знаки деревянной или костяной палочкой на банановых листьях или внутренней стороне бананового стебля. На этой

² Миклухо-Маклай Н. Н. Собр. соч. М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1951, т. III, ч. I, с. 483. Эти две дощечки хранятся в Музее антропологии и этнографии АН СССР в Ленинграде (оп. 402, № 13—1 и 13—2).

³ Те Ранги Хироа (Бак П.). Мореплаватели солнечного восхода. М.: Изд-во иностр. лит., 1950, с. 43.

⁴ Routledge C. S. The Mystery of Easter Island. London, 1919, p. 214. Чилийский учитель Баеса в 1955 г. записал много сказов и зарисовал связанные с ними фигуры «игры в веревочку». Эти материалы хранятся у его вдовы, живущей в Сантьяго. Ф. Фельбермайер видел приблизительно 30 фигур; шесть из них он опубликовал, но рапануйцы говорили ему, что раньше было около 130 фигур. См. *Felbermayer F. Lieder und Verse der Oster-Insel. — Zeitschrift für Ethnologie*, 1972, B. 97, № 2, S. 276.

стадии обучения ученики овладевали лишь искусством называния и изображения знаков, хотя знали, что в дальнейшем этими знаками будут переданы те сказы, которые они заучили наизусть, и что рисуемые ими знаки призваны заменить фигуры из шнура.

Овладев искусством черчения знаков на банановом стебле или листе, ученики начинали вырезать знаки на дереве острым куском обсидиана или зубом акулы. На этой стадии обучения происходило постепенное соединение знаков с текстами сказов. Третьей стадии обучения Меторо, видимо, не прошел; сказы если и знал раньше, то забыл. Толкуя отдельные знаки, он несколько раз повторил, что каждый знак передает целое слово и что вместе с этим словом надо пропеть еще несколько слов: на дощечке они не записаны, но из пения их выкинуть нельзя. Меторо добавлял к этому, что заучить тексты наизусть гораздо труднее, чем запомнить значения отдельно взятых знаков.

То же самое говорили о кохау ронгоронго и другие рапануйцы. Томеника уточнял: с каждым знаком связано от трех до десяти слов (по мнению другого рапануйца — четыре-пять слов). Капиера на конкретном примере проиллюстрировал соотношение письменного текста с устным.

Написано:

Као, год девятый
Нга Курариха, старший
Пять имен
Рыба
Непонятный знак
Эта сторона острова —
мое место.

Надо читать:

Као, житель Винапу, что на южном берегу, и его старший сын Нга Курариха пошли в Махатуа, что на северной стороне, жили там с пятью людьми (их имена названы), все они — братья, и учились у них письму тау, потом они убили их, пошли, взяли рыбу, потом вернулись к Рано-Кау, устроили празднество и в память об этом сделали дощечку тау⁵.

Исследователи, побывавшие на о. Пасхи (К. Раутледж, С. Энглерт, А. Метро, Т. Бартель), также считают, что: 1) каждый знак передает целое слово, 2) с этим словом связано еще несколько слов, не обозначенных на дощечках; их надо «читать» по памяти, а для этого нужно знать текст заранее.

Ниже мы приводим таблицу знаков (рис. 1), которые рассматриваются в статье (далее при ссылке на тот или иной знак указывается только его номер в этой таблице). О многих знаках по их внешнему виду невозможно сказать, что именно они изображают. Значение информации, содержащейся в «чтениях» Меторо, трудно поэтому переоценить. Такие знаки, как «вождь» (2), «крыса» (5), «ямс» (12), «сахарный тростник» (10) и т. д., можно опознать только благодаря его «чтениям». Но от них к подлинным чтениям путь оказался трудным.

По «чтениям» Меторо Жоссан составил каталог знаков⁶. В свою очередь, пользуясь этим каталогом, исследователи пытались читать дощечки с письменами, но безуспешно. В результате возникло негативное отношение многих ученых и к самим «чтениям» Меторо, хранившимся в архивах на Таити и в Ватикане, — они были опубликованы лишь через 65 лет после каталога⁷.

Дешифровка кохау ронгоронго продвигалась, однако, вперед. Важный шаг сделали Б. Г. Кудрявцев и Д. А. Ольдерогге. Б. Г. Кудрявцев обнаружил на дощечках параллельные тексты, что позволило ему установить пределы изменяемости одного и того же знака, разложить сложные знаки на простые, составить более совершенный каталог знаков. Д. А. Ольдерогге продолжил эту работу (Б. Г. Кудрявцев погиб в

⁵ Routledge C. S. Op. cit., p. 252.

⁶ Jaussen T. L'île de Pâques. Historique-écriture et répertoire des signes... — Bulletin de Géographie Historique et Descriptive. Paris, 1893, № 2.

⁷ Barthel T. Grundlagen zur Entzifferung der Osterinselschrift. Hamburg, 1958, S. 173—199.

Ленинграде во время блокады в 1943 г., не доведя ее до конца) и даю общую характеристику письменности⁸.

Метод дешифровки письма о. Пасхи предполагает наличие двух этапов: 1) толкование текста, 2) чтение знаков.

Толкование текста. Речь идет о поисках на дощечках таких текстов (названия племен, географические термины, генеалогии, мифы, легенды, предания), которые известны нам по записям исследователей. Тангата ронгоронго мог прочитать только тот записанный на дощечке текст, который он знал наизусть. Поэтому и дешифровщик, если он хочет, чтобы

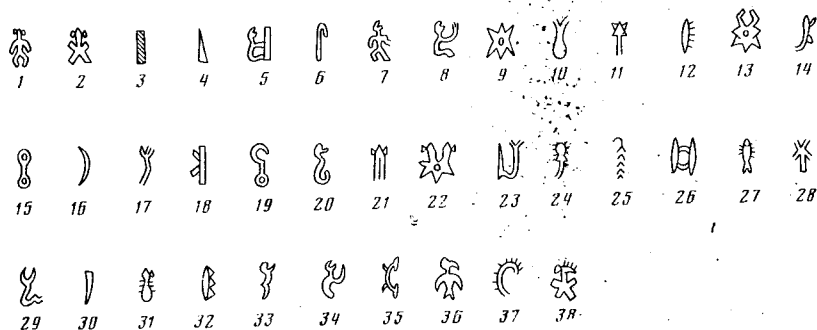

Рис. 1. Знаки с дощечек ронгоронго, рассматриваемые в статье

его чтения отличались от «чтений» Меторо, должен сначала найти на дощечках текст, уже известный ему из других источников. Каждый устный текст имеет свою структуру, и по ней его можно опознать на дощечках, если он там есть.

На дощечках встречается много групп знаков, стоящих рядом, с повторяющимся в каждой из них инициалом. Таков, например, ряд из шести групп с инициалом «человек» (1) на дощечке Чилийской малой. Этот ряд был истолкован нами как генеалогия из шести имен. Рапануйский антропоним строится подобно нашему: имя плюс отчество. Соответственно этому на дощечке знак, стоящий в любой из групп на первом месте (после инициала «человек»), в последующей стоит на втором (имя превращается в отчество)⁹. С этим толкованием согласились А. Метро (до этого отрицавший наличие генеалогий на о. Пасхи) и Т. Бартель¹⁰.

Выявлены также устойчивые группы знаков, в том числе две группы по пяти знаков в каждой (рис. 2), встречающиеся на разных дощечках (лишь на одной дощечке есть обе группы, но на разных сторонах ее и в разных контекстах). Первый знак (2) в группе, имеющейся на четырех дощечках, выражает, согласно «чтениям» Меторо, понятие «вождь» (*ariki*), второй (3) — «земля», «чрево», «утроба» (*henua*). В тексте рассказывается об *арики хенуа* — такой титул носил наследный вождь о. Пасхи. Последующие знаки (35, 4, 36) в этой группе передают имя этого вождя. В группе, имеющейся на семи дощечках, первый знак (4), вероятно, выражает понятие «острие» (*tara huki*, по «чтениям» Меторо; это понятие может быть выражено и другим словом — *oro*), второй знак (38) — «вождь» (*ariki*), но, возможно, и *matua* — «отец» (так как вождь считался «отцом» своих подданных). Речь в тексте идет, видимо, об *оро матуа* — такой титул носил жрец. Последующие знаки (27, 36, 37) в этой группе передают имя жреца. Оно встречается только на дощечках, где есть ряды (содержащие подчас десятки групп знаков) с двойным инициалом «крыса-земля» (5). Знак «земля» в данном случае играет служебную роль, показывая, что первый знак, изображенный вертикально

⁸ Кудрявцев Б. Г. Письменность острова Пасхи. — Сборник Музея антропологии и этнографии. М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1949, т. XI; Ольдерогге Д. А. Параллельные тексты некоторых иероглифических таблиц с острова Пасхи (по неопубликованным данным Б. Г. Кудрявцева). — Сов. этнография, 1947, № 4.

⁹ Бутинов Н. А., Кнорозов Ю. В. Указ. раб., с. 89.

¹⁰ Metraux A. Easter Island. London, 1957, p. 189; Barthel T. Op. cit., S. 308.

(из экономии места), должен восприниматься горизонтально — «ногами» на земле. Этот двойной инициал передает понятие «крыса» (*kiore*) и обозначает в данном случае *kio* — людей, потерпевших поражение в войне и нашедших убежище в каком-либо труднодоступном месте, чаще всего в пещере (*kionga*).

Возможны, конечно, различные толкования одного и того же текста. На дощечке Аруку Куренга один и тот же текст повторяется трижды: с инициалами «топор» (6), «идуший человек» (7), «сидящий человек» (8). «Вполне возможно, — пишет И. К. Федорова, — что эти ряды блоков

Дощечки с письменами	 арики хенца	 арики мау	 инициал
Тахуа	+	—	—
Ленинградская (б)	+	—	—
Ленинградская (м)	+	—	—
Сантьяго (б)	+	+	—
Аруку Куренга	—	+	—
Сантьяго (м)	—	+	+
Лондонская	—	+	+
Апаи (Кеити)	—	+	+
Атуа матарири (Вашингтонская м)	—	+	—
Венская (б)	—	+	?
Венская (м)	—	—	+
Кохау о те ранга (Мамари)	—	—	+
Эата то рау арики (Вашингтонская б)	—	—	+

Рис. 2. Имена двух вождей, имеющиеся на десяти дощечках

передают названия месяцев или сельскохозяйственных сезонов, на которые некогда делился год у рапануйцев. Слово *токи* 'топор, рубить' в древнем рапануйском языке могло, вероятно, иметь омоним *токи* со значением 'отрезок, сезон, месяц'»¹¹. Увязать знаки, стоящие после инициалов, с названиями месяцев, известными по записям исследователей, не удалось, и поэтому И. К. Федорова высказывает предположение, что эти названия записаны на дощечке тоже на древнем, неизвестном языке. Нам представляется, однако, в такой же степени логически допустимым предположить, что трижды повторенный текст сообщает о трех плаваниях вокруг о. Пасхи — из мифов, записанных исследователями, известно, что это плавание проделал вначале жрец Хау-Мака, потом шесть (или семь) «разведчиков» и, наконец, вождь Хоту-Матуа, причем все ониплыли вокруг о. Пасхи по одному и тому же маршруту, т. е. посещали, можно полагать, в основном одни и те же пункты. Знаки, стоящие после инициалов, передают названия этих пунктов. Из двух толкований текста дощечки Аруку Куренга правильным окажется то, которое подтвердится (на втором этапе дешифровки) чтением знаков, стоящих после инициалов:

Ошибочное толкование текста автор этих строк некогда допустил сам. В свое время мы истолковали имеющиеся на дощечке Тахуа

¹¹ Федорова И. К. Исследование рапануйских текстов. — В кн.: Забытые системы письма. М.: Наука, 1982, с. 51.

(рис. 3) ряд с инициалом 9 — «солнце, звезда, огонь» и конечным знаком 12 — «ямс» как перечень различных сортов ямса, а ряд с инициалом 10 — «сахарный тростник» как перечень различных сортов сахарного тростника. Мы соотнесли этот письменный текст с преданием о племени Хоту-Матуа к о. Пасхи.

Вождь Хоту-Матуа, согласно преданию, послал с о. Марает-Ренга, где он тогда жил, семь своих подданных по имени Ира, Рапаренга, Куукуу, Уре, Нонома, Рингиринги и Макои Рингиринги на о. Пасхи с тем, чтобы они нашли там хорошее песчаное место для поселения. В другой версии

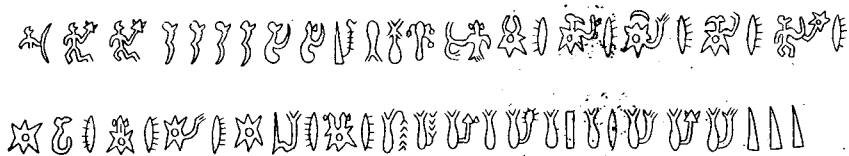

Рис. 3. Текст на дощечке Тахуа (прорисовка)

говорится не о семи, а о шести «разведчиках», и приведены полные имена четырех из них: Куукуу а Хуатава, Уре а Хуатава, Нонома а Хуатава, Рингиринги а Хуатава. Слово «Хуатава» можно истолковать как имя отца (отчество)¹², но можно видеть в нем не одно, а два слова (*hua* — сын; *Tava* — имя отца), и полные имена читать «Куукуу, сын Тава»; «Уре, сын Тава»; «Нонома, сын Тава»; «Рингиринги, сын Тава». Один из «разведчиков», Рингиринги, взял с собой своего сына Макои (Макои Рингиринги), и этого мальчика («сопляка», как его характеризует отец) иногда считали (семь «разведчиков»), а иногда — нет (шесть «разведчиков»). Хорошее песчаное место было найдено ими в районе бухты Анакена. Там один из «разведчиков» — Куукуу — погиб. Остальные вернулись на о. Марает-Ренга и рассказали вождю о результатах поисков. Хоту-Матуа вместе со своими подданными переселился на о. Пасхи, захватив с собой ямс, сахарный тростник и другие культурные растения.

Мы соединили это предание с текстом, воспроизведенным с незначительными изменениями на четырех дощечках — Ленинградской большой, Ленинградской малой, Чилийской большой (Сантьяго большая) и Тахуа (параллельные тексты, как уже было отмечено, обнаружены Б. Г. Кудрявцевым). Дощечка Тахуа начинается именно с этого текста (рис. 3). Первые три знака, писали мы тогда, сообщают о посылке (знак 11 — *rangi* — «небо», «посылать»); следующие шесть знаков — шесть «разведчиков», причем четверо из них («сыновья Тава») изображены иначе, чем остальные два. «Чтения» Меторо, с которыми мы познакомились позднее, подтвердили правильность нашего толкования: Меторо прочел (здесь это слово можно употребить без кавычек) один из знаков: Куукуу, т. е. назвал имя погибшего «разведчика». Затем следует ряд из 10 групп с инициалом «солнце, звезда, огонь» (9) и конечным знаком «ямс» (12) и другой ряд, тоже из 10 групп, с инициалом «сахарный тростник» (10). Естественно напрашивался вывод, что в этих двух рядах речь идет о культурных растениях (разных сортах ямса и сахарного тростника) — ведь о них же говорится и в предании. Мы предположили, в частности, что знак «солнце» (9) передает слог *ra-*. В состав названий ямса, — писали мы тогда, — «входит знак солнца (*ga*) в сочетании с другими знаками, особенно с согнутой рукой. Эти знаки, по-видимому, употреблены как фонетические. Действительно, многие названия сортов ямса начинаются словом *ravei* или *ravi* (*ravei pako*, *ravei manga manga*, *ravi uri*, *ravi tea*, *ravi a kura kura*)»¹³.

¹² Федорова И. К. Мифы, предания и легенды острова Пасхи. М.: Наука, 1978, с. 345, 346.

¹³ Бутинев Н. А., Кнорозов Ю. В. Указ. раб., с. 87.

На о. Пасхи культивировалось более сорока сортов ямса, и названия их нам известны. Ни одно из этих названий, однако, не удалось связать со знаками, стоящими после инициала «солнце» (9). Названия сортов сахарного тростника нам тоже известны, и ни одно из них тоже, к сожалению, не сочетается со знаками, стоящими после инициала «сахарный тростник» (10). Таким образом, дешифровка этого текста зашла в тупик.

И. К. Федорова предлагает следующий выход из этого тупика: ряд с инициалом сахарный тростник (10) передает, по ее мнению, древние названия сортов сахарного тростника: *тоа каи, тоа кихи, тоа рума, тоа ранги*¹⁴. Действительно, таких названий сортов сахарного тростника нет ни в рапануйском языке, ни в других полинезийских, близко родственных рапануйскому, языках (маорийском, маркезанском, мангаревском), но, на наш взгляд, нет уверенности и в том, что такие термины были в древности. Когда в ходе дешифровки часть иероглифов будет надежно прочтена, встанет проблема учета прополинезийских языковых форм; в настоящее же время перенос акцента с известной лексики на лексику реконструированную представляется нам преждевременным.

Чтение знаков. Переход от толкования текста дощечки к чтению знаков весьма труден даже в том случае, когда текст истолкован правильно. Мы уверены, например, что на дощечке Чилийской малой записана генеалогия из шести имен. Тангата ронгоронго знал их наизусть. К сожалению, этих имен нет в записях исследователей. Между тем содержание истолкованного текста должно быть известно, хотя бы в общих чертах, из других источников.

При чтении знаков приходится определять две величины: 1) какой предмет или действие знак изображает и 2) какое понятие или слово он передает. Первую величину мы извлекаем из «чтений» Меторо, вторую — из грамматик и словарей рапануйского языка и текстов, записанных исследователями. К сожалению, эти источники несовершенны. Меторо «читал» многие знаки по-таитянски; некоторые знаки он «прочел» по их виду; нередко и такие случаи, когда им ошибочно принимался один знак за другой.

Рапануйский язык изучен пока недостаточно, особенно его лексика. Тем не менее мы не можем выходить за пределы того, что нам доподлинно об этом языке известно. Пытаться читать пока еще непрочтенные знаки с помощью реконструированных древних слов значило бы решать уравнение с двумя неизвестными.

Вот почему, убедившись в невозможности связать знаки, стоящие после инициалов «солнце, звезда, огонь» (9) и «сахарный тростник» (10), с названиями различных сортов ямса и сахарного тростника, мы пришли к выводу, что текст (рис. 3) истолкован нами неверно. Дальнейшие исследования позволяют дать тексту другое толкование. В нем говорится не о сортах ямса и сахарного тростника, а о племенах и племенных территориях.

Хоту-Матуа, согласно преданию, перед смертью поделил остров между своими сыновьями. От этих сыновей берут начало племена, названные по их именам: от сына Миру — племя миру; от сына Марама — племя марама и т. д. Инициал «солнце, звезда, огонь» (9) передает понятие «племя», и после него идут названия племен, а инициал «сахарный тростник» (10) передает понятие «сын», «потомок», и после него идут географические термины. В каждом ряду — по 10 групп; на о. Пасхи было 10 племен; названия племен нам известны, и в общих чертах известны территории их расселения.

Задача прежде всего состояла в том, чтобы найти связь, по возможности фонетическую, между инициалом «солнце, звезда, огонь» (9) и понятием «племя», а также между инициалом «сахарный тростник» (10) и понятием «сын», «потомок».

Племя (*mata*). Одну из четырех дощечек, на которых имеется интересующий нас текст, а именно дощечку Тахуа, «читал» Меторо (рис. 4).

¹⁴ Федорова И. К. Исследование рапануйских текстов, с. 55.

Знака (Тахуа)	Толкование Меторо	Знак, выража- ющий назва- ние племени	Чтение знака (по Меторо)	Чтение знака в списке племен	Название племени
	ka eno ka tapamea		 ka tuu i te tonga	—	миру (нгалау- кривоногие)
	ma te tagata e hetu noho i te here i uhi tapamea		 maitai-hiti (АПАИ)	hiti растение	хити-уира
	e hetuu mau i te cima kua noho te ma- rama e uhi tapamea		 marama	marama луна	марама
	e hetu mata e hohokuki ko te uaahine	—	—	—	тупахоту
	i mamau i te ahi e uhi tapamea		tangata человек, люди	nga человек, люди	нгауре
	ko te ahi hahaturu ki te herua		 tangata kai-moa (ТАХУА)	moa курица	нгатимо
	ka pui hoki ki te ahi ma te hohokuki		hau	hau хлебное	хаумоана
	ki te ahi e uhi tapamea		raa	raa солнце	раа
	ka pui hoki ki te ahi ma te toga tu te tapamea		tonga столб в хижине	ha хате — хижина	хамеа
	e tagata haka- nagana e uhi tapamea		—	Ронго	коро-о-ронго

Рис. 4. Список племен на дощечке Тахуа

Инициал 9 ни разу не истолкован им как «солнце» (хотя в других местах он именно так «читает» его). В пяти случаях — «огонь» (*ahi*), в двух — «звезда» (*hetu*) и в одном — *hetu mata*. В последнем толковании соединены два понятия: «звезда» (*hetu*) и «племя» (*mata*).

Связь между понятиями «звезда» и «племя» осуществляется через понятие «глаза»: «племя» и «глаза» обозначаются одним и тем же словом (*mata*), а «глаза» и «звезда» связаны понятийно: Плеяды — *mata-riki* (результат стяжения двух слов — *mata ariki* «глаза вождей»); Марс — *mata mea*; на таитянском языке *hetu mata* — одно из созвездий.

Таким образом, знак «звезда» (9) может (особенно если учесть склонность полинезийцев к метафорам) передавать понятие «племя».

Сын, потомок (*hua*). Инициал 10 Меторо «читает» в семи случаях *toa taiuuri*, что, по Жоссану, означает «цветок сахарного тростника». Понятие «цветок», «плод» на рапануйском языке передается словом *hua*, которое является одновременно термином родства (*hua* — потомок: *huaai* — прямая линия родства; *huatahi* — единственный сын, где *tahi* — «один»). На таитянском языке слово *toa* имеет значения: «сахарный тростник», «сын», «потомок». Таким образом, знак «сахарный тростник» (10) может передавать понятия «сын», «потомок».

Названия племен. На о. Пасхи было 10 (по другим данным 12) племен, и названия восьми из них «укладываются» в знаки, стоящие после инициала «звезда» (9), как музыкальные инструменты в футляры — каждый в свой футляр и ни в какой другой.

Список племен начинается, естественно, с племени *миру* — самого сильного на острове, занимавшего наибольшую территорию. Племя *миру* было известно под кличкой *нганау* (*ngarau*) — люди с пораженными ногами. В одном из мифов, приведенном, к сожалению, только в переводе, люди племени *миру* охарактеризованы как люди с изуродованными ногами¹⁵.

¹⁵ Metraux A. Ethnology of Easter Island, Bernice P. Bishop Museum. Bulletin 160, Honolulu, 1940, p. 380. А. Метро записал легенды и предания на рапануйском языке,

Тахуа Границы Племена территории	Ленинградская (б) Границы территорий	Ленинградская (м) Границы территорий	Сантьяго (б) Границы территорий
 миру			
 хити-уира			пропущено
 марама			
 туна-зоту			
 нгауре			
 нгагимо			испорчено
 таумоана			испорчено
 раа			испорчено
 тамеа			испорчено
 коро-о-ронго			испорчено

Рис. 5. Список племен и племенных территорий на четырех дощечках

Знак, соединенный с инициалом «звезда» (13) и изображающий, очевидно, две ноги (рис. 4), передает слово нгапау — так называли, как уже отмечалось, племя миру. Во второй группе с инициалом соединены два знака — «голова птицы» и «растение». Знак «голова птицы» имеется и в четвертой группе. Так как во второй и четвертой группах названы разные племена, то знак «голова птицы», видимо, с названиями племен не связан. На дощечке Тахуа знаком 14 — «растение» (hiti) передано название племени хити-уира (рис. 4). На Ленинградской большой (рис. 5) название этого же племени передано знаком 15, который Метро «прочел» *hiohio*, что по-таитянски означает «наблюдать». В рапануйском языке слово *hiohio* в значении «наблюдать» не зафиксировано, там понятие «наблюдать» выражается словом *ui*. Таким образом, название племени хити-уира в обоих случаях передано частично, но по-разному: в первом случае *hiti*, во втором — *ui*. В третьей группе (рис. 4) с инициалом соединены два знака: «поднятая рука» (17) и «луна» (16). Знак «поднятая рука» имеется также в четвертой, пятой и восьмой группах (а возможно, и во второй, в соединении со знаком «растение»), и с названиями племен не связан. Знак «луна» — *tarama* (16) передает название племени марама. На Ленинградской малой и Чилийской большой (рис. 5) племя хити-уира пропущено. Не исключено, однако, что

но в своей книге лишь немногие из них привел в оригинале, остальные дал в переводе. Оригиналы хранятся в Гонслуду в библиотеке Музея Бишоп. К ним приложены словари и, как пишет А. Метро, *additional chants* (Ibid., p. 4). Ввод в науку этих материалов, несомненно, помог бы ответить на некоторые неясные вопросы.

он передано вместе с племенем марама в одном знаке, соединяющем в себе значения «наблюдать» и «луна». В четвертой группе название племени на дощечке Тахуа не передано (знаки «голова птицы» и «поднятая рука», как уже было отмечено, в названия племен не входят). На других трех дощечках (рис. 5) название этого племени выражено знаком 18, означающим, по Меторо, слово *амо* и толкуемым им как «носить». Слово *амо* в значении «носить» есть и в рапануйском, и в таитянском языках. На Таити *амо* — «носить вождя на носилках» (земля, на которую вождь ступил ногами, становилась его собственностью), и сам этот обычай назывался *амо*. На о. Пасхи *амо* — носить пищу или любой другой груз с помощью шеста *амо*, примерно так, как носят ведра на коромысле. Для выражения понятия «носить вождя на носилках» в рапануйском языке имеется другое слово — *тура*. По знаку 18 (если поместить его горизонтально — вертикальное начертание обусловлено экономией места на дощечке) видно, что груз расположен не на концах, а в центре шеста (носилок); следовательно, этот знак читается не *амо*, а *тура* и передает название племени *тупахоту*¹⁶.

В группах второй и четвертой (рис. 4) с инициалом «звезда», как уже отмечалось, соединен знак «голова птицы». С названиями племен этот знак не связан, но он не лишен значения. Основатель племени хити-уира, вождь по имени Хити-Уира, согласно преданию, был сыном вождя племени тупахоту. Его называют в преданиях Уира о те Тупахоту. Знак «голова птицы» отмечает, что племена тупахоту и хити-уира — родственны.

На дощечках Ленинградской малой и Чилийской большой (рис. 5) одним знаком (19) переданы, возможно, как мы уже отмечали, сразу два племени: марама и хити-уира (верхняя часть знака — «луна», *марама*; нижняя — «наблюдать», *уи*). В преданиях говорится о связи этих двух племен. Часть племени хити-уира, потерпев поражение в войне с племенами миру и марама, перешла на их сторону, воевала против тупахоту и была, видимо, тесно связана с марама. Племя хити-уира в отличие от всех остальных имело еще одно название — *уре-о-хеи*, и авторы дощечек Ленинградской малой и Чилийской большой, возможно, соединили эту часть племени хити-уира (*уре* — «часть племени») с племенем марама.

Название племени *нгауре* передано знаком «человек» (1); в мифах понятие «человек» нередко передается словом *нга*; «he ki mai tetahi nga» — «сказал один человек» (*ki* — «говорить», *tetahi* — «один»); «he ngongorova tetahi nga» — «надоело одному человеку». Слово *нга* употребляется часто перед именами: Нга Таваке, Нга Курариха, Нга Иху Море. На дощечке Тахуа знаки, передающие название племени нгауре, расположены в иной последовательности, чем на остальных трех (Тахуа — «человек-звезда»; на остальных трех — «звезда-человек»). Владелец дощечки Тахуа, видимо, мало заботился о том, чтобы кто-то другой, кроме него, мог эти знаки прочесть.

Название племени *нгатимо* выражено знаком 20, который истолкован Меторо как «рыболовный крючок»; но это не единственное толкование, в другом месте он употребляет слово «курица» (*моа*). Название племени нгатимо представляет собой результат стяжения двух слов — *Ngati Moa*, что означает «потомки Моа». Миф, принадлежащий, видимо, тупахоту, сообщает о Моа, что это — арики тупахоту, который женился на дочери арики миру, перешел жить в ее семью и стал там вождем племени; во время войны между миру и тупахоту Моа тайно помогал воинам тупахоту, потерпевшим поражение и спрятавшимся в пещере; с его помощью воины тупахоту выбрались из пещеры и одержали победу («He tikea te tangata a Moa, ina kai tigai». — «Они увидели людей Моа, они не убили их»). Другой миф, принадлежавший, видимо, миру, утверждает, что отцом Моа был арики из племени миру. Согласно этому мифу, ари-

¹⁶ Название племени тупахоту, по Бартелю, может быть передано частично (*тура*), но при этом он имеет в виду другой знак. Ср. *Barthel T. Op. cit.*, S. 415, № 770.

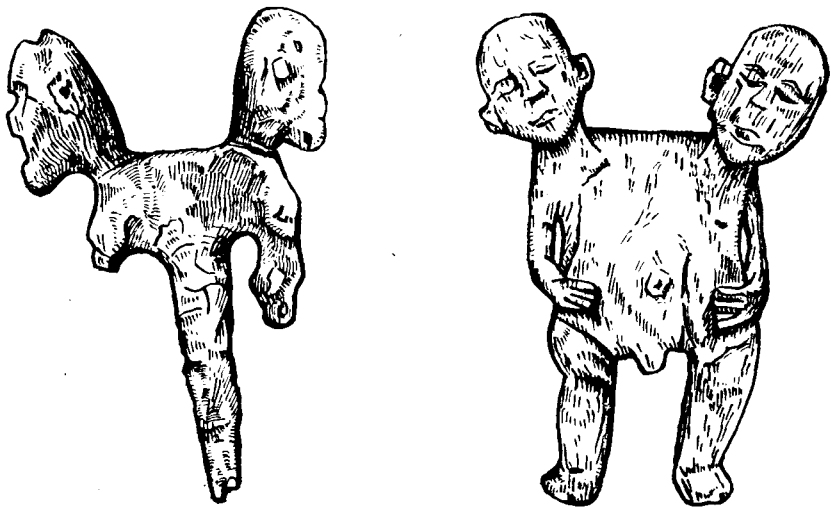

Рис. 6. Двуглавые деревянные скульптуры с Таити (справа) и Гавайских островов

ки миру, прибыв на территорию тупахоту, вступил в связь с курицей, затем убил ее, сварил и съел, а желудок выбросил; из желудка курицы родился ребенок, которого подобрала старуха и вырастила; он стал вождем и приказал отнести его к отцу, на территорию миру. Прибыв туда, он женился на дочери арики, стал вождем племени и был известен на острове как человек, рожденный курицей¹⁷. Судя по всему, речь в этих двух мифах идет об одном и том же вожде племени по имени Моа, и от него произошло название племени нгатимо.

Название племени *хаумоана* передано знаком «хибискус» (21), который здесь назван Меторо *hau tea*, а в других местах — *hau*. Название племени *раа* выражено знаком «солнце» (22). Племя *хамеа*, которое местными жителями всегда упоминается рядом с племенем *раа* и на дощечке тоже стоит с ним рядом, передано знаком 23 — «центральный столб хижины» (*tonga*). Связь названия племени с этим знаком осталась, однако, неясной.

Последнее в списке племя, *коро-о-ронго*, передано знаком двуглавой человеческой фигуры (22). Такие фигуры (*moai aringa*) известны на о. Пасхи, но значение их ученым установить не удалось¹⁸. Нам пришлось выйти за пределы о. Пасхи, и мы нашли сходные фигуры на Таити, а также на Гавайях (рис. 6). Гавайская фигура обнаружена при раскопках, что свидетельствует о ее древности. Поскольку, согласно некоторым полинезийским преданиям, отец Тангароа и Ронго имел два туловища и две головы¹⁹, можно предположить, что он передал эту двоичность и своим детям-близнецам. В Центральной и Восточной Полинезии в древности главным божеством был Ронго²⁰. Мы толкуем знак двуглавой фигуры как Ронго (племя коро-о-ронго).

Попытки выяснить явления, связанные с о. Пасхи, с помощью материалов, относящихся к другим островам Полинезии, конечно, весьма рискованны, аналогии могут оказаться случайными. Однако если прочтены восемь из десяти названий племен и нет сомнений в том, что знаки 22 и 23 тоже передают названия племен, то можно допустить, что знак 22 передает название племени коро-о-ронго, а знак 23 — название племени *хамеа*.

На о. Пасхи нетрудно найти многочисленные параллели к знаку двуглавой фигуры — таков, например, церемониальный жезл *ya* с навер-

¹⁷ Федорова И. К. Мифы, предания и легенды острова Пасхи, с. 64—70, 127, 136.

¹⁸ Metraux A. Ethnology of Easter Island, p. 257.

¹⁹ Te Rangi Hiroa. Māngaiian Society. Honolulu, 1934, p. 14.

²⁰ Metraux A. Ethnology of Easter Island, p. 416.

Знака	Толкование Меторо	Знак, выража- ющий название местности	Толкование Меторо	Чтение
	e ia toa tauuru chu		kihikihi мох	Hanga Kihikihi
	e ia toa tauuru chu		kihikihi мох	Hanga Kihikihi
	e ia toa tauuru no te wii nuki		nuki отряА	
	c ia toa tauuru	—	—	Hanga Kihikihi
	e tauuru papagete e ia toa tauuruuru zaazaa		hua плоД	Huazeva
	e ia toa tauuru i te fenua		henua зеМЛЯ	
	e ia toa tauuru ma te hokohuki		vezo копье	
	e ika no te tagata		zima руКА	
	ma te tauuru ki te zagi		zangi неБо	
	e tauuru no te henua		zima руКА	

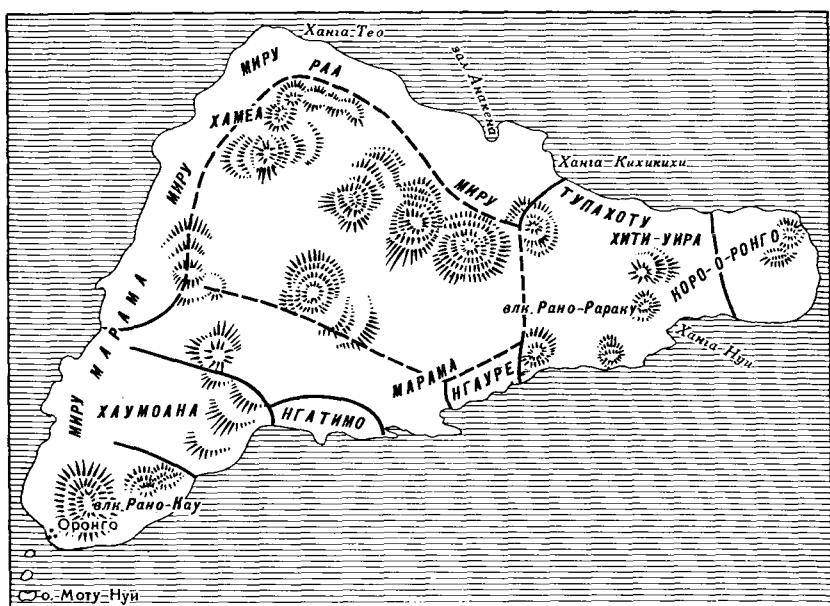
Рис. 7. Список племенных территорий на дощечке Тахуа

нием в виде янусовидной головы. Резная двуликая голова, образующая навершие жезла, изображает, по предположению И. К. Федоровой, бога Тангароа (брата-близнеца Ронго)²¹; с не меньшей вероятностью можно, однако, предположить, что это навершие изображает божество Ронго.

Границы племенных территорий. Инициал «сахарный тростник» (10) передает, как уже было отмечено, понятие «сын», «потомок», что по смыслу тесно связано с перечнем племен. Каждое племя ведет свое происхождение от одного из сыновей, потомков вождя Хоту-Матуа, и владеет той территорией, которую Хоту-Матуа выделил этому сыну, потомку. Ряд с инициалом «сын», «потомок» состоит из 10 групп (рис. 7). В некоторых из этих групп знак, стоящий после инициала, можно прочесть, и тогда видно, что потомки расположены в той же последовательности, что и племена, и что речь идет не о всей территории, а лишь о местности, отделяющей данное племя от соседнего. Граница племени нгауре (пятая группа) указана знаком 24 — «плод» (*hua*) и читается Хуарева. Граница племени тупахоту (четвертая группа) — знаком 25 — «мох» (*kihikihi*) и читается Ханга Кихикихи (рис. 5).

Анализ текста позволяет внести уточнения в понятия род и племя и в сообщения исследователей о некоторых племенах. Племя — это груп-

²¹ Федорова И. К. Атрибуты власти и культовые предметы острова Пасхи в свете мифологии и этнографии. — В кн.: Пути развития Австралии и Океании. М.: Наука, 1981, с. 264.

Племена острова Пасхи

на людей, различных по своей родовой принадлежности, но живущих на одной территории и признающих власть вождя, члена правящего рода. Так, племя миру — это группа людей из различных родов, занимающих западное побережье острова и находящихся под управлением вождя из рода миру.

Название племени по правящему роду породило путаницу: одни исследователи характеризуют *mata* как род, другие — как племя. В действительности же речь идет о двух разных группах людей, называемых одним и тем же термином — *mata*. Когда указывается такой признак всех *mata* (кроме миру), как экзогамия, речь идет о роде (племя эндогамно); когда же говорится о таком признаке *mata*, как территория, речь идет о племени (члены одного и того же рода жили на разных племенных территориях).

Местные жители единодушно утверждают, что племена раа, хамеа и хити-уира не имели своих территорий²², между тем на дощечках указаны территории этих племен. Как объяснить противоречие между письменным текстом и устными свидетельствами? Племена эти, видимо, имели все же свои территории (см. карту; информация о границах получена от тех же местных жителей), но были в подчинении у других племен (первые два — в подчинении у миро, третье — у тупахоту). Это были *мата-кио* — побежденные племена, и поэтому, продолжая жить на своей земле, они уже не могли самостоятельно распоряжаться ею.

Члены племени хити-уира жили попеременно с людьми тупахоту, и оттого на дощечках (вторая группа) граница их территории помечена тем же знаком 25 — «мох» (*kikihiki*) и читается Ханга Кихикихи. Как уже говорилось, на дощечке Тахуа нет знака, который выражал бы название племени тупахоту, и в соответствующей группе (четвертой) сыновнего ряда нет также знака, указывающего его территорию. Это подтверждает наш вывод о том, что племена и потомки Хоту-Матуа перечислены на дощечках в одинаковой последовательности, и свидетельствует одновременно о племенной принадлежности владельца дощечки Тахуа — он хорошо знает племя тупахоту и его территорию, потому что сам принадлежит к этому племени и живет на этой территории. По отсутствию указаний на территорию на трех других дощечках можно оп-

²² *Metraux A.* Ethnology of Easter Island, p. 121.

ределишь, что дощечки Ленинградская большая и Чилийская большая имели владельцев из племени миру, а Ленинградская малая — из племени хаумоана.

После инициала «звезда» и знака, выражающего название племени, на дощечке Тахуа стоит в каждой группе еще один знак — «ямс» (12), а на трех других дощечках — не один, а два знака (3 и 12). Кроме того, сами ряды (племенной и сыновний) расположены на дощечках по-разному: на Тахуа племенной ряд предшествует сыновнему, на трех других дощечках, наоборот, сыновний ряд предшествует племенному (рис. 5).

На Тахуа племенной ряд идет первым; это значит, что племена уже существуют, и в каждом из них много людей. Рапануйцы, говоря о своем прошлом, обычно повторяли одну и ту же формулу: нас было много, мы были как трава²³. Конечный знак в каждой группе (12), видимо, передает понятие «трава». На трех других дощечках рассказ начинается с потомков («сыновей») Хоту-Матуа; племен еще нет, есть только небольшие группы людей, которым предстоит увеличиваться в численности и превращаться в племена. Хоту-Матуа, деля земли между ними, каждому предсказывал рост численности его группы. Так, он сказал Туу (в союз племен туу входят миру, марама, хаумоана, раа, хамеа, нгатимо): потомки будут умножаться, как раковины в море, как тростник в кратере²⁴. Поэтому на трех дощечках в племенной ряд введен еще один знак (3), толкуемый Меторо в других местах как *tuki* — «размножаться». Двумя знаками — «размножаться» и «трава» — переданы стержневые слова традиционной формулы, которую благодаря мифу можно прочесть.

Племена тупахоту и миру по-разному, как было отмечено, относятся к Моа, основателю племени нгатимо. Это разное отношение к нгатимо проявилось и в определении племенных территорий. Миру на своих дощечках (Ленинградская большая и Сантьяго большая) отводят соседним племенам нгатимо и хаумоана одну общую территорию; тупахоту же (дощечка Тахуа) отводят племени нгатимо особую территорию (рис. 5). Что думают на этот счет сами нгатимо и хаумоана, сказать трудно, потому что дощечку, принадлежащую нгатимо, пока опознать не удалось, а на дощечке, принадлежащей хаумоана, территория этого племени, как и следовало ожидать, не указана (собственно, по этому признаку мы и определяем племенную принадлежность этой и остальных дощечек).

По-разному трактуют племена тупахоту и миру и свои права на район бухты Анакена. Миру отводят этот район племени раа — знак двух лодок, связанных вместе (26), на дощечках Ленинградская большая, Ленинградская малая и Чилийская большая (рис. 5) обозначает бухту Анакена (сюда прибыл первый «король» Хоту-Матуа на двух лодках, которые были связаны вместе). Это значит, что миру, а вслед за ними раа и хаумоана считают бухту Анакена своей, видимо, на том основании, что «короли», начиная от первого, Хоту-Матуа, и кончая последним, Нга Ара, жили в районе бухты Анакена и принадлежали всегда к племени миру. Тупахоту (дощечка Тахуа) не претендуют на этот район (их западная граница проходит в районе Ханга Кихикихи), но не отводят его и племени раа, а считают межплеменным, основываясь, вероятно, на том, что «король» управлял в мирное время не одним каким-либо племенем, а всем населением острова.

То, что казалось противоречием между К. Раутледж и А. Метро (западная граница племени раа проходила, по мнению первой, восточнее, по мнению второго — западнее Анакены²⁵), на деле было спором из-за района бухты Анакена между их информаторами, принадлежавшими к племенам миру и тупахоту.

На дощечке Тахуа, владелец которой был из племени тупахоту, для племен раа и коро-о-ронго указана общая граница (знак 17 — «рука»).

²³ Routledge C. S. Op. cit., p. 215.

²⁴ Федорова И. К. Мифы, предания и легенды острова Пасхи, с. 102.

²⁵ Metraux A. Ethnology of Easter Island, p. 122.

Ленинград- ская (б)	Ленинград- ская (м)	Сантьяго (б)	Знак, выража- ющий назва- ние рыбы	Толкование Меторо	Чтение
		испорчено	—	—	—
пропущено		испорчено		mi zo	mi zo — красная рыба
				mataa	kahi — тунец
				mataa	kahi — тунец
				ivi hehe	ivi — hehe — меч — рыба
				ura	ura — рак
				mataa	kahi — тунец
				—	—
испорчено				mango	mango — акула

Рис. 8. Список мест рыбной ловли

В середине прошлого века коро-о-ронго жили в восточной части острова, но до этого, согласно мифу, они занимали местность на юго-западе, близ вулкана Рано-Кау и дер. Оронго²⁶. В свою очередь племя раа, согласно мифу, лишь позднее переселилось в район Ханга Тео, раньше оно обитало южнее. Возможно, племена коро-о-ронго и раа имели в прошлом общую границу.

Между племенами, надо полагать, не раз возникали споры о границах, разделяющих их территории. В Анакене, где каждый год собирались тангата ронгоронго, чтобы декламировать нараспев сказы, записанные на их дощечках (некоторые, впрочем, приходили без дощечек, полагаясь целиком на свою память), сталкивались позиции разных племен. Король Нга Ара выслушивал всех и старался по мере сил устранять противоречия. Дело доходило до того, что он отбирал дощечки (но никогда их не проверял) у некоторых пожилых тангата ронгоронго и лишал их права обучать письму молодежь.

Хоту-Матуа разделил между потомками и места рыбной ловли (ловили также раков). На трех дощечках имеется ряд из девяти групп знаков с инициалом 27 — «рыба» (рис. 8). Одно из племен, нгатимо, пропущено — оно не имело своих мест рыбной ловли. Места рыбной ловли названы по видам рыб, которые в этих местах ловятся. Известно, например, что в Хака-Нононга, Хатехате и Митиаке хорошо ловится тунец; в Хака-Каинга — рыба атуре; в Туаниу — рыба махоре; в бухте Анакена — угри; в Пухинге на южном берегу — крабы. Хоту-Матуа сказал своему сыну Хоту-Ити (в союз племен хоту-ити входят тупахоту, хити-уира, коро-о-ронго, нгауре): «Пусть водятся акулы на твоей территории»²⁷. Знак 28 во второй группе изображает дерево *miro* и передает название вида рыб (*miro* — «красная рыба с белым хвостом»). Знак 29 в последней группе — *mango* («акула»). Знак 30 в пятой группе (племя нгауре), толкуемый Меторо как «рыба-меч» (*iviheheu*). Знак 31 в шестой группе (племя хаумоана), по Меторо, — «рак», «краб» (*ura*) указывает, видимо, на район Пухинга. Знак 32, повторенный в третьей, четвертой и седьмой группах и толкуемый Меторо как «нако-

²⁶ Федорова И. К. Мифы, предания и легенды острова Пасхи, с. 208, 209.

²⁷ Там же, с. 102.

нечник копыя» (*mataa*), хотя этот знак напоминает каменный нож (*kahi*)²⁸, в данном ряду отмечает места, где ловился тунец (*kahi*). Таких мест было, действительно, три: Хака-Нонона, Хатехате, Митиаке. В первой группе нет знака — эта деталь сближает ряд с инициалом рыба с рядами племенным и сыновним; владелец дощечки Ленинградской большой — член племени миру, и поэтому у него нет надобности указывать специальными знаками свою территорию и свои места рыбной ловли.

Подводя итоги, мы хотим отделить то, что нами прочтено, от того, что пока лишь истолковано. Прочтен список племен на четырех дощечках, и установлено следующее.

1. На о. Пасхи было 10 племен (а не 12, как утверждают некоторые источники).

2. Названия племен переданы на дощечках не полностью, а частично (тупахоту — «тупа»; хаумоана — «хау» и т. д.).

3. Название хити-уира на разных дощечках написано по-разному («хити», «уи»).

4. В письме переданы не все слова, а лишь стержневые («размножаться», «много»), остальные читались по памяти.

Список потомков и их территорий наполовину прочтен, наполовину истолкован. Один и тот же знак «потомок» читается в первой группе — потомок Хоту-Матуа по имени Миру; во второй — потомок Хоту-Матуа по имени Хити-Уира; в третьей — потомок Хоту-Матуа по имени Марамы и т. д. По существу этот знак (10) мало чем отличается от сучка на генеалогической палке или от узелка на генеалогическом шнурке, с помощью которых маори Новой Зеландии и жители Маркизских островов перечисляли своих предков, и надежно истолковать и частично прочитать список потомков и их территорий, имеющий бирочный характер, удалось лишь благодаря тесной связи этого списка с перечнем племен.

Список мест рыбной ловли пока лишь истолкован, поэтому дальнейшие исследования могут как подтвердить предложенное толкование, так и опровергнуть его (как это произошло со списком растений).

Перечень племен, прочтенный нами, позволяет теперь с полной уверенностью утверждать, что на дощечках каждый знак передает слово; что записаны не все слова текста, а лишь стержневые. Выявлена еще одна особенность этого письма — слова могут быть переданы не полностью, а частично.

²⁸ Мы отмечали это ранее. См. Бутинов Н. А., Кнорозов Ю. В. Указ. раб., с. 81.

Г. А. Агранат

КОРЕННОЕ НАСЕЛЕНИЕ АЛЯСКИ И КАНАДСКОГО СЕВЕРА: СОВРЕМЕННЫЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

В течение последних 10—15 лет в положении коренного населения Аляски и Канадского Севера произошли довольно серьезные перемены в социальном, политическом и экономическом отношениях. Эти перемены отражают, с одной стороны, общий, весьма активный процесс ликвидации колониализма во всем мире, процесс возрождения отсталых народов; с другой — они связаны с крупными сдвигами количественного и качественного характера в развитии производительных сил Севера.

По нашей оценке, основанной на данных переписей 1970—1971 гг., общая численность коренного населения Аляски и Канадского Севера

составила около 123,7 тыс. чел., в том числе на Аляске — 50,7 тыс., на Канадском Севере — 73 тыс. В этническом плане эта цифра распределяется следующим образом: эскимосы (инуиты) — 43,8 тыс., индейцы — 73,3 тыс., алеуты — 6,6 тыс.¹

Схема исторического развития коренного населения. Приход европейских колонизаторов в Новый Свет в XVIII—XIX вв. на первых порах не изменил традиционного способа производства: эскимосы, индейцы, алеуты Аляски² и Канадского Севера по-прежнему занимались охотой на пушного и морского зверя, добычей дикого оленя и других животных, рыболовством, собирательством даров природы. Однако с внедрением привозных товаров, истощением охотничье-промысловых ресурсов из-за интенсификации охоты натуральная экономика постепенно разрушалась. Переход же к другим источникам существования — работе на промышленных и транспортных предприятиях и в других сферах деятельности пришлого населения был затруднен из-за низкого культурного, образовательного и профессионального уровня аборигенов. Да и возможности работы были весьма невелики: промышленное освоение Севера только начиналось.

К 30—40-м годам XX в. значительная часть аборигенов Севера оказалась в крайне тяжелом положении, подчас на грани голода и вымирания. Правительства США и Канады вынуждены были оказывать им прямую финансовую помощь. Проводились и другие меры, например переселение из тех районов, где охота и промыслы уже не давали нужного количества пушнины, мяса и иных продуктов, в другие, более богатые охотничье-промысловыми ресурсами. Но все эти мероприятия мало что давали.

Начались поиски выхода из создавшегося положения. Правительства США и Канады хотели освободиться от бремени благотворительности по отношению к северным народностям, найти им практическое применение в ходе хозяйственного развития северных районов.

Политика по отношению к коренному населению Севера принципиально менялась также в связи с серьезными изменениями во взглядах на ценность северных земель и недр. Долгие десятилетия Север не очень интересовал широкие круги предпринимателей и население США, Канады и других стран, и поэтому вопрос о правовой принадлежности северных земель серьезно не вставал. В этом принципиальное отличие колонизации Севера от колонизации среднеширотных территорий США и Канады, где этот вопрос был самой важной проблемой продвижения на новые земли. Отсюда и сравнительная терпимость или, точнее, безразличие к исконным владельцам северных земель; эти земли нужны не были, к тому же аборигены поставляли меха, и их существование было, с точки зрения колонизаторов, даже полезным.

К 50—60-м годам положение начало в корне меняться: земли Севера постепенно приобретали все большую ценность. Да и политический климат во всем мире изменился: о том, чтобы сгонять аборигенов и истреблять их, как это делалось в XVIII—XIX вв. в отношении сотен тысяч индейцев на основных территориях США и Канады, не могло быть и речи. Приходилось искать соответствующие эпохе политические, юридические и иные формы сосуществования.

¹ Общая площадь, занимаемая этими народностями, составляет около 8,6 млн. км², в том числе на Аляске — 1,5 млн., на Канадском Севере (Юкон, Северо-Западные Территории, северные районы провинций Ньюфаундленд, Квебек, Онтарио, Манитоба, Саскачеван, Альберта, Британская Колумбия) — 7,1 млн. км².

² Мы оставляем в стороне взаимоотношения пришлых людей и аборигенов в русский период освоения Аляски (конец XVIII в. — 1867 г.); они существенно отличались от того, что было в то время на Канадском Севере и после 1867 г. на Аляске; этот вопрос уже исследован (см. *Агранат Г. А.* Об освоении русскими Аляски. — *Летопись Севера*, 1971, № 5; *Федорова С. Г.* Русское население Аляски и Калифорнии: конец XVIII века — 1867 г. М.: Наука, 1971; *ее же.* Русское наследие в судьбах коренного населения Аляски. — В кн.: *Традиционные культуры Северной Сибири и Северной Америки*. М.: Наука, 1981, с. 244—266).

Анализ сложившегося к 50—60-м годам положения был сделан в опубликованных в 60-х — начале 70-х годов работах автора данной статьи и других советских исследователей³.

Последующее время можно считать началом нового периода в развитии северных народностей США и Канады. Наметились новые или четко закрепились лишь слегка обозначавшиеся в прошлом тенденции.

Аборигены Севера в борьбе за свои права. Важнейшей чертой нового периода (конец 60—70-х годов) является резкий подъем национального движения народностей Зарубежного Севера.

Характерный для всего бывшего колониального и зависимого мира рост национального самосознания ранее отсталых народов в этот период приобрел на Севере четкие черты. Повсеместно появился ряд политических, профессиональных, женских и других общественных организаций аборигенов. Это стало особенно заметно на Аляске, где к концу 60-х годов была создана «Федерация аборигенов Аляски», разработавшая единую программу развития аборигенов штата. Наряду с этой центральной организацией уже в начале 70-х годов существовало не менее двух десятков региональных, общинных и этнических обществ⁴. На Канадском Севере степень политической зрелости национального движения аборигенов заметно ниже, чем на Аляске. Сказывается более низкий уровень социально-экономического развития региона, территориальная распыленность коренного населения. Но новое возникло и здесь. Появился ряд обществ, в том числе общеканадская «Инуит Тапирисат оф Канада» (эскимосы).

У народов Севера возникли свои газеты и журналы: «Тандра Таймс» — на Аляске, «Инуит Мансли», «Нэйтив Пресс» — на Канадском Севере и др. Среди аборигенов выдвинулись лидеры — достаточно образованные и наделенные организаторским талантом люди. Представители северных народностей теперь участвуют во многих совещаниях и симпозиумах по проблемам Севера, проводимых административными и общественными организациями в США, Канаде и других северных странах, а также в международных конференциях.

Все это — явления, невиданные еще 15—20 лет назад. Столь же новым стало участие аборигенов в местных административно-политических органах. Так, в одном из районов на севере Аляски административные органы полностью находятся в руках аборигенов.

В Канаде, как сообщалось весной 1982 г. в канадской печати, эскимосы активно боролись за выделение из Северо-Западных Территорий огромного района, который должен стать автономной эскимосской территорией («Нунавут» — «наша земля»).

На высокий уровень национального движения на Севере указывает тот факт, что оно разворачивается уже не только в рамках отдельного региона, но и в более широких масштабах. В июне 1977 г. в Барроу (Аляска) состоялась первая конференция эскимосов Аляски, Канадского Севера и Гренландии, в июне 1980 г. в Годтхобе (Гренландия) — вторая. Была выработана хартия, провозгласившая право эскимосов определять и защищать свои социальные, экономические и политические права; для этого созданы постоянные организации⁵.

Приведенные факты имеют историческое значение. Они показывают, что во всемирном национально-освободительном движении нет исключений. Все народы, в том числе народности Севера, достойны

³ См., например: Агранат Г. А. Положение коренного населения Крайнего Севера Америки. — Сов. этнография, 1961, № 4; *его же*. Зарубежный Север. Опыт освоения. М.: Наука, 1970; Файнберг Л. А. Очерки этнической истории Зарубежного Севера. М.: Наука, 1971; *его же*. Формирование эскимосского национального меньшинства США (1867—1970 гг.). — В кн.: Национальные процессы в США. М.: Наука, 1973, с. 181—195.

⁴ Подробнее см.: Лопуленко Н. А. Коренное население Аляски: современное положение и борьба за равноправие. — В кн.: Расы и народы, № 7. М.: Наука, 1977. См. также: Ervin A. M. The Emergence of Native Political Capacity. — Musk Ox, 1976, № 17.

⁵ Inuit Circumpolar Conference Charter, 1980. — Polar Record, 1981, № 127.

права на самостоятельную жизнь, борются за это право и в конечном счете завоевывают его.

Борьба северных народностей за свои права вынудила правительства США и Канады усилить внимание к проблемам этих народов. Указанные проблемы вызвали политический и общественный резонанс в кругах международных организаций, прежде всего в Организации Объединенных Наций. В частности, в конце 1974 г. XVIII сессия Генеральной конференции ЮНЕСКО приняла решение о международной координации работ по изучению коренного населения Арктики. Международные конференции по проблемам северных народностей состоялись в 1969 г. (Гавр), в 1973 г. (Копенгаген), в 1975 г. (Амстердам).

Создаются специальные комиссии, основной задачей которых является анализ возможного влияния проектируемого хозяйственного строительства на жизнь аборигенов. Проблемы коренного населения стали занимать важное место в региональных программах и связанных с Севером правительственных решениях. Расширилось изучение политических, экономических и социологических проблем народностей Севера отдельными учеными и целыми научными коллективами⁶.

Однако на результатах исследований, да и в действиях буржуазных правительств США и Канады в отношении малых народов Севера не могли не отразиться неокOLONиалистские тенденции современной политики империалистических держав. Поиски гибких форм обращения с угнетаемыми народами, подчеркивание лояльности, демагогические речи о равноправии, критика прошлого, ставка на социальную дифференциацию населения — все эти черты, характерные для названной политики, можно легко увидеть и на Севере.

Для весьма обильной в последние 10—15 лет научной литературы капиталистических стран характерна довольно острая критика колониализма на Севере, неудач и ошибок прошлой государственной политики в отношении северных народностей, нередко идеализация условий жизни этих народностей до прихода европейцев. Вот один из примеров критических тезисов видных западных североведов: «Север до недавнего времени рассматривался как незаселенная земля, где каждый, кто придет сюда, волен искать и эксплуатировать то, что он найдет, вовсе не считаясь с теми, кто живет здесь все время»⁷.

Впрочем, нередко случаи, когда буржуазные авторы, и особенно чиновники, не прочь обвинить в иждивенчестве, нежелании работать, моральном разложении тех северных аборигенов, которые при отсутствии других источников существования выживают главным образом благодаря пособиям. Подобная оценка социальной помощи неимущим группам общества вообще характерна для буржуазных идеологов. Конечно, в отдельных случаях под воздействием помощи, при отсутствии возможности работать, в обстановке отчаяния у некоторых неимущих появляется психология люмпен-пролетария, нарушаются определенные нравственно-этические нормы⁸. Но буржуазные авторы не хотят учитывать, что отчаянное положение возникло вследствие разрушения колонизаторами Севера привычного хозяйственного уклада коренного населения, а эксплуатация минеральных и других природных богатств, по праву принадлежащих аборигенам, не только не приносит им пользы, но в конечном счете оказывает разрушающее действие на образ и условия жизни. Нерациональное использование этих богатств вело к истощению охотничье-промысловых ресурсов, а никаких отчислений от прибылей и налогов аборигенные общины не получали.

В последнее десятилетие в этом смысле наметились определенные сдвиги. Однако, как будет показано далее, ни работы ученых, ни поли-

⁶ Обстоятельный обзор некоторых из этих работ см.: Лопуленко Н. А. Социальное развитие эскимосов Аляски в освещении современных американских этнографов. — В кн.: Этнография за рубежом. Историографические очерки. М.: Наука, 1979.

⁷ Armstrong T., Rogers G., Rowley G. The Circumpolar North. L., 1978, p. 115.

⁸ См. Чорбинский С. И. Социальная помощь, социальные мифы. — США. Экономика, политика, идеология, 1978, № 2.

тические и административные мероприятия не привели к справедливому и полному решению социально-экономических проблем северных народностей. Они или недостаточны, или половинчатые, или же толкают развитие северных народностей в опасном для них направлении.

Сопшемся на свидетельство видного канадского североведа Л. Э. Амлена. Он признает, что правительство Канады действительно обеспокоено проблемами коренного населения Севера. «Но,— заключает автор,— беспокойство и интерес еще не означают решение вопроса, и можно утверждать, что политика, основанная на радикальном переосмыслении всей суммы отношений между пришлыми жителями и аборигенами, еще не реализована»⁹.

Экономическое положение: выбор пути. В последние 10—15 лет экономическое положение аборигенов Аляски и Канадского Севера претерпело существенные изменения. Уже в первые два десятилетия после второй мировой войны довольно ясно выявились возможные пути экономического развития северных народностей. Один из них — попытка сохранения и укрепления традиционных отраслей хозяйства северных народностей при осторожном и постепенном вовлечении их в промышленность, транспорт и другие отрасли занятий пришлого населения. Второй путь — это ставка на работу по найму.

Факты последнего десятилетия говорят о том, что буржуазные государства пытаются поставить народности Севера на путь резкой активизации капиталистических отношений, развития предпринимательства. В этом отношении примечательны новые формы отношений между коренным населением и правительствами США и Канады. В конце 1971 г. конгресс США постановил передать аборигенам Аляски в монопольное пользование 16 млн. га исстари принадлежащей им территории и выплатить (в течение 20 лет) 962 млн. долл. в качестве денежной компенсации за земли, изъятые в связи со строительством трансалюаскинского нефтепровода и ряда других хозяйственных объектов. Для общественного использования выделенных средств среди коренного населения было создано 12 региональных корпораций.

Корпорации по существу превратились в капиталистические фирмы, занимающиеся разнообразными делами — транспортировкой грузов в отдаленные местности, строительством и эксплуатацией гостиниц, обслуживанием туристов, разработкой небольших месторождений минерального сырья и т. д. Серьезным источником доходов служат арендная плата, налоги с частных фирм, эксплуатирующих недра на землях «туземных» корпораций.

Эскимосам и индейцам Канады, проживающим в районе строительства каскада крупных гидроэлектростанций близ зал. Джемса, в 1975 г. после длительной борьбы были выделены неотчуждаемые под хозяйственное строительство значительные территории и выданы обязательства о выплате в течение 20 лет 324 млн. долл. за изъятые территории. В настоящее время ряд других групп аборигенов Канадского Севера требует от правительства Канады заключения аналогичных соглашений.

Новая форма взаимоотношений аборигенов и властей в какой-то степени улучшает положение коренного населения Севера, но главное — меняет его социальный статус. Она способствует полному искоренению родовых и других старых форм общественных отношений среди аборигенов и вместе с тем резко активизирует процесс классового, социально-экономического расслоения местных общин. Очень небольшая доля коренного населения становится администраторами, мелкими подрядчиками, возникает своя мелкая буржуазия.

Надо учесть, что размер денежных компенсаций в расчете на душу коренного населения невелик. Учитывая, что компенсация будет выплачиваться с длительной рассрочкой, на каждого индейца, эскимоса,

⁹ Hamelin L. E. Canadian Nordicity. Montreal, 1979, p. 225.

Аляска придется не более 800—1000 долл. в год. Неизбежная и уже происходящая капиталистическая дифференциация корпораций коренного населения сведет доход подавляющей части аборигенов к еще меньшей сумме.

Следует также иметь в виду, что эти корпорации, бесспорно, разделят судьбу мелких фирм, обычно с трудом конкурирующих с крупными компаниями. Периодическая печать Аляски часто приводит факты организационных и коммерческих неудач аборигенных корпораций, которые ведут непрерывную и неравную борьбу с местной администрацией и компаниями, стремящимися ограничить доходы корпораций.

Новая форма национальной политики в какой-то мере напоминает известную американскую политику так называемого «плавильного котла» (melting pot), которую Канада и особенно США проводили по отношению к массе иммигрантов в XIX—начале XX в. Суть ее состояла в «переплавке» социально и этнически разнородных пришельцев в общем «котле» американской буржуазной демократии и американского «свободного» предпринимательства; был расчет на то, что для иммигрантов из политически отсталых стран Западной Европы американские демократические институты будут очень привлекательны. Однако политика «плавильного котла» с ростом социального и национального самосознания иммигрантов быстро перестала приносить положительные результаты.

Таким образом, попытка перевода аборигенов на рельсы частного предпринимательства не сняла необходимости выбора между основными альтернативами развития коренного населения: работа по найму или традиционные отрасли хозяйства. Ведь собственное предпринимательство, создаваемое с помощью указанных денежных выплат или другим путем, может обеспечить занятость лишь небольшой части аборигенов.

В последнее десятилетие правительственные органы США и Канады предпринимают немало усилий по вовлечению коренных жителей в промышленность, транспорт и другие отрасли хозяйства. Расширяются масштабы организованного трудоустройства коренного населения. Так, в середине 70-х годов министерство по делам индейцев и развития Севера Канады обеспечило работой на новом государственном свинцово-цинковом комбинате на Баффиновой Земле 100 эскимосов (мужчин и женщин), составивших более 50% всех рабочих и служащих этого предприятия. По оценке Л. Э. Амлена, в 70-х годах в среднем 25% работоспособных аборигенов Канадского Севера работало на рудниках и транспорте, в сфере обслуживания; в отдаленных районах, таких, как Северо-Западные Территории, эта цифра опускалась до 15%¹⁰. О росте значения работы по найму говорит ее достаточно высокая доля в общих доходах аборигенов. Даже в далеком эскимосском пос. Бейкер-Лейк в Канаде она составила в 1976—1977 гг. 41,7%, а в четырех поселках Канадского арктического архипелага (Арктик-Бей, Понд-Инлет, Гриз-Фьорд, Резольют) 68,9% в 1978 г.¹¹

Самый крупный пример работы по найму — строительство Транс-аласкинского нефтепровода. Здесь в 1974—1977 гг. было занято в общей сложности 5770 индейцев, эскимосов и алеутов, что составило около 10% всех работавших за это время на стройке. Работали аборигены главным образом разнорабочими, но также механиками, электриками, шоферами, смазчиками и др. И именно этот, самый значительный, опыт вовлечения аборигенов в работу по найму насторожил ученых и администраторов. Он поставил больше вопросов, чем дал ответов. Обращает внимание прежде всего то, что больше половины (51,5%) занятых на строительстве аборигенов работало не более 8 недель (в том числе 25% — менее 2 недель и лишь 0,4% — все 3 года). Уход со стройки объяснялся тоской по дому, неприспособленностью к 10-часовому рабо-

¹⁰ Hamelin L. E. Op. cit., p. 220.

¹¹ The Baker Lake Decision.—Northern Perspectives, 1980, № 3; Myers H. Traditional and Modern Sources of Income in the Lancaster Sound Region.—Polar Record, 1982 № 130.

чему дню, тяжелыми условиями работы, плохим отношением начальства, просто нежеланием работать. Часто наблюдалась и расовая предубежденность по отношению к эскимосам и индейцам, белые бригады пренебрежительно отзывались о них¹².

Надо вместе с тем отметить, что фирмы большей частью заинтересованы в местной рабочей силе, избавляющей от дорогостоящей вербовки рабочих с юга. К тому же они получают субсидии от государства на профессионально-техническое обучение аборигенов. Администрация предприятий пытается проявить определенную гибкость в создании для аборигенов условий работы, соответствующих их образу жизни. На горнопромышленных предприятиях Канадского Севера предусмотрены, в частности, сменная (вахтовая) организация работы, частые отлучки домой, продолжительные отпуска. Этим обеспечивается возможность сочетать работу по найму с охотой и промыслами. В среднем коренные жители зарабатывают на промышленных, транспортных, торговых и других предприятиях (исходя из затраченного времени) больше, чем в традиционных отраслях хозяйства.

Несмотря на все это, вовлечение аборигенов в работу по найму идет медленно и неустойчиво, особенно на Канадском Севере. Так, на полиметаллическом руднике в Фаро (Юкон) в начале 70-х годов индейцы составляли до 25% общего состава работников, через несколько лет их было 10%, затем эта цифра упала до 1%¹³. За 1975—1980 гг. численность работающих в горнопромышленных фирмах эскимосов канадских поселков Понд-Инлет сократилась с 69 до 42, Арктик-Бей — с 55 до 48¹⁴.

Причины тому — историко-этнические и социально-экономические факторы. Приспособление отсталых народов к новым для них занятиям за короткий исторический срок объективно крайне нелегкий процесс. В капиталистических странах социально-экономические условия создают дополнительные трудности. Указанный процесс требует исключительного внимания со стороны государства и общественности, большой помощи, не только административной и экономической, но, что, может быть, самое главное, и социологической, создания определенного нравственно-этического климата. Многие аборигены, не будучи в состоянии быстро приспособиться к жизни современного общества, выступают против перевода их в рабочих и служащих. «Отошлите нас назад на наши земли... Не то дело кончится тем, что мы потеряем даже вкус к жизни», — заявляли работавшие по найму эскимосы округа Киватин представителю канадского правительства¹⁵.

Вопрос о морально-психологическом приспособлении к новым условиям работы и жизни, пожалуй, главный и самый болезненный. Д. Джонс провела обследование более 100 индейцев и эскимосов, работающих в разных учреждениях и предприятиях, главным образом в ресторанах и гостиницах Анкориджа. Она пришла к выводу, что подавляющее большинство не удовлетворено работой. Аборигены, особенно мужчины, угнетены тем, что на своей сугубо неквалифицированной работе они не могут показать те черты, которые в аборигенной общине считаются обязательными, престижными: ловкость, физическую силу, удачливость, способности умельца, кормильца семьи и всей деревни¹⁶.

Неустойчивость и болезненность процесса перехода охотников и промысловиков на наемный труд сохранили достаточно прочными позиции поборников пути укрепления традиционных отраслей хозяйства коренного населения Севера. Ставка на эти занятия наибольшую роль

¹² Naylor L. L., Godding L. A. Alaska Native Hire on the Trans-Alaska Oil Pipeline Project. — Alaska Review of Social and Economic Conditions, 1978, № 1.

¹³ Gibson R. B. The Strathcona Sound Mining Project. Ottawa, 1977, p. 100.

¹⁴ Hobart C. W. Impacts of Industrial Employment on Hunting and Trapping among Canadian Inuit. — In: Proceedings. First International Symposium on Renewable Resources and the Economy of the North. Ottawa, 1981, p. 210.

¹⁵ Курьер ЮНЕСКО, февраль, 1975 г.

¹⁶ Jones D. M. Urban Native — Men and Women — their Difference in their Work Adaptation. Fairbanks, 1978.

играет на Канадском Севере, где традиционная экономика еще сохранила немалое значение. Во многих районах 50—60% всех заработков и доходов поступает от пушного промысла, охоты и рыболовства. Комиссия Т. Р. Бергера, обследовавшая условия жизни аборигенов в Северо-Западных Территориях, считает, что спасение индейцев и эскимосов — в развитии пушного промысла, охоты, рыболовства и других отраслей хозяйства, эксплуатирующих возобновимые биологические ресурсы¹⁷. Можно сослаться также на работы Л. Э. Амлена, П. Ушера, М. Новака¹⁸ и других ученых, защищающих этот путь. Помимо прочего, эти ученые справедливо подчеркивают важность традиционных отраслей хозяйства как поставщиков свежего мяса и рыбы, очень нужных северному аборигену, во все большей мере питающемуся хлебомучными и консервированными продуктами. Вообще в научных и административных кругах Канады пробивает дорогу концепция так называемого «сбалансированного экономического развития» северных районов, суть которой состоит в том, что отрасли, использующие возобновимые (биологические) ресурсы, должны иметь равный приоритет с отраслями, основанными на эксплуатации невозобновимых (минеральных) ресурсов. Иными словами, эти отрасли не должны оттесняться на второй план.

Однако ставка на традиционные отрасли хозяйства как на главную экономическую опору народностей Севера также вызывает серьезные споры среди зарубежных ученых. Противоречия в выборе путей развития северных народов, обнаружившиеся еще несколько десятилетий назад, не только не сглаживаются, но, пожалуй, обостряются, и это вновь указывает на исключительную сложность решения этой проблемы.

Работавшая одновременно с комиссией Т. Р. Бергера группа К. М. Лисика, изучавшая проблемы аборигенов Юкона и прилегающих к нему районах, обвиняет ее в отсутствии реалистичности: возврат к старому укладу жизни, надежда на серьезное укрепление традиционного хозяйства и отвлечение от работы по найму, по ее мнению, уже невозможны¹⁹. Канадский северовет Дж. Лотц, соглашаясь с этим, пишет, что в Канаде возникло своего рода противопоставление двух направлений — «прогрессистов», «передовиков» (сторонники развития по новому пути, всемерного вовлечения аборигенов в новые отрасли хозяйства) и «консервационистов», «романтиков» (защитники старого уклада жизни)²⁰. У. Макконелл упрекает Т. Р. Бергера в том, что он некритично воспринял «утопические устремления части туземной элиты к возврату на землю»²¹.

Традиционные занятия. К основным традиционным занятиям коренного населения Аляски и Канадского Севера относятся промысел пушного зверя, рыболовство, морской зверобойный промысел, охота на дикого оленя. Важнейшее из них — пушной промысел. Многолетнее стремление охотников-аборигенов к увеличению заготовок пушны, усугубляемое резкими колебаниями цен на меха, растущий приток охотников-любителей, транспортно-промышленное освоение территории, истощавшее многие охотничьи угодья, — все это не могло не привести к уменьшению поголовья зверя и ухудшению состояния про-

¹⁷ Berger T. R. Northern Frontier. Northern Homeland.— The Report of the Mackenzie Valley Pipeline Inquiry. V. I—II. Ottawa, 1977.

¹⁸ Hamelin L. E. Op. cit.; Usher P. Evaluating Country Food in the Northern Native Economy.— Arctic, 1976, № 2; Nowak M. The Economics of Native Subsistence Activities in a Village of Northwestern Alaska.— Arctic, 1977, № 4.

¹⁹ Lysyk K. M., et al. Alaska Highway Pipeline Inquiry. Ottawa, 1977.

²⁰ Дж. Лотц приводит хорошо иллюстрирующие ситуацию слова индианки Рой Фабан из пос. Хей-Ривер: «Я не могу согласиться ни с теми ни с другими» (речь идет о представителях двух названных направлений развития аборигенов.— Г. А.). Я получила образование, но белые люди не признают меня, ибо я не имею хорошего цвета кожи. Я из тех людей, которые застряли на перепутье двух культур и не знают, по какому из них идти» (Lotz J. Northern Pipelines and Southern Assumptions.— Arctic, 1977, № 4).

²¹ McConnell W. H. The Report of the Mackenzie Valley Pipeline Inquiry.— Musk Ox, 1978, № 21.

мысли. Справедливости ради можно отметить некоторые успехи в восстановлении численности и улучшении условий воспроизводства пушного зверя в ряде районов.

Тем не менее можно утверждать, что на Аляске и на Канадском Севере в последние два-три десятилетия объем заготовок и запасы ряда ценных видов пушного зверя имеют тенденцию к падению, хотя проследить это в силу довольно резких циклических колебаний запасов и меняющейся конъюнктуры мехового рынка не всегда легко²², получаются неоднозначные и не очень хорошо сопоставимые результаты.

Рост в 70-х годах цен на песца, например, в несколько раз повысил доходы от пушного промысла в североканадских районах Коппермайн, Арктик-Бей, Понд-Инлет, хотя физический объем заготовок за период 1969—1980 гг. практически не увеличился²³. Отдельные специалисты, к примеру Т. Р. Бергер, Х. Майерс утверждают, что имеется возможность заметно увеличить объем промысла, по крайней мере на Канадском Севере, природная база это позволяет. Однако само по себе наличие достаточных запасов пушного зверя в этом огромном регионе в целом еще не означает, что аборигены имеют реальные возможности расширения пушного промысла. Во многих наиболее населенных аборигенами районах охотничьи угодья сильно истощены. Концентрация коренного населения в крупных поселках, уход части охотников на промысленные и другие предприятия ограничивают возможности освоения отдаленных угодий. Осуществляемое и ожидаемое промышленное и особенно транспортное строительство неизбежно ухудшат условия охоты. Лишь в самых отдаленных районах потенциальные охотничье-промысловые возможности, видимо, еще достаточно обширны.

Серьезным источником средств существования эскимосов и индейцев Аляски и Канадского Севера издавна являлась охота на дикого оленя (карибу). По ряду причин (нерациональный промысел, лесные пожары и др.) его поголовье катастрофически сократилось. На Канадском Севере в начале нынешнего века насчитывалось, по разным оценкам, до 2—3 млн. диких оленей, к концу 70-х годов, судя по подсчетам с воздуха и мнениям отдельных ученых, их сохранилось не более 350—400 тыс. По оценкам 1980—1981 гг., процесс сокращения стад карибу не прекратился, во всяком случае, не заметно существенного роста их поголовья²⁴. Дикий олень уже давно не обеспечивает тех потребностей в питании, одежде и обуви, которые он удовлетворял в прошлом.

Попытки внедрения домашнего оленеводства в число отраслей хозяйства коренного населения Аляски и Канадского Севера пока не оказались успешными. Хорошо известен крах коммерческого оленеводства на Аляске, достигшего в конце 30-х годов нашего века почти 1 млн. голов; оно не выдержало конкуренции со скотопромышленными фирмами основных районов США. Теперь на Аляске насчитывается от 9 до 14 тыс. домашних оленей (1976 г.). На Канадском Севере домашнее оленеводство существует с середины 30-х годов, но 40 лет стадо практически не росло, в 1974 г. оно насчитывало всего 5,2 тыс. голов. В последнее время оленеводству уделяется внимание как товарной отрасли хозяйства, продукция которой будет удовлетворять потребности растущего пришлого населения Севера и пойдет на рынки южных областей страны; к 1980 г. поголовье увеличилось до 13 тыс. животных²⁵.

Однако аборигены Аляски и Канадского Севера по-прежнему очень мало заняты оленеводством. По-видимому, для приобщения их к этой отрасли хозяйства нужны серьезные государственные и общественные меры помощи в перестройке исстари сложившейся психологии охотни-

²² См. также: Черкасов А. И. Коренные жители Канадского Севера.— США. Экономика, политика, идеология, 1979, № 7.

²³ Hobart C. W. Op. cit., p. 212.

²⁴ Thomas D. C. Population Estimates of Barren Caribou. Ottawa, 1969; Musk Ox, 1978, № 21; 1981, № 28.

²⁵ Nasogaluak W., Billingsley D. The Reindeer Industry in the Western Canadian Arctic: Problems and Potential.— In: Proceedings. First International Symposium on Renewable Resources and the Economy of the North. Ottawa, 1981, p. 86—90.

ков, кропотливое обучение приемам домашнего скотоводства. Кстати сказать, на трудности трансформации охотников Севера в скотоводов указывают западные исследователи²⁶.

Рыболовство играет заметную роль в хозяйстве коренного населения лишь на юге и юго-востоке Аляски как источник денежных доходов и как отрасль натурального хозяйства. Рыбаки-индейцы оказались здесь в полной зависимости от рыбопромышленных фирм и делят участь наемных рабочих. В других местах рыболовство служит дополнительным источником продуктов питания, однако аборигенов все больше теснят пришлые рыболовы и туристы. Морской зверобойный промысел предоставляет средства существования небольшой части эскимосов, запасы зверя заметно истощаются.

На наш взгляд, зарубежные исследователи, делающие ставку на развитие традиционных отраслей хозяйства, не всегда достаточно учитывают ограниченные в целом возможности освоения возобновимых, особенно биологических, охотничье-промысловых ресурсов Севера. Советский исследователь Севера Е. Е. Сыроечковский обращает внимание на эту ограниченность, объясняя ее низкой продуктивностью биологических ресурсов и крайней медленностью темпов их воспроизводства. Он подчеркивает ошибочность взглядов об изобилии биоресурсов Севера, это, по его словам, «кажущееся изобилие», требующее крайне осторожного подхода к оценке возможностей и масштабов развития промыслового хозяйства²⁷.

Впрочем, П. Дж. Пелто отмечает, что в условиях перехода северных народностей к товарно-денежному хозяйству, к зависимости от привозных товаров, растущего использования биологических ресурсов Севера пришлыми людьми эти ресурсы уже не могут служить мерилom возможностей экономического развития аборигенов²⁸. Л. К. Блисс считает, что поборники ставки на традиционное хозяйство, и прежде всего Т. Р. Бергер, явно недооценили длительное влияние антропогенной и техногенной деятельности на биологические ресурсы Севера и поэтому преувеличили возможности хозяйственного использования возобновимых ресурсов²⁹. Об этом же говорили канадские исследователи У. Э. Фуллер и Б. Э. Хьюберт на Первом международном симпозиуме по проблемам хозяйственного использования возобновимых ресурсов Севера; применительно к Северо-Западным Территориям они предсказывают, что к концу 80-х годов возможности расширения пушного промысла будут исчерпаны³⁰.

На этом симпозиуме П. Дж. Ушер и другие ученые подчеркивали, что дальнейшее развитие аборигенного охотничье-промыслового хозяйства требует повышения уровня научной организации управления биологическими ресурсами северных районов, предоставления аборигенам особых прав в эксплуатации этих ресурсов, усиления государственной помощи коренному населению. Иными словами, решение проблемы нуждается в мерах социального, политического характера. Утверждая, что кое-что в этом направлении делается, ученые в общем не очень оптимистично оценивают перспективы традиционных отраслей хозяйства коренного населения Аляски и Канадского Севера³¹.

²⁶ Ingold T. Hunters, Pastoralists and Ranchers: Reindeer Economies and their Transformations. Cambridge, 1980.

²⁷ Сыроечковский Е. Е. Биологические ресурсы Севера. Проблемы освоения. М.: Наука, 1974, с. 66—67.

²⁸ Pelto P. J. Ecology, Delocalization and Social Change.— In: Consequences of Economic Change in Circumpolar Regions. Edmonton, 1978, p. 29—36.

²⁹ Bliss L. C. The Report of the Mackenzie Valley Report Inquiry.— Musk Ox, 1978, № 21.

³⁰ Fuller W. A., Hubert B. A. Fish, Fur and Game in the Northwest Territories: Some Problems of, and Prospects for, Increased Harvests.— In: Proceedings. First International Symposium on Renewable Resources and the Economy of the North. Ottawa, 1981, p. 12—29.

³¹ Usher P. J. Sustenance or Recreation? The Future of Native Wildlife Harvesting in Northern Canada.— In: Proceedings, First International Symposium on Renewable Resources and the Economy of the North. Ottawa, 1981, p. 56—71.

Экономическое положение: некоторые итоги. Итак, реалистичность сохранения традиционных отраслей хозяйства как прочной основы жизни малых народов Севера оказывается сомнительной. Более того, ставка на значительное расширение эксплуатации возобновимых биологических ресурсов представляется в условиях Севера в известной мере опасной, она может привести к их дальнейшему сокращению. Очевидна также необратимость социально-экономического процесса вовлечения малых народов Аляски и Канадского Севера в новые производственные отношения, это — диалектика развития любых народов. Но столь же очевидны показанные выше разнообразные трудности этого процесса.

Таков круг противоречивых, с трудом сосуществующих друг с другом проблем, с которыми встретились северные народности. И как следствие сложившегося положения — низкие в целом заработки и доходы коренного населения. К концу 70-х годов, особенно с начала выплаты правительствами США и Канады денежных компенсаций и ростом возможностей работы по найму, абсолютный уровень доходов в отдельных местах повысился.

Но важнее другое. Доходы у коренных жителей по-прежнему в целом намного ниже, чем у пришлого населения: на Аляске, к примеру, в 3—4 раза, на севере канадской провинции Саскачеван — в 4—4,5 раза³². Надо учесть при этом неустойчивость денежных заработков и натуральных доходов, их резко выраженную сезонность, полное отсутствие уверенности в завтрашнем дне. Доходы к тому же сильно дифференцированы: аборигены, сумевшие найти работу, имеют заработки, подчас в 2—3 раза больше доходов охотников-промысловиков. Как подсчитал Арктический институт Северной Америки, 75% всех аборигенных поселений Канадского Севера не имеют надежной экономической основы³³. Во многих местах все еще достаточно высока доля государственных пенсий и пособий в денежных доходах коренного населения в целом; так, у канадских эскимосов в районе Коппермайна в 1971—1972 гг. она составила 23%, в 1975—1976 гг. — 16%, в 1979—1980 гг. — 18%³⁴.

Пропасть между бедными и богатыми, так же как и между аборигенами и пришлым населением, не уменьшается. А ведь марксизм-ленинизм всегда исходил из определения бедности при капитализме как понятия относительного, как нищеты, по определению В. И. Ленина, «в социальном смысле, то есть в смысле несоответствия между повышающимся уровнем потребностей буржуазии и потребностей всего общества и уровнем жизни трудящихся масс»³⁵. Этот ленинский тезис вполне применим к народностям зарубежного Севера: уровень жизни пришлого населения этого региона, особенно Аляски, повышается, там появляется буржуазия, в том числе «туземная»³⁶, и это углубляет пропасть между имущими и бедными и в этих отдаленных районах, куда капитализм только проникает.

В начале 70-х годов ведущий исследователь проблем коренного населения Аляски Дж. Роджерс признавал: «Утверждение, что экономическое развитие Аляски в будущем автоматически решит „туземную проблему“, имеет не больше оснований, чем подобные прогнозы решения проблемы борьбы с бедностью в любом другом месте»³⁷. Прошед-

³² Prices and Incomes. Alaska and the US, 1967—1980.— Alaska Review of Social and Economic Conditions, 1981, № 2; Simpson-Housley P., Marchinko C., Trithardt E., Gerhart J. Resource Development and Human Perception — a Case Study of La-Ronge, Saskatchewan.— Regina Geographical Studies, 1980, № 3.

³³ Hamelin L. E. Op. cit., p. 220.

³⁴ Hobart C. W. Op. cit., p. 206.

³⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 208.

³⁶ Буржуазная пропаганда, понятно, восхваляет это расслоение; о некоторых представителях «туземной элиты» (бизнесменов и администраторов), например, на Аляске появились целые монографии (см. Gallagher H. G. Etok. A Story of Eskimo Power. N. Y., 1974).

³⁷ Rogers G. W. Alaska Native Populations: Trends and Vital Statistics, 1950—1985. Fairbanks, 1971, p. 50

шее десятилетие показало правоту его слов. Л. Э. Амлен считает, что коренное население на современном этапе своего исторического развития без помощи государства не сможет выбраться из нищеты и подняться до сносных условий существования³⁸. Столь же неутешительную картину рисует исследователь проблем жизни индейцев североамериканской Арктики и Субарктики Дж. Ван-Стоун. «Индейцы,— пишет он,— стоят перед дилеммой: оставить свои родные места или жить за счет государственных субсидий»³⁹.

Показателем определенного тупика в социально-экономическом состоянии малых народностей Аляски и Канадского Севера служат участвовавшие факты миграций в основные области США и Канады. Этот выход можно считать актом отчаяния: как правило (о чем свидетельствует хотя бы опыт переезда индейцев, живущих в среднеширотных районах США и Канады, в крупные города), переселение людей в совершенно непривычные для них этнокультурные, социально-экономические и географические условия, в общество, стоящее на гораздо более высокой ступени развития, чем то, к которому эти люди принадлежат, ни к чему хорошему не приводит.

Итак, национальная политика буржуазных правительств не принесла надежного решения экономических проблем жизни малых народностей Севера. Да она и не могла его принести, оставаясь империалистической по своей сути. В этом смысле примечательно заключение Д. М. Джонс, исследовавшей жизнь алеутских деревень: «Фундаментальным экономическим фактором жизни алеутов, независимым от различий между деревнями, является колониальное положение алеутского народа. Основные доходы от освоения природных ресурсов Алеутских островов уходят вовне, ничего не оставляя алеутам». «... Алеуты совершенно лишены возможности контролировать свои экономические судьбы»⁴⁰.

Социологические проблемы. Культура и быт. Приход европейцев, разрушение ими изначального хозяйственного уклада коренного населения привели ко все убыстряющейся ломке всей его социальной жизни, начиная от характера расселения, жилищ, атрибутов быта до уровня образования, духовной культуры, психологической и морально-этической сфер. Наиболее характерным последствием этой ломки является концентрация аборигенов в крупных поселениях. Так, в Анкоридже в 1950 г. проживало только 659 индейцев, эскимосов и алеутов, а в 1973 г. их было 2609.

В последние 10—15 лет процесс концентрации стимулировался двумя главными причинами: поисками работы и политикой правительственных ведомств, осуществляющих определенные меры помощи коренному населению. По финансовым соображениям социальные программы (жилищное строительство, развитие систем образования и здравоохранения и т. д.) гораздо эффективнее осуществлять в крупных поселках. Но концентрация населения принесла, видимо, больше бед, чем пользы, она особенно явно обнаружила болезненные проблемы и противоречия, связанные с ломкой традиционного уклада жизни аборигенов. Как показали социологические обследования аборигенов в районах крупных североканадских поселков Фробишер-Бэй, Инувик, Хей-Ривер, Пайн-Пойнт, сам образ жизни и быт низкоквалифицированных рабочих, вначале привлекавший своей новизной индейцев и эскимосов, теперь часто их отталкивает. Обращает на себя внимание ухудшение морально-этических показателей жизни ряда групп северных народностей, чему спо-

³⁸ На примере эскимосского поселка Пелли-Бэй (около 200 жителей) Л. Э. Амлен подсчитал, что для обеспечения его населения удобным жильем, транспортом, учителями и врачами, а также минимальным объемом продовольствия, одежды, обуви и других жизненных средств надо затратить в течение 6 лет более 3 млн. долл. Такой суммы жители поселка практически собрать не могут (*Hamelin L. E. Op. cit.*, p. 225—228).

³⁹ *Van Stone J. W. Athapaskans Adaptations*. Chicago, 1974, p. 120.

⁴⁰ *Jones D. M. Aleuts in Transitions: Comparison of Two Villages*. Seattle, 1976, p. 95.

собствует их сосредоточение в крупных поселках. Особо сложны проблемы аборигенов, переехавших в большие северные города, например Анкоридж и Фэрбенкс. В большинстве случаев они деградируют в культурном и бытовом отношениях⁴¹. Отрицательное влияние пришлох людей в условиях неуважения к аборигенам и отчаянных условий их жизни тут совершенно очевидно. Алкоголизм, проституция, распад семьи, бродяжничество стали частыми явлениями. По-видимому, новая культура, цивилизация часто разлагающе действует на людей, которые ни экономически, ни культурно к ней не подготовлены.

Вообще в капиталистических условиях, при отсутствии особой социальной и экономической заботы об аборигенах, многие объективно прогрессивные нововведения часто не приводят к однозначному положительному эффекту. Так, среди коренного населения распространены мотонарты, их внедрение называют «технической революцией» на Севере⁴². Но машины, требуя много денег, повысили зависимость от внешних источников доходов, т. е. от работы по найму. Мотонарты оказались доступны лишь зажиточной части коренного населения, или же их покупка заставляет входить в большие долги. Недаром зарубежные исследователи подчеркивают, что внедрение мотонарт способствует дальнейшей классовой дифференциации аборигенов. Канадский ученый Дж. Смит на примере района Аклавика свидетельствует о растущей неприязни между эскимосской элитой — эскимосами, работающими по найму, имеющими деньги и мотонарты, и людьми из глубинки, живущими только промыслами и охотой и оказавшимися не в состоянии обзавестись машиной⁴³.

Внедрение в морской зверобойный промысел совершенного огнестрельного оружия (дальнобойного, с оптическим прицелом) приводит часто к росту потерь зверя при охоте: раненый, он тонет до того, как его успевают выловить. В какой-то мере это объясняют тем, что аборигены менее тщательно и менее квалифицированно относятся к своему старинному занятию, надеясь на другие источники существования и испытывая нехватку времени, работая, зачастую одновременно, в разных учреждениях и предприятиях⁴⁴.

Весьма сложна проблема получения коренным населением образования. Она прошла трудный, противоречивый путь. Долгое время после прихода европейцев дело обучения детей эскимосов, индейцев, алеутов Аляски и Канадского Севера находилось в руках церквей, миссионеров. Детей в интернатах обучали в религиозном духе, на английском или французском языках, предметы и весь дух воспитания и преподавания находились в полном отрыве от жизни родителей. Плоды обучения в конечном счете состояли лишь в том, что затрачивалось дополнительное время для того, чтобы подростки, возвратившись домой, смогли вновь войти в жизнь своей общины.

Постепенно, однако, положение менялось: с переходом аборигенов на новую хозяйственную и культурную орбиту, с ростом национального движения и борьбой аборигенов за свои права объективно стали нужны и воспитание в духе более развитой, чем у коренных жителей, культуры, и европейские языки, и новые профессиональные навыки. Это в определенной мере отвечало и интересам правящих кругов, стремившихся перевести народности Севера на капиталистический путь развития. На Канадском Севере, и особенно на Аляске, большое внимание теперь уделяется не только элементарному обязательному образованию (8 классов), но и более высокому уровню обучения в школах второй степени (9—12 классов).

⁴¹ Jones D. M. (1978), Op. cit.

⁴² См., например: Pelto P. J. The Snowmobile Revolution: Technology and Social Change in the Arctic. Menlo Park, 1973.

⁴³ Smith J. G. E. Economic Uncertainty in an Original Affluent Society.— Acta Anthropological, 1978, № 1.

⁴⁴ Myers H., Op. cit.

Школьное воспитание способствует введению аборигенов в капиталистический образ жизни⁴⁵. Однако, как показано выше, капиталистический путь не обеспечил новых, широких возможностей материального и духовного развития аборигенов; во всяком случае, он не решил их жизненных проблем. Таким образом, повышение общеобразовательного и профессионального ценза коренного населения может лишь углубить противоречие между потенциальными и реальными возможностями. Работы для квалифицированных рабочих мало, расовая дискриминация не исчезла, а возврат к старому укладу практически уже невозможен.

Особый вопрос — сохранение собственной языковой культуры. Родной язык для ряда зарубежных северных народностей под угрозой если не исчезновения, то серьезного оттеснения английским или французским языком, который становится более нужным в практической жизни, чем родной. В результате возникает ситуация, при которой аборигены, например эскимосы, особенно молодежь, хорошо не знают ни эскимосского, ни европейского языка⁴⁶. Добавим к этому, что у многих северных народностей за рубежом письменность находится в зачаточном состоянии.

Все это привело к тому, что вопросы о содержании школьных программ, о языке обучения по-прежнему вызывают чувство неудовлетворенности даже у буржуазных исследователей⁴⁷. Подъем национального самосознания аборигенов вынудил власти включить родной язык в школьные программы Аляски и Канадского Севера. Однако наступление пришлой культуры, и особенно широчайшее распространение радио и телевидения, позволяет, как считает американский исследователь М. Э. Краусс, утверждать, что языки коренного населения, по крайней мере Аляски, обречены на исчезновение⁴⁸.

В процессе развития коренного населения давно возникло, а в последнее время непрерывно углубляется противоречие между растущими потребностями — материальными и духовными — и возможностями их удовлетворения. Разрыв между доходами аборигенов и их потребностями непрерывно растет. Коренные жители, естественно, стремятся к приобретению новых видов обуви и одежды, бытовой утвари, радиоприемников, телевизоров, мотонарт, автомобилей. Этого требует переход многих аборигенов из хижин, палаток в дома европейского типа, переселение в крупные поселки или города. К росту потребностей толкает и участие в активизирующемся национальном движении, возникшее чувство собственного достоинства, стремление приобщиться к современной культуре.

Возникают обычные парадоксы и драмы развития отсталых народов в условиях капитализма. Объективный процесс общественного развития, рост национально-освободительного движения, научно-техническая революция сыграли прогрессивную роль, повысив политический, экономический и культурный уровень северных народностей. Вместе с тем те же условия не создали предпосылок полного удовлетворения новых потребностей, реализации новых возможностей, вызванных развитием производительных сил и внедрением новой культуры.

В создавшейся ситуации зачастую усваиваются лишь поверхностные элементы социально-культурного прогресса (мода, предметы обиходной культуры, стиль внешнего поведения и т. д.). Объективно положительные старые морально-этические нормы, например чувство коллективизма, единения с природой, исчезают, а вместо них возникает дух наживы и стяжательства, острая борьба за вещи, притупление

⁴⁵ См., например: *Darnell F.*, Ed. *Education in the North*. Fairbanks, 1972; *Kleinfield J.*, *Bloom V.* *A Long Way from Home*. Fairbanks, 1973.

⁴⁶ *Brody H.* *Eskimo: a Language with the Future?* — *Polar Record*, 1977, № 117.

⁴⁷ *Darnell F.* *Education among the Native Peoples of Alaska*. — *Polar Record*, 1979, № 122.

⁴⁸ *Краусс М. Э.* Языки коренного населения Аляски: прошлое, настоящее и будущее. — В кн.: *Традиционные культуры Северной Сибири и Северной Америки*. М.: Наука, 1981, с. 176—178.

любви к природе — характерные приметы эволюции любых отсталых народов в условиях капитализма. Отсюда постепенное разрушение этнокультурной общности отдельных групп северных народностей, особенно на Аляске.

Расширяется процесс ассимиляции аборигенов пришлым населением. Процесс этот сам по себе, в иных условиях, возможно, не должен оцениваться однозначно отрицательно. Но при капитализме метисы, как видно из их истории и современного положения в освоенных районах США и Канады, оказываются в особенно трудных условиях социально-экономического и культурного развития.

Нельзя вместе с тем не отметить небольшого подъема у некоторых народностей Аляски и Канадского Севера самобытной национальной культуры. К примеру, определенную известность приобрели эскимосские скульптуры (резьба по кости и дереву) и художники в Канаде.

Во многих других случаях национальная культура деградирует или развивается по «южным» образцам и моделям. Определенный стимул сохранения самобытной культуры Севера создает приток туристов, но он же способствует ее деградации, например массовому изготовлению нехудожественных изделий — всякого рода «этнических» сувениров и поделок. Судя по многолетнему опыту развития индейцев основных районов США и Канады и по тому, что сейчас происходит на Аляске, есть опасность превращения этой культуры в стилизованную рекламу старинных хижин, одежды, плясок, песен и игр⁴⁹.

Таковы сложные проблемы и противоречия современной жизни коренного населения Аляски и Канадского Севера.

⁴⁹ См., например: Успенский С. К востоку от Берингова пролива (по Аляске). М.: Мысль, 1980.

Б. В. Соколов

НАСЕЛЕНИЕ ФОЛКЛЕНДСКИХ (МАЛЬВИНСКИХ) ОСТРОВОВ

Фолклендские (Мальвинские) острова расположены в Южной Атлантике в 800 км от побережья Аргентины и в 11 500 км от Британских островов между 51° и 52°55' ю. ш. и 57°30' и 61°30' з. д. Острова — спорная территория между Великобританией и Аргентиной. Вопрос об островах — одним из последних колониальных владений в западном полушарии неоднократно стоял в ООН, которая никогда не признавала острова английским владением. К собственно Фолклендским островам относятся два больших острова — Восточный Фолкленд (Соледад) и Западный Фолкленд (Гран-Мальвина) и около 200 мелких, общей площадью 11 960 км². На мелкие острова приходится только 1,7% всей территории. Кроме того, непосредственно в состав колонии Фолклендские острова включен о. Южная Георгия между 53°57' и 54°55' ю. ш. и 35°44' и 38°17' з. д. площадью в 4144 км². Из административного центра Фолклендских островов Порт-Стэнли (Пуэрто-Архентино) осуществляется также управление Британской Антарктической территорией — Южными Сандвичевыми, Южными Оркнейскими и Южными Шетлендскими островами общей площадью около 5200 км², расположенными далее к югу. На них, как и на Южной Георгии, постоянного населения нет.

Берега Фолклендов сильно изрезаны фьордами. Острова скалистые, самая высокая точка — 706 м (гора Адам на о. Западный Фолкленд). Климат умеренно холодный, океанический. Осадков выпадает 600—700 мм равномерно в течение года. Средняя температура июля +2,5°С, января +10°С. 250 дней в году над островами дуют штормовые ветры. Обычно здесь пасмурно, часты туманы. На возвышенностях преобладает каменисто-лишайниковая тундра, в защищенных от ветров низинах — луговая тундра (многолетние травы) с зарослями кустарничков (карликовые береза, ива и др.). На островах много торфяных болот, торф используется в качестве топлива. Много птиц — пингвинов, буревестников, альбатросов, бакланов и др. Жители разводят овец, овцеводство является главной отраслью экономики, промысел морского зверя и рыболовство играют подчиненную роль. Из культурных растений выращивают овощи (в теплицах), имеются небольшие посевы зерновых.

Относительно того, кто первым открыл Фолклендские острова, существует несколько версий. Согласно английской версии, не подтвержденной документально, острова были открыты в 1592 г. английским капитаном Джоном Дэвисом на судне «Дезайа», участвовавшем в экспедиции лорда Т. Кавендиша, но отставшим от него¹. Потомок Дэвиса в середине XX в. переселился на Фолкленды при содействии английского правительства и получил в вечное пользование о. Нью-Айленд. Аргентинская версия основана на географической карте 1522 или 1523 г., найденной французским картографом Дестомбом в 1938 г. в Стамбульской библиотеке. Согласно этой версии, острова были открыты в 1520 г. Эстевао Томесом — португальцем на испанской службе. Томес на судне «Сан-Антонио» участвовал в экспедиции Магеллана, но

¹ Catwell M. B. R., Maling D. H., Catwell E. M. The Falkland Islands. L.—N. Y., 1960, p. 6.

покинул ее. Считается, что только его судно на обратном пути в Испанию могло пройти мимо Фолклендских островов, чем можно объяснить наличие на упомянутой карте островов в районе 53°5' ю. ш. вблизи побережья современной Аргентины². В XVI—XVII вв. в районе островов побывало несколько голландских, английских и испанских мореплавателей, но только в 1690 г. английский капитан Стронг первым высадился на острова и дал им современное название в честь лорда Фолкленда, тогдашнего казначея британского флота³. Населения на островах не было вплоть до 1764 г., когда французский мореплаватель Луи Антуан де Бугенвиль основал колонию Порт-Луи на Восточном Фолкленде. Здесь поселилось 200 французов, среди которых была группа акадийцев — выходцев из Акадии (ныне Новая Шотландия во французской Канаде). Французские моряки и раньше знали об этих островах, они приплывали сюда из французского порта Сен-Мало в проливе Ла-Манш, поэтому появилось название Маловинские. Испанцы трансформировали это название в Мальвинские — так и сегодня именуют эти острова Аргентина и ряд латиноамериканских и других стран, поддерживающих ее права на суверенитет.

Испания протестовала против занятия островов французами, так как считала их своими на основании Тордесильясского договора 1494 г., и сосредоточила в этом районе свой военный флот. При посредничестве папы римского конфликт был урегулирован, и в 1766 г. французы продали острова испанцам за 24 тыс. ф. ст. В 1765 г. появилась английская колония Порт-Эгмонт на о. Саундерс вблизи Западного Фолкленда, которая в 1771 г. была признана Испанией при условии отказа англичан от суверенитета над остальными островами архипелага. Тем самым Англия формально отказалась от своих притязаний на суверенитет над Фолклендскими островами. Но, как показали последующие события, британские колонизаторы грубо нарушили это обязательство. В 1774 г. британский гарнизон покинул Порт-Эгмонт, оставив плиту с надписью, что острова являются владением британской короны⁴. Позднее на островах появились поселенцы из испанской колонии Рио-де Ла Платы числом не более 100 человек, в основном гаучо.

К 1810 г. (по другим данным, к 1808 г.) население покинуло острова⁵. После провозглашения независимости от Испании в 1816 г. правительство Буэнос-Айреса объявило Мальвины и другие близлежащие антарктические острова частью территории Объединенных провинций Ла-Платы. В 20-е годы XIX в. из Буэнос-Айреса на острова был послан губернатор, который выдавал иностранным кораблям разрешение на плавание и промысел в прилегающих водах. В 1831 г. аргентинские власти на островах захватили три американских китобойных судна, занимавшихся промыслом без их разрешения. В ответ правительство США заявило, что не признает острова аргентинским владением и направило к ним корвет «Лексингтон», который в конце декабря 1831 г. разрушил центр островов — Порт-Луи (Пуэрто-де-ла-Соледад). Капитан «Лексингтона» объявил острова «свободными от всякого правления» и эвакуировал аргентинское население Порт-Луи. В сентябре 1832 г. аргентинцы восстановили свой суверенитет над островами и создали там колонию ссыльных, которые в декабре подняли восстание и убили губернатора. В этой обстановке на острова прибыли британские корабли «Клио» и «Тайн» под командованием капитана Онслоу. 3 января 1833 г. в Порт-Луи был поднят британский флаг, и последний аргентинский губернатор Х. М. Пинеда вынужден был подчиниться грубой силе и покинуть острова, отказавшись, однако, передать суверенитет англичанам. Английские войска подавили восстание ссыльных.

² Ibid., p. 4, 5.

³ The Falkland Islands. Kerguelen. L., 1920, p. 8, 9.

⁴ Ibid., p. 10—13; The Annual Report on the Social and Economic Progress of the Falkland Islands. 1937. L., 1939, p. 4.

⁵ The Falkland Islands. Kerguelen, p. 13; Boyson V. F. The Falkland Islands. Oxford, 1924, p. 83.

Большинство последних было к середине 1834 г. отправлено в Аргентину.

Захват англичанами Фолклендских островов был типичным колониальным захватом XIX в. При этом совершенно игнорировались законные права Аргентины на острова, вытекавшие из правопримущества Испании и наличие на островах выходцев из Аргентины.

В марте 1832 и 1834 гг. на Фолклендах побывал корабль «Бигль» английского капитана Фицроя, на котором находился Чарлз Дарвин. В честь последнего один из поселков на Восточном Фолкленде получил название Дарвин. На «Бигле» отправили в Англию вождя восставших ссыльных гаучо Риверу, по прозвищу Луна, который позднее вернулся в Аргентину⁶.

До 1842 г. власть осуществляли военно-морские офицеры, затем гражданские губернаторы, при которых и началась колонизация островов британскими поселенцами (ранее здесь жили только матросы, солдаты и несколько оставшихся индейцев-гаучо). В 1846 г. на Фолклендах насчитывалось 156 жителей. Из них 142 — британские подданные (в том числе 108 белых мужчин, 31 белая женщина, 3 «цветных» мужчин — индейцы) и 14 небританских подданных. К 1849 г. население возросло до 415 чел.⁷ До 1844 г. административным центром островов был Порт-Луи, потом столица была перенесена в более удобную гавань — Стэнли. Здесь был основан Порт-Стэнли. Возведенные в нем каменные прямоугольные домики, побеленные и крытые серым шифером, с небольшими садами походили на такие же домики внутренних районов запада Шотландии, а губернаторский дом — на аналогичные здания на Шетлендских и Оркнейских островах — большинство жителей было выходцами из Шотландии. В 1879 г. на Фолклендах было около 1250 жителей, в том числе несколько аргентинцев. Ветры и пасмурная погода напоминали климат северо-западной Шотландии, что привлекало на острова в первую очередь шотландцев⁸.

В 1901 г. на островах было 2043 жителя, в том числе 1203 мужчины и 840 женщин⁹. Наиболее благоприятным временем для экономики Фолклендских островов был конец XIX — начало XX в., когда возле них пролегли важные морские пути вокруг Южной Америки, был сильно развит промысел китов и морского зверя, который можно было вести только по лицензии фолклендского губернатора. Продукция местного овцеводства и рыболовства легко находила сбыт. Тогда в Порт-Стэнли процветала торговля котиковыми мехами и продуктами китобойного промысла.

С открытием Панамского канала в 1914 г. морские пути переместились к северу от Фолклендов. Из-за хищнического истребления сильно сократился промысел китов и морского зверя. В результате население островов почти не росло, сохраняясь на уровне 2100—2400 чел.¹⁰. В связи с промыслом морского зверя и китов на Фолклендах появились выходцы из скандинавских стран, в основном норвежцы, а также аргентинцы и чилийцы, осевшие почти исключительно в Порт-Стэнли¹¹. Норвежцы жили также на Южной Георгии, население которой в 20-е годы превышало 1000 чел.¹² Следы норвежского присутствия остались в названии центра острова — порта Грютвикен. В 1965 г. на Южной Георгии закрылись фабрики по переработке продуктов китобойного

⁶ Puig J. C. La Antártida argentina ante el derecho, Buenos Aires, 1960, p. 255; Torre Revello J. La promesa secreta y el convenio angloespañol sobre las Malvinas. Buenos Aires. 1952, p. 38. Boyson V. F. Op. cit., p. 92—104; The Falkland Islands. Kerguelen, p. 13—15.

⁷ Ibid., p. 15; Boyson V. F. Op. cit., p. 103, 387.

⁸ Encyclopaedia Britannica. 9th ed. V. 9. Edinburgh, 1879, p. 14, 15; Shackleton, Lord, Storey R. J., Johnson R. (assistants). Prospects of the Falkland Islands.— The Geographical Journal. L., 1977, v. 143, pt 1, p. 2.

⁹ Boyson V. F. Op. cit., p. 387.

¹⁰ Ibid.: The Annual Report..., p. 5.

¹¹ The Falkland Islands. Kerguelen, p. 5, 6.

¹² Ibid., p. 6; Boyson V. F. Op. cit., p. 387.

Основные демографические показатели населения Фолклендских островов
в 1937—1973 гг.

Год	Число мужчин	Число женщин	Численность населения	Рождаемость		Смертность		Брачность		Прибыло	Убыло	Естественный прирост		Сальдо миграции	
				чел.	‰	чел.	‰	чел.	‰			чел.	‰	чел.	‰
1937	1319	1072	2391	37	15,5	20	8,4	18	7,5	129	154	17	7,1	—25	—10,5
1961	...	...	2099	48	23,0	25	12,2	...	...	224	326	23	10,8	—102	—48,9
1972	1081	876	1957	39	19,5	10	5,0	25	12,5	...	...	29	14,5	...	...
1973	...	...	1874	39	20,4	12	6,8	12	6,3	...	...	27	14,1	...	...

Источники: The Annual Report..., p. 5; Non-Self-Governing Territories. Summaries of Information, Transmitted to the Secretary General for 1961. N. Y.; U. N., 1963, p. 42, 48; The Falkland Islands and Dependencies, p. 3.

промысла. К 1972 г. на острове не осталось населения, за исключением сменных партий из Британской антарктической службы и гарнизона в несколько десятков морских пехотинцев¹³.

К концу 1930-х годов на островах почти не осталось выходцев из Латинской Америки, а скандинавский элемент сохранился. Выравнилось соотношение между шотландцами и англичанами. Основные демографические характеристики населения Фолклендов показаны в таблице.

С 1936 по 1961 г. население островов уменьшилось на 10,6%, хотя население Порт-Стэнли несколько возросло¹⁴. В 1972 г. в Порт-Стэнли проживало около 1100 чел., на Западном Фолкленде — 380 чел.¹⁵ 80% населения — уроженцы Фолклендских островов¹⁶.

Основное занятие жителей — овцеводство. На Фолклендах насчитывается более 600 тыс. овец. Монополистом в области землевладения и сбыта баранины и шерсти выступает «Компания Фолклендских островов», особые права которой были закреплены королевской хартией 1851 г.¹⁷ Компания владеет половиной земли на островах. На Фолклендах имеется 39 овцеводческих ферм — крупных ранчо, занимающих иногда целый небольшой остров. Центральные усадьбы представляют собой, как правило, небольшие поселки, а дома пастухов, в которых живут одна-две семьи, расположены изолированно. Фермы по типу напоминают скотоводческие эстансии в аргентинской Пампе¹⁸. Согласно данным переписи 1980 г., на островах насчитывалось 890 чел., работающих по найму, из которых 240 работало на «Компанию Фолклендских островов». Имелось также 30 владельцев земли или пастбищ и 2 арендатора¹⁹. В овцеводстве занято около 500 чел.²⁰.

Железных дорог на островах до последнего времени не было. На Фолклендах в 1973 г. насчитывалось 807 автомобилей и мотоциклов (многие довоенных марок). Владение автомобилем во многом символ престижа и дань традиции, так как дороги, пригодные для них, за пределами Порт-Стэнли появились только в конце 60-х — начале 70-х годов. До этого основным транспортным средством была лошадь²¹.

В этнокультурном отношении население островов мало отличается от англичан и шотландцев. Можно лишь отметить, что фолклендцы даже в большей степени, чем население Британских островов, привержены

¹³ The Falkland Islands and Dependencies. 1972 and 1973. L., 1976, p. 62, 63.

¹⁴ Non-Self-Governing Territories, p. 42.

¹⁵ The Falkland Islands and Dependencies, p. 3.

¹⁶ Luce R. The Falkland Islands.— The World Today L., 1972, v. 28, № 3, p. 100.

¹⁷ The Falkland Islands. Kerguelen, p. 17; The Falkland Islands and Dependencies, p. 19, 46.

¹⁸ Шейнбаум Л. С. У истоков Фолклендского (Мальвинского) конфликта.— Вопросы истории, 1982, № 6, с. 184.

¹⁹ Daily Telegraph, 22.5.1982.

²⁰ Non-Self-Governing Territories, p. 48.

²¹ The Falkland Islands and Dependencies, p. 6, 45.

старым британским традициям и отличаются консервативным укладом жизни. В архитектурном отношении облик Порт-Стэнли до сих пор напоминает английские и шотландские городки конца XIX в. Некоторые архаичные обычаи сохраняются и в быту фолклендцев.

Уклад жизни на островах в основном определяется малочисленностью их населения. Почти все жители лично знают друг друга. В этой связи отметим следующий интересный факт. В 1979 г. один житель Фолклендов был приговорен к пожизненному заключению за убийство жены. Однако в 1982 г. английский апелляционный суд отменил решение суда в Порт-Стэнли на том основании, что среди присяжных все лично знали обвиняемого и могли быть предубеждены против него²².

Выходцев из Латинской Америки среди населения островов можно буквально пересчитать по пальцам. Единственный смешанный брак в Порт-Стэнли зарегистрирован между аргентинцем и жительницей британского происхождения, причем все их 9 детей двуязычны. Младшие учатся в английской школе на Фолклендах, старшие — в Буэнос-Айресе в испанской школе. Кроме того, в Порт-Стэнли жило несколько аргентинцев — служащих аргентинской транспортной компании²³. Въезд аргентинцев на острова был сильно ограничен законом 1925 г., согласно которому иностранцам для приобретения земли необходимо было разрешение британских властей. После второй мировой войны въезд аргентинцев, и до того крайне незначительный, был фактически запрещен²⁴.

На Фолклендах имеются как последователи англиканской церкви, так и пресвитериане и католики (последних немного). Пресвитерианская и англиканская церковь на островах сотрудничают. Часто службу для пресвитериан служит англиканский священник и наоборот²⁵. Такое слияние церквей является следствием того, что среди населения островов практически стерся религиозно-этнический барьер между шотландцами-пресвитерианами и англичанами — последователями англиканской церкви. Жители островов сознают себя британцами, а не шотландцами, уэльсцами или англичанами. Какие-либо местные особенности в английском языке островитян практически отсутствуют²⁶.

В целом для фолклендцев характерно отсутствие собственно фолклендского самосознания. Несмотря на малочисленность, среди населения существуют сильные социальные различия. Они наблюдаются между жителями Порт-Стэнли и обитателями сельской местности — так называемого «кэмп», между уроженцами Фолклендов и приезжими с Британских островов — так называемыми «экспатриантами». Среди последних, составляющих пятую часть населения, много специалистов, работающих по краткосрочным контрактам.

Условия жизни на островах затрудняют рост населения, а также сохранение постоянного контингента жителей. Старики, не находя себе занятий, эмигрируют на Британские острова. Молодежь же уезжает с Фолклендов из-за трудностей выбора брачного партнера в результате диспропорции между мужским и женским населением брачного возраста, в то же время распадается более одного брака из четырех. Свою роль играет также отсутствие развлечений и низкое качество образования, особенно в кэмпе, где обучение детей ведется странствующими учителями. Сказывается также гнетущее действие изолированного положения, особенно сильно влияющее на женщин. Как отмечала миссия Шеклтона в 1975 г., из 15 женщин, покинувших острова, 10 уехали вместе с морскими пехотинцами британского гарнизона, состоявшего из 70 чел. и сменявшегося ежегодно.

На эмиграцию влияет и зависимость населения, особенно сельского, от «Компании Фолклендских островов», которая предоставляет рабо-

²² The Times, 17.6.1982.

²³ The Times, 1.6.1982; Newsweek, v. 99, № 16, 19.4.1982, p. 14; Financial Times, 30.3.1982.

²⁴ The Times, 1.6.1982.

²⁵ Calwell M. B. R. et al. Op. cit., p. 132, 139, 140, 145, 146.

²⁶ Shackleton et al. Op. cit., p. 2.

чим на фермах товары исключительно через свои магазины. В случае болезни та же компания обеспечивает по радио связь с врачом в Порт-Стэнли, который дает консультацию, чем в большинстве случаев и ограничивается врачебная помощь.

Колониальная зависимость островов сказывается на их экономическом положении, также способствуя эмиграции. Миссия лейбориста лорда Шеклтона, побывавшая на островах в 1976 г. по поручению британского правительства для изучения их экономического положения и перспектив развития, констатировала, что за время колониального господства гораздо больше уходило с островов в Великобританию в виде прибылей, чем возвращалось обратно в качестве новых капиталовложений. Только в виде налогов английское правительство выкачало вдвое больше, чем вернуло на острова как «помощь на развитие».

Культура местного населения вследствие воздействия всех перечисленных неблагоприятных факторов остается на сравнительно низком уровне. Ее развитие затрудняется также тем, что острова были заселены сравнительно недавно, причем выходцами из различных частей Британии. Малочисленное население островов рассеяно по довольно большой территории. Сказывается и наличие большого числа экспатриантов, не имеющих тесной связи с местной культурой.

Миссия Шеклтона пришла к выводу о том, что следует стимулировать групповое самосознание фолклендцев и развитие местной культуры как необходимые предпосылки ускорения экономического развития. Вместе с тем миссия отметила несостоятельность существующей колониальной администрации с часто назначаемыми из Лондона новыми губернаторами и избираемыми исполнительным и законодательным советами при них, где за все время существования не было представлено ни одного сельскохозяйственного рабочего, хотя они составляют большинство занятых в овцеводстве — основе экономики островов.

На Фолклендах слабо развита общественная деятельность. Профсоюз, насчитывающий около 500 членов, активной роли не играет. Созданная в начале 1970-х годов «Народная партия» лейбористского толка быстро распалась. Городской совет Порт-Стэнли был распущен. С целью оживления общественной жизни миссия Шеклтона предлагала создать коммунальные советы. Из прессы, кроме британской, привозимой четыре раза в год кораблями, заходящими в Порт-Стэнли, издается еженедельная «Официал Газетт», ежемесячная «Фолкленд Айлендс Таймс», а также ежегодник «Фолкленд Айлендс Джорнэл», содержащий статьи по истории, географии и социальным вопросам. С 1929 г. на островах действует радиостанция²⁷.

Британское правительство, не приложившее никаких усилий для улучшения экономического положения островитян и положившее доклад лорда Шеклтона в свое время под сукно, в территориальном споре с Аргентиной спекулирует на желании населения остаться британцами. Аргентина с 1947 г. возобновила активную кампанию за возвращение островов, никогда не признававшихся ею британскими²⁸. В 1965 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию № 2065, призывающую стороны разрешить конфликт на основании Декларации ООН о деколонизации и с учетом интересов местного населения²⁹. В Комитете ООН по деколонизации представитель островов, поддерживая позицию Англии, заявил о желании населения сохранить существующее положение. Аргентина же считает, что судьбу островов нельзя ставить в зависимость от волеизъявления их менее чем двухтысячного населения и что острова до их захвата англичанами являлись неотъемлемой частью Аргентины³⁰.

²⁷ Shackleton et al., p. 5—7; The Falkland Islands and Dependencies, p. 6, 35.

²⁸ The Times, 1.6.1982.

²⁹ Шейнбаум Л. С. Указ. раб., с. 187.

³⁰ Клименко Б. М. Мирное решение территориальных споров. М.: Международные отношения, 1932, с. 43, 180.

Британское правительство неоднократно заявляло, что суверенитет над островами не будет изменен без согласия их населения. В начале 1970-х годов оно рассматривало возможность постепенной передачи суверенитета Аргентине при возможном последующем предоставлении островов Англии в долгосрочную аренду. В 1971 г. было подписано соглашение Аргентины, Англии и представителя Фолклендских островов, согласно которому Аргентина создала воздушное сообщение с Фолклендами, а Англия обязалась поддерживать морское сообщение островов с материком³¹. В 1975 г. американская экспедиция обнаружила на шельфе Фолклендов запасы газа и нефти, в 9 раз превышающие запасы Северного моря. Еще более значительные нефтегазовые месторождения были найдены на Южной Георгии³². В связи с этим Англия устоячила свою позицию в споре с Аргентиной. По ее вине дальнейшие переговоры зашли в тупик. Англия цеплялась за осколок своей колониальной империи в Западном полушарии, что вызывало законное возмущение Аргентины и других стран, освободившихся от колониальной зависимости. Нерешенность спора привела к острому конфликту. 2 апреля 1982 г. на острова высадились аргентинские войска. Англия, опираясь на открытую поддержку империализма США, отправила к Фолклендам военно-морскую армаду с крупным экспедиционным корпусом и 14 июня вынудила аргентинские войска капитулировать.

Английская агрессия была осуждена подавляющим большинством стран мира, в том числе Советским Союзом. В заявлении ТАСС в связи с англо-аргентинским конфликтом подчеркнуто, что «не вызывает сомнений, что ответственность за ситуацию, создавшуюся вокруг Фолклендских (Мальвинских) островов, несет Англия, которая на протяжении многих лет упорно противилась выполнению решений ООН об их деколонизации и об урегулировании мирным путем спора с Аргентиной относительно суверенитета над этими островами... Вооруженное вторжение английских войск на Фолклендские (Мальвинские) острова представляет собой угрозу международному миру и безопасности, находится в противоречии с Уставом ООН, с основополагающими нормами международного права. Ответственность за это несут и те государства, прежде всего США, которые, солидаризируясь с английской позицией, открыто встали на сторону Лондона и тем самым фактически поощряли его к военному решению конфликта.

В Советском Союзе убеждены, что, сколь бы разных позиций ни придерживались стороны по существу конфликта, спорные вопросы между ними должны решаться мирным путем, за столом переговоров»³³.

Сейчас в Англии выдвигаются различные предложения о будущем статусе островов: англо-аргентинский кондоминиум с постепенным возвращением их Аргентине; независимость островов под наблюдением ООН; включение их в состав Соединенного Королевства в качестве графства и др.³⁴ Однако правительство консерваторов, как кажется, собирается сохранить прежнее положение и создать на островах военную базу с возможным участием США. Здесь планируется держать гарнизон в 3—5 тыс. чел., а также крупные силы флота и авиации, реконструировав для этой цели аэродром в Порт-Стэнли. Правительство просило лорда Шеклтона обновить свой доклад 1976 г. и обещало приложить усилия и выделить средства для развития экономики островов, в первую очередь овцеводства, рыболовства, а в будущем, возможно, добычи нефти и газа. Последнее, однако, считается маловероятным без содействия Аргентины, которая по-прежнему категорически отвергает британский суверенитет над островами. Английский губернатор Фолклендов Рекс Хант заявил, что 600 жителей Великобритании выразили

³¹ Luce R. Op. cit., p. 98, 99; Bruno Bologna A. Conflicto reino unido de Gran Bretana y republica Argentina por las Islas Malvinas.— Revista de ciencia politica, Rio-de-Janeiro, 1981, v. 24, № 2, p. 11.

³² Stern, 1982, № 15, 7.4.1982, S. 218.

³³ Правда, 24 мая 1982 г.

³⁴ The Times, 12.4.1982; 1.6.1982; 12.6.1982; Financial Times, 7.4.1982.

готовность поселиться на островах, чтобы помочь оставшимся на них 1700 жителям восстановить хозяйство после конфликта. Необходимые расходы на развитие островов до конфликта оценивались в 30 млн. ф. ст. в течение 5 лет, а сейчас они еще более возросли. Ожидают, что после недавних событий часть островитян покинет Фолкленды, но зато возможен прилив переселенцев из Великобритании в случае осуществления проектов экономического развития островов³⁵.

В заключение отметим, что население Фолклендов в настоящее время не может считаться отдельным этносом, поскольку не имеет собственного, «фолклендского» самосознания и своего этнонима³⁶, а скорее обладает неким «британским» самосознанием. Перспективы этнического развития этой своеобразной группы во многом зависят от политического будущего островов.

³⁵ The Times, 16.6.1982; Financial Times, 4.6.1982; 17.6.1982.

³⁶ Бытующее на островах и в Аргентине название «келперы» (от англ. kelp — в данном случае морские водоросли, выброшенные на берег и высушенные солнцем) имеет иронический оттенок и не является этнонимом (Newsweek, v. 99, № 16, 19.4.1982, p. 14).

В. Ф. Горленко

КИЕВ — ЦЕНТР ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ НАУКИ НА УКРАИНЕ

(к 1500-летию Киева)

В год празднования 60-й годовщины образования СССР все народы нашей страны отметили еще один славный юбилей — 1500-летие столицы Советской Украины, города-героя Киева.

Киев — старейший славянский город, был центром консолидации восточнославянских племен, культурным средоточием древнерусской народности, давшей впоследствии начало трем братским народам — русскому, украинскому и белорусскому. Киев издавна был и является одним из крупнейших культурных и научных центров нашей страны. Важную роль сыграл он и в развитии восточнославянской этнографии, особенно украинской. Именно с Киевом связаны становление и развитие этнографической науки на Украине.

Накопление этнографических знаний в Киеве можно отнести к IX в. — началу летописания на Руси. Видимо, уже в X в. в Киевской Руси велась летопись древнерусского племени полян. Выдающийся памятник древнерусского летописания — «Повесть временных лет»¹ создан в Киеве в XII в. Надо сказать, что киевский летописец Нестор отличался необычайно широким для своего времени диапазоном этнографических знаний². Пытаясь представить генеалогию народов мира, он сообщает как о ближайших соседях восточных славян — племенах балтийской, финно-угорской и самодийской групп, так и о многих народностях и племенах Востока, Европы и Средиземноморья. Больше всего внимания Нестор, естественно, уделяет восточнославянским племенам. Он приводит данные о расселении полян, древлян, дреговичей, волянян, вятичей и других племен восточных славян, рассказывает об их нравах и обычаях.

В «Повести...» предпринята попытка выяснить происхождение Руси, и тем самым положено начало разработке проблем этногенеза восточных славян. Нестор, в частности, «открыл дискуссию» о прародине славян, располагая ее в верхнем и среднем течении Дуная³. Им впервые была сформулирована идея культурно-бытового своеобразия племен и народов («имяху бо обычай свой, и законъ отецъ своихъ и преданья, каждо свой нрав»), столь важная для будущей этнографической науки.

Немало ценных этнографических сведений содержится и в других произведениях, написанных в Киеве в древнерусский период.

Несмотря на варварское разграбление и разрушение города в XIII в. ордынскими захватчиками, Киев, поднявшийся из руин, с начавшимся в XIV—XV вв. процессом формирования украинской народности быстро восстанавливает свое значение в качестве одного из экономических, по-

¹ Полное собрание русских летописей, изд. археографической комиссией АН СССР. Т. 1. — Повесть временных лет. Л., 1926; Памятники литературы Древней Руси XII в. (вступит. ст. Д. С. Лихачева). М.: Худож. лит., 1980.

² Косвен М. О. Материалы к истории ранней русской этнографии. — В кн.: Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М.: Изд-во АН СССР, 1956, в. 1 (Тр. Ин-та этнографии АН СССР, т. XXX); Токарев С. А. История русской этнографии. М.: Наука, 1966.

³ См. Мачинский Д. А. «Дунай» русского фольклора на фоне восточнославянской истории и мифологии. — В кн.: Русский Север. Проблемы этнографии и фольклора. Л.: Наука, 1981, с. 110—172.

литических и культурных центров Украины и всего восточного славянства.

После воссоединения Украины с Россией в 1654 г., явившегося для украинского и русского народов актом огромного исторического значения⁴, на Украине, особенно в Киеве, наблюдалось заметное оживление научной мысли. В частности, во второй половине XVII в. в Киеве был написан и издан обобщающий труд по истории народов мира — «Синопис», содержащий и многочисленные этнографические сведения. В «Синописе» дан почти исчерпывающий перечень народов и земель Европы, Азии, Африки, известных в то время европейцам⁵. Предполагаемый автор этого труда И. Гизель был осведомлен и об Америке, фигурировавшей у него под термином «Новый свет». В «Синописе» речь идет также о происхождении Руси и ее названия, которое составитель связывает со словом «рассеяние». При всей фантастичности такого предположения важно, что в «Синописе», как и в ряде других произведений того времени, была поставлена под сомнение версия о норманском происхождении Руси. В качестве учебника «Синопис» неоднократно переписывался, более 30 раз переиздавался в России и на Украине и использовался до конца XVIII в.⁶

Большую роль в распространении научных знаний в масштабах всего славянского мира сыграли основанная в Киеве в 1615 г. типография и открытая в 1632 г. Киево-Могилянская коллегия, преобразованная в 1701 г. в академию. Последняя была «выдающимся центром науки и просвещения в восточнославянских землях и приобрела известность в ряде других стран Европы»⁷. В Киево-Могилянской академии наряду с украинцами учились русские (одно время ее слушателем был М. В. Ломоносов), белорусы, молдаване, болгары, сербы, черногорцы, поляки, греки и др. Многонациональный состав слушателей создавал, несомненно, почву для роста этнографических интересов. В пору петровских преобразований из стен академии вышли выдающиеся для своего времени исследователи Г. И. Новицкий и В. Г. Григорович-Барский, оставившие заметный след в истории этнографии.

Григорий Новицкий был сослан царским правительством в Тобольск, затем поселился в Кондинской волости. Его работа «Краткое описание о народе остячком»⁸ явилась «одной из первых в мировой литературе» этнографических монографий⁹. Работой Новицкого, содержавшей общую историко-этнографическую характеристику народов Сибири и все стороннее описание культуры и быта хантов, положено начало этнографическому изучению этого региона.

Киевлянин В. Г. Григорович-Барский вошел в историю науки как выдающийся путешественник, просветитель и этнограф. Он настолько увлекся «иных людей обычаями», что, отправившись в 1723 г. в возрасте 22 лет в путешествие, провел в нем 24 года, т. е. всю свою жизнь. Он пешком прошел сотни километров, побывал во многих землях Европы, Передней Азии и Средиземноморья и всюду внимательно присматривался к жизни народов. Свои наблюдения Григорович-Барский заносил в дневник. После возвращения в 1747 г. на родину (в Киев) он прожил всего 35 дней. Его записи, изданные в конце XVIII в. В. Г. Рубаном¹⁰,

⁴ Тези про 300-річчя возз'єднання України з Росією (1654—1954), Київ, 1954.

⁵ Горленко В. Ф. Нариси з історії української етнографії та російсько-українських етнографічних зв'язків. Київ: Наук. думка, 1964, с. 59—60.

⁶ Марченко М. І. Українська історіографія. Київ: Вид-во Київ. ун-ту, 1959, с. 59—63.

⁷ Хижняк З. І. Києво-Могилянська академія. Київ: 1970; Нічик В. М. Внесок діячів Києво-Могилянської академії в єднання духовних культур російського, українського і білоруського народів.— Філософська думка, 1974, № 5; Білодід І. К. Києво-Могилянська академія в історії східнослов'янських літературних мов. Київ: Наук. думка, 1979, с. 60.

⁸ Краткое описание о народе остячком. Сочиненное в 1715 г. Издал Л. Н. Майков. Спб., 1884.

⁹ Токарев С. А. Указ. раб., с. 76.

¹⁰ Пешехода Василия Григоровича-Барского Плаки Албова, уроженца Киевского, монаха Антиохийского, путешествие к святым местам, в Европе, Азии и Африке находящимся, предпринятое в 1723 и оконченное в 1747 году, им самим писанное, изданное под смотрение В. Г. Рубана. Спб., 1778.

потом четырежды переиздавались только Академией наук — настолько велик был интерес научной общественности к их содержанию. Кроме многочисленных общих сведений по истории, экономике, географии и интересных этнографических описаний сербов, венгров, итальянцев, греков, турок, коптов в записях исследователя есть ценные материалы об арабских народах.

Роль Киева в развитии этнографии на Украине усилилась с середины XIX в. — периода назревания революционной ситуации в России и на Украине. Тогда, по словам В. И. Ленина, «все общественные вопросы сводились к борьбе с крепостным правом и его остатками»¹¹. Это было время появления в освободительном движении новой общественной силы — революционной демократии, развернувшей подготовку крестьянской революции. Именно с деятельностью передовых демократических сил России и Украины были связаны заметные сдвиги в развитии различных отраслей знания, в том числе этнографии.

Проблемы украинской этнографии в середине XIX в. разрабатывали Т. Г. Шевченко, Д. П. Журавский, Н. И. Костомаров, А. С. Афанасьев-Чужбинский, Н. А. Маркевич и др. Научная деятельность их в значительной мере проходила в Киеве.

Важную роль сыграло открытие в 1834 г. в Киеве университета¹², при котором вскоре стали функционировать ряд научных учреждений и типография. Преподаватели и студенты Киевского университета поддерживали тесные связи со своими коллегами из Петербургского, Московского и Харьковского университетов.

Большой вклад в развитие различных отраслей отечественной науки, в частности этнографии, внес выдающийся для своего времени ученый, первый ректор Киевского университета М. А. Максимович¹³. По его инициативе и при его участии в Киеве были созданы в 1835 г. Временный комитет для розыскания древностей, а в 1837 г. — Музей древностей, которые развернули и этнографическую работу. В 1840 гг. в Киеве вышли в свет подготовленные М. А. Максимовичем альманахи «Киевлянин» (кн. 1—3, 1840—1850 гг.) и третий сборник украинских народных песен¹⁴. Максимович намеревался провести большую этнографическую экспедицию по Левобережью Украины и смежным с ним русским и белорусским губерниям с целью точного определения этнографических границ трех братских народов — русских, украинцев, белорусов и составления «детальной этнографической карты»¹⁵. Видимо, плохое состояние здоровья помешало ему осуществить это грандиозное мероприятие.

М. А. Максимович плодотворно разрабатывал проблему происхождения Руси и восточнославянских народов. Вслед за М. В. Ломоносовым и другими передовыми учеными он решительно выступал против норманской теории¹⁶. Немало было сделано ученым и для выяснения происхождения украинцев, хотя, полемизируя с М. П. Погодиным, он тоже допускал ошибки.

В 1845 г. переехал в Киев и начал работать в университете в качестве члена-сотрудника Археографической комиссии Т. Г. Шевченко¹⁷. Он стал идейным вдохновителем передовой революционно настроенной молодежи Киева, возглавив левое, революционно-демократическое крыло тайного антикрепостнического Кирилло-Мефодиевского общества¹⁸. Во

¹¹ Ленин В. И. От какого наследства мы отказываемся? — Полн. собр. соч., т. 2, с. 520.

¹² Історія Київського університету. Київ: Вид-во Київ. ун-ту, 1959.

¹³ Марков П. Г. М. О. Максимович — видатний історик XIX ст. Київ: Вид-во Київ. ун-ту, 1973.

¹⁴ Сборник украинских песен, издаваемых Михаилом Максимовичем. Киев, 1849, ч. 1.

¹⁵ Горленко В. Ф. Указ. раб., с. 168.

¹⁶ См., например, его работу «Откуда идет русская земля, по сказанию Нестеровой повести и по другим старинным писаниям русским» (Киев, 1837).

¹⁷ Полов П. М. Шевченко і Київський університет. Київ: Вид-во Київ. ун-ту, 1964.

¹⁸ Зайончковский П. А. Кирилло-Мефодиевское общество (1846—1847). М.: Изд-во МГУ, 1959; Сергієнко Г. Я. Яскрава сторінка визвольного руху (До 125-річчя Кирило-Мефодієвського товариства) Київ: Наук. думка, 1971.

время археографических экспедиций Шевченко собрал значительные материалы о культуре и быте украинского народа, сделал много зарисовок народного жилища, записал песни о народных героях Бондаренко, Кармалюке и др. Требуя от исследователей правдивого, реалистического изображения народной жизни, глубокого осмысления стремлений, дум и чаяний народных, Т. Г. Шевченко, вместе с другими революционными демократами способствовал разработке подлинно научной методики этнографических исследований. Объектом его изучения были прежде всего культура и быт подавленного нуждой крепостного крестьянства. Т. Г. Шевченко явился «основоположником революционно-демократического направления в этнографии на Украине»¹⁹.

К революционному крылу Кирилло-Мефодиевского общества принадлежали также служащий Н. И. Гулак и студент университета И. Я. Посяда. Н. И. Гулак работал над монографией «Юридический быт поморских славян». В одном из своих писем к Вацлаву Ганке он писал, что намерен изобразить «правовые отношения наиболее низких сословий как в России, так и за рубежом» без прикрас, «в самом ужасном виде». И. Я. Посяда кроме темы своей дипломной работы «Значение первых произведений Гоголя в русской литературе вообще и их заслуга для народности» неофициально разрабатывал другую, острую в социальном плане, тему — распространение в народе пьянства и его социальные корни. Это позорное в быту крестьян явление Посяда объяснял социально-политическими условиями их жизни, крепостническим гнетом, бесправием, разорением основной массы крестьянства. К сожалению, в связи с арестом членов Кирилло-Мефодиевского общества работы Н. И. Гулака и И. Я. Посяды не увидели света.

Другие члены этого общества также проявляли большой интерес к жизни, культуре и быту украинского народа, популяризировали этнографию как науку, привлекали студенческую молодежь к собирательской фольклорно-этнографической деятельности. Немало сделал в этом отношении профессор Киевского университета Н. И. Костомаров. В своих лекциях по истории в 40-х годах XIX в. он широко привлекал этнографический и фольклорный материал. Вокруг Костомарова быстро сложился кружок прогрессивной студенческой молодежи, которая интересовалась этнографией. Хотя об открытии кафедры этнографии или даже специализации по этому предмету в то время еще не могло быть и речи, все же этнографической подготовке студентов факультативно стало уделяться значительное внимание.

Новый толчок развитию этнографии на Украине дало создание при университете Комиссии для описания губерний Киевского учебного округа (1851—1864 гг.)²⁰, особенно много сделавшей в научно-организационном и методическом отношениях. Комиссия разработала и распространила ряд научно-инструктивных материалов. В частности, ею была разослана во многие районы Украины этнографическая программа (41 с.)²¹, в результате чего в собирательскую работу были вовлечены сотни людей, создана широкая сеть корреспондентов.

В 1854 г. в составе Комиссии появилось Отделение этнографии — первое официальное этнографическое объединение на Украине. Комиссия содействовала развертыванию экспедиционных исследований. Ряд ее членов — профессор Киевского университета А. Л. Метлинский, поэт и этнограф А. С. Афанасьев-Чужбинский, историк и этнограф Н. А. Маркевич провели этнографические экспедиции с участием студентов университета.

¹⁹ Кравець О. М. Діяльність Т. Г. Шевченка в галузі етнографії. Київ: Вид-во АН УРСР, 1961, с. 10.

²⁰ Горленко В. Ф. Комісія для описання губерній Київського учебного округа. — Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М.: Изд-во АН СССР, 1965, в. III (Тр. Ин-та этнографии АН СССР, т. 91).

²¹ Программа для этнографического описания губерний Киевского учебного округа, сост. В. Д. Дабижею и А. Л. Метлинским. Киев, 1854.

Комиссия издала в Киеве четыре выпуска «Трудов»²², содержащих материалы по различным отраслям знаний, в том числе и по этнографии. Членами комиссии опубликовано много статей в изданиях РГО²³ и *«Русских журналах»*, а также ценные этнографические исследования. Так, в 1860 г. вышла книга Н. А. Маркевича «Обычай, поверья, кухня и напитки малороссиян», не потерявшая значения и сейчас. В историю украинской этнографии вошли и так называемые альбомы Деляфлиза, в которых систематизирован огромный материал по духовной и материальной культуре украинцев, и подготовленный Г. П. Галаганом, возглавлявшим одно время отделение этнографии в Комиссии, сборник украинских народных песен²⁵.

Ученые Киева в эти годы сделали серьезную заявку на разработку теории этнографической науки. В целом верно была определена ее предметная зона, что нашло отражение в упомянутой «Программе» Комиссии. Д. П. Журавский (ученый секретарь Комиссии) впервые в отечественной науке поставил вопрос об изучении культуры и быта пролетариата и о внедрении статистического метода в этнографию²⁶. Н. А. Маркевич высказал заслуживающие внимания мысли об этноопределяющих признаках, к которым он наряду с культурно-бытовыми особенностями относил и язык²⁷. О вкладе М. А. Максимовича в разработку проблем происхождения Руси и этногенеза украинцев мы уже говорили. Надо отметить также, что он, как и Н. А. Маркевич, придерживался передовых для того времени взглядов по вопросу о происхождении казаков, о природе этнонима «черкасы».

В. В. Тарновский и А. С. Афанасьев-Чужбинский, обратив внимание на существование у украинцев большой семьи, вместе с тем возражали против утверждения об исключительности украинцев в этом отношении и тем самым внесли определенный вклад в разработку теории семьи²⁸.

К середине XIX в. относятся первые попытки типологии украинского народного жилища. В выполненном под руководством Д. П. Журавского «Статистическом описании Киевской губернии»²⁹, названном Н. Г. Чернышевским «одним из наиболее драгоценных приобретений» русской науки, выделено на территории Киевщины четыре вида жилища. В основу типологии был положен комплекс признаков, включавший планировку, строительный материал, форму крыши, характер застройки двора. Особенности выделенных типов связывались не только с природной средой, но и с социальным положением крестьян — взгляд для того времени новый. Д. П. Деляфлиз выделил на Киевщине два культурно-бытовых локальных района: 1) тогдашние Киевский и Васильковский округа и 2) Радомышльский округ³⁰.

Огромное значение для развития украинской этнографии имела известная «Этнографическо-статистическая экспедиция в Западнорусский край» 1869—1870 гг., которой руководил П. П. Чубинский. Экспедицией, длившейся около двух лет, была обследована значительная часть терри-

²² Труды Комиссии для описания губерний Киевского учебного округа... Киев, т. I, 1852; т. II, 1853; т. III, 1855; т. IV, 1861.

²³ Например: Афанасьев-Чужбинский А. С. Быт малорусского крестьянина (преимущественно в Полтавской губернии). — Вестник ИРГО. Спб., 1855, ч. XIII, кн. 1, с. 129.

²⁴ Максимович М. А. Дни и месяцы украинского селянина. — Русская беседа, 1856, кн. I—III; Иванишев Н. Д. О древних сельских общинах в Юго-Западной России. — Там же, 1857, кн. III. Значительное число работ опубликовано в «Известиях Академии наук» по отделению русского языка и словесности.

²⁵ Горленко В. Ф. Д. П. Деляфлиз как этнограф. — Сов. этнография, 1965, № 1; Галаган Г. П. Южнорусские песни. Киев, 1857, т. I.

²⁶ Журавский Д. П. План статистического описания губерний Киевского учебного округа. — Труды Комиссии для описания губерний Киевского учебного округа... Киев, 1852, т. I.

²⁷ О казаках. Сочинение Н. Маркевича. М., 1859.

²⁸ Тарновский В. В. О деимости семейств в Малороссии. — Труды Комиссии для описания губерний Киевского учебного округа. Киев, 1853; т. II; Афанасьев-Чужбинский А. С. Указ. раб., с. 133.

²⁹ Фундуклей И. Статистическое описание Киевской губернии. Спб., 1852, ч. 1—3.

³⁰ Деляфлиз Д. П. Этнографическое описание крестьян Киевской губернии. Отдел рукописей Центр. науч. б-ки АН УССР, I, ед. хр. 49667.

гории Украины. Хотя экспедиция проводилась по инициативе и на средства РГО, Киев имел к ней непосредственное отношение. Он был ее стационарным центром, откуда осуществлялись выезды в различных направлениях по конкретным маршрутам. Сам П. П. Чубинский³¹ был уроженцем с. Александровки под Киевом. Киевлянами или воспитанниками Киевского университета были ее участники, а также лица, предоставившие свои материалы в распоряжение экспедиции.

Результаты работ экспедиции отражены в многотомной серии ее «Трудов», содержащих богатейшие и разнообразнейшие этнографические материалы (издано 7 томов. Спб., 1872—1877). В значительной степени благодаря успешному проведению экспедиции удалось добиться открытия в Киеве Юго-Западного отдела РГО, деятельность которого, хотя и кратковременная (1873—1876 гг.), способствовала развитию украинской науки. В работе Отдела принимали участие представители тогдашней либерально-буржуазной (П. Чубинский, Ф. Вовк, Н. Драгоманов и др.), демократической (Панас Мирный, Н. Старицкий, Н. Лысенко, Ю. Федькович) и революционно-демократической (Н. Зибер, С. Подолинский) интеллигенции. Фактическим руководителем Отдела был его ученый секретарь этнограф П. П. Чубинский.

Несмотря на реакционные тенденции, проявившиеся в деятельности отдельных националистически настроенных членов Юго-Западного отдела РГО, в целом его работа имела прогрессивный характер. Отдел «обратился к проблемам, которые долгое время оставались ведущими в развитии этнографической мысли. Продолжая дальнейшее изучение материальной и духовной культуры, имевшее на Украине уже определенные традиции, Отдел большое внимание уделял проблемам новым и малоисследованным в этнографии. Именно Общество положило начало исследованиям в области обычного права, общины, этнической статистике»³².

Отдел начал осуществлять выдвинутую Д. П. Журавским идею изучения пролетариата, в том числе сельскохозяйственных рабочих, что было крайне важно для дальнейшего развития этнографической науки. Вопросы, касающиеся тех или иных сторон культуры и быта рабочего класса, содержались почти во всех изданных Отделом программах³³. Особенно большое место отводилось рабочей тематике в программе, разработанной Н. И. Зибером³⁴. Важное значение имел сам факт разработки, издания и распространения этих программ.

Деятельность Отдела способствовала сосредоточению вокруг Киева местных исследователей и дальнейшему развертыванию собирательской работы. Среди корреспондентов были собиратели, оставившие заметный след в истории украинской культуры: И. Манжура, С. Руданский, И. Рудченко, А. Дыминский, Г. Залюбавский и др.

Важным мероприятием, осуществленным Отделом, была однодневная перепись населения Киева. Наряду со статистическими данными в результате переписи было собрано много этнографических сведений.

Сотрудники Юго-Западного отдела напечатали ряд монографий и много статей по этнографии и фольклористике³⁵ и издали в Киеве два тома «Записок» (т. I, 1874; т. II, 1875). Работы украинских исследователей получили широкий резонанс как в России, так и за рубежом.

³¹ *Кубицкий А. С.* Украинский этнограф Павел Платонович Чубинский.— Сов. этнография, 1956, № 1.

³² *Кравець О. М.* Південно-Західний відділ Російського Географічного товариства.— Народна творчість та етнографія, 1973, № 2.

³³ Анкета по сбору материалов по изучению кустарной промышленности и сельских ремесел. Киев, 1874; *Кистяковский А.* Программа для собирания юридических обычаев и воззрений. Киев, 1874; Программа Юго-Западного отдела для собирания сведений по этнографии. Киев, 1875.

³⁴ Опыт программы для собирания статистических и экономических сведений. Киев, 1875.

³⁵ Чумацкие народные песни. И. Я. Рудченко. Киев, 1874; Исторические песни малорусского народа. Киев, 1874—1875, в. I—II; *Русов А.* Кобзарь Остап Вересай. Киев, 1875; *Косач О. П.* Украинский народный орнамент. Киев, 1876—1879, и др.

В 1874 г. в Киеве состоялся III Археологический съезд, значительное место в работе которого наряду с собственно археологической заняла и этнографическая тематика. Проведение съезда в Киеве после двух предыдущих, состоявшихся соответственно в Петербурге и Москве, свидетельствовало о том, что Киев в 1870-е годы рассматривался как важнейший научный центр страны. На съезде, в частности, были прочитаны доклады И. Забелина и А. Уварова о предмете и задачах археологии и этнографии, что содействовало дальнейшему становлению их в качестве самостоятельных отраслей знания. Доклады М. Драгоманова, О. Миллера и Н. Костомарова о способах и приемах изучения народной культуры и дискуссии, которые они вызвали, способствовали углублению методики этнографической науки.

В 70—80-х годах XIX в. в украинской, как и в русской, этнографии начинают распространяться идеи марксизма. Большую роль в этом сыграли уже упоминавшиеся Н. И. Зибер³⁶ и С. А. Подолинский³⁷. Именно они возглавили в идейном и методологическом отношении левое, демократическое крыло Юго-Западного отдела РГО.

С. А. Подолинский, исследовавший развитие ремесла на Украине, пришел к марксистскому выводу об универсальности капитализма как общественной формации, которая с исторической неизбежностью сменяет феодализм³⁸. Ценной в этнографическом отношении была также работа Подолинского о социальных проблемах народной гигиены украинцев — «Жизнь и здоровье людей на Украине» (Женева, 1879), написанная с революционно-демократических позиций.

Н. И. Зибер внес большой вклад в науку своими исследованиями первобытного права, соседской общины, древних форм поземельных отношений. Он одним из первых в России широко применил новый для этнографии того времени метод «пережитков». Н. И. Зибер сыграл важную роль в разработке проблем общей этнографии³⁹. В своих работах, в особенности в изданном в 1883 г. труде «Очерки первобытной экономической культуры», он доказывал наличие коллективных форм землевладения у всех народов мира. Н. И. Зибер решительно выступал против господствовавшей в буржуазной науке «патриархальной теории» и на большом фактическом материале показал, что патриархату предшествовал матриархат.

В последней трети XIX в. буржуазная наука на Украине переживала кризис, что было связано прежде всего с общим кризисом буржуазной идеологии. В украинской этнографии это проявилось в усилении реакционных националистических тенденций, в определенном свертывании этнографической работы (особенно после закрытия в 1876 г. царским правительством Юго-Западного отдела РГО).

Однако в Киеве энтузиасты-исследователи в сложных условиях царско-самодержавной реакции, гонений против украинского языка и культуры (указ 1876 г.) продолжали этнографическое изучение украинского народа. В 1882 г. в Киеве началось издание ежемесячного журнала «Киевская старина»⁴⁰, вокруг которого сгруппировались ученые как либерально-буржуазного, так и демократического направлений. По словам М. Ф. Рильского, этот журнал явился «драгоценной сокровищницей украинской культуры»⁴¹. Большое место заняла в нем публикация исследований и материалов по этнографии.

В 1907 г. по инициативе сотрудников журнала «Киевская старина» в Киеве было создано Украинское научное общество, одна из комиссий

³⁶ Кушнер (Кнышев) П. И. Н. И. Зибер (К 60-летию со дня смерти). — Сов. этнография, 1948, № 4.

³⁷ Рудько М. П. Видатний український революціонер-демократ і вчений (До 120-річчя від дня народження С. А. Подолинського). — Український історичний журнал, 1970, № 7.

³⁸ Подолинский С. Ремесла и фабрики на Украине. Женева, 1880.

³⁹ Кушнер (Кнышев) П. И. Указ. раб.

⁴⁰ Иоаниди А. Л. Журнал «Киевская старина» и вопросы фольклористики на Украине в конце XIX — начале XX в.: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. Киев: Ин-т искусств., фольклора и этногр. АН УССР, 1969.

⁴¹ Максим Рильский. Твори. Київ, 1946, т. 1, с. 44.

которого занималась проблемами этнографии. В обществе сотрудничали революционер-демократ И. Я. Франко, прогрессивные ученые Д. И. Багалей, Н. Ф. Беляшевский, Б. Д. Гринченко, А. Я. Ефименко, В. С. Иконников и др. В издаваемых обществом «Записках» был помещен ряд ценных материалов по украинской этнографии, однако иногда публиковались и материалы реакционного буржуазно-националистического содержания.

В полной мере роль Киева как одного из важнейших центров науки, просвещения и культуры проявилась после победы Великой Октябрьской социалистической революции. В 1919 г. была основана Академия наук Украинской ССР, в составе которой впервые в истории украинской этнографии были созданы государственные этнографические учреждения⁴²: в 1921 г. — Этнографическая комиссия и Музей антропологии и этнологии (с 1922 г. — Кабинет антропологии и этнологии); несколько позже — Комиссия для изучения обычного права и др. Деятельность этих учреждений, особенно Этнографической комиссии⁴³, была весьма плодотворной. Комиссия издала ряд инструктивно-методических материалов — анкет и программ, выдвинула задачу изучения новых, социалистических явлений в культуре и быте рабочего класса. При Этнографической комиссии работал Кабинет национальных меньшинств, развернувший этнографическое исследование неукраинского населения республики.

В 1925 г. по инициативе ученых Академии наук в Киеве было основано Этнографическое общество, преобразованное вскоре во Всеукраинское этнографическое общество.

Уже в 1920-е годы украинским советским этнографам удалось осуществить столь важное дело, как организация специальных этнографических журналов. В Киеве с 1925 г. начали выходить «Етнографічний вісник», «Записки етнографічного товариства», с 1926 г. — «Первісне громадянство», с 1929 г. — «Побут». Этнографическая комиссия и Всеукраинское этнографическое общество издавали специальные «Бюллетени».

Сотрудниками киевских этнографических учреждений в 1920-е годы было опубликовано значительное число статей и книг. Передовые ученые стремились содействовать своими исследованиями практике социалистического строительства, правильному определению национальных границ и пр. Предпринимались также попытки уточнить предмет и метод этнографической науки. Перед этнографами была поставлена задача вернуть исследования современной культуры и быта трудящихся города и села, в частности преобразований в быту рабочих и тружеников сельскохозяйственных артелей⁴⁴. Отдельные исследователи пытались с марксистско-ленинских позиций подойти к освещению этнографической деятельности дореволюционных ученых⁴⁵ и ряда важных вопросов истории, культуры и быта украинского народа⁴⁶.

В 1930-е годы в Киеве были созданы новые народоведческие научные учреждения: Институт истории материальной культуры АН УССР, где сосредоточилось исследование материальной культуры, и Институт украинского фольклора АН УССР, в задачу которого входило исследование духовной культуры народа.

В послевоенное время основным исследовательским учреждением в области этнографии на Украине стал Институт искусствоведения, фольклора и этнографии (с 1964 г. — им. М. Ф. Рильского) АН УССР, деятельность которого способствовала тому, что Киев стал одним из важнейших этнографических центров. Большая заслуга в этом принадлежала крупнейшему советскому украинскому поэту акад. М. Ф. Рильскому, дол-

⁴² *Степмах Г. Ю.* Етнографічні дослідження в Академії наук Української РСР за 40 років. — Народна творчість та етнографія, 1959, № 4.

⁴³ *Музиченко С. М.* До 50-річчя заснування етнографічної комісії Всеукраїнської Академії наук. — Український історичний журнал, 1971, № 1.

⁴⁴ См., например: *Старий і новий побут. — Життя і революція*, 1925, № 8; *Програма по вивченню артелів і комун. — Краєзнавство*, 1929, № 6—10.

⁴⁵ *Петров В. М. Ф.* Сумцов як історик етнографії. — *Записки історично-філологічного відділу Української Академії наук, Київ*, 1926, кн. VII—VIII.

⁴⁶ *Матеріали до вивчення виробничих об'єднань. Київ*, в. I, 1929; в. II, 1931.

этого времени возглавлявшему ИИФЭ, а также его заместителю — члену-корр. АН УССР К. Г. Гуслисту, научно-организационная деятельность которых содействовала развертыванию этнографической работы на Украине. Украинская этнография стала органической составной частью советской этнографии. Киевские этнографы — постоянные участники все-союзных ежегодных археолого-этнографических сессий, совещаний и других всесоюзных и международных форумов, международных антрополого-этнографических съездов; в содружестве с учеными Москвы, Ленинграда и других городов они осуществляют ряд серьезных исследований. Киевскими этнографами в этот период были проведены многочисленные экспедиции, в ходе которых накоплен огромный оригинальный фактический материал.

Важнейшим направлением исследований советских этнографов в послевоенные годы стало изучение современности, и в первую очередь социалистических преобразований в культуре и быте трудящихся. Киевские ученые внесли весомый вклад в решение этой проблемы. Уже в первое послевоенное десятилетие ими проводилась работа по монографическому изучению ряда колхозов (Г. Е. Стельмах, И. Ф. Симоненко, Д. М. Косарик и др.), а также заводов и фабрик (А. С. Куницкий, Л. П. Шевченко, Н. П. Приходько и др.) Советской Украины. В ходе исследований совершенствовалась методика полевой этнографической работы применительно к изучению современности и рабочего класса⁴⁷. К началу 1960-х годов Киеву принадлежало одно из ведущих мест в разработке рабочей тематики⁴⁸. В 1960-е годы киевские этнографы опубликовали ряд монографий⁴⁹. Много статей и материалов было напечатано в «Наукових записках ІМФЕ АН УРСР» (вышли 4 выпуска) и особенно в журнале «Народна творчість та етнографія».

Киевские ученые приняли активное участие в подготовке первого тома труда «Народы Европейской части СССР» (серия «Народы мира. Этнографические очерки». М., 1964, т. XI), написав раздел «Украинцы»⁵⁰.

Этнографические исследования, проводившиеся на Украине уже в первые послевоенные десятилетия, имели важное научное значение. Они позволили по-новому осветить ряд кардинальных вопросов украинской этнографии. Впервые многогранная культура и быт украинского народа получили разностороннее, подлинно научное освещение, были установлены основные тенденции и закономерности их развития в период социализма. Исследования этнографов по рабочей тематике и труды представителей других общественных наук позволили подвергнуть аргументированной критике буржуазно-националистические версии об отсутствии в дореволюционное время украинского рабочего класса и лжетеорию «бесклассовости» украинской нации («единого потока») и полностью отбросить их. Советские этнографы, в том числе киевские исследователи, с полным основанием указали на ведущую роль рабочего класса и в создании новых форм культуры и быта, и в развитии прогрессивных национальных традиций.

Анализ материальной и духовной культуры украинцев на основе сравнительно-исторического метода со всей убедительностью показал

⁴⁷ Куницкий А. С. К вопросу о методике этнографического изучения рабочих Украины. — Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР, 1958, в. 29.

⁴⁸ Крупнянская В. Ю. Проблемы изучения культуры и быта рабочих в СССР. — Сов. этнография, 1963, № 4.

⁴⁹ Зінці В. Т. Соціалістичні перетворення, паростки нового, комуністичного в культурі та побуті робітників Радянської України. Київ: Наук. думка, 1963; *Порицький А. Я.* Побут сільського сподарських робітників Півдня України в період капіталізму. Київ: Наук. думка, 1964; *Стельмах Г. Ю.* Історичний розвиток сільських поселень на Україні. Київ: Наук. думка, 1964; *Кувейнова О. Ф.* Громадський побут українського селянства. Київ: Наук. думка, 1965; *Миронов В. В.* Культура і побут гірників Радянської України. Київ: Наук. думка, 1965; *Кравець О. М.* Сімейний побут, звичай українського народу. Київ: Наук. думка, 1966.

⁵⁰ Раздел представляет собой сокращенное изложение монографии под тем же названием, подготовленной украинскими этнографами. См.: Українці (макет). Київ, 1959; Українці. Історико-етнографічна монографія у двох томах (макет). Київ, 1960.

культурно-бытовую близость, родство братских русского, украинского и белорусского народов, что внесло весомый вклад в решение проблем этногенеза украинцев и всех восточных славян. В ряде специальных исследований (К. Г. Гуслистый) были определены основные этапы формирования украинской нации, движущие силы, факторы, обусловившие этногенетические процессы на конкретных этапах истории. Ряд исследователей предприняли попытку этнографического районирования Украины и украинцев (Г. Е. Стельмах, В. Ф. Горленко, Н. П. Приходько). На основе тщательного изучения этнического состава современного населения Украины впервые была составлена соответствующая карта⁵¹.

Значительными достижениями характеризовалась разработка истории украинской этнографии. Впервые с марксистских позиций было оценено наследие революционных демократов⁵², пересмотрен вопрос о времени возникновения украинской этнографии и ее периодизации⁵³, охарактеризована украинская этнография дореформенного периода⁵⁴, освещены отдельные стороны украинско-русских взаимовлияний⁵⁵, подведены некоторые итоги развития этнографии на Украине в советское время⁵⁶.

Весомый вклад внесен учеными Киева в развитие советской этнографической науки во второй половине 60-х — в 70-е гг. Украинские советские этнографы сосредоточились в это время на изучении ростков нового, коммунистического в жизни трудящихся УССР. Первые результаты исследований были изложены в обобщающей работе «Україна в період розгорнутого будівництва комунізму». Кн. 5 — «Розквіт культури» (Киев, 1967) и в ряде других публикаций. Активное участие приняли украинские этнографы также в научно-методической и практической работе по созданию Музея народной архитектуры и быта Украинской ССР близ Киева⁵⁷, открытие первой очереди которого в 1976 г. явилось большим событием в культурной и научной жизни республики⁵⁸. В 1979 г. в Музее впервые в истории этнографического музееведения был открыт отдел «Народная архитектура и быт социалистического села»⁵⁹. Со строительством и функционированием Музея связаны приход в этнографию новых кадров, значительное оживление полевой собирательской работы, постановка и решение новых, принципиально важных в научном отношении проблем.

С середины 1960-х годов Киев стал центром подготовки «Регионального историко-этнографического атласа Украины, Белоруссии и Молдавии», посвященного земледельческим орудиям, жилищу и одежде. Атлас создается совместными усилиями украинских, русских, белорусских и молдавских этнографов⁶⁰. Небывалого размаха достигла в связи с этим

⁵¹ Наулко В. І. Етнічний склад населення Української РСР. Київ: Наук. думка, 1965; *его же*. Карта сучасного етнічного складу населення УРСР. Київ, 1966.

⁵² Кравець О. М. Діяльність Т. Г. Шевченка в галузі етнографії; Горленко В. Ф. Нове про творчу та суспільно-політичну діяльність Т. Г. Шевченка. — Радянське літературознавство, 1959, № 2.

⁵³ Гуслистый К. Г., Горленко В. Ф. Початки етнографічного вивчення українського народу. — Народна творчість та етнографія, 1960, № 3; *их же*. О периодизации украинской этнографии. — Сов. этнография, 1961, № 1.

⁵⁴ Горленко В. Ф. Нариси з історії української етнографії...

⁵⁵ Кравець Е. М. Из истории русско-украинских связей в области этнографии в XIX веке. — Сов. этнография, 1954, № 4; Горленко В. Ф. З українсько-російських взаємозв'язків у галузі етнографічної науки середини XIX ст. — Народна творчість та етнографія, 1958, № 3, и др.

⁵⁶ Стельмах Г. Ю. Розвиток української етнографії за роки радянської влади. — Народна творчість та етнографія, 1958, № 2; Гуслистый К. Г. Стан і завдання розвитку етнографічної науки в Українській РСР. — Народна творчість та етнографія, 1958, № 4.

⁵⁷ Гуслистый К. Республіканський музей народної архітектури та побуту. — Народна творчість та етнографія, 1969, № 3.

⁵⁸ Пінчук Г. П. Відкриття музею народної архітектури і побуту Української РСР. — Народна творчість та етнографія, 1976, № 6; Шмелев В. Г. Музей за Голоо-сеевим. — Україна, 1976, № 31; См. также: Памятники Украины, 1980, № 3.

⁵⁹ Зубков С. Д. Опыт подготовки экспозиции о современном социалистическом селе в Музее народной архитектуры и быта Украинской ССР. — Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований. Тезисы, Уфа, 1980, с. 12.

⁶⁰ Региональный историко-этнографический атлас Украины, Белоруссии и Молдавии. Проспект. Киев: 1969, Гуслистый К. Г., Рабинович М. Г. Работа над «Региональным

сплошному полевому обстеженню.

Труди киевських етнографів по матеріальній культурі, а також робота над атласом⁶¹ набагато обогатили представлення об українському народному житті, одязі, сільськогосподарських знаряддях і господарстві, їжі і т. д.⁶².

Вивченню духовної культури українців, зокремово народної мистецтва, багато зроблено мистецтвознавцями Києва⁶³.

В останні десятиліття суттєво розширилися тематичні рамки досліджень, углибилися їх методи і методологія. Наряду з традиційними для етнографії методами етнографи все частіше прибегають до використання методики конкретно-соціологічних досліджень. Київськими етнологами, працюючими в тісному контакті з етнологами Москви і інших наукових центрів СРСР, вивчаються культура жителів Києва, сімейний уклад⁶⁴, дозвілля і побут радянської молоді⁶⁵, міжнародні відносини і інші проблеми.

Етнографи Києва виступили в 1970-х роках з рядом важливих методологічних⁶⁶ і теоретичних статей⁶⁷.

Продовжалося дослідження історії української етнографії. Були опубліковані роботи про розвиток цієї галузі знання в кінці XIX — на початку XX в. на західноукраїнських землях⁶⁸, об етнографічній діяльності окремих учених⁶⁹ і установ⁷⁰, про стан розробки конкретних питань радянської етнографічної науки⁷¹.

історико-етнографічним атласом України, Білорусії та Молдавії». — Народна творчість та етнографія, 1969, № 4.

⁶¹ В результаті цієї роботи було опубліковано багато статей по вказаним розділам матеріальної культури і загальною монографією (см. *Горленко В. Ф., Бойко І. Д., Куницький А. С.* Народна землеробська техніка українців. Київ, 1971). Пробні карти розповсюдження типів пахотних знарядь українців демонструвалися на міжнародних зборах по питаннях складання етнографічного атласа Європи.

⁶² *Самойлович В. П.* Українське народне житло. Київ, 1972; *Маланчук В. А.* Інтер'єр українського народного житла. Київ, 1973; *Косміна Т. В.* Сільське житло Поділля кінця XIX—XX ст. Київ: Наук. думка, 1980; *Артюх Л. Ф.* Українська народна кулінарія. Київ: Наук. думка, 1977; *Миронов Вадим.* Міський костюм на Україні. — Народна творчість та етнографія, 1971, № 5; *Николаєва Т. А.* Народне моделювання жіночої одягу і застосування його традицій в сучасній практиці (на матеріалах України). — Сов. етнографія, 1977, № 3; *Щербіт Г. С.* Характеристика деяких особливостей українського народного одягу. — Народна творчість та етнографія, 1979, № 2; *Скурятівський В. Т.* Розвиток пасіництва на Україні. — Там же, 1978, № 5.

⁶³ Українське народне мистецтво. Тканини та вишивки (Альбом. Автор текст Н. Манучарова). Київ, 1960; Українське народне мистецтво. Вбрання (Альбом. Текст С. Колоса та І. Горгулі). Київ, 1961; *Бутник-Сіверський Б. С.* Українське радянське народне мистецтво. Київ, 1966; *его же.* Українське радянське народне мистецтво 1941—1967. Київ, 1970; *Жук А. К.* Український радянський килим. Київ, 1973; *Щербак В. А.* Сучасна українська майоліка. Київ, 1974; *Савович І. В.* Народні традиції в українській художній промисловості. Київ: Наук. думка 1975.

⁶⁴ См., наприклад: *Пономарьов А. П.* Сучасна сім'я і сімейний побут робітників Донбасу. Київ: Наук. думка, 1978.

⁶⁵ *Орлов А. В.* Сучасний побут робітничої молоді. Київ: Наук. думка, 1970; *Науменко Г., Орлов А.* Дозвілля молоді. Київ: Молодь, 1973; *Науменко Г. Ф.* Молодь соціалістичного міста: побут, традиції, звичаї. Киев: Наук. думка, 1979.

⁶⁶ *Гуслистий К. Г.* Ленінська методологія етнографічних досліджень. — Народна творчість та етнографія, 1970, № 2; *его же.* Ленін і питання етнічної історії українського народу. — Там же, 1970, № 3; *Орлов А. В.* Ленінський підхід до вивчення сучасних проблем молоді. — Там же, 1973, № 3, і др.

⁶⁷ *Горленко В. Ф.* К вопросу унификации номенклатуры пахотных орудий. — Сов. етнография, 1971, № 1; *Горленко В. Ф., Зубков С. Д.* Актуальні теоретичні проблеми розробки та впровадження нової радянської обрядовості. — Народна творчість та етнографія, 1975, № 4; *Попов Б. В.* Соціальні функції радянських свят і обрядів. — Там же, 1976, № 6; *Орлов А. В.* Питання етнографічного вивчення радянського способу життя. — Там же, 1977, № 2.

⁶⁸ *Маланчук В. А.* Розвиток етнографічної думки в Галичині кінця XIX — початку XX ст. Київ, 1977.

⁶⁹ См., наприклад: *Курочкин А. В.* Етнографія в художественном творчестве И. С. Нечуя-Левицкого. Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. истор. наук. Минск, 1974, и др.

⁷⁰ См., наприклад: *Скрипник Г. А.* Етнографічні матеріали громадських музеїв України. — Народна творчість та етнографія, 1981, № 1.

⁷¹ *Келембетова В. Ю.* Питання нової історичної спільності — радянського народу — в етнографічних дослідженнях. — Народна творчість та етнографія, 1974, № 6.

Ряд публикаций посвящен состоянию этнографических исследований за рубежом⁷². Украинские советские этнографы решительно выступили против буржуазно-националистических извращений в освещении этногенеза, культуры и быта украинского народа⁷³.

В условиях зрелого социализма, когда развитие советского народа происходит путем утверждения наряду с национальными интернациональных черт во всех сферах жизни, все большее научное и практическое значение приобретает изучение современных межэтнических процессов. В исследование закономерностей этнического развития населения СССР определенный вклад внесен и киевскими этнографами⁷⁴.

Значительное место в работе советских этнографов занимает изучение народных обычаев, традиций и праздников, теоретическое осмысление причин сохранения различных пережитков в быту трудящихся⁷⁵. В ИИФЭ создан Отдел советских праздников и обрядов. Ученые исследуют роль прогрессивных традиций в утверждении и дальнейшем развитии социалистического образа жизни, соотношение интернационального и национального, традиционного и нового в праздниках и обрядах, уясняют природу и генезис их символики и атрибутики, социальные функции традиций, обычаев и обрядов, значение новой обрядности, вносят конкретные предложения по ее совершенствованию и обогащению⁷⁶.

Важную роль играет Киев и как один из университетских городов республики, ее ведущий центр по подготовке кадров этнографов. Издательством Киевского университета опубликовано, в частности, пособие по украинской этнографии для студентов⁷⁷.

Киев — один из важнейших центров развития советской этнографической науки. Руководствуясь марксистско-ленинской методологией, решениями XXV и XXVI съездов КПСС, совершенствуя методику полевой работы, научные работники Киева, как и все советские этнографы, развертывают в одиннадцатой пятилетке теоретические и прикладные исследования, в частности изучение и пропаганду социалистического образа жизни, содействуют использованию лучших, прогрессивных народных традиций, искоренению пережитков прошлого в быту трудящихся, борются против чужденоненавистнических «теорий» расизма и национализма, вносят свой вклад в пропаганду дружбы и взаимопонимания народов.

1500-летний юбилей г. Киева совпал с большим праздником всех советских людей — 60-летием образования СССР. Уместно в связи с этим отметить, что Киев всегда олицетворял собой единение советских наро-

⁷² Келембетова В. Ю. Сучасна буржуазна соціокультурна антропологія (Критико-етнографічне дослідження). Київ, 1980.

⁷³ Гуслиций Кость, Демиденко Лариса. Розквіт української радянської культури і націоналістичні вигадки.— Народна творчість та етнографія, 1970, № 6; Гуслиций Кость. Про буржуазно-націоналістичні перекозчення у дослідженнях етногенезу українського народу.— Там же, 1971, № 1.

⁷⁴ Наулко В. І. Развитие межэтнических связей на Украине. Киев: Наук. думка, 1975; Демиденко Л. А. Культура и быт болгарского населения в УССР. Киев: Наук. думка, 1976; Пащкова Г. Т. Етнокультурні зв'язки українців та білорусів Полісся. Київ: Наук. думка, 1978; Борисенко В. К. Взаимосвязи в традиционной культуре и быте украинцев и поляков Подолля в конце XIX — начале XX в.: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. истор. наук. Минск, 1974; Ткаченко Л. А. Современные этносоциальные процессы на Закарпатье: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. истор. наук. Минск, 1975; Орлов А. В. Розвиток національних відносин в СРСР на сучасному етапі.— Народна творчість та етнографія, 1976, № 3; Пономарьов А. П. Міжнародні шлюбні та інтернаціоналізація побуту населення УРСР.— Там же, 1977, № 3; Захарова Г. М. Розвиток українсько-молдавської міжетнічної шлюбності.— Там же, 1980, № 4.

⁷⁵ Келембетова В. Ю. Утвердження атеїзму в побуті трудящих України. Київ: Наук. думка, 1967; *ее же*. Побут і релігійні пережитки. Київ: Наук. думка, 1974.

⁷⁶ Курочкин О. В. Новорічні свята українців. Київ: Наук. думка, 1978; Радянські свята і обряди в комуністичному вихованні. Київ: Політвидав України, 1978; Борисенко В. К. Нова весільна обрядовість в сучасному селі. Київ: Наук. думка, 1979; Гаврилюк Н. К. Картографіровані явлені духовної культури (по матеріалам родильної обрядності українців). Киев: Наук. думка, 1981; Свята та обряди трудящих Киева. Київ: Наук. думка, 1982.

⁷⁷ Наулко В. И., Миронов В. В. Культура и быт украинского народа. Учебное пособие. Киев, 1977.

дов. «В богатой событийности истории Киева ярчайшими страницами были и остаются дела многочисленных поколений киевлян во имя торжества одного из благороднейших и самых высоких идеалов человеческой жизни — настоящей дружбы народов»⁷⁸.

⁷⁸ Комунист України. Київ, 1982, № 5, с. 18.

А. В. Чернецов

ПОЛЕВЫЕ МЕТЫ КРЕСТЬЯН ПОДМОСКОВЬЯ В НАЧАЛЕ XX В.*

Традиции использования русскими, как и другими народами, разного рода знаков, в том числе связанных со счетом, мерами и весами¹, календарем², метанием жребия³, гаданиями и суеверными обрядами⁴, уходят корнями в глубокую древность. Много различных условных значков (в том числе своеобразные «корректирующие знаки») ⁵ встречается в древнерусских рукописях. Фигуры, по облику аналогичные знакам (иногда буквообразные), встречаются в иконописи и фресковой живописи в роли декоративных элементов⁶ (от орнамента они отличаются тем, что не подчиняются законам симметрии).

Традиционным русским знакам собственности посвящена значительная литература⁷. Историческое значение этих знаков велико для изучения не только обычного права, но и для ряда специальных проблем. В частности, весьма интересным представляется параллельное изучение знаков и их элементов, с одной стороны, и элементов народных орнаментов — с другой⁸. Иной важный аспект исследования знаков — изучение лексики, используемой для «наращения» знаков и их частей. Параллельное изучение названий графических элементов знаков и ор-

* Полевые меты собраны П. М. Смирновым в Рузском районе.

¹ Богданов Вл. Русская бирка и древнейшие элементы бирки у ее европейских соотечественников. — Этнографическое обозрение (далее ЭО). М., 1916, № 1—2.

² Срезневский В. И. Северный резной календарь. СПб., 1874; Лебедева А. А. Русский деревянный календарь Сибири. Этнографический сборник Бурятского комплексного НИИ. Улан-Удэ, 1962.

³ Соловьев Е. Т. О тамгах или знаках собственности на некоторых предметах быта. Казань, 1885, с. 140—142 (раздел: Употребление знаков собственности при жребии во время раздела наследства); Золотарев Д. Этнографические наблюдения в деревне РСФСР (1919—1925). — Материалы по этнографии. Т. III. Л., 1926, с. 153, рис. 9, 5.

⁴ Чернецов А. В. Об одном рисунке Радзивилловской летописи. — Сов. археология, 1977, № 4.

⁵ Карский Е. Ф. Славянская кирилловская палеография. М., 1979, с. 224, 233, 245, 246.

⁶ Чернышев Н. М. Искусство фрески в древней Руси. М., 1954, с. 74, рис. 2; Антонова В. И., Мневя Н. Е. Государственная Третьяковская галерея. Каталог древнерусской живописи. Т. II. М., 1963, табл. 78, 79; Попов Г. В. Шрифтовой декор росписи Михайло-архангельского собора в Старце. — Древнерусское искусство. Монументальная живопись XI—XVII вв. М., 1980.

⁷ Иванов П. И. О знаках, заменявших подписи в древней России. — Известия археологического общества. Т. 2, в. 2. СПб., 1861; Ефименко П. Юридические знаки. Опыт исследования по обычному праву. — Журнал Министерства народного просвещения, 1874, ч. СХХVI; Соловьев Е. Т. Указ. раб.; Костоловский И. В. Заветные знаки и слова на предметах собственности (Из Еремеевской волости Рыбинского уезда). — ЭО, 1902, № 4; Клетнова Е. Н. Записи о метках и знаках собственности Вяземского уезда. — ЭО, 1916, № 1—2; Лихачев Н. П. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. В. 2. — Труды Музея палеографии. Т. 2. Л., 1930, с. 46—269; Рыбаков Б. А. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XII вв. — Сов. археология, 1940, № VI; Анпилов Г. Н. Бортные знамена как исторический источник. — Сов. археология, 1964, № 4; Колчин Б. А. Новгородские древности. Деревянные изделия. — Свод археологических источников. Е1—55. М., 1968, с. 31, рис. 22.

⁸ Пожидаев В. П. Кабардино-черкесская тамга и кавказский орнамент. — Уч. зап. Кабардинского НИИ. Т. 4. Нальчик, 1948.

⁹ Коткова Н. С. Названия русских бортных знамен — историко-лингвистический источник. — Исследования по лингвистическому источниковедению. М., 1963.

наментов может способствовать более полному раскрытию смыслового содержания тех и других.

Наиболее значительные серии русских знаков собственности составляют древнерусские княжеские знаки и так называемые «бортные знамена». Этнографические материалы по крестьянским знакам также значительны и представлены в основном таблицами с изображениями знаков, употреблявшихся в пределах довольно обширной территории. При этом знаки, собранные в центре России, в Подмоскovie, относительно немногочисленны¹⁰. Предлагаемая публикация пополняет эти данные довольно большой серией знаков, собранных в ряде деревень бывшего Рузского уезда.

Помещенные в статье знаки были собраны в начале 20-х годов агрономом П. М. Смирновым. Он происходил из крестьян дер. Старое Рузского уезда, но долгое время жил на Урале. В 1918—1919 гг. Смирнов вернулся в родную деревню и получил надел. При этом ему был задан вопрос, как он думает пометать полосы надела. П. М. Смирнов сказал, что предполагает пометить их первой буквой фамилии. Это вызвало возражение жителей деревни (в основном женщин): ему сказали, что метить надел нужно родовым (очевидно, семейным) знаком, и сообщили, что его знак — «костыль» (к сожалению, рисунка этого знака в таблице нет).

В дальнейшем, уже работая агрономом, П. М. Смирнов обращал внимание на крестьянские знаки, собирал их в компактной группе деревень на территории Хотевцовской и Ащеринской волостей; в 1923 г. он свел их в таблицу и послал на Сельскохозяйственную выставку, где ее выставили в отделе народного быта. Таблица была удостоена диплома выставки, заведующий отделом этнограф Д. Т. Янович показал знаки, собранные Смирновым, Д. Н. Анучину, отметившему их важность.

В настоящее время сохранились лишь фотографии таблицы и краткие сведения об участии П. М. Смирнова в этой выставке. Фотография была любезно предоставлена автору данной работы М. С. Эдельштейн, у которой хранится архив П. М. Смирнова. Она же сообщила, что, по словам П. М. Смирнова, полевые меты вычерчивались на земле пятаком косы или вырубались топором на расположенном поблизости пне.

Полевые меты упоминаются в литературе, хотя и не столь часто, как знаки, которыми помечались бортные и иные лесные угодья. Вот что пишет о них Е. Т. Соловьев: «Самая разбросанность полос ведет к тому, чтобы их пометить, а то иначе свою полосу можно смешать с чужой и сделать неумышленный захват. Поэтому постановка знаков собственности на полях является крайне необходимою, и каждый крестьянин выделяет их на всех принадлежащих ему полосах сохой или изображает знак на колышке. Знак этот изображается при конце полосы, имеющей ширину в 2 сажени в расстоянии от нее 1 аршина». И далее о тех же знаках: «Знаки собственности, наносимые на полях, в значительном большинстве те же, что мы видим на описанных (других, например бытовых. — А. Ч.) предметах»¹¹.

Из материалов П. М. Смирнова узнаем, что знаки устанавливались и иным способом. Важен также факт сохранения традиций употребления подобных мет до сравнительно недавнего времени и приверженность крестьян именно к знакам, а не к буквенным метам (впрочем, среди собранных П. М. Смирновым есть и такие — бесспорно № 85; вероятно, также № 20, 22, 26, 29, 30, 37, 41, 70, 78, 81). Большим достоинством таблицы в отличие от публикаций других авторов является то, что в ней фиксированы меты отдельно по деревням. Это конкретизирует представления об употреблении и распространении знаков.

В литературе неоднократно указывалось, что при разделе семей или при переходе имущества от отца к сыну знак собственности нередко

¹⁰ В наиболее крупной сводке Е. Т. Соловьева (Указ. раб., с. 99, № 425—459 на таблицах) знаки из центральной России немногочисленны; по Московской губернии собрано всего 35 знаков. П. М. Смирновым собрано 98 знаков.

¹¹ Соловьев Е. Т. Указ. раб., с. 179, 180.

дер. Захряпино	дер. Оселье	дер. Козлово	дер. Шулъгино
1	20	47	76
2	21	48	77
3	22	49	78
4	23	50	79
5	24	51	80
6	25	52	81
7	26	53	82
8	27	54	83
9	28	55	84
10	29	56	85
11	30	57	дер. Токарево
12	31	58	
13	32	59	
дер. Вараксина	33	60	86
14	34	61	87
15	35	62	88
16	36	63	89
17	37	64	90
18	дер. Солодово	65	91
19		66	92
		67	дер. Курово
		68	
		69	
		70	93
		71	94
		72	95
		73	96
		74	97
		75	98

Полевые меты, собранные П. М. Смирновым в Рузском районе Московской области

претерпевал изменения; сохранялся основной контур старого знака, а видоизменялась какая-нибудь несущественная деталь или добавлялся небольшой дополнительный элемент. В частности, Е. Т. Соловьев пишет: «При разделе дворов отделившаяся семья к своему родовому знаку прибавляет какой-нибудь особый знак для отличия от родового знака, который остается в семье, живущей на старом дворе»¹². Однако, сообщая о существовании подобной традиции у русских крестьян, исследователи не приводили конкретных примеров. Подобного развития знаков не зарегистрировано. Имеются лишь предположительные построения исследователей на эту тему, в частности попытки атрибутировать княжеские знаки на основе их типологии¹³. Между тем фиксация таких изменений могла бы представить значительный интерес, в частности пролить свет на вопрос, насколько закономерной была такая эволюция, какие части знаков рассматривать как основные и какие как второстепенные (этот вопрос немаловажен и для изучения идеологических представлений, связываемых со знаками собственности).

Материал, собранный П. М. Смирновым, дает основания предполагать следующие возможные пути развития знаков: 1) рядом с основным знаком или внутри него помещается дополнительно отдельный элемент в виде точки (№ 13, 38, 60, 62, 67, 68), черты (№ 7, 29, 85, 92) или креста (№ 66); 2) исходный знак развивается посредством «удвоения» (№ 16, 25, 40, 67, 75). Нередко в одной деревне бытовали знаки, часть

¹² Там же, с. 183.

¹³ Рыбаков Б. А. Указ. раб.; Янин В. Л. Актовые печати древней Руси X—XV вв. Т. I. М., 1970, с. 141—146

котских возникала в результате развития других, образуя генетические целочки. В этих знаках могла быть одна, две, три и т. д. черты (№ 15, 16, 17, 25, 40, 79, 83, 95, 96). От одной до трех черт встречается среди знаков дер. Вараксино; две и три черты — в дер. Шульгино, три и четыре — в дер. Курово. Можно также предположить, что некоторые знаки появились в результате видоизменения знака, напоминающего грабли или вилы с разным числом зубьев (№ 2, 12, 24, 36, 47, 63, 87). Очевидно, подобная эволюция знаков отражает родственные связи семей. Черты сходства могут быть выделены и у других знаков, но там, где нет столь ясной линии эволюции, говорить об общности происхождения знаков нет оснований. О ценности собранных П. М. Смирновым знаков говорилось выше, однако следует отметить, что и его материалы не позволяют составить полного представления о механике развития знаков, что было бы возможно, если бы были отмечены родственные связи семей, использовавших собранные знаки. Однако следует указать, что развитие древнерусских княжеских знаков как будто показывает, что оно не подчинялось единообразной закономерной тенденции; наряду с развитием знаков посредством их усложнения существовало упрощение, распадение знаков — только так можно объяснить появление знаков в виде багра, исторически более поздних, чем древнейшие знаки в виде двузубца и трезубца¹⁴.

Очень интересен факт бытования почти одинаковых знаков (и даже целых групп знаков) в разных деревнях. Это, например, № 15 и 16 в дер. Вараксино и № 79 и 83 в дер. Шульгино; № 2 и 12 в дер. Захряпино и № 24 и 36 в дер. Оселье. Еще большее число совпадений единичных знаков (№ 14 и 97, № 16, 25, 40, 83; № 15, 79, 96; № 20, 74, 81; № 12, 24, 87; № 11, 43, 50, 82 и др.). Вероятно, подобное сходство в ряде случаев объяснялось родственными отношениями семей. Впрочем, чем элементарнее знаки, тем больше вероятность их автономного происхождения. Не вполне ясно, насколько существенным при различении знаков было представление о том, где у них находится верх и низ. Расположение знаков на земле могло вести к тому, что знак опознавался только по рисунку, безотносительно к ориентировке. Действительно, среди древнерусских княжеских знаков преобладают трезубцы и двузубцы, у которых зубья направлены вверх, однако встречаются и такие, у которых зубья смотрят вниз¹⁵. Если считать одинаковыми все знаки, имеющие сходное начертание, не принимая во внимание, как они ориентированы, то число идентичных знаков, обнаруживающих значительную близость по начертанию, сильно возрастает (например, № 1, 14, 86, 97 и др.).

Группа знаков, собранных П. М. Смирновым, аналогична знакам, известным по другим источникам, где приводятся и их названия¹⁶. Так, знаки, подобные № 20, 60, 74, 81 известны как «колесо»¹⁷, подобные № 1, 14, 51, 86, 88, 97, — как «сорочья лапа»¹⁸, подобные № 2, 12, 24, 36, 47, 63, 87, — как «грабли»¹⁹, знаки, подобные № 22, 45, 56, — как «шелом»²⁰, знаки № 57, 70 — как «граница»²¹, знак № 9 назывался «коробьей» или «клеткой»²², знак № 67 — «чеботки» или «сапожки»²³ и т. п. Однако известно, что названия сходных и аналогичных знаков часто варьировались и, наоборот, очень отличающиеся знаки могли носить сходное название. Поэтому отсутствие указания на названия знаков — существенное упущение П. М. Смирнова. Не зная крестьянских наименований данных конкретных знаков, нельзя судить о том, какая

¹⁴ Янин В. Л. Указ. раб., с. 137.

¹⁵ Там же, с. 273, 274, табл. 26; Рыбаков Б. А. Указ. раб., с. 239, рис. 33—36.

¹⁶ Соловьев Е. Т. Указ. раб., с. 66, 67; Коткова Н. С. Указ. раб., с. 132; Анпилов Г. Н. Указ. раб., с. 167, 168.

¹⁷ Анпилов Г. Н. Указ. раб., с. 158, рис. 2, № 94—97.

¹⁸ Там же, с. 162, рис. 5, № 319—324.

¹⁹ Там же, с. 158, рис. 2, № 84, 85.

²⁰ Там же, с. 162, рис. 5, № 261—269.

²¹ Там же, с. 163, рис. 6, № 377—384.

²² Там же, с. 161, рис. 4, № 236, 259.

²³ Там же, с. 161, рис. 4, № 256, 257.

часть из них имела образные названия и ассоциировалась с предметами окружающего мира (животные, орудия труда, предметы быта и др.) и какая носила формально-описательный характер (терминология типа «круг», «черта», «тен»). В заключение следует еще раз подчеркнуть, что при всех недочетах работы П. М. Смирнова как собирателя знаков, вполне простительных непрофессионалу, она является весомым дополнением к имеющимся сведениям о знаках собственности Центральной России.

В. П. Алексеев, У. Лафлин

МАТЕРИАЛЫ К АНТРОПОЛОГИИ ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ АЛЯСКИ И АЛЕУТСКИХ ОСТРОВОВ.

I. Скелеты из ипиутакских погребений на мысе Крузенштерн *

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Исключительно плодотворные результаты раскопок, осуществленных на мысе Хоп Ф. Рейни и Х. Ларсеном ¹, ввели в наши знания представление о ранее неизвестной палеоэскимосской культуре, получившей наименование ипиутакской и благодаря своему своеобразию на многие годы привлекая внимание всех исследователей далекого прошлого эскимосов ². Богатый набор изделий из кости и разнообразные мотивы резьбы по кости, — пожалуй, самые яркие признаки инвентаря этой культуры. Ее наиболее вероятная датировка, основанная на сравнительно-типологических аналогиях с другими палеоэскимосскими культурами, — первые века н. э. ³

Раскопки на мысе Хоп кроме археологического дали и многочисленный палеоантропологический материал, хранящийся в отделе антропологии Американского музея естественной истории в Нью-Йорке. В 1957—1958 гг. по приглашению американских коллег Г. Ф. Дебец изучил этот материал, но, к сожалению, исследование его не было закончено, и единственной печатной информацией о нем остается доклад, подготовленный к XXXIII конгрессу американистов ⁴. Несколько дополнительных соображений, включенных в посмертно опубликованный текст работы о черепах из Эквенского и Уэленского могильников, повторяют сказанное в этом докладе ⁵.

Неоценимым вкладом Г. Ф. Дебеца в изучение эскимосской палеоантропологии был показ того важного обстоятельства, что в отличие от сравнительно однородного палеоэскимосского морфологического комплекса носители ипиутакской культуры характеризовались рядом признаков, заставляющих думать о континентально-азиатских аналогиях и возможности генетических контактов с внутрисибирскими попу-

* В следующей статье авторы предполагают рассмотреть черепа из палеоалеутских погребений.

¹ Larsen H., Rainey F. Ipiutak and the Arctic whale hunting culture.— *Anthropological papers of the American Museum of Natural History*. N. Y., 1948, v. 42.

² См.: Алексеев В. П. Некоторые стороны общественной организации древних племен Чукотки и Аляски (по раскопкам в Ипиутаке).— *Записки Чукотского краеведческого музея*. Магадан, 1967, в. IV; Bandi H. Eskimo Prehistory. Seattle, 1969; Диков Н. Н. Древние культуры Северо-Восточной Азии. Азия на стыке с Америкой в древности. М.: Наука, 1979.

³ См. об этом: Арутюнов С. А., Сергеев Д. А. Проблемы этнической истории Берингоморья. Эквенский могильник. М.: Наука, 1975.

⁴ Debetz G. The Skeletal Remains of the Ipiutak Cemetery.— *Actas del XXXIII Congreso internacional de Americanistas*, San Jose, Costa Rica, 1959, t. II.

⁵ Дебец Г. Ф. Палеоантропологические материалы из древнеберингоморских могильников Уэлен и Эквен.— В кн.: Арутюнов С. А., Сергеев Д. А. Проблемы этнической истории Берингоморья. Эквенский могильник. Здесь опубликованы некоторые дополнительные измерения ипиутакской серии.

ляциями. Полученный от Г. Ф. Дебеца и опубликованный У. Лафлином информация о некоторых дискретно-варьирующих признаках также показывает отличия «ипиутакцев» от более поздних насельников мыса Хоп⁶.

Совершенно естественно, что в связи со всем сказанным палеоантропологический материал из могильников, культурно близких ипиутакским, приобретает исключительный интерес. Такой материал, правда крайне малочисленный и фрагментарный, получен при раскопках ипиутакских погребений на мысе Крузенштерн, на протяжении ряда лет проводившихся покойным Дж. Гиддингсом и Д. Андерсоном⁷. Он хранится в Музее антропологии Хаффенреффера Браунского университета (окрестности г. Провиденса), где и был Д. Андерсоном предоставлен авторам для исследования осенью 1980 г.

Раскопки проводились в двух пунктах: на самом мысе Крузенштерн (номера погребений в таблицах указаны без дополнительных обозначений) и примерно в 30 км от него на стоянке Бэттл Рок (номера погребений приведены с шифром BR). Помимо погребений, давших достаточно типичный для ипиутакской культуры инвентарь (погр. 1, 3, 8, 9, 11 и 12 на мысе Крузенштерн), были раскопаны погребения с невыразительным археологическим инвентарем, не позволяющим датировать их сколько-нибудь определенно (погр. 4, 14 и 15 на мысе Крузенштерн, погр. 1 и 3 на стоянке Бэттл Рок). Однако по внешнему виду эти погребальные сооружения отличаются от современных и, видимо, должны быть отнесены к концу I или первым векам II тыс. н. э. Надо отметить, что по сохранности и цвету костей материал из погребений разного хронологического возраста неразличим.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОЛА И ВОЗРАСТА

Определение пола — процедура достаточно простая при наличии костей скелета, особенно тазовых, — вызвало в данном случае некоторые трудности. Тазовые кости не сохранились, и единственными морфологическими основаниями (археологический материал не дал в этом отношении определенных показаний) для определения половой принадлежности могут служить лишь краниологические особенности, а также степень массивности и размеры длинных костей конечностей — признаки, заведомо не имеющие абсолютного значения. Все сохранившиеся нижние челюсти имеют развернутые гонионы, что характерно скорее для мужских черепов. Но сами черепа грацильны, с очень тонкими стенками черепной коробки и слабо выраженным наружным рельефом. Размеры и лицевого скелета, и черепной коробки небольшие. Длинные кости конечностей чаще всего тонкие. Следует подчеркнуть, что бедренные кости отличаются значительной изогнутостью.

Приведенный перечень морфологических особенностей заставляет склониться к мысли, что перед нами серия преимущественно женских скелетов. Исключение составляют скелеты из погр. 1 и 3 на мысе Крузенштерн и, возможно, из погр. 3 на стоянке Бэттл Рок, которые могут быть отнесены к мужским. О скелетах, обнаруженных без черепов, можно сказать только, что они оставлены взрослыми индивидуумами.

Из семи черепов три принадлежали, судя по состоянию черепных швов (зубы, как почти во всех палеоэскимосских антропологических коллекциях, сильно стертые, что лишает их какой-либо ценности в качестве индикаторов возраста), индивидуумам возмужалого возраста (погр. 8, 9 и 12), еще два — индивидуумам зрелого возраста (погр. 1 и 4) и один — человеку старческого возраста (погр. 14). Для этих шести

⁶ Laughlin W. Holocene History of Nikolski Bay, Alaska, and Aleutian evolution.—Folk, København, 1974—1975, v. 16—17; Лафлин У. Голоценовая история Никольского залива Аляски и эволюция алеутов.—В кн.: Берингия в кайнозое. Владивосток 1976.

⁷ Giddings J., Anderson D. Beach Ridge Archaeology in Alaska. Washington, 1981. К этому изданию приложена статья У. Симмонса с кратким описанием остатков человеческих скелетов из погребений. Она не содержит измерений.

взрослых людей средний возраст смерти равен 40,8 года — цифра, в общем типичная для древних серий с территории СССР⁸.

Череп из погр. 15 оставлен подростком. Первый постоянный моляр уже слегка стерт, в то время как второй полностью сформирован, но прорезался едва лишь до уровня края альвеолы. На хорошо выполненных рисунках возрастных изменений зубной системы в руководстве Х. Юбилейкера такое состояние зубной системы соответствует 11 годам⁹. В среднем второй постоянный моляр прорезывается в 11—13 лет¹⁰. Поэтому возраст подростка, захороненного в погр. 15, может быть определен в 11—12 лет.

КРАНИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

Измерения исследованных черепов представлены в табл. 1. Для детского черепа из погр. 15 приведены как подлинные размеры, так и размеры, условно переведенные во «взрослые» с помощью поправочных коэффициентов, основанных на возрастных изменениях размеров в серии русских черепов. Таблица этих коэффициентов опубликована (использованы коэффициенты, вычисленные как средние коэффициенты для возрастных групп в 9—11 и 12—14 лет)¹¹. Для тех признаков, которые отсутствуют в этой таблице, коэффициенты вычислены по данным Н. С. Сысака¹². Средние для женских черепов более поздней хронологической группы получены с использованием этих условных «взрослых» размеров, чтобы расширить информативную базу исследования. Но, разумеется, следует постоянно помнить, что при малой численности находящихся в нашем распоряжении черепов средние и по ипиутакской, и по более поздней группам имеют лишь условное значение. Малочисленность эта лишает смысла и применение каких-либо статистических приемов сравнения по сумме признаков.

Все черепа, как уже говорилось, небольшие, длинноголовые, с высокой черепной коробкой. По строению черепной коробки они не отличаются от эскимосских и не обнаруживают того соотношения горизонтальных и вертикального диаметров черепной коробки, которое свойственно ипиутакской серии с мыса Хоп: понижения высоты черепной коробки и увеличения черепного указателя. Размеры лицевого скелета в монголоидном масштабе умеренные, орбиты средней высоты, грушевидное отверстие узкое. Лицо ортогнатное, очень плоское в верхней части и умеренно профилированное на уровне зигомаксиллярных точек. В качестве определенного отличия от типичного палеоэскимосского комплекса можно указать на ортогнатность лицевого скелета. Таким образом, мы не находим полного повторения типичных особенностей других палеоэскимосских краниологических серий в черепах из ипиутакских погребений мыса Крузенштерн. Однако вопрос о сходстве их с ипиутакской серией с мыса Хоп остается пока открытым. Неопределенны и отличия ипиутакских черепов с мыса Крузенштерн от более поздних из того же могильника.

ОСТЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

Выше уже упоминалось, что длинные кости конечностей во всех сохранившихся случаях грацильные и небольшие. Метрическое подтверждение этому визуальному впечатлению приведено в табл. 2. Предложенные до сих пор формулы определения длины тела на основании дли-

⁸ Способ расчета: Алексеев В. П. Палеодемография СССР.— Сов. археология, 1972, № 1. Там же и сравнительные данные.

⁹ Ubelaker H. Human Skeletal Remains. Excavation, Analysis, Interpretation. Chicago, 1978, p. 112—113.

¹⁰ Алексеев В. П., Дебец Г. Ф. Краниметрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964.

¹¹ Алексеев В. П. Палеоантропология земного шара и формирование человеческих рас. Палеолит. М.: Наука, 1978, с. 230—231.

¹² Сысак Н. С. Материалы для возрастной морфологии черепа человека.— В кн.: Антропологический сборник, II. (Тр. Ин-та этнографии АН СССР, т. I). М.: Изд-во АН СССР, 1960.

Индивидуальные измерения и средние исследованных черепов

Таблица 1

Признаки	Погребения								$\bar{x} (n)$ $\bar{Q}^*$	$\bar{x} (n)$ $\bar{Q}^{**}$
	1	4	8	9	12	14	15	15 «взрослые размеры»		
1. Продольный диаметр	189?	178	173	183	185	182	173?	182	180,3(3)	180,7(3)
8. Поперечный диаметр	143	132	138	133	137?	134	129	132	136,0(3)	132,7(3)
17. Высотный диаметр (<i>ba-br</i>)	135?	135	—	137	—	131	—	—	137,0(1)	133,0(2)
20. Высотный диаметр (<i>po-br</i>)	112?	113	—	115	—	114	—	—	115,0(1)	113,5(2)
5. Длина основания черепа	103	108	—	106	—	99	—	—	106,0(1)	103,5(2)
9. Наименьшая ширина лба	—	92	97	89	—	100	90	93	93,0(2)	95,0(3)
10. Наибольшая ширина лба	119	101	115	105	—	110	—	—	110,0(2)	105,5(2)
11. Биаурикулярная ширина	130	128	—	123	—	123	105	112	123,0(1)	121,0(3)
12. Ширина затылка	113	100	101	—	—	113	98	101	101,0(1)	104,7(3)
8:1 Черепной указатель	75,7?	74,2	79,8	72,7	74,1?	73,6	74,6?	72,5	75,5(3)	73,4(3)
17:1 Высотно-продольный указатель	71,4?	75,8	—	74,9	—	72,0	—	—	74,9(1)	73,9(2)
17:8 Высотно-поперечный указатель	94,4?	102,3	—	103,0	—	97,8	—	—	103,0(1)	100,0(2)
9:8 Лобно-поперечный указатель	—	69,7	—	66,9	—	74,6	69,8	70,5	69,9(1)	71,6(3)
9:10 Лобный указатель	—	91,1	—	84,8	—	90,9	—	—	84,8(1)	91,0(2)
40. Длина основания лица	100	103	—	103	—	—	—	—	103,0(1)	103,0(1)
43. Верхняя ширина лица	—	103	101	102	—	103	89	96	101,5(2)	100,7(3)
43(1). Биорбитальная ширина	101?	98,5	96	94	—	95,5	84,5	—	95,0(2)	97,0(2)
<i>lowsub.</i> Высота назиона над ней	15?	14	10	14	—	15	13	—	12,0(2)	14,5(2)
45. Скуловая ширина	139?	133	—	133	—	132	104?	117	133,0(1)	127,3(3)
46. Средняя ширина лица	104	93	—	103	—	101	81	91	103,0(1)	95,0(3)
Зигомаксиллярная ширина (<i>zm'</i> — <i>zm'</i>)	98,5	89,5	—	100	—	—	80,5	—	100,0(1)	89,5(1)
<i>Zm'sub.</i> Высота субспинале над ней	19	19	—	21	—	—	17,5	—	21,0(1)	19,0(1)
47. Общая высота лица	125	111	—	—	—	—	97	115	—	113,0(2)
48. Верхняя высота лица	76	65	—	71	—	—	57	69	71,0(1)	67,0(2)
50. Межорбитальная ширина	16	17,5	16	15,5	—	16	14,5	—	15,7(2)	16,7(2)
51. Ширина орбиты от <i>mf</i> (лев.)	46	42,5	—	—	—	44	37,5	39,8	—	42,1(3)
51a. Ширина орбиты от <i>d</i> (лев.)	42,5	40	—	—	—	41,5	34,5	36,6	—	39,4(3)
52. Высота орбиты (лев.)	33?	32,5	—	36	—	31?	33	34,3	36,0(1)	32,6(3)
54. Ширина носа	26	25	—	—	—	—	19	22	—	23,5(2)
55. Высота носа	56	50	—	49	—	—	42	49	49,0(1)	49,5(2)
62. Длина неба	50	46	—	44	—	—	34	39	44,0(1)	42,5(2)

63.	Ширина неба	37	38	—	39	—	—	33	37	39,0(1)	37,5(2)
40 : 5.	Указатель выступания лица	97,1	95,4	—	97,2	—	—	—	—	97,2(1)	95,4(1)
45 : 8.	Горизонтальный фацио-церебральный указатель	97,2?	100,8	—	95,7	—	98,5	80,6?	88,6	95,7(1)	96,0(3)
48 : 17.	Вертикальный фацио-церебральный указатель	56,3?	48,1	—	51,8	—	—	—	—	51,8(1)	48,1(1)
47 : 45.	Общий лицевой указатель	89,9?	83,5	—	—	—	—	93,3?	98,3	—	90,9(2)
48 : 45.	Верхний лицевой указатель	54,7?	48,9	—	53,4	—	—	54,8?	59,0	53,4(1)	51,8(2)
52 : 51.	Орбитный указатель от <i>mf</i> (лев.)	71,7?	76,5	—	—	—	70,5	88,0	86,2	—	77,0(3)
52 : 51a	Орбитный указатель от <i>d</i> (лев.)	77,6?	81,3	—	—	—	74,7	95,7	93,7	—	83,2(3)
54 : 55.	Носовой указатель	46,4	50,0	—	—	—	—	45,2	44,9	—	47,4(2)
63 : 62.	Небный указатель	74,0	82,6	—	88,6	—	—	97,1	94,9	88,6(1)	88,8(2)
DC.	Дакриальная ширина	20,3	19,2	16,6	—	—	16,8	15,7	17,8	16,6(1)	17,9(3)
DS.	Дакриальная высота	8,8	9,2	9,6	—	—	8,7	6,4	7,7	9,6(1)	8,5(3)
DS : DC.	Дакриальный указатель	43,3	47,9	57,8	—	—	51,8	40,8	43,3	57,8(1)	47,7(3)
SC.	Симотическая ширина	7,4	7,1	7,7	—	—	6,6	4,9	5,2	7,7(1)	6,3(3)
SS.	Симотическая высота	3,1	3,1	2,8	—	—	2,4	2,8	4,3	2,8(1)	3,3(3)
SS : SC.	Симотический указатель	41,9	43,7	36,4	—	—	36,4	59,6	82,7	36,4(1)	54,3(3)
75(1).	Угол носовых костей к лицевому профилю	17	17?	—	—	—	—	10	13	—	15,0(2)
77.	Назомаллярный угол	147?	148	156	147	—	145	146	147	151,5(2)	146,7(3)
$\angle zm'$	Зигмаксиллярный угол	137	134	—	134	—	—	133	135	134,0(1)	134,5(2)
	Форма черепа сверху (<i>normaverticilis</i>)	ov.	ov.	sphen.	el.	ov.	ov.	ov.	—	—	—
	Надбровье (1—6 по Мартину)	2	2	3	2	2	2	1	—	2,33(3)	2,00(2)
	Сосцевидный отросток (1—3)	1	1	1	1	—	1	1	—	1,00(2)	1,00(1)
	Подносковая ость (1—5 по Брока)	3	1	—	—	—	—	—	—	—	1,00(1)
	Нижний край грушевидного отверстия	inf.	anth.	—	anth.	—	—	anth.	—	—	—
65.	Бикондильярная ширина	121?	132	120	—	113	118?	—	—	116,5(2)	125,0(2)
66	Бигонияльная ширина	114	110	117	—	85	108	—	—	101,0(2)	109,0(2)
71a.	Наименьшая ширина ветви нижней челюсти	43,5?	36	32	—	40	34	30	34,2	36,0(2)	34,7(3)

* Ипиутакские погребения.

** Более поздние погребения.

Индивидуальные измерения длинных костей

Признаки		Погребения								
		1	3	4	8 •	9	11	14	BR 1	BR 3
1.	Наибольшая длина плечевой кости (пр.)	—	—	281	—	308	—	261	283	283
	Наибольшая длина плечевой кости (лев.)	308?	—	282	—	—	—	261	277	288
7.	Наименьшая окружность диафиза (пр.)	—	—	66	—	68	—	58	63	66
	Наименьшая окружность диафиза (лев.)	67	—	64	—	—	—	60	60	67
7 : 1	Указатель прочности (пр.)	—	—	23,5	—	22,1	—	22,2	22,3	23,3
	Указатель прочности (лев.)	21,8?	—	22,7	—	—	—	23,0	21,7	23,3
1.	Наибольшая длина лучевой кости (пр.)	—	—	—	—	—	—	—	227	225
	Наибольшая длина лучевой кости (лев.)	—	—	—	—	—	—	—	225	224
5(5)	Окружность середины диафиза (пр.)	—	—	—	—	—	—	—	46	46
	Окружность середины диафиза (лев.)	—	—	—	—	—	—	—	45	44
5(5) : 1.	Указатель окружности середины диафиза (пр.)	—	—	—	—	—	—	—	20,3	20,4
	Указатель окружности середины диафиза (лев.)	—	—	—	—	—	—	—	20,0	19,6
1.	Наибольшая длина бедренной кости (пр.)	420	479	403	412	—	404	372?	407	415
	Наибольшая длина бедренной кости (лев.)	417	493	—	416	—	398	378?	401	—
2.	Длина в естественном положении (пр.)	413	—	399	409	—	399	370?	405	411
	Длина в естественном положении (лев.)	415	—	—	409	—	396	374?	398	—
8.	Окружность середины диафиза (пр.)	94	94	88	91	—	81	82	80	89
	Окружность середины диафиза (лев.)	91	95	—	89	—	86	80	80	—
8 : 2.	Указатель прочности (пр.)	22,8	—	22,1	22,2	—	20,3	22,2?	19,8	21,7
	Указатель прочности (лев.)	21,9	—	—	21,8	—	21,7	21,4?	20,1	—
1а.	Наибольшая длина большой берцовой кости (пр.)	—	—	—	—	—	—	314	—	339
	Наибольшая длина большой берцовой кости (лев.)	—	—	—	350	406	334	314	322	—
10.	Окружность середины диафиза (пр.)	—	—	—	—	—	—	78	—	77
	Окружность середины диафиза (лев.)	—	—	—	78	77	72	78	79	—
10 : 1а.	Указатель массивности (пр.)	—	—	—	—	—	—	24,8	—	22,7
	Указатель массивности (лев.)	—	—	—	22,3	19,0	21,6	24,8	24,5	—

ны отдельные кости несколько-нибудь эффективны лишь на групповом уровне и в принципе малоприменимы в индивидуальных случаях. Поэтому, как ни малочисленны находящиеся в нашем распоряжении скелеты, получаем сначала средние по мужским (погр. 1 и 3) и женским (погр. 8, 9 и 11) скелетам из ипиутакских погребений, а также женским (погр. 4 и 14) скелетам из более поздних могил и лишь базировавшись на них, реконструируем длину тела в каждой из групп. Так как ни одна из формул не дает вполне убедительных результатов, которые в сильной степени зависят от пропорций тела в той или иной группе, можно считать вполне оправданным применение сразу нескольких формул. Иногда высчитывается средняя длина тела, полученная с помощью разных формул. Мы выбрали три формулы, достаточно употребительные и позволяющие реконструировать длину тела по длине изолированных костей, — К. Пирсона и А. Ли, Ж. Оливье и М. Троттер и Г. Глезер для монголоидов¹³. Так как Г. Ф. Дебец опубликовал средние по длине четырех длинных костей конечностей — плечевой, лучевой, бедренной и большой берцовой для двух серий с мыса Хоп (из Ипиутака и из более позднего поселения Тигары), длина тела определена и в этих сериях.

Применение формулы Пирсона — Ли дало следующие результаты.

Мыс Крузенштерн, ипиутакские погребения (мужчины)	161,5 см
Мыс Крузенштерн, ипиутакские погребения (женщины)	155,1 см
Мыс Крузенштерн, более поздние погребения (женщины)	147,7 см
Мыс Хоп, Ипиутак (мужчины)	157,7 см
Мыс Хоп, Ипиутак (женщины)	146,9 см
Мыс Хоп, Тигара (мужчины)	162,1 см
Мыс Хоп, Тигара (женщины)	150,4 см

По двум скелетам из Бэттл Рок, относящимся, по всей вероятности, к западному варианту культуры Туле (эпоха средневековья), предположительно мужскому (погр. 3) и бесспорно женскому, длина тела определена соответственно в 156,6 и 150,4 см. В общем при всей неопределенности приведенных вариаций ипиутакские скелеты с мыса Крузенштерн по длине тела, похоже, ближе к скелетам из Тигары, чем к ипиутакской серии с мыса Хоп.

Применяя формулы Троттер — Глезер для монголоидов, мы лишены возможности реконструировать длину тела, опираясь на женские скелеты, и вынуждены поэтому ограничиться лишь мужскими.

Мыс Крузенштерн, ипиутакские погребения (мужчины)	167,4 см
Мыс Хоп, Ипиутак (мужчины)	161,9 см
Мыс Хоп, Тигара (мужчины)	166,4 см

Налицо опять большее сходство в длине тела ипиутакского населения мыса Крузенштерн с эскимосами Тигары, нежели с ипиутакским населением мыса Хоп. Мужчина из погр. 3 на Бэттл Рок имел рост 160,7 см.

Формулы Ж. Оливье рассчитаны для мужских скелетов, но сам автор считает, что они могут быть использованы без дальнейших модификаций и для реконструкции длины тела в женских сериях. Мы воспользуемся этой рекомендацией автора.

Мыс Крузенштерн, ипиутакские погребения (мужчины)	167,2 см
Мыс Крузенштерн, ипиутакские погребения (женщины)	161,5 см
Мыс Крузенштерн, более поздние погребения (женщины)	152,2 см
Мыс Хоп, Ипиутак (мужчины)	160,2 см
Мыс Хоп, Ипиутак (женщины)	152,1 см
Мыс Хоп, Тигара (мужчины)	165,8 см
Мыс Хоп, Тигара (женщины)	156,0 см

Любые формулы при всех модификациях опираются на конкретные цифры длины отдельных костей, поэтому и в соответствии с этой форму-

¹³ Рассмотрение разных формул и процедуры их использования см.: Алексеев В. П. Остеометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1966.

лой ипиутакцы с мыса Крузенштерн ближе к эскимосам Тигары, чем к ипиутакцам с мыса Хоп. Чтобы получить более адекватное представление о длине тела исследуемых групп, приведем суммарные данные по трем (для женщин — по двум) формулам. Но прежде отметим, что по формуле Оливье длина тела мужчины из погр. 3 Бэттл Рок равна 158,3 см, женщины из погр. 1 Бэттл Рок — 157,1 см.

Мыс Крузенштерн, ипиутакские погребения (мужчины)	165,4 см
Мыс Крузенштерн, ипиутакские погребения (женщины)	158,3 см
Мыс Крузенштерн, более поздние погребения (женщины)	150,0 см
Мыс Хоп, Ипиутак (мужчины)	159,9 см
Мыс Хоп, Ипиутак (женщины)	149,5 см
Мыс Хоп, Тигара (мужчины)	164,8 см
Мыс Хоп, Тигара (женщины)	153,2 см
Бэттл Рок, погр. 3 (мужчина)	158,5 см
Бэттл Рок, погр. 1 (женщина)	153,8 см

В среднем все сопоставляемые данные свидетельствуют о невысоком росте древнего населения Аляски. Население Тигары заметно более высокоросло, чем население Ипиутака. Группа, оставившая ипиутакские погребения на мысе Крузенштерн, сходна с популяцией Тигары. Более поздние насельники мыса Крузенштерн, наоборот, похожи на ипиутакцев с мыса Хоп.

Таблица 3

Пропорции тела в сравниваемых группах

Группы	Указатели				
	лучеплечевой (R1:H1)	берцово-бедренный (T1:F1)	интермембральный (R1+F1):(T1+F1)	плечебедренный (H1:F1)	лучеберцовый (R1:T1)
Мыс Крузенштерн, ипиутакские погребения (мужчины)	—	—	—	68,5	—
Мыс Крузенштерн, ипиутакские погребения (женщины)	—	86,9	—	75,5	—
Мыс Крузенштерн, более поздние погребения (женщины)	—	78,8	—	69,9	—
Мыс Хоп, Ипиутак (мужчины)	74,6	78,6	71,4	73,0	69,3
Мыс Хоп, Ипиутак (женщины)	73,6	78,2	70,8	72,7	68,5
Мыс Хоп, Тигара (мужчины)	75,5	81,4	68,2	70,5	65,7
Мыс Хоп, Тигара (женщины)	73,5	81,0	67,6	70,6	64,0
Бэттл Рок, погр. 3 (мужчина)	79,5	79,6	68,2	68,2	68,1
Бэттл Рок, погр. 1 (женщина)	80,2	77,0	70,8	69,5	72,5

Вариации соотношений сегментов конечностей и интермембрального указателя, выражающего относительную длину конечностей, приведены в табл. 3. Указатели вычислены по средним. Все рассматриваемые группы состоят из представителей более или менее среднего типа пропорций тела, что в целом характерно и для современных эскимосов¹⁴. Пожалуй, только у тигарцев можно отметить некоторую тенденцию к дистальному типу роста, при котором наблюдается относительное удлинение дистальных отделов конечностей.

¹⁴ См., например: Клевцова Н. И., Смирнова Н. С. Морфологические особенности тела чукчей и эскимосов. — Вопросы антропологии, 1974, в. 48.

Г. Ф. Дебеч, отметив, как уже говорилось, отличительные особенности ипиутакской серии по сравнению с классическим эскимосским типом, со свойственной ему осторожностью оставил открытым вопрос о происхождении этих особенностей. В уже упоминавшемся посмертно опубликованном кратком докладе, в основном посвященном трактовке генеалогических взаимоотношений ипиутакцев и более или менее синхронных им групп азиатских монголоидов, Г. Ф. Дебеч отметил их морфологическое сходство, выделяя особо близкие вариации черепной коробки, но скорее высказываясь в пользу конвергентного происхождения такого сходства¹⁵. В целом негативно он оценивал и возможность внутрисибирских влияний на формирование антропологических особенностей древних азиатских эскимосов и ипиутакцев. В дополнение к этим соображениям Г. Ф. Дебеча следует упомянуть, что попытка сопоставить ипиутакскую серию с сибирскими и американскими по сумме признаков, включая и лицевые характеристики, и с помощью разных статистических приемов, привела к противоположному результату: Ипиутак попадает в кластеры либо древних сибирских монголоидов, либо древних американских серий и достаточно далек от эскимосов¹⁶.

Находящийся в нашем распоряжении материал слишком незначителен, чтобы можно было претендовать на решение сложной и многосторонней проблемы происхождения ипиутакской культуры и ипиутакского населения. Однако этот материал все же может помочь в ответе на более частный вопрос о том, как широко ипиутакский морфологический комплекс был распространен на территории Аляски и, в частности, ограничивался его ареал мысом Хоп или охватывал и другие районы западного побережья Аляски, например мыс Крузенштерн. По соотношению осей черепной коробки ипиутакские черепа с мыса Крузенштерн отличаются от черепов из Ипиутака на мысе Хоп и сближаются больше с черепами из Тигары. Но в то же время уплощенность лица в горизонтальной плоскости на уровне назиона и уплощенность носовых костей у них значительно больше, чем не только в серии из Тигары, но и в серии из Ипиутака, и напоминает аналогичные величины в сериях континентальных монголоидов Сибири. Отмеченным выше различиям в вариациях длины тела трудно придавать при такой численности и таком масштабе самих различий генетическое значение. Общеизвестны тем более существенная зависимость ростовых процессов от пищевого фактора и огромные его колебания в пределах эскимосского ареала. Не вдаваясь в подробности, отметим лишь, что палеопатологическая ситуация на мысе Хоп, если судить по распространению зубных патологий, была довольно благоприятна¹⁷.

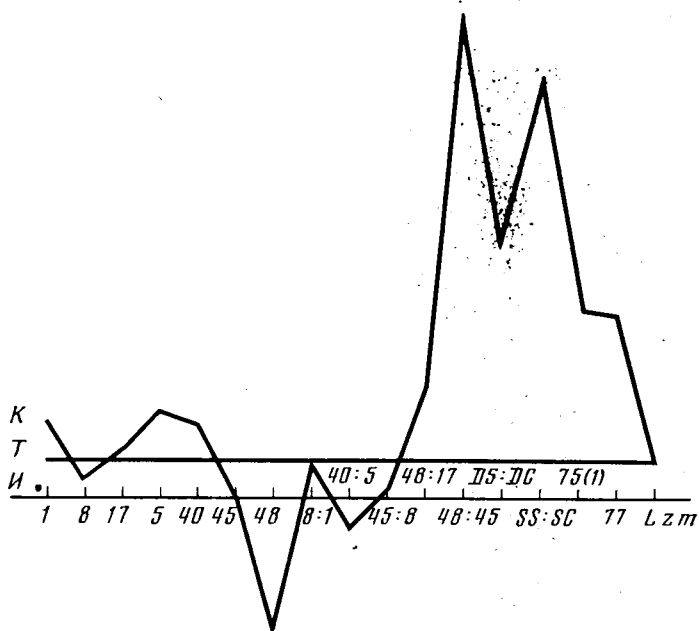
Чтобы избавиться от неопределенности, возникающей при анализе вариаций отдельных признаков, рассмотрим положение черепов с мыса Крузенштерн в пределах размаха вариаций серий из Ипиутака и Тигары, принятых за 100% (см. рисунок). Учитывая неопределенность различий между материалами из ипиутакских и более поздних погребений и небольшой хронологический разрыв между ипиутакской и бирнирской археологическими культурами палеоэскимосов, эти материалы

¹⁵ Дебеч Г. Ф. Палеоантропологические материалы из древнеберингоморских могильников Уэлен и Эквен.

¹⁶ Грубникова О. Б. Таксономический подход к систематике монголоидов по крадиометрическим данным: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. биол. наук. М.: МГУ, 1979; *ее же*. К классификации неолитических серий Северной и Восточной Азии по крадиометрическим признакам (методы многомерной статистики). — В кн.: Палеоантропология Сибири. Новосибирск: Наука, 1980.

¹⁷ Costa R. Dental Pathology and Related Factors in Archaeological Eskimo Skeletal Samples from Point Hope and Kodiak Island, Alaska (Dissertation). University of Pennsylvania, Philadelphia, 1977; *idem*. Dental Pathology and Related Factors in Archaeological Eskimo Skeletal Samples from Point Hope and Kodiak Island, Alaska. — Dissertation abstracts international, 1978, v. XXXVIII, № 11; *idem*. Incidence of Caries and Abscesses in Archaeological Eskimo Skeletal Samples from Point Hope and Kodiak Island, Alaska. — Amer. Journal of Phys. Anthropology (New Series), 1980, v. 52, № 4.

суммированы. Рассматривая график, трудно отделаться от впечатления, что группа с ипиутакской культурной традицией, проживавшая на мысе Крузенштерн и оставившая исследуемые погребения, в ряде морфологических особенностей отличалась от других палеоэскимосских групп в определенном смысле так же, как отличалась от них популяция, оставившая богатый ипиутакский культурный комплекс на мысе Хоп. Мож-

Сравнение ипиутакской серии с мыса Крузенштерн с сериями с мыса Хоп. К — Крузенштерн, И — Ипиутак, Т — Тигара. Женские черепа. Расстояние между сериями из Ипиутака и Тигары по каждому признаку принято за 100%

но думать, что если ипиутакская культура была обязана своим появлением проникновению в западную Аляску какого-то населения, чуждого местному этническому пласту, то распространение этого населения не ограничивалось мысом Хоп, а охватывало и более южные районы западного побережья Аляски, включая и мыс Крузенштерн.

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

А. П. Окладников, Л. А. Рагозин

ЗАГАДКА УЛАЛИНКИ*

Сибирь поражает наше воображение не только своими бескрайними просторами, но и колоссальными ресурсами производительных сил. Неуклонно возрастает ее роль в строительстве социалистического общества. И все же главное богатство Сибири — не нефть и газ, алмазы и уголь, многоводные реки и чистейшая в мире байкальская вода¹, а люди, их творческие силы, духовное богатство, мужество. Всем известна стойкость сибиряков в трудные годы Великой Отечественной войны. Поэтому не случаен большой интерес как у нас, так и за рубежом к истории народов Сибири, в которой еще так много неразгаданного. Интерес этот выражается в различных формах и непосредственно связан с классовой идеологией историков, с идеологической борьбой нашего века.

Уже давно ученых волновал вопрос о месте народов Сибири во всемирной истории, об их вкладе в мировую культуру.

Еще в XVII—XVIII столетиях определились разные, нередко контрастно противоположные направления исторической мысли.

Одно из таких направлений — евроцентризм, отражающее идеологию европейских колонизаторов, которые не только поработали, но и всячески унижали народы зависимых стран. Последователи этого направления полагали, что в прошлом русской Сибири не было ничего самобытного. Они никак не могли поверить, например, что найденные в сибирских курганах изделия из драгоценных металлов, отмеченные печатью богатой творческой фантазии и тонкого вкуса, созданы предками проживающих в Сибири «диких и злых язычников».

Столь же реакционное направление представляет собой азиатизм. Его сторонники стремятся преувеличить историческую роль какого-то одного народа Азии за счет принижения роли других, якобы неспособных создавать собственные культурные ценности.

Существует и третье — демократическое направление исторической мысли. В историографии Сибири оно начинается трудами С. П. Крашенинникова, пронизанными гуманным отношением и симпатией к ее народам, уважением к их культуре. Ученый отдавал должное не только стойкости северных племен в борьбе с природой, но и их художественным способностям. С той же верой в творческие силы народов Сибири изучали их историю и культуру и другие прогрессивные русские и зарубежные ученые. Труды историков и археологов, посвященные истокам сибирской истории, восходящим к далекому каменному веку, показали, что Сибирь является родиной своеобразной культуры, положившей начало более поздним культурам, достигшим высокой степени совершенства.

* От редакции. В основу статьи положен доклад авторов, прочитанный на совместном заседании Комзэссы этнографии и геоморфологии Московского филиала Географического общества СССР 20 ноября 1981 г. Проблема, поднятая авторами, весьма дискуссионна и требует дальнейших изысканий.

¹ «В Байкале сосредоточено около $\frac{1}{5}$ мировых запасов поверхностной пресной воды и более 80% пресной воды в СССР». — БСЭ. М.: Сов. энциклопедия, 1970, т. 2, стб. 1579.

Демократическое, прогрессивное направление в исследовании истории народов Сибири получило теоретическое обоснование в ленинской концепции мировой истории, в ленинской национальной политике. Одно из основных ленинских положений гласит, что нет народов неисторических, нет народов без собственной культуры. В советской науке удивительные и загадочные памятники древности на Енисее, например стелы с изображениями и надписями, курганы, огражденные вертикальными каменными плитами, справедливо рассматриваются как реликты очень высокой самобытной культуры, развивавшейся на протяжении длительного времени начиная с палеолита.

С этой точки зрения, большое значение приобретает вопрос об уточнении датировок древних поселений человека на территории Сибири. Еще совсем недавно считалось, что сибирскому палеолиту не более 20—25 тысяч лет. Все изменилось после того, как в 1961 г. на склоне крутого берега речки Улалинки, в черте города Горно-Алтайска — столицы автономной области, была открыта палеолитическая стоянка, не похожая ни на одну из известных ранее. Каменные орудия первобытного человека были представлены здесь булыжниками, лишь частично обработанными грубой оббивкой. Половина или даже две трети такого камня сохраняют первоначальную галечную поверхность, корку. Она снята только на рабочем конце орудия, на самом его лезвии. Человек, не знакомый с технологией того далекого времени, отбросил бы этот камень с дороги, не увидев в нем ничего примечательного. Но специалисту-археологу камень с Улалинки может рассказать многое. Первые обитатели Улалинки изготавливали свои орудия почти исключительно из желтовато-белого кварцита (лишь изредка они использовали гальки черной кремнистой породы). Поэтому палеолит Улалинки можно назвать кварцитовым.

После раскопки Улалинской стоянки было найдено более 600 галечных орудий (вернее, первоорудий!). Это было истинное чудо — соприкосновение с давно исчезнувшим миром, с самым началом человеческой истории, человеческой культуры. Печать своеобразия, выдумки и умелого использования возможностей, которые скрывались в диком камне, лежит и на всем наборе обнаруженных здесь каменных орудий.

Когда же трудились безвестные мастера на крутом Улалинском холме? Чтобы ответить на этот вопрос, одним археологическим наблюдений оказалось мало. Пришлось обратиться за помощью к геологам. Первоначально их мнения в оценке возраста этих находок резко разошлись.

Одни, ссылаясь на относительно небольшую высоту (около 16 м) залегания галечных орудий над уровнем русла Улалинки, соответствующую высоте низкой надпойменной террасы, высказали мнение, что этому стойбищу-каменоломне не более 40 тыс. лет. Другие же, напротив, определили возраст Улалинки в пределах середины самого молодого четвертичного геологического периода, что составляет приблизительно 300—400 тыс. лет. Наконец, специальный консилиум из ведущих геологов-четвертичников Сибирского отделения АН СССР пришел к выводу, что находкам не менее 150—200 тыс. лет. Историкам Сибири было от чего испытать волнение: ведь возраст самых ранних, известных до сих пор следов человеческой деятельности в Сибири не превышал 25 тысяч лет. Теперь же обитаемый период в истории Сибирской земли увеличился в 10 раз. Сказанного достаточно, чтобы перевернуть прежние представления о возрасте пионеров освоения территории Северной Азии, наших отдаленнейших предков. Однако споры о возрасте Улалинки не прекратились.

Весной 1977 г. в Омске проходило торжественное собрание, посвященное столетию Омского отделения Географического общества СССР. Во время обсуждения проблем сибирской археологии авторы высказали предположение о неточности первоначальных сравнительно «молодых» (четвертичный период) датировок Улалинки.

При повторных раскопках на Улалинском холме, проведенных в том же году, наши предположения подтвердились. Под слоем черноземной

почвы — знаменитым плодородным слоем Целинного края — в слое лёссовидных суглинков обнаружено несколько позднелесовых отщепов. Вместе с ними найден датирующий предмет: превосходный остроконечник — клинок, изготовленный из широкой и длинной пластинки кремнистой породы. Такие клинки по геологическим данным точно датируются позднелесовых эпохой — временем мамонта, диких лошадей и бизонов, северных оленей. Ниже лежит плотная серая и бурая глина, лишенная каких-либо культурных остатков.

Но самое интересное оказалось еще глубже. Под серой глинистой толщей залегает слой галечников мощностью до 50 см, рассеянных в золотисто-желтой вязкой глине. Среди кварцитовых галек встречаются и обработанные человеком. Они также погружены в эту яркую глину и органично связаны с ней. Под слоем с галечными орудиями лежит слой таких же глин видимой мощностью до 4 м, в котором содержится редкий щебнистый материал.

Золотисто-желтая глина — вот ключ к решению проблемы возраста улалинских галечных орудий. Прежде всего надо заметить, что ярко-желтые пестроцветные глины не характерны для четвертичных отложений. На юге Сибири в предгорьях Алтая они неизменно сопутствуют более древним слоям и встречаются обычно в осадочных породах дочетвертичного времени.

В районе Улалинок такие пестроцветные глины широко распространены. Местные геологи относят их к нерасчлененным кочковской и павлодарской свитам плиоценовой эпохи неогена. Таким образом, в первом приближении можно было совершенно уверенно утверждать, что улалинским галечным орудиям более 700 тыс. лет, так как они связаны с кочковской свитой позднего плиоцена². На основании целого ряда косвенных соображений, а также анализа палеомагнитных разрезов на юге Западной Сибири не исключалась возможность того, что возраст Улалинок близок к знаменитым находкам Л. Лики в Олдувайском ущелье у оз. Виктория в Африке, которым более 1 млн. лет³.

Наши выводы были подтверждены специальными палеомагнитными исследованиями, проведенными на улалинском раскопе Г. А. Поспеловой и З. Н. Гнибиденко в 1978 г. Существует так называемая шкала палеомагнитной полярности геологических образований, позволяющая в известных пределах оценивать возраст горных пород в абсолютных цифрах. Оказалось, что верхняя сероцветная толща Улалинок относится

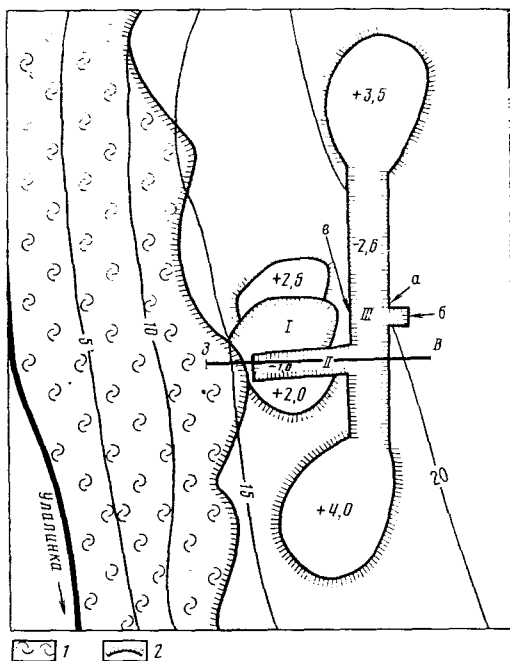

Рис. 1. План раскопок Улалинской стоянки. Масштаб 1:1000. Сечения горизонталей через 5 м. 1 — оползневый склон; 2 — обрыв; I — раскоп 1969—1974 гг.; II — раскоп 1977 г.; III — раскоп 1978 г. а — палеомагнитный разрез 1978 г.; б — палеомагнитный разрез 1979 г.; в — палеомагнитный разрез 1979 г. и место взятия проб на термолюминесцентный анализ; 3 — В — линия геологического разреза (3 — запад, В — восток)

² Окладников А. П., Расозин Л. А. О возрасте Улалинок — древнейшем палеолитическом поселении Сибири — Изв. СО АН СССР. Серия обществ. наук, 1978, № 6, в. 2.

³ См. Окладников А. П. Открытие Сибири. М.: Молодая гвардия, 1979, с. 36, 37.

ся к четвертичному периоду, т. е. к прямой палеомагнитной зоне, сопоставляемой с частью так называемой зоны Брунес. Нижняя часть этой толщи образовалась около 300 тыс. лет назад и связана с местной краснотуберской свитой четвертичного периода. Подстилающие сероцветную толщу яркие охристо-желтые пестроцветные глины с культурным слоем галечных орудий образуют более древнюю обратную палеомагнитную зону, которая может быть отнесена к зоне Матуяма или к зоне Гильберта. Обе эти зоны датируются поздним плиоценом.

Повторные палеомагнитные исследования, проведенные в 1979 г. теми же учеными, вновь подтвердили наши выводы. Кроме того, был непосредственно опробован сам культурный слой с галечными орудиями. Четкая граница между глинами верхней четвертичной толщи и галечниковым горизонтом пестроцветных глин нижележащей плиоценовой

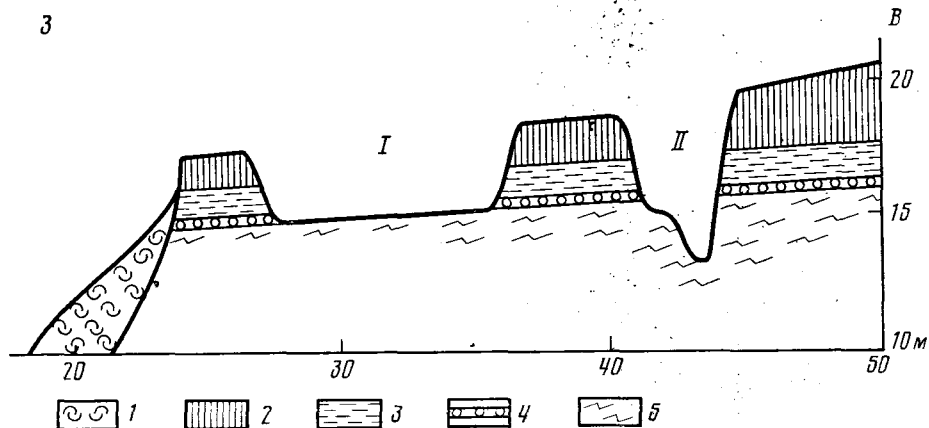

Рис. 2. Схема геологического разреза Улалинской стоянки. 1 — оползневый склон; 2 — суглинок буровато-серый, поздний плейстоцен; 3 — глина серовато-бурая, средний плейстоцен; 4 — галечник ярко-желтый с галечными орудиями, поздний плиоцен (кочковская свита); 5 — золотисто-желтая глина, поздний плиоцен (кочковская свита); I — раскоп 1969—1974 и 1977 гг.; II — раскоп 1978 г. По горизонтали указаны расстояние от русла Улалинки (в метрах); по вертикали — высота над уровнем Улалинки

толщи, проходящая выше культурного слоя с галечными орудиями, свидетельствует о принадлежности последнего к кочковскому горизонту, который формировался в интервале от 3,32 млн. до 0,7 млн. лет⁴.

Значительное расхождение наших датировок с датировками предшествующих исследователей объясняется, видимо, тем, что они не производили глубоких раскопок, а работали лишь на склоне Улалинского холма, закрытого оползнями, искажающими стратиграфию. Кроме того, их выводы не проверялись палеомагнитным и термолюминесцентным анализами. Так, С. М. Цейтлин, замеряя слои по оползневому склону, определил мощность всей рыхлой толщи в 16 м, культурный слой поместил в ее верхней части, а кочковскую свиту в разрезе выявить не сумел⁵.

Проводимые нами раскопы выше по склону холма, где рыхлая толща находится в первичном, коренном залегании, показали, что ее суммарная видимая мощность не превышает 6 м. В нижней части толщи залегает кочковская свита, с которой связан культурный слой с галечными орудиями. В этих раскопах нами и взяты образцы для определения возраста. Здесь видны четкая граница и резкие морфологические различия между четвертичной сероцветной толщей и нижележащей пестроцветной плиоценовой толщей с галечными орудиями. Мы убедились,

⁴ Поспелова Г. А., Гнибиденко З. Н., Окладников А. П. О возрасте поселения Улалинка по палеомагнитным данным. — В кн.: Археологический поиск (Северная Азия). Новосибирск: Наука, 1980, с. 3—10.

⁵ Цейтлин С. М. Геология палеолита Северной Азии. М.: Наука, 1979, с. 73—77.

что четвертичная сероцветная толща не содержит подобного галечно-го материала, он связан исключительно с кочковской свитой.

Сопоставление исследуемого разреза с рядом палеомагнитных разрезов юга Западной Сибири, позволяет уточнить стратиграфическое положение галечных орудий Улалинки (табл. 1). Верхняя часть кочковского горизонта на юге Западной Сибири обычно лишена слоев пестроцветных глин, нижняя часть его относится к прямой палеомагнитной зоне Гаусса. Улалинские слои кочковского горизонта, как указывалось выше, принадлежат к обратной палеомагнитной зоне Матуяма. Поэтому они не могут соответствовать нижней части этого горизонта. Если исключаются верхние и нижние слои, то остается сделать вывод о принадлежности галечных орудий к средней части кочковского горизонта, к так называемым подпуск-лебяжынским слоям, образованным приблизительно от 2,5 млн. до 1,5 млн. лет назад.

Такое заключение было подтверждено термолюминесцентным анализом, проведенным А. И. Шлюковым, руководителем группы геохронологии Географического факультета МГУ. Этот метод определения абсолютного возраста основан на способности минералов люминесцировать при нагревании. Обычно такой эффект создается кварцем, который часто является порообразующим минералом. Оказалось, что культурному слою с улалинскими галечными орудиями более 1,5 млн. лет. Совпадение данных трех методов — стратиграфического, палеомагнитного и термолюминесцентного однозначно свидетельствует о верхнеплиоценовом возрасте Улалинской стоянки⁶. Какой же была палеогеографическая обстановка того времени?

По данным Э. А. Вангенгейм⁷, в Западной Сибири в позднеплиоценовых подпуск-лебяжынских слоях обнаружена богатая фауна, аналогичная ханжовскому комплексу Восточной Европы и средневилафранкской фауне Западной Европы. Подпуск-лебяжынская фауна, в состав которой, возможно, входил улалинский человек, характеризуется обилием лошадей (в частности, *Equus ex gr. stenonis*) и значительным числом слонов (*Archidiscodon*). Встречаются в огромном количестве корнезубые полевки (*Mimomys pliocaenicus*, *M. coelodus*, *M. reidi*, *Villanyia retenyii*). Кроме того, установлена широкая адаптивная радиация всех групп предшествующей стадии, а также эволюционные изменения на

Рис. 3. А. П. Окладников на раскопках Улалинки. Виден геологический разрез восточной стенки раскопа 1978 г. III — поздний плейстоцен, суглинки; II — средний плейстоцен, серовато-бурая глина; *N₂ks* — поздний плиоцен, кочковская свита, золотисто-желтая глина с прослоем галечника в верхней части, содержащего галечные орудия

⁶ Рагозин Л. А. Древнейшему поселению Сибири — 1,5 млн. лет? — Природа, 1982, № 1.

⁷ Вангенгейм Э. А. Палеонтологическое обоснование стратиграфии антропогена Северной Азии (по млекопитающим). М.: Наука, 1977.

Таблица 1

Сопоставление геологических разрезов Улалинки и других территорий

Возраст, млн. лет	Палеомагнитная эпоха	Геологический возраст		Геологические разрезы		Находки в Африке (по Ж. Ки-Зербо)	
				Юг Западной Сибири	Улалинка	орудия	возраст, млн. лет
0,69	Брюнес (нормальная)	Четвертичный		Лёссовидные суглинки	Лёссовидные суглинки	Отбойники	0,2
				Краснодубровская свита	Краснодубровская свита	Ручные рубила	
2,43	Матуяма (обратная)	Неоген	поздний плиоцен	эпивиλλαфранк	раздолинские слои	Перерыв в осадконакоплении	1,5
				вилафранк	кизихинские слои		
					подпуск-лебяжьи-ские слои	Галечные орудия в кочковатом горизонте	2,5
3,32	Гаусс (нормальная)		средний плиоцен	нижний	бетекейские слои	Кварцевые пластины	3,0
	Гильберт (обратная)			русцинский	Верхи павлодарского горизонта	Естественные орудия	

овные виды, которые могли захватить и далеких предков улалинских гоминид. Отметим, что лошади в Западную Сибирь пришли в начале кочковского времени из Северной Америки, а слоны — из Африки.

Подобные, хотя и отдаленные связи между Сибирью и Африкой заставляют вспомнить и другие факты. Например, культура галечных орудий Африки датируется, по Ж. Ки-Зербо⁸, временем от 2,5 млн. до 1,5 млн. лет, удивительно совпадающим с возрастом средней толщи кочковского горизонта, к верхней части которой относятся улалинские галечные орудия. Аналогичные галечные орудия найдены в Китае, причем вместе с двумя резцами зубов гоминид. Это так называемый «человек из Юаньмоу». Его возраст, по палеомагнитным данным, от 1,5 млн. до 3,1 млн. лет; принята дата в 1,7 млн. лет⁹. Таким образом, география распространения галечных орудий все более расширяется. Они известны от Эфиопии до Южной Африки, от Индии и Китая до Индонезии. Теперь к этому большому ареалу присоединяются предгорья Алтая. Об этом со всей очевидностью свидетельствует тот факт, что древнейшая улалинская культура не исчезла бесследно. Она послужила основой для развития более поздних палеолитических культур Сибири, сохранивших в каменном инвентаре следы своего происхождения почти до бронзового века. Предгорья Алтая входили в область захоронения «человека умелого» — не «разумного», а именно «умелого», овладевшего искусством изготовления галечных орудий.

В период позднего плиоцена на широкой полосе саванн и пустынь юга Западной Сибири преобладал теплый климат с умеренной влажностью¹⁰. Организм человека оптимально приспособлен к такому климату. Активизация процессов горообразования в начале кочковского времени¹¹ сопровождалась значительными изменениями окружающей среды, приведшими, как считает К. К. Флеров¹², к глобальной перестройке териофауны этой территории. Этапы эволюции древнего человека всегда совпадали с этапами глобальных изменений животного мира. По мнению И. К. Ивановой¹³, основная роль в эволюции гоминид на разных стадиях антропогенеза принадлежала усилению геологической активности, изменениям рельефа поверхности, климата. Улалинка расположена в геологически активном районе, где тектонические движения в зоне разлома земной коры создавали повышенный радиационный фон. Может быть, повышенная радиация способствовала ускорению случайных мутаций, с которыми В. П. Алексеев¹⁴ связывает процесс человеческой эволюции.

Наряду с появлением новых видов в составе подпуск-лебяжьиного комплекса фауны могли также образовываться новые популяции и у наших человеческих предков. Трудно сказать, в какой степени эти популяции отличались от родительских исходных форм. Неизвестно также, выходили ли отличительные черты новых популяций за пределы видовых признаков. Ясно лишь, что в истории развития человека установлен очень важный факт: появление в Сибири его нового вида, умеющего изготавливать галечные орудия. При этом возникает естественный вопрос: пришелец или абориген этот улалинский человек? Попробуем рассмотреть доводы в пользу того и другого предположения.

⁸ Ки-Зербо Ж. Кольбель человечества.— Курьер ЮНЕСКО. Сентябрь — октябрь, М., 1979.

⁹ Рагозин В. Е. Открытие в Ланьтяне.— Изв. СО АН СССР. Серия обществ. наук, 1970, № 3.

¹⁰ Бурба В. И., Дедков А. П., Ясонов П. Г. О возрасте сыртовых глин Заволжья по палеомагнитным данным — Докл. АН СССР, 1976, т. 242, № 4, с. 895—897.

¹¹ Рагозин Л. А. Фазы неотектоники в геоморфологическом развитии Западно-Сибирской равнины.— Вопр. географии Сибири. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1980, в. 13.

¹² Флеров К. К. О перестройке териофауны северного полушария в плейстоцене.— Докл. АН СССР, 1979, т. 246, № 4, с. 971—973.

¹³ Иванова И. К. Геолгия, климат и эволюция человека.— В кн.: Геология четвертичного периода. Инженерная геология. Гидрогеология аридной зоны. М.: Наука, 1976.

¹⁴ Алексеев В. П. Последовательные шаги эволюции.— За рубежом, 1981, № 11 (1080), с. 20—21.

Палеонтологические находки свидетельствуют о том, что палеоазиатский человек в Африке — несомненный абориген. Его филогеническое древо своими корнями уходит в далекое геологическое прошлое. В Африке найдены почти все звенья цепи, связывающие «человека разумного» с гоминидами и предгоминидами. В Сибири находки гоминид пока неизвестны, и логично предположить, что улалинский человек — пришелец, мигрировавший из Африки, может быть, даже вместе со слонами. Э. А. Вангенгейм¹⁵ считала, что скорость расселения млекопитающих очень велика, по геологическим масштабам времени почти мгновенна. Это объясняется экологической пластичностью большинства млекопитающих вследствие их высокой физиологической приспособляемости.

Отсутствие находок гоминид связано, возможно, с неблагоприятными геологическими условиями для сохранения костных остатков. В частности, здесь нет обширных неогеновых эффузивных покровов, хорошо защищающих палеонтологические остатки от разрушения. Согласно закону геологической ретроспективы¹⁶, неполнота геологической летописи возрастает по мере углубления в геологическое прошлое, каким в данном случае является дочетвертичное время.

Таким образом, можно теоретически допустить вероятность обитания в Сибири гоминид, тем более что палеогеографические условия были вполне благоприятны для этого. Кроме того, следует учесть, что на территории Сибири задолго до подпуск-лебяжьиного комплекса отмечены были не менее богатые фауны, например гиппарионовая, павлодарская, карабулакская, бетекейская, в составе которых могли находиться биоценозы с гоминидами и их предками.

Чтобы все это проверить и однозначно ответить на поставленный вопрос, необходимы дальнейшие исследования, и не только района Улалинской стоянки. Надо организовать планомерные поиски галечных орудий и палеонтологических остатков гоминид и их предков за пределами Улалинки на определенных стратиграфических уровнях плиоцена. Наибольший интерес представляют уровни кочковского горизонта, в слоях которого могут оказаться остатки не только улалинского «человека умелого», но и его возможных предков и потомков. Сам кочковский горизонт и его стратиграфические аналоги имеют четкую палеонтологическую и палеомагнитную характеристики. Поэтому он достаточно хорошо распознается в полевых условиях.

Подстилающими отложениями кочковского горизонта являются породы ранне- и среднеплиоценовой павлодарской свиты, характеризующейся очень богатой гиппарионовой фауной, выделенной в качестве павлодарского комплекса. На Африканском континенте, как известно, в составе фауны, близкой по облику плиоценовой, найдены гоминиды. Среди них привлекает внимание кенияпитек, возраст которого 12 млн. лет. От него, как считают некоторые ученые, ведет свое начало род Номо. Геологический возраст нижнего слоя павлодарской свиты, если ориентироваться на время широкого расселения гиппарионов, — около 12,5 млн. лет, т. е. почти совпадает с датой возникновения кенияпитека. Представители семейства гоминид, по мнению М. И. Урысона¹⁷, появились 14 млн. лет назад в позднем миоцене. Все это дает основание предполагать наличие в отложениях павлодарской свиты гоминид, могущих быть далекими предками улалинского «человека умелого». В богатейших костеносных слоях павлодарской свиты, содержащих свыше 60 видов млекопитающих, необходимо тщательно искать и костные остатки предков человека. Один из разрезов павлодарской свиты находится на правом берегу Иртыша у г. Павлодара, вблизи железнодорожного мос-

¹⁵ Вангенгейм Э. А. Указ. раб.

¹⁶ Рагозин Л. А. Литогенез неотектонического этапа Западно-Сибирской плиты и закономерности геологической ретроспективы. — В кн.: Геология и минерально-сырьевые ресурсы Западно-Сибирской плиты и ее складчатого обрамления. Тюмень, 1980, с. 71–73.

¹⁷ Урысон М. И. Истоки семейства гоминид в свете данных палеоприматологии. — В кн.: Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене. М.: Наука, 1974.

та. Этот разрез неоднократно описывался специалистами¹⁸. Стратиграфические аналоги павлодарского комплекса в Сибири широко распространены.

Ближайших предков улалинского человека можно ожидать в более древнем бетекейском комплексе, характерном для нижней части кочковской свиты. Бетекейские слои на правом берегу р. Бетеке, в 1,5 км ниже устья р. Кызыл-Айчир подробно описаны В. С. Зыкиным¹⁹. Из других пунктов надо отметить Острую Сопку на левом берегу Иртыша против устья р. Убы. Кроме того, подобная фауна встречается в красноцветных породах вторушинской свиты, в иртышской и селетинской свитах. В Забайкалье возможным аналогом этой фауны является чикойский комплекс. Очень близка к последнему фауна свиты Шамар в долине Орхона в Северной Монголии (табл. 2).

Чтобы в наших поисках идти от уже известного к предполагаемому, может быть целесообразнее начать изучение с подпуск-лебяжьиных слоев, к которым, по-видимому, относятся улалинские галечные орудия. В то или близкое к нему геологическое время гоминиды в Сибири, судя по улалинским галечным орудиям, жили несомненно, и, вероятно, не только в районе Улалинки. Поэтому подпуск-лебяжьиным отложениям и их ископаемой фауне необходимо уделить наибольшее внимание. Подпуск-лебяжьиная фауна найдена в Западной Сибири на правом берегу Иртыша у сел Подпуск и Лебяжье. Геологический разрез этого обнажения охарактеризован Р. А. Зиновой²⁰. Обнаружена она и в ряде мест по Иртышу (от с. Хором до с. Лебяжье), на Оби (в гравийном карьере Дурной Лог на окраине г. Камень), в бассейне р. Алей (с. Троицкое). На Алтае в Зырянском районе в образцах из буровых скважин, пройденных в верхней части вторушинской свиты, В. С. Зажигин²¹ нашел костные остатки мелких млекопитающих, относящихся к подпуск-лебяжьиному комплексу. В Восточной Сибири к этому комплексу Э. А. Вангенгейм относит фауну Подтока, обнаруженную в карьере у с. Подток на левом берегу р. Унгуры, где вскрываются красно-бурые пески и галечники с глинистым цементом.

Потомков улалинского «человека умелого» надо искать в более «молодых» комплексах фауны кочковского горизонта, таких, как кизихинский (у с. Кизиха в бассейне р. Алей), сопоставляемый Э. А. Вангенгейм с одесским. В Восточной Сибири к этому комплексу она относит фауну из карьера у с. Малые Голы на р. Анге²². В Забайкалье аналогичная фауна встречена на правом берегу р. Уды в районе улуса Додогол, среди пестроцветных красно-бурых глин и суглинков. Самый верхний в кочковском горизонте раздолинский комплекс хорошо сопоставляется с таманским. Эта фауна найдена у с. Раздолье на р. Улей.

Кочковский горизонт перекрывается осадками красnodубровской свиты и ее стратиграфическими аналогами²³. В нижней части красnodубровской свиты выделен вятский комплекс фауны (типовое местонахождение — у с. Вяткино близ г. Барнаула), имеющий раннеплейстоценовый возраст. По мнению Э. А. Вангенгейм²⁴, он близок тираспольскому восточноевропейской фауне и западноевропейским фаунам, относимым к минделю. В Забайкалье вятскому комплексу соответствует толгогский, найденный на горе Толгой в 12 км от Улан-Удэ, в верхней части «средней толщи», залегающей с размывом на красноцветных глинах

¹⁸ См., например, Зыкин В. С. Стратиграфия и униониды плиоцена юга Западно-Сибирской равнины.— Тр. Ин-та геол. и геофиз. СО АН СССР. Новосибирск: Наука, 1979, в. 369.

¹⁹ Там же.

²⁰ Зинова Р. А. Плистен севера Центрального Казахстана.— В кн.: Кочковский горизонт Западной Сибири и его возрастные аналоги в смежных районах. Новосибирск: Наука, 1980, с. 52—61.

²¹ Зажигин В. С. Млекопитающие и кочковский горизонт.— В кн.: Кочковский горизонт..., с. 19—44.

²² Вангенгейм Э. В. Указ. раб.

²³ Мартынов В. А. Кочковский региональный горизонт.— В кн.: Кочковский горизонт..., с. 120.

²⁴ Вангенгейм Э. А. Указ. раб.

Таблица 2

Стратиграфические подразделения кочковского горизонта юга Западной Сибири и других территорий

Геологический возраст				Комплексы фауны		Регионы						
				восточноевропейские	западносибирские	юг Западной Сибири	Рудный Алтай	Центральный Алтай	Восточная Сибирь	Забайкалье	Монголия	
Четвертичный	Плейстоцен	Миндель	Баку	Тираспольский	Вяткинский	Краснодубровская свита		Башкауская свита	Олёр, Вилуй	Тологой	Гошу	
Неоген	Плиоцен	верхний	Кромер	Апшерон	Карай—Дубина	Кочковский горизонт	Верхние слои вторушинской свиты		Башкауская свита	Алданский	Кудун	Туин-Гол
			Эпивиллафранк		Таманский			Раздолнинский		Малые Голы III, (верх ангинской свиты)	Итацин	
			Виллафранк		Одесский			Кизилхинский		Малые Голы I—II, (середина ангинской свиты)	Додогол	
				Акчагыл	Хапровский			Подпуск-лебяжьиинский (Улалинка)	Бекенская свита	Фауна Подтока (основание манзуровской свиты)		
					Молдавский		Бетекейский			Чикойский (Береговой)		
			средний		Русциний		Киммерий	Гиппариновый		Новостаничный	Павлодарский горизонт	

чикойской свиты. Тологойский комплекс интересен тем, что является, как полагает Вангенгейм, несомненным аналогом синантроповой фауны Северного Китая и таким образом определяет тот стратиграфический интервал, на котором в Сибири можно искать следы обитания синантропа. Не исключена возможность того, что синантроп произошел от улалинских гоминид.

В кочковское время в Северной Азии четко выделялись два палеозоогеографических района, которые могут рассматриваться как две подобласти Палеоарктической области. Это — Центральноазиатская, охватывающая Северный Китай, Монголию, Забайкалье, и Европейско-Сибирская²⁵. Фауна Западной Сибири — промежуточная между Центральноазиатской и Европейской, но с явным преобладанием по видовому составу европейских форм. Отсутствие значительных различий между палеозоогеографическими районами, возможно, объясняется более теплым климатом того времени и в связи с этим менее резкими отличиями в условиях обитания на территории Сибири и Европы. Несмотря на местные особенности, комплексы фаун млекопитающих вполне сопоставимы даже на удаленных друг от друга территориях. Гомотаксис в фауне млекопитающих в данном случае свидетельствует об их синхронности, что хорошо объясняет очень широкое распространение некоторых особо активных, экологически пластичных гоминид, оставивших галечные орудия на огромной территории двух континентов — Азии и Африки.

Намеченная программа поисков следов гоминид в Сибири очень сложна, но, несомненно, реальна. Вероятность таких находок в силу закона геологической ретроспективы весьма мала, однако она есть. Теперь известны направления исследований, районы и стратиграфические уровни поисков. Работа предстоит огромная и напряженная. Она потребует квалифицированных исполнителей — специалистов многих научных дисциплин — геологов, палеонтологов, археологов, этнографов, антропологов, тесного сотрудничества ученых естественных и гуманитарных наук, полной отдачи сил, настойчивости в достижении поставленной цели. В научном поиске не может быть неудачи: любые результаты важны, ибо они дадут определенный ответ на вопрос о том, являлись гоминиды Улалинки пришельцами или они были аборигенами. А это имеет огромное значение для науки.

²⁵ Вангенгейм Э. А. Указ. раб.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФОРУМ УЧЕНЫХ (к предстоящему XI Международному конгрессу антропологических и этнологических наук)

XXVI съезд КПСС уделил внимание проблемам развития общественных наук и сотрудничеству Советского Союза с зарубежными странами¹.

Одной из форм сотрудничества являются международные форумы ученых — конгрессы. Они вносят важный вклад в дело мира, укрепляют контакты и взаимопонимание между учеными различных стран, способствуют поднятию престижа советской науки и пропаганде марксистско-ленинских идей за рубежом.

Международные конгрессы антропологов и этнологов проводятся с 1934 г.²; их работа осуществляется на основе устава Международного союза антропологических и этнологических наук (МСАЭН). С 1946 г. Союз находится под эгидой Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), созданной с целью содействия миру и международной безопасности путем развития сотрудничества между государствами в области просвещения, науки и культуры.

Согласно уставу МСАЭН, под антропологическими и этнологическими (этнографическими) науками понимаются все дисциплины, которые ставят своей задачей изучение человека, а именно: изучение рас, народов и цивилизаций. В соответствии с этим к участию в конгрессах помимо этнологов (этнографов) и физических антропологов³ широко привлекаются специалисты смежных дисциплин — историки, биологи, археологи, фольклористы, лингвисты, демографы и др., что позволяет рассматривать на конгрессах широкий комплекс проблем, связанных с изучением человека и человеческого общества на разных этапах его истории: от древних до современных.

Очередной, XI Международный конгресс антропологических и этнологических наук (МКАЭН) состоится в августе 1983 г. в Канаде.

Канада принадлежит к числу развитых государств капиталистического мира и отличается многонациональным составом населения. Население Канады (24 млн. чел.) составляют две основные нации — англоканадская и франкоканадская — и многие национальные меньшинства, в том числе и коренные жители страны — индейцы и эскимосы. Относительная многочисленность в составе национальных меньшинств страны этнических групп славянского происхождения, включающих, в частности, более 1 млн. украинцев и русских, и резкие различия политического и идеологического характера внутри таких этнических групп могут придать особую актуальность и политическую значимость участию советских ученых в конгрессе. Несомненно, что научные и общественные контакты канадских ученых с прогрессивными учеными мира и представителями советской науки будут стимулировать ученых к разработке актуальных проблем современности, в том числе к изучению социальных отношений как главного фактора в жизни общества.

Особенностью конгресса является то, что он будет проходить в два этапа: с 14 по 17 августа в г. Квебеке и с 20 по 25 августа в г. Ванкувере.

Президент XI конгресса, канадский ученый и президент Международного союза антропологических и этнологических наук Сирил С. Белшоу⁴ в статье «Всемирный конгресс и канадский опыт»⁵ отмечает, что при определении места для проведения

¹ Материалы XXVI съезда КПСС. М.: Политиздат, 1981, с. 145—146.

² I — 1934 г. (Лондон); II — 1938 г. (Копенгаген); III — 1948 г. (Брюссель); IV — 1952 г. (Вена); V — 1956 г. (Филадельфия); VI — 1960 г. (Париж); VII — 1964 г. (Москва); VIII — 1968 г. (Токио); IX — 1973 г. (Чикаго); X — 1978 г. (Дели); I Интерконгресс МСАЭН — 1981 г. (Амстердам).

³ В советской науке термином «антропология» обозначается лишь физическая антропология; термин «этнография» совпадает по значению с принятым в западной науке понятием «культурная и социальная антропология», а также «этнология».

⁴ Согласно уставу МСАЭН, президентом конгресса избирается ученый из той страны, в которой он проводится.

⁵ Belshaw C. S. The World Congress and a Canadian Experience.— Current Anthropology, 1981, v. 22, № 6.

конгресса его организаторы руководствовались желанием отойти от сложившейся традиции, на основании которой принято судить о Канаде по крупным промышленным городам, таким, как Оттава, Монреаль, Торонто, и показать участникам конгресса жизнь населения многонациональной федерации со всех сторон, представляющих интерес для антропологов.

В системе организации конгресса отразится дуальный характер Канады. Первый этап конгресса будет проведен в Квебеке — административном центре провинции Квебек, в котором живут франкоканадцы. Это город франкоязычной культуры на североамериканском континенте, центр общественно-политической деятельности франкоканадского национального движения.

Ванкувер, где состоится второй этап конгресса, — центр провинции Британской Колумбии, с большим числом иммигрантов азиатского и европейского происхождения. В провинции проживают русские духоворы и другие славянские группы.

Национальный Комитет Канады, выступавший в роли Центрального организационного комитета, закончил подготовительную работу. По предварительным данным, на конгресс приедут ученые более чем из 100 стран, в работе первого этапа примет участие до 1500 делегатов, а во втором — до 5000. Канадскую делегацию представят ученые от Национальной ассоциации социологов и антропологов, Национального этнологического общества, Национальной археологической ассоциации общества зарубежной археологии, Ассоциации физической антропологии. В делегацию войдут ведущие специалисты университетов, музеев и других научных учреждений Канады.

Главная тема XI конгресса — «Антропология и общество: распространение научных идей антропологии среди широкой общественности». Основное внимание ученых будет сосредоточено на значении антропологии и этнологии для современной идеологии, теории и практики общественного развития, на вопросах осознания народами мира культурного наследия и общечеловеческого права на мир и труд.

Научную программу конгресса составят пленарные заседания, симпозиумы, встречи проблемных комиссий МСАЭН, показ научных фильмов, организация книжных выставок, неофициальные встречи членов антропологической ассоциации Канады с участниками конгресса. В соответствии с традицией к работе конгресса приурочиваются заседания, связанные с деятельностью Международного союза антропологических и этнологических наук — Исполкома Постоянного совета и Генеральной ассамблеи.

На открытии конгресса, которое состоится в Квебеке, в помещении Лавальского университета, предполагаются выступления ведущих антропологов мира и приветствие от местных организаций. Кандидатуры для выступлений с приветственными речами выдвигаются местными оргкомитетами и будут утверждаться Национальным организационным комитетом Канады.

Тема симпозиумов в Квебеке — «Значение антропологии для идеологии, теории и практики»: как научные идеи антропологов пересекают границы своей дисциплины, какое они оказывают влияние на внешний мир и, с другой стороны, какие внешние влияния (идеологические, политические и научные) оказывают воздействие на развитие антропологии.

В Ванкувере, где в помещении университета Британской Колумбии состоится второй этап конгресса, пройдет основная часть симпозиумов и церемония закрытия конгресса.

Чтобы достичь наибольшей эффективности в работе конгресса, планируется организовать предконгрессные симпозиумы, практика проведения которых положительно зарекомендовала себя на IX и X конгрессах. Они будут работать в течение 3 дней, в различных центрах Западной и Восточной Канады. Специальная комиссия по итогам работы предконгрессных симпозиумов отберет наиболее интересные темы для обсуждения на открытых сессиях в Ванкувере.

Темы, намечаемые для обсуждения на симпозиумах, весьма разнообразны и охватывают широкий круг проблем о человеке и обществе. Многие из них предложены проблемными комиссиями МСАЭН. Например: «Генезис и эволюция пищевого поведения в различных обществах», «Перемены и консервативные моменты в жизни мигрантов и малых народов», «Город и недоедание в современном мире. Биологические и социальные аспекты» — заявлены по инициативе комиссии по антропологии пищи и питания. Идея симпозиума под названием «Третий мир в качестве создателя новой антропологии» принадлежит комиссии МСАЭН по развитию общин в странах третьего мира. Симпозиум рассчитан на координирование антропологических исследований и обобщение опыта по изучению природы и статуса непривилегированных общин в со-

циальной, политической, экономической, культурной среде различных стран. Предполагается дискуссия о месте отстающих в своем развитии общин в социально-классовой структуре соответствующих стран, а также по вопросу о демографических тенденциях и возрастании этничности среди непривилегированных общин. Важное место в обсуждении займут проблемы модернизации, урбанизации в странах третьего мира и их влияние на непривилегированные общины.

Широкую научную проблематику рекомендует комиссия МСАЭН по безотлагательным проблемам антропологии. Так, в центре внимания рекомендованного комиссией симпозиума находится проблема методики и фиксации быстро исчезающих черт национальной культуры этнических групп и путей оказания конкретной помощи народам, которым угрожает насильственная аккультурация.

Представители региональных центров (Афро-американский, Афро-бразильский и др.), созданных по инициативе Международного совета по философии и гуманитарным наукам, знакомят участников симпозиума с долгосрочными программами по сравнительному изучению и сохранению традиционной культуры малых народов, по оказанию помощи этническим группам, находящимся на грани исчезновения. В центре внимания будут находиться современные социальные проблемы, связанные с тем, что целый ряд народов живет в условиях голода, безработицы и инфляции, практически лишен медицинской помощи и возможности получить образование. В работе симпозиума примут участие антропологи Анголы, Австрии, ФРГ, Индии, Кении, Нигерии, Верхней Вольты, США.

По предварительному списку на различных симпозиумах будет обсуждено 95 тем, что убедительно доказывает дальнейшее расширение масштабов международного сотрудничества в области антропологических и этнологических наук, включение в него все большего числа ученых из социалистических и развивающихся стран. Тематика симпозиумов свидетельствует об усилении внимания ученых к социальным проблемам, волнующим человечество, и о расширении конкретных исследовательских сфер антропологии и этнологии.

Советские ученые принимают участие в Международном союзе антропологических и этнологических наук с 1956 г.⁶ Институт этнографии АН СССР является коллективным членом МСАЭН. Директор института академик Ю. В. Бромлей избран вице-президентом МСАЭН. Советские специалисты входят в состав его руководящих и рабочих органов, являются членами Исполкома и проблемных комиссий. Целенаправленное и активное участие советских этнографов в работе Союза и конгрессов постоянно способствует повышению международного авторитета советской науки и распространению марксистско-ленинской идеологии.

В соответствии с предложением Центрального организационного комитета XI Конгресса МСАЭН советский Оргкомитет заявил тему симпозиума — «Роль социальных факторов этнических процессов в современном мире» — и приступил к подготовке научной программы участия советских ученых в намечаемом конгрессе.

Круг вопросов, который будет рассмотрен в докладах советских ученых, весьма широк. Это прежде всего доклады по теоретическим и практическим проблемам этнографии, тесно связанные с осуществлением задач, поставленных XXVI съездом КПСС, и имеющие прямое отношение к центральной теме конгресса. В докладах будет отражена точка зрения советской науки по ряду дискуссионных вопросов, связанных с теорией этноса и этническими процессами в современном мире. В них найдет отражение научно обоснованное разоблачение теории и практики современного расизма и буржуазного национализма, попытки обоснования расизма на антропологических и этнографических материалах.

Мировая научная общественность проявляет большой интерес к практическому осуществлению идей социализма. Программа участия советских этнографов в работе конгресса предполагает широкое и всестороннее освещение исторического опыта решения национального вопроса в СССР, развития ранее отсталых национальных районов, народы которых в советское время достигли громадных успехов в социально-эко-

⁶ Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук. Т. I—II. М., 1968—1970; Арутюнов С. А., Аверкиев Ю. П., Бромлей Ю. В. VIII Международный конгресс антропологических и этнографических наук.— СЭ, 1969, № 1; Аверкиев Ю. П., Бромлей Ю. В. IX Международный конгресс антропологических наук.— СЭ, 1974, № 1; Бромлей Ю. В., Козлов В. И. X Международный конгресс антропологических и этнологических наук.— СЭ, 1979, № 3; Бромлей Ю. В., Кузьмина Л. П. I Интерконгресс Международного союза антропологических и этнографических наук (Нидерланды, 20—27 апреля 1981 г.).— СЭ, 1982, № 1.

номическом и культурном развитии, и преимуществ советского образа жизни, характерной чертой которого являются дружественные межнациональные отношения. Советские специалисты в своих докладах и в дискуссиях покажут итоги научного сотрудничества с учеными социалистических и развивающихся стран в области изучения самобытных национальных, исторических, культурных и других особенностей каждого из народов и общих черт и закономерностей, характерных для народов тех государств, которые избрали демократический, социалистический путь развития. В научную программу симпозиума «Проблемы старения и общество» будет включена практически значимая для всех народов мира проблема «Феномен долгожительства». Итоги многолетней междисциплинарной кооперации ученых республик СССР будут освещены в свете решений XXVI съезда КПСС о необходимости осуществления системы мер по увеличению продолжительности жизни и трудовой активности людей.

Советский Оргкомитет ставит задачу, чтобы наши доклады были включены в программу большинства планируемых симпозиумов. Наиболее важны в дискуссионном отношении, в плане защиты идей научного коммунизма и практики социалистического строительства симпозиумы: «Концепция и опыт сохранения культурного наследия», «Эпистемология и метод в марксистской антропологии», «Антропология и колониализм», «Политическая вовлеченность антропологов», «Междисциплинарный подход к оценке этничности», «Этнические меньшинства в национальных государствах», «Структурализм и марксизм», «Этническое самосознание», «Европейский этнологический атлас», «Полевые исследования в Советском Союзе», «Антропология и смежные науки», «Антропология войны», симпозиум по исторической этнологии, по шаманизму и др.

Советские ученые примут участие в дискуссиях по докладам зарубежных авторов и теоретическим проблемам.

Одной из главных задач, стоящих перед советской делегацией, явится пропаганда достижений советской науки, ее высокого идейно-теоретического уровня, борьба за прогрессивные идеи в науке против расистских и националистических тенденций. Советские делегаты покажут тесную связь науки с практикой социалистического строительства в нашей стране, продемонстрируют на конкретных примерах успехи социалистических преобразований в культуре и быте народов СССР, развитие и сближение социалистических наций и народностей, торжество ленинской национальной политики.

Весьма важным аспектом деятельности советской делегации на конгрессе явится участие советских представителей — членов Постоянного совета Международного союза антропологических и этнологических наук в работе этой организации — заседаниях Исполкома, Постоянного совета и Генеральной ассамблеи МСАЭН. На заседаниях Исполкома Постоянного совета и Генеральной ассамблеи будут решены вопросы научно-организационной деятельности союза в период между конгрессами, проведены выборы руководящих органов МСАЭН, утверждены составы национальных делегаций в Постоянном совете, обсуждены и приняты изменения в уставе союза.

Международные научные связи советских этнографов с деятелями науки зарубежных стран основываются на ленинском принципе мирного сосуществования государств с различными социально-экономическими системами. «Наука требует учета опыта других стран», — писал В. И. Ленин⁷. В свете этого научные и общественные контакты советских специалистов с учеными разных стран и знакомство с основными исследованиями канадских антропологов, несомненно, представляют большой интерес и будут способствовать взаимопониманию и установлению более тесных научных связей советских ученых с прогрессивными учеными.

Л. П. Кузьмина, Т. А. Воронина

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 65.

СИМПОЗИУМ «ВОПРОСЫ КОМПЛЕКСНОГО ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕЙ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ» (этногенетический аспект)

9—10 июня 1981 г. в Ленинградском университете проходил симпозиум «Вопросы комплексного изучения древней славянской культуры (этногенетический аспект)», организованный Научным советом АН СССР по комплексным проблемам славяноведения и балканистики, филологическим факультетом ЛГУ и Институтом славяноведения и балканистики АН СССР. Симпозиум проводился в соответствии с решением Звениго-

родского совета по актуальным проблемам славяноведения и балканистики" (1978 г.). В нем принимали участие языковеды, этнографы, фольклористы, литературоведы и музыковеды, представлявшие различные учреждения Москвы, Ленинграда и других городов: Отделение литературы и языка АН СССР, Институт славяноведения и балканистики АН СССР, Институт русского языка АН СССР, Институт языкознания АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР, Институт этнографии АН СССР, Музей этнографии народов СССР, Ленинградский институт театра, музыки и кинематографии, Московский, Ленинградский, Одесский и Днепропетровский университеты, Житомирский, Сумской и Глуховский институты. Всего было заслушано 35 докладов и выступлений.

На открытии симпозиума было зачитано приветственное письмо председателя Научного совета АН СССР по комплексным проблемам славяноведения и балканистики члена-кор. АН СССР Д. Ф. Маркова (Москва). Доклады многих участников симпозиума затрагивали актуальные теоретические проблемы комплексного изучения древнеславянской культуры. Предмету этнолингвистики и ее задачам в славистике был посвящен доклад Н. И. Толстого (Москва). Докладчик отметил, что современная этнолингвистика должна быть обращена к историческим фактам. В этом ее отличие от традиционного этнолингвистического направления (школа Боаса, Сэпира, Уорфа), ограниченного лишь синхронным описанием. Комплексный этнолингвистический подход целесообразен прежде всего в отношении древнейшего слоя славянской духовной культуры. Для решения проблемы славянского этногенеза необходимо сопоставление результатов, выработанных разными дисциплинами.

В докладе А. С. Герда и В. М. Мокленко (Ленинград) рассматривались проблемы, связанные с применением методов ареальной лингвистики к исследованию славянской духовной культуры, а также другие лингвистические аспекты изучения культуры. В качестве первоочередной была выдвинута задача разработки типологии и проблемы универсалий. В связи с этим Г. А. Хабургаев (Москва) рассказал о соотношении диалектного и этнографического членения древних славян. Если языкознание для праславянского периода может воссоздать устойчивую «диалектную картину», то такую же древнейшую «этнографическую картину» восстановить нельзя.

Доклад А. Н. Анфертьева (Ленинград) был посвящен принципу историзма в изучении славянской духовной культуры. Докладчик говорил о необходимости выработать строгую методику установления тождеств и различий при сравнительном исследовании. Реконструкция элементов славянской духовной культуры невозможна без учета сравнительного материала других народов. В докладе В. П. Нерознака (Москва) рассматривались этнокультурные аспекты изучения языка, в частности принцип ретрогностики (воссоздание языковых и культурных состояний в их развитии) и принцип лингвистической соизмеримости (соотнесение истории языка с историей народа). Были затронуты и некоторые другие темы: изучение языка фольклора, семиотические и социологические аспекты этнолингвистики, этноязыковая атрибуция явлений духовной культуры, экспериментально-полевые исследования и т. п.

А. В. Гура, А. Ф. Журавлев и О. А. Терновская (Москва) в своем докладе обобщили опыт ареального исследования славянской обрядности: свадебной, жатвенной и скотоводческой. Выявленные на этом материале ареальные соответствия в общеславянском плане в целом подтверждают существующее диалектное членение славянского мира. На конкретных примерах было показано, что всякое этнодиалектное исследование, подчиненное проблемам этногенеза, должно опираться на разработанную типологию. Доклад А. В. Гуры, О. А. Терновской и С. М. Толстой (Москва) был посвящен принципам составления программы для Полесского этнолингвистического атласа. Вопросы программы позволяют выявить внутреннее этнодиалектное членение Полесья и его внешние связи с другими славянскими зонами, при этом преимущество отдается фактам, наименее изученным в общеславянском плане. В докладе П. А. Дмитриева и Г. И. Софронова (Ленинград) был охарактеризован круг проблем, связанных с преподаванием древней славянской культуры в курсе «Введение в славянскую филологию», и указано на необходимость создания комплексного пособия по древней культуре славян.

Ряд фольклорно-этнографических докладов был посвящен отдельным конкретным проблемам. В. Е. Гусев (Ленинград) на основе сравнительного анализа славянских названий года и времен года сделал попытку реконструировать временные представления древних славян. Первоначальное исчисление времени велось по годам — от лета до лета. Л. Н. Виноградова (Москва) рассмотрела вопрос о ритуализации про-

странства в славянских обходных обрядах; рассказала о связи колядующих с опасной нечистой силой. И. М. Колесническая (Ленинград) говорила о сравнительном изучении свадебных песен болгар и восточных славян. Родство свадебных песен этих народов проявляется в общей для них древней символической основе, определяющей сходные поэтические образы. В докладе Г. Я. Симиной (Ленинград) была рассмотрена система мифологических персонажей (духи природы, крестьянского двора и болезней) и степень сохранности этой системы в современном Пинежье. А. К. Смольская (Одесса) проанализировала образ вилы в сербском фольклоре. Для сравнения она привлекла болгарский и украинский материал. Были показаны стадии развития этого образа у сербов: от собственно мифологической к фольклорно-поэтической и книжной. Сообщение С. Л. Смусина (Ленинград) было посвящено генезису и семантике образа русалки в его поздней ипостаси. В сообщении А. Л. Топоркова (Ленинград) на примере лексики и фразеологии, относящейся к украинским и белорусским обрядам и поверьям, связанным с дежой, был продемонстрирован комплексный этнолингвистический подход к изучению предметов материальной культуры. Е. А. Охомуш (Днепропетровск) изложила свои наблюдения над обрядовыми действиями и поверьями, связанными с громом и градом, в степной Украине.

Многие доклады были посвящены в основном лингвистической проблематике. Н. В. Никончук (Житомир) на материале созданного им «Лексического атласа правобережного Полесья» показал ряд соответствий между изоглоссами и изопрагмами, что в значительной степени обусловлено спецификой этноса. Доклад П. Ф. Романиюка (Житомир) был посвящен этнолингвистическому ареальному исследованию правобережного Полесья и, как и предыдущий, сопровождался демонстрацией многочисленных карт, показывающих распространение отдельных свадебных терминов, обрядовых действий, предметов и лиц. В. М. Куриленко (Глухов) на материале созданного им «Атласа животноводческой лексики Полесья» определил зоны совпадения изоглосс и изопрагм (например, тип конской упряжи и междометия при поворачивании коней). Доклад Е. А. Черепановой (Сумы), основанный на полевом материале, содержал анализ микротопонимии Черниговско-Сумского Полесья. Наряду со славянскими микротопонимами ею были выявлены иранизмы, тюркизмы и балтизмы. А. В. Десницкая (Ленинград) обратила внимание на небольшую, но внутренне семантически связанную группу ранних балканских заимствований в восточнославянской обрядовой лексике (*русалия, коляда, ватра, карачун, радуница, кум*). В докладе Н. И. Зайцевой (Ленинград) была дана лингвистическая интерпретация чешской и словацкой демонологии. Выявлен общеславянский пласт лексики, восточно- и южнославянские соответствия, заимствования и ряд специфических чешских и словацких демонологических терминов. О. А. Черепанова (Ленинград) применила схему четырех периодов славянского язычества, предложенную академиком Б. А. Рыбаковым, к классификации восточнославянских мифологических персонажей. Выделены персонажи, отражающие кровнородственные связи, анимистические представления и т. д. В. Я. Дерягин (Москва) на примере слов с корнем *ряд* — показал, как важен для толкования юридических терминов учет некоторых моментов обрядности и символики, заложенных в частноправовом акте. В сообщении А. Ф. Логачева (Ленинград) было применено понятие динамической эквивалентности к лингвистическому анализу древнеславянских переводов, сделанных Кириллом и Мефодием. С. Е. Никитина (Москва) на материале комплексного исследования традиционной духовной культуры старообрядцев Урала показала распределение и функционирование устных и книжных текстов, включающих в себя элементы церковнославянского, древнерусского языков и местного диалекта, а также двух поэтических стилей — фольклорного и книжного.

Несколько докладов было построено на литературных материалах. А. С. Мыльников (Ленинград) на примере анализа сообщений о мифологическом этапе чешской истории в «Хронике» Козьмы Пражского (XII в.) поставил вопрос о методике реконструкции фольклорной архаики в древнеславянском летописании. Доклад Н. С. Демковой (Ленинград) был посвящен так называемым древнейшим славянским азбучным стихам. М. Л. Бершадская (Ленинград) рассмотрела аспекты комплексного изучения сербской житийной литературы в современном югославском литературоведении. И. М. Порочкина (Ленинград) проанализировала художественный идеал древней славянской культуры, воплощенный в творчестве чешских романтиков Я. Коллара и К. Г. Махи. Она показала, что в эпоху романтизма древнеславянская культура,

приобретая особую актуальность, была включена в арсенал борьбы за новую литературу и культуру.

В ходе симпозиума состоялась дискуссия по актуальным теоретическим проблемам изучения древней славянской культуры в этногенетическом аспекте. Б. Н. Путилов (Ленинград) напомнил о том, что для реконструкции славянской духовной культуры недостаточно одного лишь славянского материала, так как он относится к одному стадийному состоянию. Поэтому необходимо выходить за пределы славянского ареала и исследовать фольклор народов, стоявших на более ранних стадиях развития. В выступлении К. В. Чистова (Ленинград) было подчеркнуто принципиальное значение представления о славянах как об этнокультурной общности. Никакой элемент культуры, отдельно взятый, не может принадлежать какому-либо этносу, он приобретает этническую маркированность лишь в комплексах явлений. К. В. Чистов говорил о необходимости отработки строгой методики реконструкции явлений культуры и о важности обращения к диалектному материалу в его живом многообразии, а также о том, что недопустимо вольное манипулирование отдельными, вырванными из системы элементами, тем более что по природе своей они полисемантичны. Т. А. Бернштам (Ленинград) высказала сомнение в плодотворности идеи Г. А. Хабургаева об абсолютной изолированности исследования в каждой отдельной области и последующем наложении полученных результатов на результаты смежных наук, так как разные методики могут дать смещенную картину. Выступление И. И. Земцовского (Ленинград) было посвящено задачам сотрудничества этнолингвистов и этномусиковедов в комплексном картографировании и совместной полевой работе.

В заключительном выступлении Н. И. Толстого были подведены итоги состоявшейся дискуссии. Особо было подчеркнуто, что славянский этнический тип не может выявляться на основе единичных данных, а лишь на сумме основных явлений, которые должны быть соотнесены с аналогичными показателями других этносов. Вместе с тем реконструкция славянской духовной культуры и выявление древнейших этнокультурных ареалов невозможны без разработки диалектологии славянской мифологии. Необходимо и углубление типологических исследований в данной области.

Симпозиум продемонстрировал плодотворность обмена мнениями между представителями смежных специальностей и необходимость такого сотрудничества для разработки комплексной методики изучения древней славянской культуры.

А. В. Гуря

НАУЧНАЯ СЕССИЯ В ИНСТИТУТЕ ЭТНОГРАФИИ АН СССР (Ленинградская часть)

16—18 марта в Институте этнографии АН СССР (Ленинградская часть) состоялась очередная научная сессия, посвященная основным итогам работы Института в десятой пятилетке. На трех пленарных заседаниях было заслушано пять, а на трех секционных — 13 докладов.

Сессию открыла заместитель директора Института этнографии АН СССР Л. М. Сабурова.

На первом пленарном заседании было сделано два доклада. А. С. Мыльников в докладе «К вопросу о структуре национального самосознания» поднял важную проблему соотношения понятий этнического и национального самосознания. Докладчик пришел к выводу, что это однопорядковые, но не тождественные понятия. Первое означает осознание принадлежности к определенному этносу, второе — к определенной нации, в силу чего национальному самосознанию присущ принцип бинарности как этносоциальному по своей природе феномену.

Критическому анализу основных положений структурализма К. Леви-Стросса и его последователей (постструктуралистов) посвятил доклад Н. А. Бутинов — «Структурализм и постструктурализм». Особое внимание докладчик уделил критике одного из ответвлений постструктурализма, которое можно принять за так называемый «структурный марксизм». На самом деле это учение извращает суть марксистской теории (в частности, отрицает причинно-следственную связь между базисом и надстройкой и подменяет ее связью функциональной).

Оживленная дискуссия развернулась на втором пленарном заседании по докладу К. В. Чистова «Теория традиции». В основе доклада — положения, выдвинутые во время обсуждения статьи Э. С. Маркаряна «Узловые проблемы теории культурной традиции»¹. Выступившие в прениях по докладу К. В. Чистова Н. М. Гиренко, Б. Н. Путилов, А. С. Мыльников, А. К. Байбурин, В. П. Дьяконова, Н. А. Бутинов (Ин-т этнографии), А. Б. Островский (ГМЭ народов СССР) затронули многие важные вопросы, связанные с общетеоретическими проблемами изучения традиции, культуры и общества в целом в этнографическом аспекте.

На третьем, заключительном пленарном заседании с докладом «Основные направления в изучении одежды в советской этнографии» выступила Е. В. Иванова. Она подробно рассмотрела большое число публикаций, связанных с исследованием одежды советскими этнографами, и пришла к выводу, что в настоящее время уровень изучения одежды позволяет истолковать ее в качестве одного из источников по этногенезу и этнической истории того или иного народа, его историко-культурных связей. Хотя одежда и полифункциональна, в большинстве работ эти функции рассматриваются изолированно друг от друга. Назрела необходимость в обобщающей теоретической работе, суммирующей все основные достижения советской этнографической науки в изучении одежды.

С. Б. Фараджев и А. И. Терюков посвятили доклад пополнения Музея антропологии и этнографии АН СССР в десятой пятилетке. За указанный период, отметили докладчики, фонды МАЭ увеличились более чем на 3 тыс. этнографических и антропологических экспонатов, а также на несколько тысяч предметов иллюстративного материала (фотографии, рисунки, негативы и т. п.). Среди новых поступлений — коллекция деревянной и глиняной игрушки, домашней утвари русских, украинцев и белорусов, подаренная МАЭ известной фольклористкой Н. П. Колпаковой, этнографические коллекции по ряду народов Сибири и Севера, среднеазиатские сборы по дунганам, киргизам, казахам. Большую ценность представляют собой коллекции, собранные Н. Г. Краснодембской в Шри Ланка, Р. Р. Рахимовым — в Афганистане, О. Г. Присыпкинским — в Южном Йемене. В десятой пятилетке поступили также собрания декоративно-прикладного искусства мексиканцев, западноафриканские коллекции В. Р. Арсеньева из Мали, экспонаты с островов Океании и т. д.

На заседании секции, посвященном проблемам этногенеза, этнической истории и современным этническим процессам, выступили пять докладчиков. Г. В. Старовойтова в докладе «Об этнопсихологических гипотезах долгожительства» сообщила, что, по данным переписей населения, отдельные народы нашей страны существенно превышают среднесоюзные показатели доли долгожительства (азербайджанцы, абхазы, талыши, якуты и др.). С точки зрения этнографии, отметила она, распространенность феномена долгожительства в большей степени коррелируется не столько с региональными и экологическими, сколько с этническими границами. Это позволяет предположить наличие взаимосвязи между феноменом долгожительства и такими важнейшими этническими признаками, как культура и этнопсихология.

В условиях дальнейшего промышленного освоения Сибири и притока туда населения из других районов СССР, широкого распространения общесоветской культуры важнейшей задачей является сохранение традиционных форм хозяйства и культуры коренного населения. Л. В. Хомич в докладе «Значение фольклора и родного языка коренного населения Западной Сибири в современных условиях» показала существенную роль этих компонентов культуры коренного населения в сохранении рациональных элементов традиционных форм ведения хозяйства (оленьеводство, охота, рыболовство).

Доклад Л. Л. Викторовой «Монгольский фольклор и его традиции в этнографической действительности» был посвящен анализу основных жанров традиционного монгольского фольклора (сказки, притчи, песни, эпические сказания). В докладе подчеркивалось, что фольклор сохраняет свои позиции вплоть до настоящего времени, сосуществуя с письменной литературой, имеет большое значение в народной педагогике и оказывает влияние на формирование личности.

В докладе «Новые материалы по краииологии карел» В. И. Хартанович, основываясь на краииологических материалах, полученных в результате экспедиционных работ на территории Карельской АССР, указал на возможность выделения трех основных вариантов антропологического типа карел (северокарельский, южнокарельский и сегозерский).

¹ Сов. этнография, 1981, № 2, 3.

О тяжелом положении индейцев в современной Америке, в частности северных атапасков Аляски, рассказала Г. И. Дзенискевич в докладе «Современные этнокультурные процессы у северных атапасков». Традиционные промыслы (охота, рыбная ловля) в настоящее время не могут обеспечить им даже того низкого жизненного уровня, который был характерен для коренных жителей Аляски, а наемный труд на промышленных предприятиях также не может стать основой их существования, так как из-за отсутствия образования и необходимых производственных навыков индейцы не выдерживают конкуренции с приезжими наемными рабочими.

Проблемы социальной организации, сравнительной типологии материальной и духовной культуры рассматривались на заседаниях второй секции, на которой было сделано четыре доклада.

«Брачные нормы в кастовой системе» — тема доклада М. К. Кудрявцева. Каста в Индии — это эндогамная группировка, состоящая из мельчайших экзогамных подразделений, члены которых связаны кровным родством. Между ними и осуществляются традиционные, строго упорядоченные брачные связи. В Северной Индии распространена экзогамия, когда деревня рассматривается как особая экзогамная общность.

А. К. Байбурин в докладе «К вопросу о соотношении этикета и ритуала» указал на основные различия этих понятий. Ритуал, сказал докладчик, всегда символизирует некоторые изменения, переход, перестройку, например в социальной структуре коллектива, в то время как этикет призван выявить и укрепить уже существующие социальные отношения; ритуал всегда окказионален в том смысле, что он всегда — новое событие, а этикет регламентирует норму, устойчивость, равновесие социальных отношений в промежутках между ритуалами.

В течение многих тысячелетий народы земного шара играли в так называемую игру в веревочку. С древних времен эта игра бытовала и на о. Пасха (Рапа-Нуи). Об особенностях игры в веревочку у рапануицев рассказала И. К. Федорова. Эта игра была связана у них с исполнением заклинаний и песнопений, являясь особым видом изобразительного искусства, своеобразно отражающим жизнь островитян, их мифы и легенды, а также, вероятно, исторические события, была важной составной частью в традиционной системе обучения молодежи.

Э. С. Фрадкин сделал доклад «О назначении женской пластики по материалам Костенки I». Проанализировав имеющиеся материалы, он пришел к выводу, что женская пластика могла возникнуть из нужд погребального культа, не связана с материнским родом и не отражает общественных отношений того времени.

Пять докладов было заслушано на секции, посвященной вопросам истории этнографической науки и музееведения.

Б. П. Полевой в докладе «Роль Витуса Беринга в истории этнографии» подробно охарактеризовал вклад выдающегося исследователя в развитие географических и этнографических знаний о северо-востоке нашей страны.

В докладе Т. К. Шафрановской и Б. Н. Комиссарова (ЛГУ) «Дневник русского мореплавателя Е. Е. Левенштерна как историко-этнографический источник» было показано значение вновь открытого в Государственном историческом архиве СССР дневника участника первого русского кругосветного плавания на кораблях «Надежда» и «Нева» (1803—1806 гг.) для русской науки. Авторы доклада пришли к выводу, что это наиболее полное описание указанного путешествия из всех известных до сих пор.

В. Н. Кисляков в докладе «Русские научные экспедиции в Иран в XIX — начале XX в. и их значение для этнографического изучения Ирана» рассказал об экспедициях Н. В. Ханыкова, Б. А. Дорна, А. А. Ромаскевича, В. А. Жуковского и некоторых других исследователей, о результатах их поездок по Передней Азии, а также о планомерном сборе этнографических коллекций для Музея антропологии и этнографии по Ирану, начавшемуся с конца XIX в.

Первому собирателю этнографических коллекций по Индонезии в советский период (20-е годы) — А. С. Эстрину был посвящен доклад В. Г. Трисман. Выходец из простой семьи, не имеющий никакого специального образования, волею судьбы оказавшийся в Индонезии, рабочий, он сумел собрать значительные коллекции, лучшие в основу индонезийского фонда Музея антропологии и этнографии АН СССР и имеющие большое научное значение.

В докладе Р. А. Ксенофонтовой и В. П. Курылева «Международный обмен коллекциями Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого АН СССР» было рассказано о ходе обмена этнографическими коллекциями МАЭ с Японским

государственным этнографическим музеем (г. Осака). В докладе подчеркивалось, что международный обмен как один из видов комплектования фондов музея является исключительно перспективным. Это позволяет придать данному процессу целенаправленный характер, задача которого состоит в том, чтобы в первую очередь восполнить имеющиеся лакуны в собраниях музея.

В целом научная сессия показала возросший интерес к теоретическим проблемам современной этнографической науки, большинство докладов сопровождалось оживленной дискуссией.

В. Н. Кисляков, В. П. Курылев

КОНФЕРЕНЦИЯ «ФОЛЬКЛОР И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ САМОДЕЯТЕЛЬНОСТЬ»

25—26 ноября 1981 г. проходила VII областная фольклорная конференция в Горьком, организованная Горьковским управлением культуры и областным Научно-методическим центром народного творчества и культпросветработы (далее НМЦНТ и КПР). В работе конференции приняли участие сотрудники Отдела культуры Горьковского обкома КПСС, областного Управления культуры, руководящие работники всесоюзного и всероссийского НМЦНТ и КПР, сотрудники ряда областных и республиканских НМЦНТ и КПР, преподаватели вузов Горького, Архангельска, Владимира, Костромы, Кирова, Смоленска, Пензы, Чебоксар, а также директора районных и художественные руководители сельских домов культуры, заведующие сельскими клубами, студенты и учащиеся вузов и музыкальных училищ Горького.

На четырех заседаниях конференции был заслушан 21 доклад. С. И. Шерер (Горький, НМЦНТ и КПР) выступил с докладом «Состояние и проблемы развития взаимосвязи фольклора и художественной самодеятельности в Горьковской области», в котором отмечалось, что в настоящее время только в государственных клубных учреждениях области (47 районных и 6 городских домов культуры, 585 сельских клубов) работает около 6 тыс. самодеятельных коллективов, объединяющих 180 тыс. участников. Значительная часть доклада была посвящена тем формам работы, которые помогают осуществлять взаимосвязь фольклора и художественной самодеятельности. Докладчик охарактеризовал проводимые в Горьковской области фольклорные фестивали, ставшие действенной формой обогащения репертуара художественной самодеятельности и одним из важных средств вовлечения молодежи в фольклорные коллективы; этнографические праздники в Музее быта и архитектуры народов Нижегородского Поволжья; конкурсы собирателей произведений народнопоэтического творчества; ежегодные фольклорные экспедиции, участники которых не только записывают народные сказки и песни, но и разъясняют населению необходимость популяризации народного творчества, побуждают знатоков фольклора передавать свое искусство молодежи. С. И. Шерер рассказал о такой новой для фольклористов Горьковской области форме работы, как клуб любителей народного творчества, организованный в мае 1981 г.

Доклад В. Н. Морохина (Горький, Ун-т) был посвящен проблеме использования эпических и драматических жанров фольклора в художественной самодеятельности. На конкретных примерах докладчик показал несомненную сценичность многих текстов фольклорной прозы, привел убедительные примеры успешного обращения драматургов, композиторов, сценаристов и режиссеров к сказочным и легендарным сюжетам.

Н. Н. Подшивалова (Киров, Пед. ин-т) рассказала об опыте педагогического института и школ г. Кирова, связанном с пропагандой устного народного творчества и использованием фольклора в деле воспитания подрастающего поколения.

Художественный руководитель Горьковской хоровой капеллы мальчиков Л. К. Сивухин выступил с докладом «Народные песни Горьковской области в репертуаре камерного хора хорового общества»; особое внимание в нем было уделено проблеме пропаганды народной музыки.

Н. Г. Грунский (Владимир, НМЦНТ и КПР) рассказал об использовании народных традиций и фольклора в массовых зрелищах и праздниках, проводимых во Владимирской области.

А. П. Леванов (Горький, ДК Горьковского автозавода) поделился опытом использования фольклора Народным ансамблем песни и танца Дворца культуры Горьковского автозавода. В программы ансамбля, отметил докладчик, включаются народные песни со смещением тонального плана, разработки одной из сюжетных частей народной песни без изменения партитуры, переработки традиционных народных песен и, наконец, песенно-танцевальные композиции, созданные на основе фольклорного материала.

С интересом был прослушан доклад Н. Д. Бордют (Горький, Консерватория), рассказавшей об обработке нижегородской народной песни горьковскими композиторами и подчеркнувшей огромную роль таких песен в пропаганде народного музыкального искусства среди самых широких масс.

О сценическом воплощении фольклорного танца говорил А. В. Бажонкин (Горький, НМЦНТ и КПП). Отметив наличие разного рода форм сценического показа народных танцев, он обратил особое внимание на важность сохранения фольклорного первоисточника, лежащего в основе построения каждого танцевального номера.

Е. М. Чивикина (Горький, НМЦНТ и КПП), выступившая с докладом «Местный фольклор в самодеятельных хоровых коллективах», рассказала о способах усвоения местной народной песни участниками самодеятельности и о методике репетиционного процесса в хорах русской народной песни. Докладчица подчеркнула важность сохранения за фольклорными коллективами статуса любительских объединений, что, по ее мнению, может уберечь их от превращения в концертирующие безликие ансамбли, теряющие столь ценную для них самобытность.

В докладе К. Е. Кореповой (Горький, У-нт) «Обряды Горьковской области в репертуаре фольклорных коллективов» отмечалось широкое использование на сцене свадебного фольклора. Для инсценировок обычно выбирают те элементы обряда, которые насыщены драматическим действием: утро в доме невесты, сборы ее, приезд жениха, пир в его доме. Однако не все коллективы удачно показывают свадебный обряд на сцене (нарушается этнографическая верность, плохо подбираются исполнители главных ролей, допускается дисгармония в костюмах и т. п.). Докладчица говорила о целесообразности восстановления обряда «окликание молодых» и более широкого привлечения обрядового фольклора при проведении народных праздников типа «Березки».

С. В. Пьянкова (Смоленск, Муз. училище) в докладе «Смоленский традиционный фольклор (из практики работы фольклорного ансамбля музыкального училища)» рассказала о регулярно проводимых с 1968 г. экспедициях, в ходе которых записано 7000 народных песен и инструментальных наигрышей, хранящихся в кабинете народного творчества при музыкальном училище. На основе этих материалов были подготовлены: сборник «Свадебные песни родины Глинки» (М.: Советский композитор, 1977), пластинка с записями народных песен в исполнении Починковского хора, публикации народных песен и их обработок областным Научно-методическим центром в серии «В помощь коллективам художественной самодеятельности». Пропаганда народных песен с 1974 г. на Смоленщине ведется также путем радиопередач, лекций, фольклорных концертов. За это время проведено 73 фольклорных концерта в области и за ее пределами, причем более 50 — силами фольклорного коллектива Смоленского музыкального училища, в репертуар которого входят песни разных областей (Смоленской, Пермской, Псковской, Ленинградской, Архангельской).

В. А. Смирнов (Иваново, Ун-т) в докладе «Специфика сценизации игровых и свадебных лирических песен» познакомил участников конференции с опытом своей работы с фольклорным ансамблем с. Высоково Савинского р-на Ивановской обл., существующим с начала 30-х годов и располагающим ныне обширным репертуаром, насчитывающим более 70 песен.

Т. И. Белоус (Горький, Ун-т) рассказала о фольклорной традиции юго-восточных районов Горьковской области и ее отражении в репертуаре самодеятельных коллективов. Докладчица остановилась на результатах полевых исследований, проведенных Горьковским государственным университетом в Починковском, Лукояновском, Сергачском и других районах. Отметив «засоренность» репертуара многих художественных коллективов области, она обратилась к фольклористам с призывом оказывать им помощь при составлении репертуара, с тем, чтобы он отражал местную народнопоэтическую традицию.

Один из старейших собирателей фольклора Горьковской области — Н. М. Галочкин (г. Городец, Пед. училище) посвятил свое выступление вопросу об использовании частушки в художественной самодеятельности: обращении к ней агитбригад,

включении ее в программы тематических вечеров домов культуры и клубов. Для более активного пополнения репертуара самодеятельных коллективов частушками Н. М. Галочкин рекомендовал при каждом очаге культуры на селе создать фольклорный кружок, участники которого занимались бы собирательской работой.

В. Н. Токман (Горький, НМЦНТ и КПР) посвятил свое выступление агитбригадам. Отметив, что в области 500 сельских агитбригад и почти столько же на производственных предприятиях и в вузах, он подчеркнул их популярность и большую силу воздействия на массы. Докладчик остановился на истории агитбригад и показал, что роднит их деятельность с народным творчеством. В заключение он сказал: «Хотелось бы, чтобы ученые-фольклористы, практики фольклора уделяли больше внимания этой форме народного творчества, видя в агитбригадах еще одну возможность сохранения фольклорных форм, и тем самым их популяризации и внедрения в самодеятельное искусство».

М. А. Лобанов (Ленинград, ИРЛИ АН СССР) в сопровождавшемся магнитонными записями докладе «Отражение организационной специфики певческих коллективов Горьковской области в материалах ИРЛИ (Пушкинский дом) АН СССР» охарактеризовал искусство певческих групп, записи от которых были сделаны экспедициями ИРЛИ. Во второй части доклада раскрывалась специфика устного народного творчества, которая выявляется в сопоставлении с традицией профессионального искусства, а не с художественной самодеятельностью.

О фольклорных произведениях на клубной сцене (по материалам экспедиций 1980—1981 гг. в Ардатовском, Бутурлинском, Дивеевском и Выхватском районах Горьковской области) говорилось в выступлении студента ГГУ Н. В. Морохина.

Проблемы использования фольклора и этнографического материала в современных праздниках и обрядах рассматривались в докладе В. Н. Шишловой (Москва, Всесоюзный НМЦНТ и КПР). Создавая новую советскую обрядность, подчеркнула она, крайне необходимо учитывать наиболее яркие и особенно характерные элементы традиционного фольклора, а также богатейший этнографический материал. Отметив отдельные просчеты, имеющие место в этой большой и нужной работе, В. Н. Шишлова призвала участников конференции активнее участвовать в создании современной обрядности.

Истории фольклорно-этнографических концертов на нижегородской сцене было посвящено выступление студентки ГГУ Т. И. Петровой.

Участники конференции с большим интересом прослушали доклад Т. И. Шлык (Архангельск, НМЦНТ и КПР) «Фольклор как средство патриотического и эстетического воспитания и его роль в работе клубных учреждений».

Заключительное заседание конференции было проведено в виде «круглого стола», который вела Б. М. Малицкая (Москва, Всесоюзный НМЦНТ и КПР). «Круглый стол» открылся ее докладом «Формы использования фольклора в художественной самодеятельности», в котором подробно рассматривались вопросы, касающиеся взаимодействия и различного рода связи художественной самодеятельности с народным творчеством. Затем выступили В. Н. Шишлова, Н. В. Мальков (Пенза, НМЦНТ и КПР), С. Д. Корнилов (Кострома, НМЦНТ и КПР), Г. В. Дресляников (Киров, НМЦНТ и КПР), Т. Е. Зенбиккая (Москва, журн. «Культпросветработа»), М. А. Лобанов (Ленинград, ИРЛИ) и др.

Конференция завершилась принятием рекомендаций, определяющих основные задачи фольклористов Горьковской области.

В. Н. Морохин

СОВЕТСКО-ФРАНЦУЗСКИЙ ПОЛЕВОЙ СЕМИНАР «ДИНАМИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЕЖДУ ЕСТЕСТВЕННОЙ СРЕДОЙ И ДОИСТОРИЧЕСКИМИ ОБЩЕСТВАМИ»

Тема семинара входит в программу совместных работ Советско-Французской комиссии по техническому и научному сотрудничеству. Она была предложена на XIII сессии Комиссии в 1976 г. Исследования по этой теме рассчитаны на 6 лет (1977—1982) и подразделяются на три этапа, охватывающие следующие временные

отрезки: 1) ранний и средний плейстоцен — ранний палеолит, 2) поздний плейстоцен — верхний палеолит, 3) голоцен — мезолит и неолит.

Необходимость совместных исследований определяется возможностью сравнительного изучения истории первобытного общества в районах с различными природно-климатическими условиями. Программой семинара предусмотрено проведение советско-французской рабочей группой совместных научных полевых совещаний с обследованием наиболее важных из известных во Франции и СССР археологических памятников и геологических объектов. Ведущим учреждением с советской стороны выступает Институт географии АН СССР, с французской — Лаборатория антропологии и первобытной истории Прованского университета.

Автор настоящей заметки была приглашена как антрополог для участия в работе двух совещаний — в сентябре 1978 г. в Крыму и на Кавказе и в сентябре 1981 г. — на Русской равнине.

Для первого совещания были подготовлены и рассмотрены следующие опорные палеолитические памятники: поселение мустьерского человека под скальным навесом в Красной Балке под Белогорском в Крыму (Заскальная V и VI) и целая серия многослойных пещерных памятников на Кавказе (Ахштырская пещера, пещера Алиангча, система пещер Цуцхвати, Сакажиа, Кударо и Цона). В путеводителе «Археология и палеогеография раннего палеолита Крыма и Кавказа», выпущенном к совещанию на русском и французском языках, очень кратко рассматриваются геологические, геоморфологические, археологические и антропологические характеристики всех перечисленных выше мест обитания палеолитического человека, и на основе компонентного анализа делается палеогеографическая реконструкция среды обитания древнего человека для отдельных территорий.

В частности, относительно крымских мустьерских стоянок Заскальная V и VI делается вывод, что они существовали главным образом в перигляциальных степных условиях с малоснежными зимами. Начало заселения стоянок относится к ранним фазам валдайской эпохи.

По числу найденных палеоантропов Крым представляет собой счастливое исключение по сравнению с другими территориями распространения мустьерской культуры у нас в стране. Помимо всех известных и давно вошедших в научный обиход находок в гроте Киик-Коба и под навесом Староселье, на стоянках Заскальная V и VI были найдены затылочная кость взрослого, фрагменты нижних челюстей и костей посткраниальных скелетов четырех детских особей палеоантропов. Авторы, изучавшие эти находки (Якимов, Харитонов — 1979, Влчек — 1976, Данилова — 1980) независимо друг от друга приходят к выводу о специфичности этих палеоформ, сочетающих специализированные признаки, характерные для «классических» западноевропейских неандертальцев, с признаками, сближающими их с переднеазиатскими формами. В связи с тем, что большинство находок древнейшего населения на территории СССР составляют особи детского возраста, перед исследователями встает задача включения в таксономический анализ детских форм ископаемых гоминид, которая успешно решается и французскими, и советскими исследователями.

Ввиду обилия и многообразия ашельских и мустьерских памятников Кавказский перешеек, лежащий между Русской равниной и переднеазиатскими нагорьями, приобретает огромное значение в изучении ранних этапов становления человека на территории нашей страны и может рассматриваться как один из наиболее вероятных ранних путей расселения раннепалеолитических людей на север. Особенно в этом плане интересно изучение пещеры Азых в Азербайджане. К сожалению, ввиду своей отдаленности эта пещера не могла быть включена в программу маршрута участников совещания, однако этому памятнику было посвящено отдельное заседание в Тбилиси. В указанной пещере под типично среднеашельскими слоями был найден крупный фрагмент нижней челюсти человека и выявлены остатки более древней индустрии, сопровождаемой фауной тираспольского комплекса. Анализ такой палеоформы как Азых с наличием ряда черт, которые можно трактовать как характерные для архантропа, позволит уточнить границы обитания ранних гоминид в Европе. Изучение ранних гоминид именно с территории нашей страны может дать реальный ключ к пониманию связей древнейших обитателей Западной и Центральной Европы с такими важными для палеоантрополога регионами, как Ближний Восток и Передняя Азия.

Другой, не менее значительный и интересный пункт маршрута, — это Кударские стоянки и пещера Цона в Южной Осетии. Ашельские слои пещер Кударо I и III датируются ресс-вюрмом. Здесь были долговременные поселения древнейшего человека.

которые в связи со значительной амплитудой снижения снеговой границы находились в пределах лесостепного пояса, то в широколиственных лесах, то в субальпийской зоне, что свидетельствует о большом экологическом разнообразии среды обитания древнейшего человека. К палеоантропологическим находкам относится лишь нижний центральный резец человека, по определению А. А. Зубова, архантропа.

Хочется коротко остановиться на находке фрагмента верхней челюсти с зубами и изолированного нижнего моляра человека из мустьерского слоя пещеры Сакажиа. А. Г. Векуа и Л. К. Габуния не исключают, что этот палеоантроп относится к ветви, в известной степени параллельной палестинским палеоантропам.

Участниками совещания по материалам симпозиумов 1977 г. во Франции и 1978 г. в СССР подготовлен том материалов, в первой части которого приводятся данные компонентного геоморфологического анализа, археологии и антропологии по каждой стоянке; вторая посвящена основным научным выводам исследования. Отдельные аспекты исследования нашли отражение в статье М. М. Герасимовой, А. А. Зубова, В. М. Харитоновой, В. П. Якимова «Некоторые материалы к вопросу о древнейшем человеке на территории СССР», где намечены и возможные перспективы сравнительного анализа палеоформ Франции и СССР.

С 1 по 14 сентября 1981 г. проводилось очередное совещание полевого семинара, на этот раз на верхнепалеолитических памятниках Русской равнины, детально изученной с палеогеографической точки зрения. Рассматривались памятники в бассейнах среднего Дона, средней Десны, среднего Днепра и его притоков. В большинстве своем это многослойные верхнепалеолитические памятники, что позволяет проследить развитие культур во времени. Сравнительный анализ различных групп памятников имеет важное значение для выявления направления связей в развитии хозяйства и культуры верхнепалеолитического человека. К тому же именно в указанном районе сосредоточены палеоантропологические находки, на основании которых строятся наши представления о верхнепалеолитическом населении Восточной Европы.

Напомним, что сравнительно недавно главным специфическим феноменом плейстоцена считались покровные оледенения, служившие канвой для создания общих схем природных событий этого периода. Время расцвета холодолюбивых элементов в природе сопоставлялось с максимальным распространением ледниковых покровов. При помощи радиоуглеродного метода и стратиграфических привязок фаунистических, палинологических, хронологических и почвенных данных был сделан вывод, что максимум похолодания наступил в конце плейстоцена, когда ледниковый покров находился в фазе деградации (Величко, 1973). Результаты исследований показывают, что позднелпалеолитическое население распространилось на территории Русской равнины во второй половине валдайского оледенения в своеобразной обстановке суровой перигляциальной зоны. Значительный отрезок позднелпалеолитического этапа приходится, таким образом, на время наибольшего похолодания за весь плейстоцен, наступившего после брянского интервала около 24 тыс. лет назад. Условия похолодания были достаточно жесткими: основная часть равнины была скована многолетней мерзлотой и преобладали безлесные ландшафты.

Маршрут совещания проходил через города Воронеж, Курск, Железногорск, Брянск, Чернигов, Севск, Новгород-Северский, Яготин, Канев, Киев, Ленинград, Москва.

В долине среднего Дона был осмотрен район Костенок, где в настоящий момент на 26 стоянках открыто и исследовано более 60 верхнепалеолитических поселений, представляющих почти всю эпоху верхнего палеолита и отражающих сложную картину сосуществования различных культур. Приуроченность многочисленных многослойных стоянок на правом берегу Дона в логах и оврагах, прорезающих восточный склон Средне-Русской возвышенности, к довольно ограниченной территории создает впечатление о большой плотности населения.

Однако цифра эта ничтожно мала по сравнению с огромной протяженностью всей эпохи. В этом районе подробно изучены стоянки Гмелинская, Полякова, Спицинская и Аносовка II. Наиболее сильное впечатление на участников семинара произвел опыт музеефикации палеолитического памятника под открытым небом. На стоянке Аносовка II (Костенки II) раскопано большое жилище, в основании стен которого лежит более 400 крупных костей примерно от 30 особей мамонта. Внутри жилища прослежен очаг с мощным слоем пепла, вокруг него — ямы-кладовые. Над жилищем сейчас сооружен павильон, представляющий собой здание размерами 30×40 м, на 18 колоннах, с кирпичными стенами и плоской крышей. На фронте — рельефное изображение ма-

монтов. Музеификация осуществлена силами Воронежского областного музея, Ленинградского отделения Института археологии АН СССР и Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры.

В районе Курска была осмотрена стоянка Авдеево на р. Рогозне, притоке Сейма, которая интересна своим низким геоморфологическим положением. Знаменита стоянка обилием находок мелкой пластики: известны 5 женских статуэток из бивня мамонта. Во время экскурсии была продемонстрирована еще одна женская статуэтка, которая была найдена буквально за день до приезда участников совещания. Авдеевская стоянка относится к одной из наиболее выразительных культур Русской равнины. Для памятников ее характерны сложные бытовые комплексы, состоящие из овальной жилой площадки, окаймленной полуземлянками, вдоль длинной оси которой тянется ряд очагов.

Заслуживает упоминания осмотр древнейшего во всей центральной полосе Восточной Европы мустьерского местонахождения Хотылево I и верхнепалеолитической стоянки Хотылево II (правобережье Десны в р-не Брянска). Первое местонахождение приурочено к базальному горизонту 23-х метровой террасы в месте ее прислонения к коренному берегу. Сопровождающая фауна — ранний и типичный мамонт, шерстистый носорог, бизон, зубр, крупная лошадь, благородный и северный олени, медведь, волк — обычна для межледниковий. Местонахождение датируется или концом микulinского времени или одним из последующих ранневюрмских интерстадиалов. В музее в Брянске участники симпозиума получили возможность ознакомиться с археологическими сборами из Хотылево I и II. Мустьерская коллекция поражает своим богатством: всего собрано 18 тыс. кремневых артефактов, из них 1600 нуклеусов, 900 орудий. Инвентарь характеризуется леваллуазской техникой расщепления камня, большим разнообразием двустороннеобработанных орудий (ручные рубила, рубящие, скребловидные бифасы, листовидные наконечники). Это местонахождение — ключ к расшифровке возраста мустьерских местонахождений Деснинского бассейна.

Вторая значительная группа стоянок была осмотрена в районе Среднего Приднестровья. Это прежде всего, Пушкاري I на Черниговщине и Добраничевка на р. Супой. Указанные памятники И. Г. Шовкопляс считает этнокультурной областью развития мезинской культуры. Однако существование ее в тех временных и территориальных пределах, которые намечает И. Г. Шовкопляс, требует дополнительной аргументации, самое главное — геологического обоснования выделенных хронологических этапов. В Добраничевке силами колхозников сооружен музей-павильон над древним жилищем, которое оставлено неразобраным. Расположенные почти на уровне древней почвы смотровые дорожки создают эффект присутствия. В настоящий момент этот музей является филиалом Яготинского краеведческого музея.

Аналогии Добраничевке прослеживаются в Межиричах на р. Росаве. Эти стоянки сближают топографические особенности и характер домостроительства. В Межиричах исследовано четыре жилища. Для строительства каждого из них отбирались определенные части скелета мамонта, для первого — нижние челюсти, для второго — кости конечностей, для третьего — плоские кости, для четвертого — весь набор костей. В настоящий момент осталось неразобраным и законсервировано четвертое жилище, в выкладке отдельных групп костей которого наблюдаются определенная симметрия и ритм.

Мустьерским многослойным стоянкам Молодова I и V (бассейн среднего Днестра) было посвящено отдельное заседание в Киеве, где А. П. Черныш и И. К. Иванова сделали обстоятельные доклады. С интересной информацией выступил В. Н. Гладilin о раскопках в Королево в Закарпатье, где позднелепальолитический горизонт залегает между двумя мустьерскими слоями.

На заключительном заседании под председательством акад. И. П. Герасимова, проведенном также в Киеве, рассматривались научно-организационные вопросы и обсуждались научные результаты совещания. Хочется отметить, что несмотря на большую программу, сжатые сроки, значительное число участников, работа проходила в исключительно дружеской и деловой обстановке.

В заключение, хотелось бы поделиться теми мыслями, которые возникли у автора настоящего сообщения в связи с результатами совместной работы советских и французских ученых. При ретроспективном рассмотрении основной темы семинара: система человек — общество — географическая среда основной упор пришелся на геологию и геоморфологию. Между тем определение геологического возраста различных культурных слоев и условий их залегания — один из основных вопросов палеогеогра-

фического аспекта в решении проблемы взаимоотношений природной среды и человека, но не единственный. Так, даже не был поставлен вопрос о связи вариантов верхнепалеолитической техники с изменениями биотопов. Ведь в отечественной литературе существует представление как о связи климатических изменений с характером верхнепалеолитических индустрий Европы, так и о полифункциональности кремневого инвентаря, который не отражает специфику природных условий.

Само понятие «археологическая культура» в значительной мере является интуитивным и отличается различным объемом и содержанием у разных исследователей. Это впечатление подтверждается опросом, проведенным автором данной заметки в Костенках в 1979 г. Было опрошено 18 археологов разного возраста, опыта и научного статуса. Даже учитывая экспромтный характер данных ими определений, можно заметить, что часть исследователей (5 из 18) включает в понятие «археологическая культура» материальную культуру, территорию и время, приближая его, таким образом, к определению понятия «этнос». Соотношение между этими двумя понятиями формулируется нечетливо. В четырех случаях формулируется тезис о связи этноса с археологической культурой; в одном случае — такая связь отрицается. Во всех рассмотренных формулировках объем понятия «археологическая культура» шире понятия «материальная культура». Среди исследователей намечается тенденция определения археологической культуры через понятие «традиция» (4 случая). Два респондента рассматривают понятие «археологическая культура» как классификационное, представляющее собой следующую классификационную единицу после понятия «памятник». Короче говоря, как и в ряде других гуманитарных наук, здесь имеет место неразработанность понятийного аппарата. Между тем унификация основных понятий является неотложной задачей. Ясность в этом вопросе необходима как для археологов, так и для представителей смежных дисциплин.

М. М. Герасимова

КОРОТКО ОБ ЭКСПЕДИЦИЯХ

В 1981 г. Государственным музеем этнографии народов СССР было проведено 14 экспедиций в различные регионы Советского Союза. Основная задача экспедиционно-собирательской работы музея — сбор материалов для экспозиций, временных выставок, а также для пополнения фонда музея. В ходе полевого сезона участники экспедиций собрали более 1300 этнографических предметов, сделали свыше 1000 снимков.

Сотрудник отдела этнографии русского народа Г. Г. Бабанская совместно с художником Комбината живописно-оформительского искусства Ленинградского отделения худфонда РСФСР З. В. Куликовой продолжали собирать иллюстративный материал в Пензенской области (Земетчинский район, дер. Оторма, Кириллово) по теме «Традиционное жилище» для организуемой экспозиции «Русские. Конец XIX — начало XX в.».

В результате поездок А. Ю. Заднепровской в Казань и Йошкар-Олу и Н. Г. Алоевой в Улан-Удэ новыми экспонатами пополнилась экспозиция «Искусство народов СССР» (разделы, посвященные народам Поволжья и Приуралья, Сибири и Дальнего Востока).

Значительный интерес представляет иллюстративный и вещевой материал по современной гуцульской свадьбе, полученный в ходе экспедиции сотрудника отдела этнографии народов Украины, Белоруссии и Молдавии Л. Б. Урицкой и фотографа музея М. П. Семаго в Иваново-Франковскую область УССР (Верховинский район, села Головы, Замагорив). Он будет использован в новой экспозиции, посвященной современным праздникам и обрядам народов СССР.

Заведующей отделом этнографии народов Прибалтики Д. А. Горб удалось собрать у вепсов, проживающих в деревнях Чубово, Чидово, Корвала, Нойдола, Ребов Конец Бокситогорского района Ленинградской области, более 300 экспонатов, среди которых особый интерес представляют предметы традиционной деревянной утвари конца XIX — начала XX в.

Впервые в фонды музея поступила коллекция (свыше 70 предметов) по этнографии среднеазиатских арабов, собранная в селении Джейнау Кашкадарьинской области Узбекской ССР заведующим отделом этнографии народов Средней Азии и Казахстана Б. З. Гамбургом. Несомненный интерес вызывают представленные в ней комплексы мужской и женской

одежды, женские украшения, а также ковры и ковровые изделия.

Более 140 предметов, характеризующих материальную и духовную культуру лесных ненцев, проживающих на территории Ямало-Ненецкого автономного округа (Пуровский район, поселки Тарко-Сале и Харампур), собрали сотрудники отдела этнографии народов Сибири и Дальнего Востока В. В. Горбачева и И. А. Карапетова.

Интересные экспозиционные материалы были приобретены в результате поездок в Армению, Мордовию и Рязанскую область РСФСР.

Продолжались совместные полевые исследования ГМЭ и отдела этнографии и искусствоведения АН Молдавской ССР, связанные с подготовкой Молдавского историко-этнографического атласа. Н. М. Калашникова собирала иллюстративный и вещевой материал у гагаузов в с. Этулия Вулканештского района и в г. Комрате.

Некоторые сотрудники музея выезжали в поле по индивидуальным и коллективным научно-исследовательским темам. Наиболее результативными были поездки О. М. Фишман в Калининскую область (Волхово-Бирюговский район, деревни Бирюгово, Стешково) по теме «Материальная культура верхневолжских карел» и Э. С. Яглинской в Белорусскую ССР (города Минск, Витебск, Гродно, Орша) по новой теме, намеченной музеем к разработке в ближайшие годы, — «Использование народных

художественных традиций в современной промышленности».

В 1981 г. по инициативе Государственного музея искусства народов Востока (ГМИНВ) начала работать Кавказская комплексная архолого-этнографическая экспедиция, в состав которой входят представители ряда головных музеев страны (ГМИНВ, ГМЭ, Государственный музей истории религии и атеизма — ГМИРиА). В минувшем году этнографический отряд экспедиции в составе В. А. Дмитриева, Б. В. Иванова (ГМЭ) и художника Е. Б. Абрина (ГМИРиА) осуществил рекогносцировочный выезд в Краснодарский край (города Краснодар, Майкоп, Туапсе, Теучежск, аулы Октябрьский и Афиписп Октябрьского района, станица Нововосободская Майкопского района, с. Анастасиевка и аулы Большое и Малое Псеушко Туапсинского района). В ходе экспедиции были определены перспективы предстоящих полевых этнографических исследований, установлены контакты с партийными и советскими органами, местными музеями и научно-исследовательскими учреждениями.

Экспедиционные материалы, собранные в полевом сезоне 1981 г., после завершения научной обработки пополняют коллекции Государственного музея этнографии народов СССР более чем по 11 народам Советского Союза.

Б. В. Иванов, Е. Я. Тимофеева

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

О СТРУКТУРЕ СТРАТИФИЦИРОВАННОЙ СЕЛЬСКОЙ ОБЩИНЫ И ЕЕ РОЛИ В ИСТОРИИ ДОКАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ КЛАССОВЫХ ОБЩЕСТВ

**[в связи с книгой Л. Б. Алаева «Сельская община
в Северной Индии». М.: Наука, 1981, 240 с.]**

Последние десятилетия характеризуются возрастанием интереса к проблемам общины вообще, сельской общины в первую очередь. Появилось значительное число монографий¹, тематических сборников², а также множество отдельных статей как в периодической, так и непериодической печати³. Они крайне разнообразны по содержанию. В одних преобладает изложение фактического материала, относящегося к общине тех или иных народов. Другие посвящены преимущественно теоретическим проблемам. Наконец, имеются работы, в которых эмпирическое органически сочетается с теоретическим.

К числу последних относится недавно увидевшая свет работа известного советского индолога Л. Б. Алаева «Сельская община в Северной Индии». Эта книга заметно выделяется даже на фоне нескольких превосходных монографий, посвященных сельской общине. В ней многих отношений совершенно уникальна. Автор поставил перед собой задачу, равную которой по сложности трудно представить. Он предпринял попытку проследить историю сельской общины одного из районов мира на протяжении более чем двух с половиной тысяч лет (VI в. до н. э. — XX в. н. э.). И намеченную цель автор реализовал, на наш взгляд, настолько блестяще, насколько это вообще возможно на данном этапе развития науки. Книга свидетельствует об огромной эрудиции автора, прекрасном знании им материала и умении эти фактические данные осмыслить, интерпретировать, воссоздать на их основе картину развития исторической реальности.

Такая оценка отнюдь не равносильна утверждению, что построения автора представляют абсолютно точное воспроизведение реальной истории индийской общины. Материалы об общине не только в Древней Индии, но и в последующие эпохи истории этой страны, вплоть до XIX в., настолько неполны и отрывочны, что допускают далеко не одинаковое истолкование. В этом смысле реконструкция истории индийской общины, предлагаемая автором, носит в значительной степени гипотетический характер. Но такой характер с неизбежностью должна носить и любая другая реконструкция, кем бы она ни была предложена.

Однако при всей спорности тех или иных моментов в рецензируемой работе имеются такие положения, которые в достаточной степени обоснованы и вряд ли могут быть в ходе дальнейших исследований поставлены под сомнение. И если брать в це-

¹ Давыдов А. Д. Афганская деревня (сельская община и разложение крестьянства). М.: Наука, 1969; его же. Сельская община и патронимия в странах Ближнего и Среднего Востока. М.: Наука, 1979; Липтин П. Ф. Община в русской историографии последней трети XIX — начале XX в. Киев, 1971; Кудрявцев М. К. Община и каста в Хиндустане. М.: Наука, 1971; Голубцова Е. С. Сельская община Малой Азии. М.: Наука, 1972; Алаев Л. Б. Социальная структура индийской деревни (территория Уттар-Прадеша, XIX в.). М.: Наука; Александров В. А. Сельская община в России (XVII — начало XIX вв.). М.: Наука, 1976; Бакланова А. Е. Крестьянский двор и община на Русском Севере. М.: Наука, 1976; Павловская А. И. Египетская хора в IV в. М.: Наука, 1979; Прокофьева Л. С. Крестьянская община в России во второй половине XIX в. (на материалах вотчины Шереметьевых). Л.: Наука, 1981 и др.

² Община и социальная организация у народов Восточной и Юго-Восточной Азии. Л.: Наука, 1967; Социальная организация народов Азии и Африки. М.: Наука, 1975; Аграрные структуры стран Востока. Генезис, эволюция, социальные преобразования. М.: Наука, 1977; Крестьянская община в Сибири XVII — начала XX вв. Новосибирск: Наука, 1977; Община в Африке. Проблемы типологии. М.: Наука, 1978 и др.

³ См.: Слюмов Ю. С. Обсуждение теоретических проблем общины. — Народы Азии и Африки, 1973, № 6; Семенов Ю. И. Первобытная коммуна и соседская крестьянская община. — В кн.: Становление классов и государства. М.: Наука, 1976; Алаев Л. Б. Проблема сельской общины в классовых обществах. — Вопросы истории, 1977, № 2 и др.

лом, то нарисованная им картина эволюции индийской общины в главном и основном может считаться достаточно близкой к действительности.

Автор совершенно правильно, по нашему мнению, рассматривает сельскую общину не как пережиток первобытнообщинного строя, которому в классовом обществе не остается ничего другого, кроме как разлагаться, а как социальное образование, которое возникло лишь с переходом к классовому обществу и может существовать только в его недрах в качестве необходимого элемента социальной структуры некоторых его исторических форм.

Крупным вкладом в разработку теории сельской общины является выдвинутое автором положение о существовании двух основных типов этого института. Первый тип — община, полностью или в основном состоящая из обладающих одинаковыми правами земледельцев-крестьян. Именно эта община, которую можно назвать крестьянской, была основным объектом исследования как историков, так и этнографов. В результате этого понятие сельской общины чаще всего сводилось к понятию крестьянской общины, что имело место и в наших работах⁴. Конечно, исследователи не могли не видеть, что существуют и такие реальные сельские общины, которые по ряду особенностей значительно отличаются от крестьянской общины. Однако все это рассматривалось как неизбежное расхождение между логическим и историческим, между идеальным типом, выражающим в чистом виде сущность явления, и реальными явлениями, в которых эта сущность в действительности воплощается. Когда же это расхождение было чересчур большим, то причину его видели в начавшемся или далеко зашедшем разложении крестьянской общины. Л. Б. Алаев впервые убедительно показал, что сельская община, отличная от крестьянской, не является ни отклонением от основного типа, ни своеобразным вариантом этого основного типа. Она представляет собой другой основной тип сельской общины.

Характерная особенность сельской общины второго типа заключается в подразделении ее населения на две основные группы, одна из которых господствует над другой. Только члены доминирующей группы были владельцами земли. В главах четвертой и пятой автор применяет для их обозначения термин «первичные заминдары». Все они вместе взятые составляли определенный коллектив, который Л. Б. Алаев нередко именует общиной. Лишь они были общинниками в полном значении слова. Все остальные являлись общинниками лишь в том смысле, что постоянно проживали на территории общины. Если не все они, то значительная часть неполноправных членов общины в той или иной форме эксплуатировалась полноправными ее членами. Как правило, члены привилегированной группы принадлежали к одной касте — той, которая господствовала в данном районе. Члены второй группы входили в состав целого ряда других, обычно более низких каст. Таким образом, сельская община второго типа была стратифицированной.

Л. Б. Алаев не дал никакого названия ни первому, ни второму типам сельской общины. Иногда, правда, он употребляет для обозначения второго типа термин «кастовая община», который ранее был использован в работе М. К. Кудрявцева «Община и каста в Хиндустане». При этом Л. Б. Алаев в первой главе книги «Постановка вопроса» именно М. К. Кудрявцеву приписывает заслугу выделения двух основных типов сельской общины (с. 28). Согласиться с этим нельзя. Как яствует из книги М. К. Кудрявцева, автор рассматривает кастовую общину Индии как своеобразный вариант крестьянской общины, не более⁵. И хотя он действительно рассматривает внутриобщинную эксплуатацию как важный элемент структуры этого социального образования, понимает он ее иначе, чем Л. Б. Алаев. Для него она сводится к эксплуатации «помещиками» и «крестьянами-земледельцами» той части деревенского населения, которая не занималась земледельческим трудом. Эксплуатация труда неполноправных слоев деревни в сфере земледелия, которую Л. Б. Алаев считает основной особенностью общины второго типа, существовавшей на протяжении всей ее истории, для М. К. Кудрявцева есть явление очень позднее, возникшее лишь в колониальный период и связанное с развитием капиталистических отношений и распадом общины⁶.

Последовательное рассмотрение истории индийской общины начинается в книге с главы второй — «Древняя Индия», в которой автор, на наш взгляд, достаточно убедительно показывает, что в этой стране с VI до н. э. по IV—V вв. н. э. существовала община эксплуататорского типа. Хотя следующая глава книги носит название «Раннее средневековье (VI—XII вв.)», Л. Б. Алаев, выделяя в рассматриваемом периоде два этапа, за исходную точку первого из них принимает не VI в., как этого следовало бы ожидать, а начало нашей эры (с. 75, 132). Тем самым он приходит в противоречие и со сказанным им же во второй главе. Как считает автор, в первом подпериоде, который длился вплоть до VIII в., эксплуататорская община уступила место крестьянской (с. 81, 131). Однако никаких доказательств существования в это время не только крестьянской, но и вообще сельской общины автор не приводит. Как признает сам Л. Б. Алаев, источники, относящиеся к этому времени, почти совсем не упоминают об общине. Отсюда он делает вывод о глубоком упадке общины как организации (с. 81). С этим выводом вполне согласуется его утверждение о том, что с VIII в. в Индии наблюдается процесс «возрождения общинного землевладения» (с. 82).

С VIII по XX в. в Индии, по мнению автора, снова существует эксплуататорская сельская община. Обоснованию данного тезиса посвящена большая часть третьей гла-

⁴ См. Семенов Ю. И. Первобытная коммуна и соседская крестьянская община.

⁵ Кудрявцев М. К. Община и каста в Хиндустане, с. 31, 32, 86—90.

⁶ Кудрявцев М. К. Указ. раб., с. 86—90, 163 и др.

вы, а также главы четвертая — «Позднее средневековье (XIII—XVIII вв.)» и пятая — «Северондийская община по британским источникам». Индийская община в XX в. в той или иной степени затрагивается в главе первой — «Постановка вопроса». В целом по отношению к периоду с XI—XII по XIX в. этот тезис, на наш взгляд, доказан достаточно убедительно. Особенно глубоко раскрыта специфика индийской эксплуататорской общины в главе пятой, которая представляет собой своеобразную теоретическую выжимку из ранее опубликованной монографии Л. Б. Алаева «Социальная структура индийской деревни (территория Уттар-Прадеша. XIX век)» (М., 1976).

В итоге исследования автор приходит к выводу о поразительном сходстве устройства общины, какой она была в Древней Индии, с тем, которое застали англичане в XIX в.: «Такое же сочетание областных и деревенских объединений; такое же преобладание индивидуального хозяйства и кастовое единство коллектива землевладельцев как основное содержание его общинности; та же социальная и экономическая гетерогенность населения, наличие внутриобщинной эксплуатации» (с. 213). Но эксплуатация в Индии никогда не исчерпывалась внутриобщинной. Над обществом стояло, выражаясь словами Л. Б. Алаева, «восточное бюрократическое государство», которое в форме налога присваивало значительную часть прибавочного продукта. Был, по мнению автора, только один период в истории Индии, который характеризовался «упадком (ослабление, сокращение) государственной, фискальной эксплуатации» (с. 215), — с начала нашей эры до VIII—X вв. В последующие века Индия «опять свернула на дорогу развития преимущественно государственных форм эксплуатации» (с. 215). Автор нигде сколько-нибудь четко не характеризует этой формы социально-экономических отношений. Лишь в одном месте он глухо говорит об «азиатской» модели социального строя» (с. 215).

Но каковы бы ни были его взгляды по этому вопросу, он, во всяком случае, не согласен с исследователями, которые, стараясь обосновать рабовладельческую природу общества Древней Индии, утверждают, что в эту эпоху взимание налога государством не было эксплуатацией. Возражает Л. Б. Алаев и тем авторам, которые заявляют, что между налоговой эксплуатацией в древности и в средние века существует принципиальное различие. Он считает, что сущность государственной формы эксплуатации на всем протяжении истории Индии оставалась неизменной (с. 216—217).

Если это сопоставить с тем, что было сказано автором об эволюции общины, то из этого с неизбежностью вытекает, что общественный строй Индии перед ее превращением в британскую колонию был в принципе тем же самым, что и во второй половине I тысячелетия до н. э. Но этот естественно напрашивающийся вывод находится в столь разительном противоречии с широко распространенным в нашей исторической литературе представлением о рабовладельческом характере общества Древней Индии и феодальном средневековой Индии, что Л. Б. Алаев не решает его сделать. Более того, он прилагает немало усилий, чтобы каким-то образом согласовать свою реконструкцию эволюции индийской общины и индийского общества вообще с привычным взглядом.

Так, например, в ряде мест книги, он, вступая в противоречие с другими своими же высказываниями, характеризует государственную налоговую эксплуатацию как феодальную (с. 168, 169, 197). Однако эта линия не получила развития в его работе. И понятно почему. Если государственная эксплуатация в средневековой Индии была феодальной, то логика требует признать, что она была феодальной и в Древней Индии. Но в таком случае опровергается тезис, который требуется доказать, — положение о смене в Индии с переходом от древности к средним векам рабовладельческого строя феодальным. И Л. Б. Алаев идет по другому пути.

Он заявляет, что система государственной эксплуатации в Индии «является второстепенной с точки зрения формационного анализа». «Центр тяжести вопроса о господствующем способе производства, — пишет он, — лежит в плоскости внутриобщинных отношений, в производственной ячейке...» (с. 217). Утверждая это, Л. Б. Алаев приходит в явное противоречие с тем, что им было сказано на предыдущей странице, где он не менее категорично заявлял, что «каналы лишь ячейки производства (в данном случае хозяйства общинника) не отвечают на вопрос о базисе общества (совокупности производственных отношений)», что рассмотрение одних только внутриобщинных отношений «еще недостаточно для решения вопроса о формационной принадлежности древнего и средневекового индийского общества», что для этого нужно обратиться к анализу государственной формы эксплуатации (с. 216).

Вступая в противоречие со своим же выводом о поразительном сходстве устройства индийской общины в древности и в новое время, Л. Б. Алаев утверждает, что внутриобщинная эксплуатация и соответственно классовая природа сельских хозяев в древности и в средневековье была различной (с. 215, 216). Хозяйство привилегированных слоев общинников, т. е. полноправных членов общины Древней Индии было рабовладельческим, а средневековой — феодальным (см. 216, 218). Чтобы выяснить, насколько данное утверждение автора соответствует действительности, необходимо несколько подробнее остановиться на приводимых им данных о внутриобщинной эксплуатации и вообще о социальной структуре индийской эксплуататорской общины.

Характеристика слоя «полноправных общинников» в книге не всегда отличается достаточной четкостью. С одной стороны, автор нередко характеризует их всех вместе взятых как коллектив эксплуататоров (с. 70—71, 202, 213), а с другой — отмечает, что в состав этого слоя входили люди, которые сами были тружениками, производителями материальных благ (с. 58, 198, 199, 202, 203, 218). Эта нечеткость в какой-то степени связана с тем, что в ряде мест работы автор ведет изложение так, как если бы понятия «эксплуататор» и «труженик» абсолютно взаимно исключали друг друга (с. 58, 62). Однако дело обстоит сложнее. Человек может одновременно и трудиться

сам, и эксплуатировать других, совмещать в своем лице непосредственного производителя материальных благ и эксплуататора. В определенной степени автор это признает в других местах работы, где он говорит о людях, живших за счет как собственного, так и чужого труда. По его мнению, они занимали «положение где-то между феодалом и крестьянином» (с. 180). Оставляя пока вопрос о природе эксплуатации в стороне, отметим лишь, что пока земледелец-общинник сам трудился в своем хозяйстве, он оставался в принципе крестьянином, даже если наряду с собственным трудом использовал и чужой.

Данные, приведенные Л. Б. Алаевым, свидетельствуют, что владельческий слой индийской общины мог включать в себя людей, принадлежащих к трем разным группам. Первую из них составляли люди, которые самостоятельно вели хозяйство, используя лишь труд собственный и членов своей семьи. Это крестьяне в полном смысле слова. Вторую группу составляли хозяева, которые не только трудились сами, но и эксплуатировали неполноправных членов общины. Это — крестьяне-эксплуататоры. И наконец, в третью группу входили люди, которые целиком жили за счет труда неполноправных членов общины. Это чистые эксплуататоры. В разных конкретных индийских общинах соотношение этих трех групп было различным. Насколько можно судить по материалам, приведенным в книге, существовали общины, в которых привилегированная часть целиком состояла из одних чистых эксплуататоров (с. 198). В подобных случаях владельческий слой общины действительно был коллективом эксплуататоров. Существовали в Индии и такие общины, в которых чистые эксплуататоры отсутствовали. Они были по существу крестьянскими (с. 198, 199).

Полноправные общинники были обязаны платить государству налог. На этом основании Л. Б. Алаев характеризует их как людей, которые не только эксплуатировали, но и сами были эксплуатируемыми (с. 218). Согласиться полностью с этим утверждением нельзя. Эксплуатировать в точном смысле слова можно только производителей материальных благ. Поэтому об эксплуатации тех членов общины, которые полностью жили за счет чужого труда, не может быть и речи. Их не эксплуатировали, у них просто отнимали часть полученного ими прибавочного продукта. Об эксплуатации можно говорить применительно только к тем членам привилегированного слоя общины, которые сами участвовали в создании продукта, да и то не во всех случаях.

Как писал Л. Б. Алаев в книге «Социальная структура индийской деревни», земля индийской общины в XIX в. чаще всего делилась на две категории. Одну составляли участки, принадлежавшие отдельным членам привилегированной части общины (*сир*), вторую — земли, которыми эти полноправные общинники владели совместно и которые сдавались в аренду неполноправным членам общины (*райяти*). Между этими двумя категориями чаще всего устанавливалось такое соотношение, чтобы арендная плата с райяти полностью покрывала налоговые обязательства⁷. В таких условиях даже те члены привилегированной части общины, которые жили собственным трудом, не эксплуатировались государством.

Среди эксплуатируемой части населения общины достаточно отчетливо выделялись две основные группы. Первую составляли люди, которые сами хозяйства не вели, а работали в чужом. В Древней Индии среди них можно выделить четыре подгруппы. Первую составляли рабы, вторую — наемные работники, третью — люди, работавшие за содержание, четвертую — долговые заложники (с. 56, 59—62). Грани между этими категориями эксплуатируемых были недостаточно четкими. Все они в той или иной степени находились в личной зависимости от хозяина, на которого работали. По существу здесь перед нами одновременно и варианты, и составные части одной и той же формы эксплуатации. С этим связана тенденция к появлению единого термина для обозначения всех этих работников (с. 61, 62).

Вторую основную группу эксплуатируемых составляли люди, которые вели хозяйство на арендованной у полноправной части общины земле и отдавали ее владельцам значительную часть созданного продукта. Степень их хозяйственной самостоятельности была различной, но все они в той или иной степени находились в личной зависимости от владельцев земли.

Таким образом, в индийской общине существовало две основные формы эксплуатации. Первую из них Л. Б. Алаев характеризует как рабовладельческую. К числу рабов, по его мнению, должен быть отнесен любой несвободный производитель, который не имеет собственного хозяйства и работает в хозяйстве человека, которому он принадлежит или от которого зависит, за содержание или плату, сводящуюся к содержанию (с. 64, 215). Вторую из описанных форм эксплуатации Л. Б. Алаев характеризует как феодальную. Феодализм, по его мнению, имеет место везде, где существуют несвободные работники, ведущие хозяйство (с. 215).

Допустим, что Л. Б. Алаев прав в своей характеристике этих двух форм внутриобщинной эксплуатации. Однако все это не только не подтверждает положения о рабовладельческой ее природе в Древней Индии и феодальной — в эпоху средневековья, а, наоборот, находится в полном противоречии с ним. Действительно, как показывает автор, в Древней Индии наряду с той формой эксплуатации, которую он называет рабовладельческой, существовала и та, которую он считает феодальной (с. 53—55, 66). Столь же убедительно он показывает, что в средние века и в новое время в Индии наряду с той формой эксплуатации, которую он именует феодальной, существовала и та, которую он характеризует как рабовладельческую (с. 123—125, 180—183, 203—205). В результате у него получается, что рабовладельческие и феодальные отношения

⁷ Алаев Л. Б. Социальная структура индийской деревни, с. 169—170.

сопоставлявали в Индии в течение всей ее писаной истории, начиная с VI в. до н. э. и кончая XX в. И сам Л. Б. Алаев не может этого не сознавать и не искать выхода из создавшегося положения.

Одно из решений, к которому он склоняется, состоит в следующем. Хотя и в древности, и в средние века в Индии одновременно существовали и рабовладельческие и феодальные отношения, однако их роль в разные эпохи была неодинаковой. В древности доминировало рабство и соответственно древнеиндийское общество должно считаться рабовладельческим, в средние века доминировали феодальные отношения и соответственно общество было феодальным. «Если...», — пишет он, — подойти к хозяйству богатого общинника в Северной Индии, то можно заметить, что в древности в нем преобладают несвободные — безземельные работники, а в период с X до XIX в. — несвободные, имеющие землю на тех или иных условиях, „арендаторы“, по принятой обычно терминологии» (с. 215—216).

Никакими данными о численности несвободных безземельных работников и «арендаторов» в древней и средневековой Индии наука не располагает. Цифры, которые приводит автор, относятся к XIX в. По его подсчетам, в Северо-Западных провинциях и в Ауде (территория нынешнего Уттар-Прадеша) зависимые работники в чужих хозяйствах составляли в среднем более 30% сельскохозяйственного населения, а в некоторых районах их доля доходила до 40—50% (с. 204—205). Следуя логике его рассуждений, хозяйство богатых общинников этих районов, безусловно, должно быть признано рабовладельческим. Таким образом, данный путь заводит в тупик.

Чувствуя это, автор одновременно идет и по другому пути. В главе о позднем средневековье он, вступая в противоречие с собственным определением рабства, доказывает, что зависимые работники в чужих хозяйствах, жившие в эту эпоху, не могут считаться рабами. «Они», — пишет Л. Б. Алаев, обосновывая эту точку зрения, — юридические лица, имеют семью, свое частное имущество, свою кастовую организацию» (с. 183). Но всё это может быть отнесено по крайней мере к значительной части людей, работавших в чужих хозяйствах в Древней Индии. Как, на наш взгляд, в достаточной степени убедительно показывает автор, возникновение в Древней Индии варны шудр обусловлено прежде всего появлением значительного числа лиц, которые работали в чужих хозяйствах (с. 62—63). Указывая, что «совпадение варны шудр с работающим безземельным населением не было полным» (с. 62), Л. Б. Алаев в то же время подчеркивает, что по существу «вопрос о роли чужого труда в хозяйствах общинников сводится к вопросу о численности варны шудр» (с. 63). Таким образом, если автор не считает эксплуатацию зависимых работников в чужих хозяйствах в эпоху позднего средневековья рабовладельческой, то он должен отказаться от признания рабовладельческой эксплуатации точно таких же работников в Древней Индии.

Не ограничиваясь отрицанием рабовладельческой природы описанной выше формулы эксплуатации, автор, правда, но без колебаний объявляет ее феодальной (с. 183). Тем самым он вслед за отказом от данного им определения рабства столь же решительно отказывается от данного им определения феодальной эксплуатации. Но это не спасает положения. Изгоняя таким способом рабовладельческие отношения из позднего средневековья, Л. Б. Алаев тем самым с неизбежностью превращает почти всю внутриобщинную эксплуатацию в Древней Индии в феодальную.

Таким образом, Л. Б. Алаев так и не смог согласовать приводимый им в книге огромный фактический материал и основания на нем его собственные построения с точкой зрения, согласно которой древнеиндийское общество было рабовладельческим, а средневековое — феодальным. Все содержание работы убедительнейшим образом опровергает подобного рода взгляд на историю Индии.

Л. Б. Алаев совершенно прав, когда выделяет две основные формы внутриобщинной эксплуатации. Безупречным является данное им описание этих форм. Спорной является лишь характеристика одной из них как рабовладельческой, а второй как феодальной. И причина ошибки не только в его стремлении согласовать свои построения с привычным взглядом на индийскую историю. Другая причина — столь же привычное сведение всех сколько-нибудь широко распространенных докапиталистических форм эксплуатации к двум: рабовладельческой и феодальной. В действительности же кроме рабовладельческой и феодальной существуют и иные докапиталистические формы эксплуатации. С двумя из них мы здесь и столкнулись.

Эти две формы эксплуатации не являются специфическими индийскими. Они имеют самое широкое распространение как в предклассовых, так и в ранних классовых обществах. Обе они были в свое время выделены нами и описаны как две разновидности одной формы эксплуатации — кабальной⁸. Дальнейшие исследования привели нас к выводу, что перед нами две хотя и тесно связанные, но тем не менее разные формы эксплуатации. Уточнено было и представление о той форме эксплуатации, при которой зависимый человек трудится в чужом хозяйстве; выяснено, что ее вариантами и одновременно компонентами кроме ранее описанных нами форм (заложничество и работа за содержание) являются также, во-первых, одна из разновидностей эксплуатации рабов, во-вторых, одна из разновидностей наемного труда⁹. К тем же по существу выводам, но на другом материале пришел, как мы видели, Л. Б. Алаев.

⁸ См. Семенов Ю. И. Об одной из ранних нерабовладельческих форм эксплуатации. — В кн.: Разложение родового строя и становление классового общества. М.: Наука, 1968.

⁹ См. Семенов Ю. И. Формы эксплуатации на доколониальном Востоке. — Тезисы доклада на семинаре по проблемам социально-экономического строя стран Азии и Северной Африки Ин-та востоковедения АН СССР. Ноябрь 1980 г. М.: Наука, 1981.

Так как эти две формы эксплуатации не могут быть, вопреки мнению Л. Б. Алаева, охарактеризованы как рабовладельческая и феодальная, то они нуждаются в особых названиях. Ту из них, при которой зависимый человек работает в чужом хозяйстве, мы предложили бы именовать *доминантной* (от лат. *доминус* — хозяин, господин), а вторую — *магнатной* (от лат. *магнат* — влиятель).

Как магнатная, так и доминантная формы эксплуатации существуют в двух вариантах.

При первом из них эти отношения не образуют целостной системы, а существуют в качестве дополнения к крестьянско-общинному укладу¹⁰. Эти неукладные отношения эксплуатации можно было бы назвать соответственно *протомагнатными* и *протодоминантными*. При этом варианте эксплуататоры не перестают быть крестьянами. Наряду с эксплуатацией чужого труда они работают и сами.

Второй вариант характеризуется существованием производственных ячеек, целиком основанных на труде зависимых людей. В данном случае мы сталкиваемся с подлинными магнатными и доминантными отношениями, которые образуют свой собственный уклад, отличный от крестьянско-общинного. В зависимости от условий этот уклад может быть либо почти полностью магнатным, либо *смешанным* доминомагнатным, либо, реже, почти полностью доминантным. Доминантные и магнатные отношения в отличие от протомагнатных и протомагнатных не могут существовать в рамках деревенской общины. Они требуют более широкого, надобщинного образования. И такие образования существовали по всей Индии как в древности, так и в средние века. Л. Б. Алаев именует их областными общинами (с. 39—42; 93, 96, 103—106, 133, 213).

Доминомагнатный уклад в принципе мог и полностью оторваться от общинного. Могли существовать и, возможно, существовали доминомагнатные хозяйства, не входившие в состав общины, что автор, на наш взгляд, не всегда учитывает. Особенно вероятно существование таких хозяйств в Древней Индии (см. с. 47, 66, 70). Но в целом в Индии доминомагнатный уклад существовал в тесной связи с деформированным в результате его воздействия крестьянско-общинным укладом. Эта связь выражалась, в частности, в том, что доминомагнаты и по крайней мере часть крестьян составляли нередко один единый коллектив владельцев земли, противостоящий неполноправной части общины, и принадлежали к одной господствующей в данном районе касте.

Но какую бы важную роль ни играли доминомагнатные отношения, все же не они были основой индийских социальных организмов. Эту основу составляли те социально-экономические отношения, которые автор характеризует как систему налоговой государственной эксплуатации. Перед нами не просто система перераспределения прибавочного продукта, как пишет Л. Б. Алаев (с. 217), а особый антагонистический способ производства. Этот способ производства, который К. Маркс выделил под названием «азиатского», лучше всего было бы называть *политарным*¹¹. Обычно политарный способ производства существует как своеобразная надстройка над крестьянско-общинным¹². Как в древней, так и в средневековой Индии политарный уклад производства существовал в качестве своеобразной надстройки над доминомагнатным и неразрывно связанным с ним деформированным крестьянско-общинным укладами.

Обилие критических замечаний ни в малейшей степени не снижает нашу самую высокую оценку книги Л. Б. Алаева. За небольшим исключением, все они относятся не к основному содержанию работы, не к базирующимся на большом фактическом материале собственным построениям автора, а связаны с его попытками согласовать эти построения с привычными взглядами на историю Индии. Наличие противоречий в научной работе вряд ли, конечно, можно рассматривать как ее достоинство. Но в данном случае такое положение является следствием одного из ценнейших качеств, присущих автору работы. Это качество — scrupulous честность, Л. Б. Алаев нигде не поддается соблазну подогнать историческую действительность под принятую им общую схему, угнать те или иные факты, которые в эту схему не укладываются. Он стремится нарисовать такую картину исторической реальности, которая согласовалась бы со всеми известными ему фактами, даже в том случае, когда эта картина вступает в противоречие с им же отстаиваемыми общими положениями.

Книга Л. Б. Алаева представляет интерес не только для индологов и вообще исследователей, занимающихся проблемами эволюции сельской общины. Обобщенный и систематизированный в ней материал об эволюции индийской общины дает ключ к пониманию целого ряда важнейших проблем истории предклассового и раннеклассового общества, в частности вопроса о генезисе античного общества.

В одной из наших работ уже указывалось на сходство начального этапа развития «вторичного» классового общества в Индии и античной Греции, в частности на аналогичность между четырьмя древнеиндийскими варнами и теми группами, на которые делилось население архаической Аттики¹³. В свете данных, приведенных в книге Л. Б. Ала-

¹⁰ О понятии общественно-экономического уклада вообще, понятии крестьянско-общинного уклада в частности подробнее см.: *Семенов Ю. И.* Значение категории «общественно-экономический уклад» для анализа социально-экономического строя общества. *Философские науки*, 1976, № 3.

¹¹ См. *Семенов Ю. И.* Об одном из типов традиционных социальных структур Африки и Азии: прагосударство и аграрные отношения. — В кн.: *Государство и аграрная эволюция в развивающихся странах Азии и Африки*. М.: Наука, 1980.

¹² См. там же, с. 109—115.

¹³ *Семенов Ю. И.* Древняя Индия и античная Греция: сходство и различие. — В кн.: XIV Международная конференция античников социалистических стран (тезисы докладов). Ереван, 1976, с. 389—391.

ева, особенно наглядно видно, что и деление населения Аттики на эвпатридов, геоморов и демиургов, а также населения Древнего Рима на патрициев и плебеев является во многом сходным с кастовым. Патрицианская община древнего Рима находит почти полную аналогию в областной общине первичных заминдаров Индии. Становится понятной и сущность того крупнейшего социального переворота, который в Афинах связан с именами Солона и Клисфена, а в Риме — с именем Сервия Туллия. Это было крушение кастового строя и переход от общества, в котором господствовали доминантные отношения, к обществу, основой которого стали рабовладельческие связи.

Данные об индийской общине, приводимые в работах Л. Б. Алаева, не только делают понятными общественные порядки Фессалии и Крита, но позволяют приблизиться к разрешению загадки возникновения спартанского социального строя. Деление на спартиатов, периеков и илотов также во многом является близким кастовому. В значительной степени вероятно, что «община равных» возникла из социального образования, сходного с областной общиной первичных заминдаров Индии. В некоторых районах Индии были зафиксированы порядки, при которых вся земля находилась в коллективном владении общины первичных заминдаров и полностью сдавалась в аренду. Полученная арендная плата за вычетом налогов делилась между владельцами. Когда налоги собирались отдельно от ренты, общинники иногда предпочитали делить арендаторов между собой, и каждый из них в таком случае получал ренту с тех, которые были к нему приписаны¹⁴. От подобного рода общественного устройства открывается прямая дорога к социальному строю Древней Спарты. Основой спартанского общества в классический его период была система социально-экономических отношений, органически сочетавшая особенности магнатных и полисных связей, — полисномагнатный уклад.

Существуют разные критерии оценки научной работы. На наш взгляд, научная работа представляет ценность прежде всего тогда, когда прокладывает новые дороги в науке, будит мысль, заставляет по-иному взглянуть на многие привычные вещи. Книга Л. Б. Алаева полностью отвечает этим требованиям. Как видно из сказанного, она представляет собой существенный вклад не только в советскую, но и в мировую историческую науку. После этой работы уже невозможно по-старому подходить ко многим проблемам истории вообще, проблемам сельской общины в первую очередь.

Ю. И. Семенов

¹⁴ См. Алаев Л. Б. Социальная структура индийской деревни, с. 105—106.

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНО-БЫТОВЫЕ ПРОЦЕССЫ В БЕЛОРУССИИ (обзор работ)

Изменения в быту и культуре городского населения Белоруссии. Минск: Наука и техника, 1976, III с.; Изменения в быту и культуре сельского населения Белоруссии. Минск: Наука и техника, 1976. 144 с.; Этнические процессы и образ жизни (на материалах исследования городов БССР). Минск: Наука и техника, 1980, 280 с.

В связи с быстрым социально-экономическим и культурным развитием народов нашей страны на этапе зрелого социализма советская этнографическая наука уделяет все больше внимания современному развитию этносов, происходящим в них изменениям, чему в немалой степени способствуют успехи в научной разработке теории этноса и этнических процессов, в определении специфики современных этносов, уточнении предметной зоны этнографии в их исследовании¹.

Заметно активизировалось изучение современной традиционно-бытовой культуры и этнических процессов в РСФСР² и на Украине³. Большая работа по исследованию современных культурно-бытовых и этнических процессов проделана в последнее десятилетие также в Белоруссии, где в равной мере изучалось как сельское, так и городское население, причем усилилось внимание именно к городскому населению. Это объясняется тем, что в последнее десятилетие в Белоруссии городское население по численности превзошло сельское.

Этнографии городского населения республики посвящены два рецензируемых коллективных труда белорусских ученых, подготовленные под руководством В. К. Бондарчика.

¹ Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. — М.: Наука, 1973; его же. Современные проблемы этнографии. М.: Наука, 1981.

² Анохина Л. А., Шмелева М. Н. Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем. М.: Наука, 1977; Пименов В. В. Удмурты. Опыт компонентного анализа этноса. Л.: Наука, 1977.

³ Науко В. И. Развитие межэтнических связей на Украине. Киев: Наукова думка, 1975.

В работе «Изменения в быту и культуре городского населения Белоруссии» (авторский коллектив — В. К. Бондарчик, И. Н. Браим, В. Н. Белявина, В. М. Иванов), посвященной культурно-бытовым процессам в современных городах республики, впервые широко использованы социологические методы сбора и обработки материалов. Для обследования применялась многоступенчатая, районированная выборка, в которую попали как старые города (Минск, Гомель), так и новый, появившийся только в советское время (Жодино). Районированная выборка предприятий и учреждений в городах также проводилась с учетом времени их возникновения: были взяты предприятия, возникшие в дореволюционный период и в советскую эпоху (среди последних выделены предприятия довоенного и послевоенного времени, с. 5). Учет времени формирования и развития объектов обследования очень важен для решения главной задачи исследования — выявления новых черт в повседневном укладе жизни городского населения, а также соотношения их с элементами старого быта. В то же время вызывает сожаление, что в поле зрения ученых не попало ни одно из городских поселений западной Белоруссии, которая в отличие от восточной с 1921 по 1939 г. находилась в составе буржуазного польского государства. Поэтому некоторые выводы, например, о степени сохранения религиозных пережитков среди городского населения, нуждаются в большей конкретизации и аргументации. Обследование велось по двум программам. Цель первой программы, охватившей все попавшие в выборку города, состояла в том, чтобы выяснить общие тенденции изменений в быту и культуре современного городского населения. Всего было заполнено и обработано на ЭВМ 1523 опросных листа.

Вторая программа, предназначенная только для обследования жителей Минска, предусматривала углубленное изучение структуры свободного времени горожан и потребления ими культуры (было заполнено и обработано 2844 анкеты). Здесь более подробно, нежели в первой программе, учитывалась социальная структура городского населения. Однако приходится сожалеть, что в сферу внимания исследователей попал только Минск. Не меньший интерес представляли бы данные, собранные по этой программе и в других городских поселениях, различных по величине, роли и историческим традициям.

Следует отметить как существенное достоинство исследования то, что, собирая материалы, авторы не ограничились только анкетированием. Они использовали и другие социологические и этнографические методы: непосредственное наблюдение, нестандартизованное интервью, изучение документов о деятельности общественных организаций, текущих архивов предприятий, разнообразных статистических материалов. Привлечение широкого круга источников позволило довольно полно показать современный культурный и социальный облик городского населения Белоруссии, новые явления в его общественном и семейном быту (с. 5, 6).

В книге четко прослеживается неуклонное повышение образовательного уровня городского населения от поколения к поколению (табл. 5, с. 38), показаны более быстрые темпы роста образовательного уровня женщин, которые привели к преодолению существовавших в прошлом значительных различий в образовании мужчин и женщин (табл. 1, с. 34). Отмечен интересный факт: в группах наиболее высоко образованных (высшее, специальное и общее среднее образование) женщины по уровню образования даже начали опережать мужчин (с. 38). В книге убедительно раскрыта тесная связь между ростом образовательного уровня городского населения и повышением квалификации работников (табл. 4, с. 37), развитием и совершенствованием промышленного производства. Установлено, что образование жителей Минска в целом несколько выше, чем в других белорусских городах (табл. 2, с. 36).

В книге показана взаимосвязь уровня образования и таких явлений духовной культуры, как чтение книг, газет. Попутно изучены современные читательские интересы, запросы городских жителей, их отношение к различным видам художественной литературы (с. 90, 91). Однако следует отметить, что авторам не всегда удается найти этнографический подход к анализу потребления городским населением некоторых элементов духовной культуры.

Правомерно поставлен в книге вопрос об отношении городского населения к религии (с. 93—99). К сожалению, исследование этой проблемы проведено на меньшей, чем по другим проблемам, источниковой базе (только лишь по материалам, собранным в Минске). В распоряжении авторов нет сведений, отражающих процесс освобождения трудящихся города от влияния религии, без чего характеристика изменений в духовном облике горожан не может быть полной. Тем не менее приведенные в книге выводы по этому вопросу, хотя бы в качестве предварительных, имеют определенную ценность.

Исследование позволило сделать вывод о больших успехах в преодолении влияния религии в городе (верующие составляют примерно 8% жителей), а также выявить основные факторы, способствующие бытованию религиозных пережитков. Большая часть верующих имеет низкое образование, низкую квалификацию, а многие из них вообще не участвуют в производстве (домохозяйки, пенсионеры). Анализ полученных данных помогает определить основные направления борьбы за полное преодоление религиозных пережитков среди городского населения.

Весьма обстоятельно и в известной мере по-новому подошли авторы книги к характеристике общественного быта горожан. Особое внимание было обращено на наиболее характерные новые черты, и прежде всего отношение горожан к общественной работе — труду, по сущности своей коммунистическому.

Исследованием установлено, что в общественной работе участвует 51% городского населения (с. 56). Хорошо прослежена прямая связь между уровнем образования человека и степенью его общественной активности (табл. 8, с. 57): чем выше образование горожанина, тем активнее его общественная деятельность. Внимательно проанализиро-

ваны все виды и формы участия городского населения в работе местных Советов, партийных, профсоюзных, комсомольских организаций и органов народного контроля, в уличных, квартальных, домовых комитетах, различных самостоятельных обществах (спортивных, любителей книги, охраны памятников истории и культуры и др.).

Особое внимание уделяется таким важным элементам городского быта, как общественные праздники. Социологическое обследование показало широкую популярность общегосударственных революционных праздников. В них участвует почти все городское население (98,3%) — больше, чем в традиционных народных праздниках (соответственно 93,6% горожан, с. 82). Авторы зафиксировали устоявшиеся формы проведения общественных праздников, отметили наличие в них как общесоветских, так и национально-особых черт (с. 83).

Заслуживает одобрения стремление авторов определить предпочитаемые горожанами способы проведения свободного времени (сначала — чтение, затем просмотр телевизионных передач), осветить деятельность культурно-просветительных учреждений города в организации различных видов досуга (художественная самодеятельность, занятия спортом и т. д.). В книге показан прогрессивный характер современных способов использования свободного времени, их важное значение в формировании духовно богатой и всесторонне развитой личности.

Анализ современных форм общественного быта хорошо дополняет сжатый очерк современного семейного быта городского населения. Наиболее удачно показано здесь все возрастающее влияние духовных факторов, духовной культуры на характер взаимоотношений в семье, в частности на усиление роли женщины в семье, значительное повышение ее престижа.

Что касается этнических процессов в городах Белоруссии, то эта проблема в первой книге по существу была только поставлена (с. 99—104). Тщательный анализ ее наиболее существенных аспектов осуществлен во второй из рецензируемых книг — «Этнические процессы и образ жизни» (авторы В. К. Бондарчик, И. Н. Браим, В. Н. Белявина, В. С. Гурков, Г. И. Касперович, Э. Р. Соболенко). Этнические и культурно-бытовые процессы рассмотрены в этой книге как существенные стороны социалистического образа жизни, отражающие не только его общие, характерные также для городов других республик черты, но и своеобразие, обусловленное местными этническими и культурно-бытовыми особенностями. По сравнению с первой книгой исследование проведено на более широкой источниковедческой базе (обследовано 17 городов, проанализировано существенно больше статистических материалов). Применялась и более совершенная методика. В выборку попали города не только восточной, но и западной Белоруссии. Выборка охватывает все этнические регионы республики (с. 24). При этом учтены особенности их этнического состава. Выборочная совокупность хорошо отражает генеральную (с. 26).

Введение (с. 3—28), знакомящее читателя с кругом сложных теоретических проблем исследования, имеет и самостоятельное научное значение. В нем на современном научном уровне дается характеристика такого сложного, многостороннего явления, как образ жизни, показаны его этнографические аспекты, значение этнографической науки в его исследовании. Авторы определяют место и роль этнических и культурно-бытовых процессов в структуре образа жизни, обстоятельно излагают методологические установки и методику их изучения. Однако при рассмотрении путей формирования социально однородного общества, общих для всех классов и социальных групп компонентов культуры («взаимное проникновение лучших черт, присущих всем классам и социальным группам», с. 5), следовало бы, как кажется, особо подчеркнуть основное направление этого процесса, которое заключается в том, что революционная идеология и мораль рабочего класса, его коллективистская психология, социалистические интересы и коммунистические идеалы становятся ныне достоянием всех слоев советского общества⁴.

Анализу собственно этнических процессов в книге предшествует анализ материала о росте городов и связанных с этим миграционных процессов, изменений в этническом составе городского населения (с. 29—80). Для республики характерны высокие темпы урбанизации в период зрелого социализма (за это время возникло 27 новых городов); растут преимущественно крупные города, уменьшается число небольших городских поселений, преобладает миграция из сел, а следовательно, увеличивается численность коренной национальности среди городского населения. Значительный интерес представляет также исследование межреспубликанских миграций и их влияния на изменение этнического состава городов Белоруссии. Согласно собранному материалу, среди представителей других национальностей в городах республики особенно быстро растет доля русских и украинцев (с. 68). Авторы предприняли также анализ возрастной структуры лиц, переселившихся в города (с. 79). Среди них преобладают молодые люди (от 16 до 24 лет), в большинстве своем холостые. Это обстоятельство дает основание говорить о важной роли группы молодых мигрантов в этнических процессах (лучше владеют языком межнационального общения, легче вступают в контакты с представителями других национальностей, более ориентированы на интернациональные элементы культуры и быта).

В книге предпринят также анализ личностных межэтнических контактов на уровне производственных коллективов, соседских связей, в семье, а также установок на эти контакты. Авторы убедительно показывают возрастающее значение основных социаль-

⁴ Во имя идеалов свободы, справедливости, прогресса. К выходу в свет восьмого тома речей, приветствий, статей Л. И. Брежнева «Ленинским курсом». — Коммунист, 1981, № 15, с. 19.

них ячеек нашего общества — производственных коллективов и семьи — в усилении таких контактов. Эти выводы обстоятельно аргументированы обширными данными. Так, преобладающая часть опрошенных (65,7%) имеет друзей другой национальности. причем более половины из них стали друзьями непосредственно на производстве (с. 88). Усиление межэтнических контактов в семье горожан подтверждается ростом числа национально-смешанных семей: в 1959 г. их приходилось 237 на 1000 семей, в 1970 г. — соответственно 292. В книге показывается положительное влияние межэтнических контактов на личностном уровне на взаимодействие национальных культур: примерно третья часть тех, кто имеет друзей другой национальности, заимствует иноэтнические элементы духовной (песни, танцы и др.) и материальной (в первую очередь, кулинарные рецепты) культуры (с. 88). Высокие показатели выявлены авторами в установках на межнациональные контакты. К таким контактам в производственной деятельности положительно относятся 95,5% опрошенных. Этнически смешанные браки положительно оценивает 78,2% опрошенных (с. 262). Все эти данные свидетельствуют о прочных дружественных отношениях между представителями различных национальностей.

На материалах социологических обследований и статистических данных полно и глубоко исследованы языковые процессы в городах Белоруссии. Выявлены широкие масштабы приобщения к русскому языку всех национальных групп городского населения. Так, им владеют 89,5% белорусов, 94,2% украинцев, 90,2% поляков, 97,1% евреев и 77,8% представителей других национальностей; при этом 26,8% белорусов, 54,5% украинцев, 31,3% поляков, более половины представителей других национальностей считают его родным (с. 202—224). Авторы охарактеризовали и вторую важную сторону языковых процессов в Белоруссии в советскую эпоху — дальнейшее развитие белорусского языка, значительное обогащение его лексики, совершенствование и расширение общественных функций (напр., использование в учебных заведениях, науке, печати, театре, на радио, телевидении и т. п.) языка. Подробно исследована в книге характерная черта современных языковых процессов — массовое распространение двуязычия, особенно русско-белорусского. Практическое значение имеют рекомендации по совершенствованию русской и белорусской речи городских жителей (с. 212). Немалый интерес представляет анализ соотношения языка и этнического самосознания. Авторы верно отмечают, что у части белорусов и других национальных групп городского населения, за исключением русских, этническое самосознание не всегда совпадает с языком. Приобщение к русскому языку как ко второму языку или даже признание его родным в большинстве случаев, как об этом свидетельствуют многочисленные факты, приведенные в книге, не влечет за собой изменения этнического самосознания. К числу недостатков раздела о языковых процессах следует отнести встречающиеся иногда неудачные, на мой взгляд, термины: «смешанный язык» (с. 210, 211), «этноязыковое самосознание», «этнолингвистическое самосознание» (с. 214).

Как уже говорилось, во второй книге анализ этнических процессов хорошо увязан с исследованием более широкой научной проблемы — современного социалистического образа жизни. Авторы убедительно показывают все возрастающее влияние современных этнических процессов на усиливающуюся интернационализацию всех основных сфер деятельности городского населения, его общественный и семейный быт, духовную и материальную культуру (с. 97—192, 218—255). Растущая интернационализация, как об этом свидетельствует тщательное исследование основных компонентов современного быта и культуры городского населения Белоруссии, является магистральным направлением, определяющим и сущность современных этнических процессов, и наиболее значимые черты современного социалистического образа жизни.

Проследивая эти глубинные связи, авторы вместе с тем обстоятельно рассматривают те аспекты социалистического образа жизни, которые входят в предмет этнографической науки, а именно современные культурно-бытовые процессы. Они не только используют опыт предшествующей работы в этом направлении, но и обогащают его более совершенной методикой. Сравнение же некоторых показателей обследования 1976 г. и проведенного ранее, в начале 70-х годов, дало возможность проследить прогрессивные изменения в современных культурно-бытовых процессах (с. 171—180). В то же время такой важный аспект этих процессов, как рост атеизма, на который было обращено внимание в первом исследовании, почему-то выпал из поля зрения исследователей, во второй работе.

Во второй книге в отличие от первой приводятся данные об изменениях в материальной культуре городского населения — жилищных условиях, одежде, пище. Показано быстрое улучшение условий жизни городского населения, интенсивное развитие интернациональных черт в его материальной культуре, своеобразное переплетение их с этническими особенностями, в частности в пище (с. 164, 165).

Рассматриваемую работу в целом можно считать знаменательным событием, важной вехой в истории белорусской советской этнографии. В ней впервые глубоко исследовано современное состояние и развитие этнических и культурно-бытовых процессов в городах Белоруссии.

Третья книга — «Изменения в быту и культуре сельского населения Белоруссии» (авторский коллектив — В. К. Бондарчик, В. С. Гурков, А. Н. Курилович, Н. С. Лобач, Л. И. Минько, Л. А. Молчанова, Э. Р. Соболенко, отв. ред. В. К. Бондарчик) посвящена анализу культурно-бытовых процессов в селах Белоруссии. В ней особенно широко охвачены такие этнографические аспекты образа жизни, как материальная культура (исследовано и изменение самих поселений), духовная культура (изучены также степень религиозности сельского населения и рост в его среде атеизма). Об-

стоятельно раскрыто значение в общественном быту села деятельности производственных коллективов (колхозов и совхозов), в частности освещена важная роль колхозных, совхозных, а также бригадных собраний в повышении социальной активности сельского населения (с. 79). Подробно проанализирована многосторонняя деятельность сельских профсоюзных организаций, продемонстрировано их широкое распространение в сельской местности и активное участие в трудовой и общественной жизни производственных коллективов, в улучшении условий труда и организации отдыха сельских тружеников (с. 76, 77). Авторы обращают внимание и на деятельность других общественных организаций, в том числе новых, появившихся на селе в последние десятилетия, таких, например, как сельские комитеты (с. 85). В книге выявлена также специфика сельских праздников.

Глубоко исследуются изменения в сельской семье, в ее экономической и социальной основе, функциях. Авторы дают объяснение таким современным явлениям, как неуклонное повышение престижа женщины, а также изменение положения в семье юношей и девушек, детей младшего возраста. Большой интерес представляют изучение роли семьи в духовном воспитании детей. К сожалению, воспитательные функции современной сельской семьи раскрыты недостаточно полно, в частности не освещена такая важная сторона семейного воспитания, как приобщение детей к посильному физическому труду, физическое воспитание в семье (с. 26—31). Хорошо показано в книге быстрое распространение в селе некоторых новых элементов семейной обрядности, особенно торжественной регистрации браков (с. 56).

Значительное внимание уделяют авторы новым явлениям в духовном облике сельских жителей: росту образовательного уровня, активному участию сельских жителей в работе университетов культуры, в художественной самодеятельности, а также росту атеизма (причем рассматриваются локальные особенности этого процесса).

Весьма тщательно проанализированы изменения и в материальной культуре сельского населения (с. 112—139), намечены основные тенденции их. Выделены новые явления в материальной культуре, ярко отражающие процесс сближения деревни с городом (укрупнение поселений, новые черты в интерьере жилища, современные изменения в одежде, пище).

Рецензируемые научные труды следует оценить как значительное достижение белорусских этнографов. Они свидетельствуют о том, что белорусская советская этнографическая наука вышла на новые рубежи в этнографическом изучении современности. Важно закрепить эти позиции, глубже исследовать этнические процессы в сельской местности и создать обобщающий труд о современных этнических и культурно-бытовых процессах в Белоруссии в целом.

М. Ф. Пилипенко

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

А. Я. Гуревич. Проблемы средневековой народной культуры. М.: Искусство, 1981. 359 с.

Известный историк средневековой культуры А. Я. Гуревич опубликовал новую книгу — «Проблемы средневековой народной культуры», которая, как мне кажется, представляет значительный интерес для читателей «Советской этнографии». В этой книге, как отмечает сам автор (с. 7), отчасти продолжает разрабатываться проблематика, уже затронутая в более ранней работе — «Категории средневековой культуры» (М.: Искусство, 1972), но в другом совершенно разрезе — не в категориальной расчлененности, а в слитности, в плане не «анатомии», а «физиологии» культуры. При таком подходе исследователь обращается к неизученному до сих пор должным образом мощному народному пласту, представляющему собой органическую часть единой средневековой культуры.

Для реконструкции структур народного сознания и неявных моделей социально-религиозного «народного» поведения А. Я. Гуревич с особенным вниманием анализирует не прямые отражения фольклора в героическом эпосе, сказках, быличках и т. п., а те жанры средневековой литературы, которые создавались духовенством, но с целью популяризации христианского учения среди широких масс и должны были считаться с живущими в народе традиционными и архаическими представлениями. Речь идет о популярных проповедях, легендах о святых (в том числе о «народных» святых, отвергнутых официальной церковью), о «покаянных книгах», «видениях» о загробных хождениях, о жанре «примеров» (exempla), о попытках сугубо популярных богословских трактатов вроде «Светильника» Гонория Августодунского (рубеж XI—XII вв.) и др. Извлеченный автором из этих источников огромный материал, как и сама методика его извлечения и интерпретации, не может не пробудить живейшего интереса у этнолога и фольклориста.

Композиция книги строится как последовательное обращение к анализу различных жанров. Я позволю себе, однако, передать его суть по-другому для более ясного выявления результатов исследования в рамках короткой рецензии.

Многие факты, приведенные в монографии А. Я. Гуревича, прямо свидетельствуют о наличии огромного количества пережитков «языческой» дохристианской культуры. Так, например, обращение «народных» проповедников-самозванцев к паркам, лесным

нимфами или сатирами, упоминания о связи шабаша ведь с богиней Дианой указывают на романские языческие реминисценции, а использование образов Гульды, фрау Холле и Фриггахольды и сам факт смешения сказочной ведьмы с древнегерманской богиней, равно как и образы оборотней (вервольф), картины сражающихся и неумирающих воинов типа древнескандинавских зинхернеев — все это и многое другое протягивает нить к язычеству древних германцев. В указанных источниках часто упоминаются аграрные обычаи или обычаи проводов покойников, гадания, варварские традиции в «праздничном» потреблении продуктов и т. д. — явления, явно восходящие к дохристианским корням.

Однако книга А. Я. Гуревича отнюдь не сводится к перечню «языческих» пережитков как таковых; в этой области наука успела уже до выхода рецензируемой работы накопить обильный материал. Автор пишет: «Мы находим здесь и отголоски древних мифов и то, что В. Я. Пропп называл „историческими корнями волшебной сказки“, и, наконец, прямые параллели к обрядам и верованиям „примитивных“ племен и народов других континентов. Но главное не в происхождении тех или иных мотивов..., а сам факт их чрезвычайной, можно даже сказать, поразительной живучести в период, казалось бы, безраздельного господства церкви в духовной жизни Средневековья» (с. 153).

А. Я. Гуревича интересует не наличие пережитков язычества как таковых, а так называемое «народное христианство», структура народного сознания, уже освоившего на свой лад христианское мировоззрение. В книге подчеркивается сближение, отождествление в народном мировоззрении языческих и христианских мотивов, например языческой и христианской эсхатологии, языческой колдовской магии и христианских чудес, творимых святыми; обращается внимание на такой факт, как гадание по священным книгам. Автора особенно занимает эта «взаимная соотнесенность» фольклорного и богословского начала, их взаимодействие на основе «традиционных привычек сознания» сохранившихся и после уничтожения старых богов (с. 155). В тексте книги приведены многочисленные примеры этой «соотнесенности».

Исследователя привлекают и такие черты, которые к собственно язычеству прямого отношения не имеют, например идея преимущественного «спасения» после смерти тружеников-земледельцев в «Светильнике» или проявляемое святыми христианское милосердие к пленникам, преступникам в противовес суровому официальному «праву», идеализация «простецов» и т. д. А. Я. Гуревич собирает и объединяет все эти разнородные факты для выявления таких структур народно-средневекового сознания, которые мы бы назвали общемифологическими. Большая заслуга ученого в данном случае как раз и заключается в выделении, описании (не только в диахроническом разрезе, но и в синхроническом плане) и глубоком анализе этих ритуально-мифологических стереотипов сознания и поведения, которые практически господствуют в народном сознании в эпоху расцвета средневековой культуры. К этой «мифологической» сфере относятся излюбленные в легендах олицетворения (персонификации) добродетелей и грехов, представление о спиритуальных символах как о конкретно-чувственных образах (например, реальные камни, добавляемые на весы к добродетелям в одной из *exempla*), интерес к телесному воскресению, склонность к дуалистическим представлениям «манихейского» типа, подчеркивание в категории причинности момента божественного провидения, своего рода судьбы (а не «исторического» начала: бог как беспощадная судьба). Исследователь обнаруживает здесь логику сопричастия и максимального сближения макро- и микрокосма, приоритет «природного» циклического времени перед «историческим» линейным, дискретное представление о времени при описании потусторонней «вечности» и допущение одновременности, противоречащей линейному телеологизму-финализму, несправедливый подход к пространству (ад — под землей и на севере; кстати, ср. соответствующие языческие представления северных народов. — Е. М.), общий принцип познания как повторения и узнавания архетипов.

К тем же мифологическим корням исследователь подводит тенденцию подмены большой эсхатологии (судьба мира после второго пришествия) малой эсхатологией (судьба души непосредственно после смерти индивида). По его мнению, такой примитивный «персонализм» достаточно архаичен и появляется задолго до предренессансной эмансипации личности.

С дуалистической тенденцией народного сознания, с противоборством тела и духа, с «партикуляризацией» небесных сил (с. 289) А. Я. Гуревич связывает природу средневекового гротеска. В народной демонологии, отразившейся в *exempla*, смешное и ужасное перемешаны, трактовка нечистой силы амбивалентна; сакрально-возвышенное дается также в единстве с низовым и грубо материальным. Постоянно происходит смена смешения и противопоставления двух миров, создавая особый гротескно-парадоксальный «карнавальный» стиль религиозного мышления. Всячески подчеркивая значение открытий М. М. Бахтина в области анализа «карнавальности», А. Я. Гуревич вместе с тем ограничивает описанное М. М. Бахтиным вольнодумное преодоление страха смехом в карнавальной обрядности и литературе рамками Ренессанса, когда органическое религиозное мировоззрение было уже сильно расшатано. Позиция А. Я. Гуревича в этом вопросе представляется мне совершенно правильной. Взаимопроникновение демонического и комического находим и в фольклоре культурно-отсталых народностей, в многочисленных образах мифологических плутов, способных на неудачное подражание деяниям культурного героя (что вызывает смеховой эффект) и одновременно ответственных за появление смерти, злых духов и т. п.

В краткой рецензии невозможно передать богатое содержание глубокой и новой по мыслям и выводам работы А. Я. Гуревича. Моей задачей было только привлечь внимание этнографов к этой интереснейшей книге.

Е. М. Мелетинский

Р. К. Грдзелидзе. Межнациональное общение в развитом социалистическом обществе (на примере Грузинской ССР). Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1980. 271 с.

Проблема общения относится к числу тех, которые в отечественной науке стали разрабатываться сравнительно недавно. Даже в последнем (третьем) издании БСЭ термин «общение» как характеристика контакта между людьми вообще отсутствует.

Межнациональное общение тоже находится на начальной стадии изучения. Решаемая работа Р. К. Грдзелидзе, которая специально посвящена исследованию проблемы межнационального общения в условиях развитого социализма, несомненно привлекает внимание как одна из первых попыток (монографического масштаба) разобратся в существе этого важного аспекта национальных отношений.

Цель исследования — рассмотрение межнациональных отношений в СССР как комплексной проблемы, требующей прежде всего теоретико-методологического осмысления. В соответствии с такой установкой автор сосредоточивает свое внимание на раскрытии следующих основных вопросов: социально-экономические и политические основы развития межнационального общения; роль такого общения в развитии общих черт психологии, морали, культуры и быта у разных народов СССР; социально-психологические аспекты межнационального общения; взаимосвязь межнационального общения и интернационального воспитания трудящихся (см. с. 10, 11). Перечисленные задачи определили структуру работы. Она состоит из пяти логически связанных между собой глав.

Одно из основных достоинств работы в том, что межнациональное общение в СССР показано на фоне тех грандиозных преобразований, которые произошли в стране за годы Советской власти, и одновременно в связи с важнейшими процессами, протекающими в области национальных отношений, — интернационализацией социалистического типа, расцветом и сближением наций и народностей страны, дальнейшим укреплением социальной и интернациональной общности людей — советского народа, ростом миграции и многонациональности населения союзных республик, развитием социалистической демократии. Методологически оправдано, что характеристике межнационального общения в развитом социалистическом обществе как конкретно-историческому явлению предпослан анализ межнационального общения как категории марксистско-ленинской теории нации и национальных отношений. В главе, посвященной раскрытию этого вопроса, изложены взгляды основоположников научного коммунизма на сущность и значение человеческого общения, предпринята попытка определить структуру, исторические типы и субъекты межнационального общения; дана критика некоторых буржуазных этнопсихологических концепций, превратно трактующих данную сторону национальных отношений.

Не ставя целью дать подробную характеристику затронутых в работе проблем, нам хотелось бы остановиться на тех вопросах, по которым в научной литературе нет единого мнения. К их числу следует отнести в первую очередь вопрос об определении понятия «межнациональное общение». В работе оно трактуется как «конкретное, реальное проявление взаимоотношений представителей двух и более национальностей, обменивающихся, с одной стороны, материальными и духовными ценностями, с другой — взглядами, чувствами, эмоциями». «Межнациональное общение, — продолжает автор, — это общественные и личные контакты и взаимосвязи людей разных национальностей в процессе их общественно-необходимой деятельности и повседневной жизни» (см. с. 31).

Отдавая должное авторской попытке «схватить» суть межнационального общения, отметим, однако, что в приведенном определении не нашла своего адекватного отражения одна характерная черта всякого общения, в том числе и межнационального. Мы имеем в виду то, что общение — это всегда непосредственный духовный контакт между людьми, независимо от того, какими средствами он осуществляется (речь, письмо, мимика, жестикуляция и т. п.).

В отличие от других видов человеческих связей общение — это такой межличностный контакт, само свершение которого становится фактом благодаря потребности в обмене актуальной в данный момент времени информацией. Следовательно, непосредственность связи людей обусловлена необходимостью (в крайних случаях неотложностью) сообщить нечто важное (или то, что представляется таковым) в той или иной конкретной ситуации. Вот, почему общение — это непосредственный контакт, хотя по форме своего выражения он может быть и не прямым, а косвенным (например, обмен письмами).

Другая особенность общения заключается в том, что оно по способу связи его субъектов духовно, хотя и осуществляется при помощи многообразных материальных средств. И эта особенность связана с тем, что общение, как правильно отмечено в работе, будучи одной из форм осуществления общественных отношений, персонифицирует их в межличностных связях.

Следует отметить, что теоретические положения, выдвинутые в работе, увязаны с фактическим материалом, подкреплены данными конкретно-социологических (в частности, этносоциологических) исследований, проведенных в ряде республик, в том числе в Грузии в 1972 и 1975 гг. Выводы по результатам этих исследований говорят о том, что автор правильно интерпретирует практику межнационального общения и предлагает вполне обоснованные рекомендации, направленные на дальнейшее совершенствование социалистических национальных отношений на этапе развитого социализма.

Рассматривая социально-психологические аспекты межнационального общения в СССР, Р. К. Грдзелидзе большое внимание уделяет анализу понятия «установки», научное определение которого впервые сформулировано в трудах грузинского психолога Д. Н. Уznaдзе. И это вполне оправдано, поскольку межнациональное общение как социально-психологический процесс не может быть понято, если игнорируется влияние на него социальной установки и ее разновидности — установки национальной.

С целью выявления научной несостоятельности идеалистических трактовок социально-психологических механизмов направленности сознания и поведения индивида, противостоящих диалектико-материалистической концепции установок личности, автор подвергает критике теорию «национальной апперцепции» О. Бауэра, что совершенно необходимо, если учитывать то место, которое эта теория занимает в трудах буржуазных этнопсихологов. Но при этом автор допускает неточность, квалифицируя названную теорию О. Бауэра как беспочвенную (см. с. 62).

Как известно, понятие установки является разновидностью идеи апперцепции, выражающей одно из фундаментальных свойств психики человека — воспринимать мир преломленным сквозь призму накопленного им опыта, знания и личностных особенностей. В теории О. Бауэра отражено объективно существующее явление, — один и тот же предмет воспринимается людьми по-разному, под определенным углом зрения. Но представлено это в искаженной, извращенной форме. Вот почему эту теорию следует считать ошибочной, но отнюдь не беспочвенной.

К сказанному следует добавить, что работа значительно выиграла бы, если бы ее автору процесс общения людей различных национальностей нашей страны удалось осветить с учетом социальной адаптации, т. е. показать усвоение ими общечеловеческих, интернациональных ценностей как своеобразный процесс их духовного взаимодействия. В этом случае межнациональное общение было бы показано в книге более многосторонне и вместе с тем более дифференцированно.

Представляется, что недостаточная разработка отмеченных выше вопросов связана с их слабой изученностью в научной литературе.

В целом же монография Р. К. Грдзелидзе представляет несомненный интерес, так как в ней предпринята попытка раскрыть межнациональное общение в СССР как сложную многоплановую проблему.

Работа написана с четких классовых, партийных позиций и во многом обогащает и конкретизирует наше представление о процессах межнационального общения, происходящих в условиях развитого социализма. Поэтому ее с интересом прочтут как специалисты (философы, социологи, этнографы), которым она в первую очередь адресована, так и более широкий круг читателей, занимающихся вопросами теории и практики национальных отношений и интернационального воспитания трудящихся.

М. В. Иордан

С. Б. Рождественская. Русская народная художественная традиция в современном обществе. Архитектурный декор и художественные промыслы. М.: Наука, 1981. 206 с. илл.

Изучение роли народных традиций в современном обществе — одна из наиболее сложных и вместе с тем особенно значительных и актуальных как в теоретическом, так и в практическом отношении проблем этнографии. В работе С. Б. Рождественской русская народная художественная традиция рассматривается как результат коллективного творчества этноса на протяжении его истории, а сохранение и адаптация в современном обществе сокровищ художественной культуры народа — как функция этой традиции. В качестве объекта исследования выделены две обширные области бытования традиционного народного прикладного искусства — народное зодчество и художественные промыслы, которые автор рассматривает в рецензируемой книге как часть культуры и быта этноса. С. Б. Рождественская исходит из того, что народное искусство представляет собой синтез материальной и духовной традиционной культуры и в этом смысле является как бы материализацией мировоззрения народа. В книге ставятся и решаются теоретические и конкретно-этнографические вопросы, связанные с динамикой народной художественной традиции в современных условиях.

Рецензируемый труд основан на многообразных источниках, охватывающих чрезвычайно широкий ареал. Основные полевые материалы по архитектурному декору жилища собраны в 22 областях РСФСР в 1960, 1961, 1963, 1965 и особенно 1969—1973 гг. Еще в 11 областях и краях на территории расселения русских были изучены музейные коллекции, архивные материалы и проанализированы ответы корреспондентов на вопросы ученых. Анализ состояния народных художественных традиций в промыслах проведен на материалах фабрик городской, хохломской и жостовской росписи, уральского производства расписных лакированных подносов, дымковской игрушки в Кирове и др. Среди привлеченных автором новых видов источников особенно следует отметить записи бесед с мастерами.

Книга состоит из трех глав, введения и заключения. Она снабжена 250 рисунками, по большей части сведенными в таблицы, а также географическим указателем. Весьма интересны приведенные в работе схемы, в которых представлена структура народного искусства и продемонстрированы его связи с окружающей средой.

В специально выделенной историографической главе дан критический обзор широкого круга трудов по истории народного искусства, свидетельствующий об эрудиции

автора монографии и глубокою пониманием проблем развития исследовательской мысли в истории изучения народного изобразительного творчества, а также его функционирования в современном обществе. По широте и многогранности рассматриваемых вопросов вводная часть работы далеко выходит за рамки обычного введения. Автор обрисовывает путь, пройденный наукой о народном искусстве, характеризует подход к данной теме ученых разного профиля — археологов и искусствоведов, фольклористов и этнографов. Возможно, следовало бы сделать обзор более целенаправленным, выделяя конкретную значимость для данной темы того или иного исследования (см. с. 14, 15 и сл.).

Во второй главе — «Системный подход в изучении народного искусства» — автор, анализируя изобразительное творчество этноса, выявляет элементы его структуры и связи между ними (внутренние связи), а также показывает взаимоотношения элементов народного искусства с окружающей средой (внешние связи). Народная традиция представлена в этой главе как результат взаимодействия внешних и внутренних связей в системе «народное искусство — среда его бытования».

С изменениями в окружающей действительности меняется содержание элементов структуры народного искусства: в него входят новые образы, появляются новые материалы, совершенствуются технические приемы. Этот постепенный процесс обеспечивает, естественно, развитие традиции, так как из-за взаимосвязанности всех элементов структуры народного искусства новое адаптируется традиционным и, в свою очередь, войдя органически в традицию, адаптирует в ней все новое. Интегрирующим элементом системы «народное искусство — среда его бытования» является этническое сознание. Переработка информации об окружающей действительности в народном искусстве в решающей степени определяется этническим сознанием мастера.

Отграничивая народное искусство от самостоятельного, автор выделяет в качестве критерия «владение мастером народной художественной традицией как системой образно-сюжетного, композиционно-колористического, стилистического строя и технических приемов обработки соответствующих природных материалов» (с. 34). Если в профессиональном искусстве отражается индивидуальное мировосприятие художника, то в народном искусстве — мировосприятие этноса в поколениях, что определяет обязательность повтора (варьирования) в народном искусстве при недопустимости этого приема в профессиональном искусстве.

Центральное место в монографии С. Б. Рождественской занимает глава о русской народной традиции в современном зодчестве. Рассматриваются региональные особенности архитектурного декора, многочисленные локальные отличия внутри регионов, проявляющиеся в сочетании разных компонентов в едином комплексе украшения жилища. На фоне многообразия вариантов четко прослеживается единство художественной традиции русского этноса в целом.

Для решения проблемы о соотношении традиции и инновации особый интерес представляет анализ развития пропильной резьбы. В отличие от рельефной глухой (судовой) и трехгранно-выемчатой резьбы, а также скульптурных украшений и деталей из кованого металла, хорошо изученных искусствоведами, пропильные деревянные и просечные железные украшения не изучались специалистами в связи со сложившимся в прошлом веке отношением к ним как к малохудожественному ремеслу. Автор показывает, что зародившееся в последней четверти XIX в. искусство пропильной резьбы непосредственно связано с традициями старинной глухой резьбы. Постепенно этот молодой вид народного искусства воспринял и художественную традицию в более широком плане: были найдены стилистические приемы воплощения образно-сюжетного богатства в новой технике. По мере того как мастера пропиловки накапливали опыт освоения художественной традиции, совершенствовался уровень нового вида декоративной отделки. Аналогичные процессы прослеживаются и в развитии просечных железных украшений.

Анализируя композицию и содержание резных узоров, С. Б. Рождественская показывает появление, наряду с традиционными, новых мотивов орнамента и сюжетов, их связь со средой бытования, профессией исполнителей и другими факторами. Один из важных выводов этого раздела — жизнестойкость и непрерывность развития народного искусства там, где оно передается непосредственно от мастера к мастеру. В отличие от народного зодчества в профессиональной архитектуре художественная традиция опосредована, она используется как материал для творчества архитектора. В книге рассматривается продолжение традиции в декоре общественных зданий и оцениваются попытки использования ее элементов в типовом строительстве.

Взаимодействие традиционного и профессионального искусства — процесс двусторонний. Он аналогичен процессам взаимодействия разных форм культуры в других сферах духовной жизни народа: подобно тому, как литература не только воспринимает и перерабатывает художественные и идейные ценности фольклора, но и оказывает на него воздействие, так и профессиональное искусство в известной мере влияет на художественную традицию. Применительно к современным художественным промыслам эта тенденция особенно четко выступает в связи с выяснением роли профессиональных художников и искусствоведов.

Автор на конкретном материале раскрывает два пути развития народного искусства: передача традиции непосредственно от поколения к поколению — в народном зодчестве и развитие его под влиянием художников-профессионалов в художественных промыслах.

Одна из глав посвящена роли и эволюции традиции в народных промыслах. К сожалению, в ней почти полностью отсутствуют иллюстрации, что несколько затрудняет понимание текста: одно лишь описание орнамента — как бы образно и красочно оно ни было — не может дать достаточно полного представления о нем.

В заключение автор еще раз обращается к вопросу о судьбах народного искусства и художественной традиции в современном обществе, рекомендует, как создать лучшие условия для ее сохранения и развития.

В целом монография С. Б. Рождественской — существенный вклад в науку о русском народном искусстве. Собраны и введены в научный оборот новые материалы, теоретически осмысленные в разных аспектах. Прикладное искусство представлено как часть этнической истории народа. Вместе с тем написанная хорошим языком, с большой любовью к исследуемому предмету книга адресована и широкому читателю. Самой сутью своего содержания она призывает его как можно бережнее относиться к народному искусству — основе художественной культуры народа.

Приходится только пожалеть о том, что в книге мало иллюстраций: ведь в нее вошла едва ли сотая часть того, что собрано автором. При ее переиздании, которое весьма желательно, следует не только увеличить число иллюстраций, но и обязательно включить помимо деталей украшений полные изображения описываемых памятников: только они могут дать представление об общем художественном решении, будь то жилое строение или отдельный предмет.

М. М. Громыко, С. К. Жегалова

М. Я. Устинова. Семейные обряды латышского городского населения в XX в. М., 1980. 166 с.

В последние годы вышло в свет немало этнографических работ (монографий, сборников, статей), посвященных семейной обрядности. Особый интерес к этой теме не случаен: в обычаях и обрядах отражаются многие стороны общественной и семейной жизни, поэтому состояние обрядности в известной мере является индикатором социального и идеологического уровня населения, его нравственных норм и эстетических потребностей.

В обрядовых церемониях проявляется отношение общества к семье, его мораль. Обрядовые формы отражают этническую специфику народа, а рассмотрение их в динамике позволяет уловить течение этнических процессов, являющихся одной из важнейших проблем этнографической науки. Все это определяет глубокий научный интерес к теме обрядности.

Большое внимание, уделяемое советской общественностью созданию новых праздников и ритуалов, определяет практическую значимость темы.

Изучение современного состояния обрядности невозможно без ознакомления с ее прошлым, с ее традиционными формами, а это формирует историко-теоретический аспект исследования обрядности.

Установление закономерностей исторического развития обрядов как социального института в разных историко-экономических условиях, в разных социальных средах (сельская, городская), разных социально-профессиональных группах, на территориях со смешанным населением дает возможность прогнозировать развитие обрядности в будущем.

Решить поставленные задачи можно лишь при условии использования различных методов исследования, в том числе методов количественного анализа и картографирования, широко не применявшихся прежде при разработке данной темы.

Вышедшие работы как раз и отражают широту подходов к исследованию обрядов, многообразие задач, которые ставят перед собой авторы, разнообразие используемых методов при их решении.

Имеющийся аналитический материал по отдельным народам и вопросам уже дает возможность делать некоторые обобщения относительно функционирования и эволюции обрядов в различных исторических условиях в целом. Однако тема эта далеко не исчерпана ни в отношении этнического диапазона, ни в отношении аспектов изучения, поэтому каждая новая работа по обрядности — вклад в разработку этой большой, интересной и многоперспективной проблемы.

Рецензируемая книга посвящена рассмотрению семейных обрядов городского населения, теме, исследованию по которой пока единичны¹. Городское население Латвии в данном аспекте изучается впервые, причем впервые исследуется не только современное состояние обрядности, но и традиционные обычаи и обряды латышей-горожан. По методам исследования эта работа также новаторская: в ней применен метод количественного анализа, основанного на выборочном опросе, дающем возможность выявить состояние и степень распространения обрядовых форм среди широких масс населения. Такие работы немногочисленны². Хочется, однако, сказать, что для получения наибо-

¹ См. *Есбергенов Х., Атамуратов Т.* Традиции и их преобразование в городском быту каракалпаков. Нукус: Каракалпакстан, 1975; *Рабинович М. Г.* Очерки этнографии русского феодального города. М.: Наука, 1978 (Глава 3. Главные черты домашнего быта); *Жирнова Г. В.* Брак и свадьба русских горожан в прошлом и настоящем (по материалам городов средней полосы РСФСР). М.: Наука, 1980.

² См. *Пименов В. В.* Удмурты. Опыт компонентного анализа этноса. Л.: Наука, 1977. Работа посвящена изучению всей совокупности характеристик этноса, обряды рассматриваются в специальной главе.

лее полных сведений о традиционных обрядах — точке отсчета показателей состояния обрядности — целесообразно записывать их у знатоков местной старины. Сочетая полученные таким путем данные с результатами анализа материалов выборочных опросов, можно будет нарисовать исчерпывающую картину развития и современного состояния обрядности. В вопросник же, как представляется, следует включать не только этапные моменты церемониала, но и, казалось бы, мелочи, имеющие важное значение для характеристики этнических особенностей обряда и степени его полноты, что особенно существенно выявить в местностях активного межэтнического взаимодействия.

Автор ведет свое исследование под определенным углом зрения, через призму этнических процессов. Латышские семейные обряды рассматриваются как один из компонентов культуры этноса: закономерности функционирования и тенденции развития этого социального института исследуются в контексте этнических процессов современности.

Круг задач своего исследования автор сформулировал очень четко: 1) динамика смены в XX в. традиционных форм семейной обрядности латышей современными в разных социально-демографических слоях городского населения с учетом специфики этнической среды; 2) объем и характер информированности представителей латышского этноса, проживающих в малых городах, о традиционных семейных обрядах своего народа; основные источники распространения сведений о них; 3) отношение населения малых городов к традиционной и современной семейной обрядности; факторы, под влиянием которых формируется это отношение.

Исходя из задач исследования, его объектами было выбрано население малых городов двух сильно различавшихся между собой историко-этнографических областей Латвии — Латгале и Курземе. Они характеризовались разным этническим составом населения и этническим окружением, разной степенью развития капитализма, разными конфессиями.

Латгале (восточная часть Латвии) примыкала к этнической границе расселения восточных славян, где происходило этнокультурное взаимодействие нескольких этнических общностей — латышей, русских, белорусов, поляков и др.³ В этом районе медленнее развивался капитализм. В начале XX в. здесь преобладали малые города, мелкие предприятия (продукция которых обеспечивала лишь местный рынок), кустарное производство, мелкая торговля. Латгале характеризовалась высокой миграцией населения не только в пределах области, но и в другие районы Латвии, а до 1917 г. и в другие губернии России. Основная часть населения Латгале, по данным переписи 1935 г., находилась под влиянием католической церкви; относительно велика была и доля православных и старообрядцев.

В Курземе (западная часть Латвии) население в основном латышское, вследствие чего межэтнические контакты не были столь интенсивными. Развитие капитализма здесь началось значительно раньше и к началу XX в. находилось на более высокой стадии развития, чем в Латгале. В силу географического расположения этого региона сюда легче проникали элементы западноевропейской культуры. Население Курземе исповедовало в основном лютеранство.

В промышленном отношении города обеих областей к началу XX в. оставались мало развитыми.

Объектом непосредственного наблюдения автора стало население типичных для избранных областей городов — Лудзы в Латгалии, Кулдиги в Курземе.

При определении типичности этих городов учитывался ряд признаков: численность населения, этнический состав, занятость в определенных отраслях народного хозяйства, а также возраст городов, их административное значение.

Исследование состояния обрядов предваряет общая характеристика* социально-демографического состава населения избранных городов, описывается и инструментарий исследования. Анализ ведется по обрядовым циклам: отдельные главы посвящаются родильным, свадебным, погребальным обрядам. Каждая глава строится по одной и той же схеме: состояние обрядов данного цикла к началу XX в., их бытование в исследуемый период, знание их и отношение к ним населения в настоящее время.

Используя практику своих предшественников, работавших в других регионах страны, и конкретную историческую обстановку в Латвии, автор гипотетически выделяет ряд признаков, влияющих на состояние обрядности, в соответствии с ними рассматривается бытование семейных обрядов в разных социально-профессиональных группах населения малых городов Латгале и Курземе. При этом с помощью коэффициента меры взаимной информации признаков устанавливается взаимосвязь различных признаков и их влияние на бытование, знание обрядов, отношение к ним населения. Сильная сторона работы М. Я. Устиновой — ее наглядность: каждое положение автор подтверждает не только количественными доказательствами, сведенными в таблицы, но и большим числом схем, показывающих взаимосвязь, степень зависимости отдельных характеристик обрядности от различных социально-демографических, этнических, религиозных и других признаков. Не являясь специалистом в области конкретно-социологических исследований, я не берусь судить об этой стороне проведенной работы. Хочу взглянуть на работу М. Я. Устиновой как этнографа.

Анализ полученных количественных показателей состояния обрядности привел автора к выводам, большая часть которых характеризует общие закономерности развития и функционирования обрядового института, в частности в условиях социализма.

³ Интенсивное этнокультурное взаимодействие, сказывавшееся на обрядовой жизни населения Латгалии, засвидетельствовано и исследованием Т. С. Макашиной — Фольклор и обряды русского населения Латгалии. М.: Наука, 1979.

Однако выявлены и локальные особенности изучаемых процессов, что свидетельствует о необходимости учета конкретной исторической обстановки для понимания состояния обрядности в том или ином регионе.

Материалы о состоянии обрядности у населения малых городов Латгале и Курземе в XX в. свидетельствуют о тенденции постепенного ослабления устойчивости семейной обрядности как компонента культуры латышского этноса. Эта тенденция наблюдается и в других регионах страны. Как и там, в Латгале и Курземе она проявляется в сокращении всех циклов традиционных семейных обрядов как на уровне знания, так и на уровне бытования.

Положение автора о том, что тенденция развития и функционирования семейной обрядности в обследованных городах в целом проявляется в тесной связи с динамическими изменениями основных социально-демографических признаков — возраст, образование и социальное положение, применимо и для других регионов страны. Для обрядового института в целом характерно отмеченное автором влияние этнической среды и официальной религии на состояние обрядности: этнически однородная среда способствует сохранению традиционных элементов культуры, а более фанатичная религия, в данном случае католицизм, способствует более длительному бытованию религиозного обряда и в известной мере сохранению традиционных элементов семейных ритуалов. Так, среди этнически однородного населения Курземе отмечена большая устойчивость традиционных форм обрядности, особенно на уровне знания, несмотря на то что здесь в прошлом более, чем в этнически пестрой Латгале, был развит капитализм, способствовавший изживанию традиционной культуры. Среди же католического в прошлом населения Латгале даже в 1970-х годах фиксируется значительно большая устойчивость религиозного обряда, чем у населения Курземе, исповедовавшего раньше лютеранство.

Все исследование М. Я. Устиновой свидетельствует о том, что обрядность весьма чувствительна к изменениям конкретной исторической и социально-экономической обстановки, в которой она развивается.

Анализируя основные источники распространения сведений о традиционных формах обрядности, автор приходит к мнению, что влияние села в современных условиях утратило свое консервирующее значение. По мнению автора, влияние сельской информации на сохранение устойчивости семейной обрядности играет второстепенную роль и по силе своего воздействия значительно уступает основным социально-демографическим признакам. Судя по цифровым показателям, в указанных городах дело обстоит именно так. Однако этот вывод, видимо, имеет частный характер и предопределен, несомненно, конкретными условиями исторического и социально-экономического развития Латгале и Курземе. Исследования в других регионах, например среди русского населения малых и средних городов средней полосы России⁴, убедительно свидетельствуют, что питательной средой, пополняющей городскую обрядность традиционными народными элементами, является пришлое из сельской местности население. Даже визуальные наблюдения в Москве в настоящее время подтверждают это положение. Конечно, поток информации из сельской местности уже не может преодолеть генеральную тенденцию трансформации и изживания традиционных элементов обрядности, тем более что эта тенденция отмечается и в развитии обрядности самого сельского населения, но все-таки влияние сельских традиций ощущается еще достаточно сильно. Кстати, и показатели по городам Лудзе и Кулдиге говорят о не утраченном еще, хотя и слабом, влиянии сельской среды на сохранение традиционных элементов в городской обрядности. В таблице на с. 83 выясняется зависимость знания традиционных родильных обрядов от того, откуда прибыл респондент. Анализ этой таблицы отчетливо свидетельствует, что прибывшие из села знают их лучше, чем прибывшие из других городов. Свадьбу с традиционными элементами приехавшие из села справляли чаще (с. 122). Слабое влияние сельской информации в Лудзе и Кулдиге, возможно, объясняется малым притоком населения из сельской местности в названные города. Таблица, отражающая динамику численности населения в Кулдиге и Лудзе; говорит о небольшом приросте населения, особенно в прошлом (с. 19). Очевидно, были еще какие-то причины, ослабившие влияние сельской традиции на обрядность населения указанных городов, но автор их не раскрывает.

При знакомстве с работой М. Я. Устиновой обращает на себя внимание положение о неравномерности развития разных циклов семейной обрядности при значительно большей устойчивости свадебной обрядности (с. 127). «Свадебная обрядность, — пишет автор, — в отличие от родильной продолжает оставаться весьма специфической частью жизни латышского этноса» (с. 138). И далее: «...в характере свадебных обычаев и обрядов наблюдаются и некоторые отличия от характера развития родильных и погребальных ритуалов, кроющиеся в воздействии основных социально-демографических признаков» (с. 164). По мнению М. Я. Устиновой, на родильных и погребальных обрядах наиболее сильно сказалось улучшение условий быта и культуры населения в обоих обследованных городах (с. 162).

Приведенные положения автора требуют внимательного рассмотрения. Мне представляется бесспорным, что свадебный церемониал до сих пор сохраняет этноспецифические черты в ряде своих разновидностей, бытовавших (за исключением современного национального обряда) с разной долей преобладания в течение всего XX в. среди населения обследованных городов. Это подтверждается цифровыми данными о бытовании различных вариантов свадеб, приведенными автором на с. 109. Так, полный традиционный обряд с венчанием в церкви справляло 18,3% населения Лудзы и 16,3%

⁴ Жирнова Г. В. Указ. раб.

Кулдиги. Вечеринку с элементами традиционного ритуала в Лудзе устраивало 40,1% населения, а в Кулдиге — 27,5%. Современным свадебным ритуалом были отмечены 22,2% свадеб в Лудзе и 31,9% — в Кулдиге. Совокупность свадеб с этноспецифическими элементами составляет 80,6% для Лудзы и 75,7% для Кулдиги. (Кстати, суммарные данные о бытовании различных видов свадеб в течение всего XX в., на мой взгляд, недостаточны, так как не дают наглядной картины эволюции обряда по отдельным историческим периодам.) Однако положение, что свадебный обряд развивался несколько иначе, чем родильный и погребальный обряды, вызывает желание разобраться в этом вопросе.

Действительно, некоторые отличия в развитии различных циклов семейной обрядности латышской этнографических областей (как, впрочем, и других народов) имеют место. Например, традиционные элементы в погребальном обряде, по данным автора, уже в начале XX в. сохранились слабее, чем в родильном и свадебном циклах (с. 144). Зато религиозный ритуал, к XX в. составляющий неотъемлемую часть традиционной обрядности у всех народов, в обоих городах удерживался в родильном и особенно в погребальном церемониале более стойко, чем в свадебном, о чем свидетельствуют данные автора даже на период с 1960 по 1971 г. (см. с. 67, 117, 146), введенные нами в таблицу.

Соотношение гражданских и религиозных ритуалов в родильном, погребальном и свадебном циклах (в %)

Город	Родильные обряды, %		Погребальные обряды, %		Свадебные обряды, %	
	только религиозные	религиозные и гражданские	только религиозные	религиозные и гражданские	только религиозные	религиозные и гражданские
Лудза	9,1	25,8	39,2	17,2	—	12
Кулдига	—	1,8	29,1	8,0	—	6,9

Но говоря о некоторых различиях в развитии этих циклов обрядности, автор имеет в виду другое: увеличение этноспецифических черт в свадебном обряде с 60-х годов текущего столетия в связи с возрождением элементов традиционной свадьбы на качественно новом уровне, в составе современного свадебного ритуала, воспринимаемого населением как национальная свадьба (с. 130).

Автор утверждает: «...для обоих выбранных регионов прослеживается характерная тенденция постепенного уменьшения традиционных черт свадебной обрядности до 60-х годов нашего века»; естественный процесс стирания традиционных черт в семейной обрядности, по ее мнению, продолжался частично и в Советской Латвии. Как считает автор, этот период можно подразделить на два существенно отличающихся друг от друга этапа: 1) время от восстановления Советской власти в Латвии до конца 50-х годов, когда преобладающей формой свадьбы стала просто вечеринка (40,7% в Кулдиге и 30,1% в Лудзе) или вечеринка с некоторыми элементами традиционного обряда (34,6% в Кулдиге и 32,9% в Лудзе); 2) время с 60-х годов до наших дней (с. 110, 111), когда возрождается интерес к традиционным элементам свадебного ритуала.

Как известно, последний период в масштабах всего государства характеризуется сознательным вмешательством общественности в ход развития обрядовых форм. Это период интенсивной борьбы за формирование новой безрелигиозной обрядности. В это время создавались официальные торжественные гражданские ритуалы: регистрация брака, регистрация новорожденного, гражданский погребальный ритуал, — ставшие центральными в системе обрядов, связанных с тем или иным семейным событием. Разрабатывались также рекомендации для проведения их неофициальной части, в которую включались элементы традиционных обрядов, утратившие прежний смысл, но сохранившие красочность, эмоциональность. Таким образом, с 60-х годов всем циклам семейной обрядности было дано одинаковое направление развития.

Традиционный свадебный обряд, в прошлом очень разветвленный, многоступенчатый, с множеством разнообразных действий, к началу XX в. в основном утративших былую религиозно-магическую значимость, предоставлял больше материала для отбора традиционных элементов с целью возрождения их в новом обряде. Результатом работы над свадебным церемониалом явился новый обряд, ядром которого стал торжественный акт гражданского бракосочетания, сопровождавшийся рядом трансформированных действий, заимствованных из традиционной свадьбы и вошедших в фонд современной национальной культуры. Однако эти этнические окрашенные обрядовые элементы современной свадьбы (регенерированные, по терминологии К. В. Чистова⁵) явились результатом другого уровня развития и представляют собой другой уровень культуры в сравнении с предыдущим. Кстати, интересно проследить их судьбу в последующие годы, выявить, насколько они укрепились в новом обряде, не подвергались ли он в процессе вживания в быт изменениям. По материалам Эстонии известно, например, что не все элементы традиционной свадьбы, включенные в новый обряд, в последующей его жизни были одинаково восприняты современным населением: одни

⁵ Чистов К. В. Традиционные и «вторичные» формы культуры. — В кн.: Расы и народы. Ежегодник. Т. 5. М.: Наука, 1975, с. 37.

получили неожиданную и не всегда желательную популярность, а другие не прижились⁶.

Что касается родильных и погребальных обрядов, то их традиционные циклы беднее действиями и поэтому возможностей для восстановления традиционных элементов в новом церемониале меньше. Но представляется, что не все они использованы в процессе создания нового обряда, например такой элемент, как ритуальная пища, которая, кстати сказать, имела этническую окраску. Эти циклы семейной обрядности тоже способны сохранять в своем составе отдельные черты традиционного обряда. Ведь сохранился же в новом церемониале наречения имени институт кумовьев (с. 65), выполняющий теперь другие функции. Из сказанного следует, что отсутствие этнически показательных черт в этих церемониалах отражает в значительной мере уровень работы над ними. В связи с этим к выводу автора об одном развитии свадебного обряда в сравнении с родильными и погребальными обрядами возникает двойное отношение: с одной стороны, М. Я. Устинова права (действительно, новый свадебный обряд несет этническую окраску), с другой — нет, поскольку разница эта создана искусственно.

Как говорилось, для уяснения состояния и тенденций развития обрядности производится ее трехмерное измерение (по бытованию, знанию и отношению к обряду). В связи с этим возникает вопрос о правомочности включения в число знающих традиционную свадьбу представителей среднего и молодого поколений г. Кулдиги, поскольку их знание ограничивается, видимо, знакомством с теми элементами свадьбы, которые вошли в современный свадебный церемониал, коль скоро оно определено, как говорит автор, степенью внедрения в быт в этом городе новой гражданской обрядности, хорошо поставленной работой по созданию новых обрядов — с. 138. (Здесь уместно напомнить, что обобщение показателей разных уровней может в какой-то степени исказить картину развития того или иного явления.) Это достаточно серьезный вопрос, так как высокий показатель знания свадебного обряда в г. Кулдиге дает основание автору для вывода о роли однородной этнической среды в сохранении связей с традиционной культурой, поскольку область Курземе характеризуется в основном моноэтническим населением.

Автор высказывает точку зрения, что традиционные родильные и погребальные обряды наиболее сильно испытали влияние «улучшения условий быта и культуры населения в обоих обследованных городах» (с. 162). Конечно, многое, несомнимое с нашим мировоззрением, представлениями о бытовой культуре ушло в прошлое, но ведь это те циклы, в которых до сих пор не изжит религиозный обряд. Особенно это касается погребального церемониала среди католического населения г. Лудзы. Здесь, мне кажется, при оценке эволюции обряда надо учитывать ход развития семейной обрядности в городских условиях в целом. Этнографами отмечено, что еще в дореволюционное время традиционные народные обряды в городских условиях постепенно изживались (правда, в разной степени) во всех социальных слоях населения и на первое место выдвигался церковный обряд. Высший слой общества того времени (дворянство) придерживался уже только церковного обряда при соблюдении семейных ритуалов⁷. Поэтому отношение населения к религиозному акту — весьма важный показатель при оценке уровня развития обряда. В этой связи следует заметить, что вопрос о соотношении традиционно-бытовых и церковно-религиозных элементов в семейной обрядности, их роли в разных социальных средах в разные исторические периоды, поставленный в упомянутом труде М. Т. Рабиновича и затронутый мимоходом другими исследователями, ждет углубленного исследования. В работе М. Я. Устиновой есть много интересных материалов для размышления на эту тему, особенно учитывая такой ее нюанс, как совмещение понятий национального и конфессионального в сознании некоторой части населения. У белорусов Латвии, например, это проявляется очень ярко⁸.

Возвращаясь к оценке автором современных родильных и погребальных обрядов, хочется обратить внимание и на то, что новый ритуал наречения имени, судя по отсутствию его описания в книге, видимо, не имеет устоявшихся форм. В то же время в свадебном обряде, где практически изжито венчание, сформировался новый церемониал, впитавший трансформированные элементы народной культуры и, таким образом, сохранивший этноспецифические черты. Он продолжает оставаться показателем культуры этноса. Мне кажется, именно свадебный обряд испытал наиболее благотворное влияние современной культуры, быта, марксистской идеологии. Для решения вопроса о соотношении этноспецифического, национального и религиозного в наших социальных условиях свадебный обряд очень показателен: религиозное изживается, этноспецифическое на новом уровне входит в современную национальную культуру.

В заключение замечу, что все мои возражения достаточно дискуссионны и несколько не снижают достоинств очень серьезной и полезной для исследователей и практических работников книги. Следует отметить большой интерес рецензируемой книги и для широкого круга читателей, поскольку на русском языке латышские семейные обряды описывались мало.

Н. П. Лобачева

⁶ См. *Калитс В. Я.* О развитии новых свадебных традиций в Эстонской ССР. — В кн.: *Традиционные и новые обряды в быту народов СССР.* М.: Наука, 1981, с. 110, 111.

⁷ См. *Жирнова Г. В.* Указ. раб.

⁸ См. *Григорьева Р. А.* Традиционный свадебный обряд в современном быту белорусов. — *Сов. этнография*, 1981, № 3.

Серия «Кавказские этнографические сборники» (КЭС) — издание, давно зарекомендовавшее себя в кавказоведении. Начиная с первых выпусков, опубликованных в 1950-х годах, эти сборники всегда вызвали живой интерес как у специалистов — историков и этнографов, так и у всех любителей кавказской этнографии. Показателем большого интереса к изданию может служить тот факт, что приобрести очередного выпуска КЭС бывает чрезвычайно сложно даже в первые дни после его выхода. Авторитет у издания вполне заслуженный. Это объясняется не только его высоким научным уровнем, но и разнообразием рассматриваемых кавказоведческих проблем. В то же время отраднo, что исследования московских кавказоведов идут в русле основных направлений, характерных для современного этапа советской этнографической науки: этнические процессы в прошлом и настоящем, новое и традиционное в бытовой культуре, этническое развитие малых народов и этнографических групп и т. д. Рецензируемый VII выпуск не является в этом плане исключением.

Книга открывается статьей В. К. Гарданова и Г. Х. Мамбетова «Хан-Гирей и его „Записки о Черкесии“», посвященной жизни и деятельности одного из видных представителей адыгской культуры XIX столетия, истории создания и анализу его известного историко-этнографического сочинения. К сожалению, в короткой жизни Хан-Гирея много невыявленного и запутанного. Данное разыскание В. К. Гарданова и Г. Х. Мамбетова позволяет внести ряд уточнений и поправок в его биографию. Однако изучение биографии выдающихся личностей имеет своей целью не только удовлетворение вполне понятного интереса к ней последующих поколений. Главный смысл лежит здесь несколько в иной плоскости. Известно, что в жизнедеятельности выдающихся личностей всегда отражена эпоха, выдвигавшая их на историческое поприще, с ее идейными исканиями и духовными запросами. Хан-Гирей принадлежал к первой плеяде адыгских просветителей, выступивших в середине прошлого века, в период, когда интенсивно протекал объективный и исторически прогрессивный процесс вхождения ряда народов Кавказа в состав Российского государства, когда все более укреплялись давние и многосторонние культурные связи народов Кавказа с Россией¹. Коренные изменения в судьбе родины способствовали пробуждению и росту национального самосознания горских народов, и в частности адыгов. У истоков этого широкого общественного движения стоял Хан-Гирей и другие представители передовой адыгской и — шире — кавказской интеллигенции того времени.

Ничто так не способствует росту национального самосознания, как осмысление собственной истории, поэтому закономерно, что Хан-Гирей занялся именно вопросами истории и этнографии родного народа. Однако у его главного труда самая трагическая судьба, какая может постигнуть написанное произведение. «Записки о Черкесии» не увидели свет ни при жизни автора, ни спустя много лет после его смерти. О причинах этого подробно и обстоятельно говорят авторы статьи. Лишь после случайной находки рукописи Хан-Гирея в 1958 г. появилась возможность ее публикации². Несомненно, появление в печати «Записок о Черкесии» явилось заметным событием в кавказоведении последних лет.

Статья Н. Г. Волковой «Хыналыг» интересна уже потому, что это фактически первое в этнографической литературе монографическое описание данного малого народа Кавказа. Автор в большей или меньшей степени касается этногенеза хыналыгцев, а также их этнической и социальной истории. Задачи, стоявшие перед Н. Г. Волковой, были очень сложными. Дело в том, что у исследователя данной проблемы практически отсутствует комплекс необходимых источников, позволяющих реконструировать этапы этногенетического процесса. Археологически и антропологически район Хыналыга совершенно не изучен. Характер сведений античных и средневековых источников также не дает возможности делать далеко идущие выводы о генетической преемственности современного и древнего населения на территории Восточного Кавказа. Поэтому осторожная позиция Н. Г. Волковой в этом вопросе вполне понятна. Тем не менее, основываясь на данных лингвистики, она считает возможной этногенетическую связь между хыналыгцами и кавказоязычным населением Албании.

Видимо, скудность источников можно объяснить довольно краткий очерк общественного строя, а также общественного быта хыналыгцев. У нас имеются довольно подробные данные о Хыналыге лишь последней четверти XIX в., которые в максимальной степени были использованы автором статьи. Важные этнографические материалы получены Н. Г. Волковой в поле. Они существенно дополнили имеющиеся литературные свидетельства и помогли автору дать очень ценное и интересное описание хыналыгцев, их традиционной и современной бытовой культуры. Н. Г. Волкова зафиксировала присутствие в ней трех пластов: общекавказского, азербайджанского и европейского, причем проникновение в повседневную жизнь двух последних все более интенсифицируется. Автор отмечает непрерывный процесс слияния хыналыгцев с крупным соседним этносом — азербайджанцами.

Вообще кавказский материал предоставляет широкое поле деятельности для исследования такой важной проблемы, как этническое развитие малых народов в окружении крупных этносов, для изучения особенностей протекания объективных ассимиляционных и интеграционных процессов. Между тем этот материал еще не в полной

¹ Хашхожева Р. Х. Адыгские просветители. — Избранные произведения адыгских просветителей. Нальчик: Эльбрус, 1980.

² Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Вступительная статья и подготовка текста к печати В. К. Гарданова и Г. Х. Мамбетова, Нальчик: Эльбрус, 1978.

мере привлечь внимание этнографов. Более того, мы еще недостаточно знаем, так сказать, исходный материал для выяснения конечных результатов этнических процессов — конкретную этнографию многих местных народностей и этнографических групп, активно участвующих в трансформационных процессах. Так, насколько мне известно, нет ни одной научной публикации по соседям хыналыгцев — будугам и крызам, также сливающимся в настоящее время с азербайджанцами. Мало исследованы многочисленные народности аварской группы, консолидирующиеся ныне в единую нацию. Поэтому работы, подобные той, которую провела Н. Г. Волкова, будут всегда с интересом встречаться специалистами разного профиля.

Одним из важных традиционных направлений этнографического кавказоведения является изучение хозяйства и хозяйственного быта народов Кавказа. Исследование названной проблемы представляется особенно существенным в последние годы в связи с подготовкой общекавказского историко-этнографического атласа, в котором раздел «Хозяйство» — один из главных. Поэтому статья Б. А. Калоева «Моздокские осетины. Хозяйство и хозяйственный быт», основанная на значительных архивных и полевых материалах, собранных автором в течение ряда лет, важна именно в связи с научной работой в этом направлении.

Однако работа Б. А. Калоева интересна не только возможностью использования в атласе представленных в ней материалов. Как видно из названия статьи, автор описывает особую группу осетин-переселенцев, осевших в окрестностях Моздока с 1763 г. по начало XIX в. Этнокультурное развитие этих мигрантов, включавших осетин-иронцев, дигорцев и туалыцев, в течение более 200 лет происходило в постоянном тесном общении с другими народами, населявшими этот район Северного Кавказа, — армянами, русскими, грузинами, адыгами, карангайцами. Все это, конечно, влияло на жизненный уклад осетинских переселенцев. Проследить конкретный механизм и результаты этого влияния (возможно, взаимовлияния) — интересная этнографическая задача. Правда, эта сторона исследования в статье Б. А. Калоева представлена довольно фрагментарно, но материал для соответствующих разысканий в ней имеется.

Исследование отдельных элементов материальной культуры — тема двух работ сборника: В. П. Кобычева — «О местоположении камина в традиционном жилище народов Северного Кавказа (К вопросу о методологии изучения народного жилища)» и Г. А. Сергеевой «Женские украшения народов аварской группы Дагестана второй половины XIX — начала XX вв.». Авторы рассматривают вопросы, почти неразработанные в кавказской этнографии. Поэтому обе работы ценны не только своими обширными материалами, но и постановкой темы. Как и статья Б. А. Калоева, исследования В. П. Кобычева и Г. А. Сергеевой являются несомненным вкладом в разработку Кавказского историко-этнографического атласа.

Ставя перед собой цель определить местоположение камина в традиционном кавказском жилище, В. П. Кобычев выявляет удивительный разноречивый набор мнений, которые существуют по этому поводу как в дореволюционной, так и в советской этнографической литературе. Автор считает, что причина этого в том, что камин, являвшийся для северокавказских народов новым и малопривычным элементом материальной культуры (он начал вытеснять традиционный очаг лишь в послереформенное время), и не имел устойчивого местоположения. Тем не менее, анализируя литературные и собственные полевые данные, В. П. Кобычев выясняет, что преобладающим было все-таки местоположение камина у фасадной стены.

Содержание статьи шире ее заглавия. Автор не ограничивается рассмотрением вышеизложенного вопроса, а характеризует очаг во взаимодействии с некоторыми сторонами быта и культуры северокавказских народов. «Очаг, — пишет В. П. Кобычев, — фактически отождествлялся с жилищем». Эта мысль делает понятной огромную роль очага в общественной и семейной жизни кавказских горцев, в системе их идеологических представлений. В статье много фотоматериалов и рисунков, иллюстрирующих основную идею исследования.

Работа Г. А. Сергеевой — первая публикация автора по материальной культуре народов Дагестана³. Автор верен давно избранной теме, и каждое его новое исследование раскрывает новые грани народной культуры дагестанцев. В основу предложенной Г. А. Сергеевой классификации аварских женских украшений положен способ их ношения и функциональное назначение. Внутри этих крупных градаций даны более мелкие подразделения.

Работа Г. А. Сергеевой насыщена интересным материалом, который собирался автором в течение ряда лет во всех районах Аварии. Для исследования привлечены также коллекции различных музеев страны, в частности Государственного музея этнографии народов СССР, Государственного Исторического музея, Государственного музея Грузии и др. Органическую часть статьи составляют иллюстративные материалы, наглядно показывающие художественную ценность дагестанских украшений. (Следует отметить прекрасные этнографические снимки, выполненные Г. А. Аргиропуло и С. Н. Ивановым.) Остается только пожалеть, что эти материалы изданы лишь в черно-белом изображении и читатель лишен возможности увидеть великолепную цветовую гамму народных ювелирных украшений. Думаю, статья Г. А. Сергеевой будет интересна не только этнографам, но и представителям других специальностей, и прежде всего искусствоведам и художникам.

³ См., например, *Сергеева Г. А.* Основные комплексы традиционной одежды аварцев и их трансформация в советское время. — Этнические и культурно-бытовые процессы на Кавказе. М.: Наука, 1978.

Статья Я. С. Смирновой «Новое и традиционное в быту осетинской сельской семьи» основывается на результатах этносоциологического исследования, проведенного в 1973 г. Северо-Осетинским НИИ при участии автора. Одновременно автором были использованы собственные полевые наблюдения, сделанные в ряде районов Северной Осетии. Я. С. Смирнова справедливо отмечает, что, будучи социальным институтом, семья и все ее параметры не могут не соответствовать социально-экономическим условиям общества. В то же время многие стороны семейного быта обладают относительной консервативностью. Поэтому семья как срез, на фоне которого исследуются традиции и новации в одной из сфер бытовой культуры осетин, позволяет вполне зримо представить их диалектическое единство, переплетение и взаимопроникновение. В работе сопоставляются дореволюционные данные и показатели уже упомянувшегося этносоциологического обследования, в результате чего явно видны огромнейшие изменения, происшедшие в семейном быту осетин за годы Советской власти. Я. С. Смирнова прослеживает их как в материальной, так и, самое главное, в духовной культуре осетинского сельского населения.

Думается, особенно интересны те разделы статьи, в которых автор анализирует изменения характера внутрисемейных отношений. Как известно, они в наибольшей степени определялись нормами старинного патриархального быта и отступление от них особенно сурово осуждалось и преследовалось. Неукоснительное следование традиционным нормам поведения порой принимало гипертрофированные формы, становясь по существу отрицательной стороной старой горской жизни. Это, естественно, вступало в противоречие с новыми условиями социалистической действительности. Я. С. Смирнова отмечает, что одни семейно-бытовые традиции, несовместимые с советским образом жизни, исчезли или исчезают; другие, проникнутые гуманизмом народной культуры, получают новую жизнь в современной социалистической действительности.

Современной сельской семье другого кавказского этноса — армян посвящена статья А. Е. Тер-Саркисянц «Основные тенденции развития современной сельской семьи у армян». Работа построена на сопоставлении данных двух экспедиций автора в одни и те же районы Армянской ССР. Первая была проведена автором в 1965—1966 гг., вторая — в 1976—1977 гг. Таким образом, прослеживается развитие армянской сельской семьи за десятилетие. Обширный материал сведен в статистические таблицы. Они занимают большое место в работе, возможно, даже несколько в ущерб ее текстовой части. Однако с их помощью наглядно характеризуется численный и поколенный состав семьи, динамика брачного возраста, возрастной состав брачащихся, развитие национально-смешанных браков. Очень интересны раздел, посвященный описанию бытовых особенностей национально-смешанных семей, и материалы об изменениях в свадебной и похоронной обрядности, фиксируемых за десятилетний срок. А. Е. Тер-Саркисянц считает, что важной тенденцией современности является постепенное стирание различий в быту, в частности семейном, армян разных этнографических районов. Вместе с тем она отмечает, что многие тенденции развития современной армянской семьи являются общими для всех советских народов.

Г. В. Цулая уже давно зарекомендовал себя как прекрасный переводчик и вдумчивый комментатор средневековых грузинских источников. В сборнике он выступает с переводом извлечений из анонимного «Хронографа» XIV в. Это сочинение занимает особое место в истории грузинского летописания. Г. В. Цулая считает, что его автор является родоначальником реалистического направления в средневековой грузинской исторической мысли. В кратком, но весьма содержательном введении к переводу освещена политическая и этническая ситуация в Грузии того периода; комментарии органически дополняют эту характеристику, являясь в то же время ключом к пониманию неясных мест самого источника. Особо следует отметить фундированность комментариев: в них использованы многочисленные грузино- и армяноязычные источники, труды многих отечественных и зарубежных историков.

Л. И. Лавров выступает в сборнике с двумя статьями. Одна из них — «Топонимические заметки» представляет собой уже не первый опыт автора дать этимологию ряда северокавказских и дагестанских топонимов. Как и предыдущие, данные заметки отличаются оригинальностью подхода и смелостью предлагаемых интерпретаций, основанных на глубоких знаниях автором истории, этнографии и географии региона — триады, без которой, наверное, не нужно даже пытаться найти ключ к пониманию условий, приведших к закреплению за данным пунктом того или иного названия. Во второй статье — «Еще об интерпретации Ш. Б. Ногмовым кабардинского фольклора» Л. И. Лавров продолжает дискуссию о значении отдельных положений в научном наследии видного адыгского просветителя XIX в. для современной историко-этнографической науки. В свое время Л. И. Лавров вполне убедительно показал ряд ошибок, содержащихся в «Истории адыгейского народа» Ш. Б. Ногмова, и предостерег от безусловной веры к сообщаемым им сведениям⁴. Это выступление вызвало критические отзывы, на которые Л. И. Лавров отвечает в рецензируемом сборнике. Он вновь призывает «покончить с непонятной для здравого смысла верой в непогрешимость гипотез, рожденных в эпоху, когда кавказоведение пребывало еще в младенческом состоянии». Это мнение мне представляется безусловно верным. Успехи современного кавказоведения во многом стали возможны благодаря фундаменту, заложенному дореволюционной отечественной и зарубежной наукой. Как современные, так и будущие исследователи культуры и быта народов Кавказа неизменно будут обращаться к этому бесценному наследию в поисках фактов, списаний и суждений очевидцев. Однако кри-

⁴ Лавров Л. И. Об интерпретации Ш. Б. Ногмовым кабардинского фольклора. — Сов. этнография, 1969. № 2

тический подход к сведениям наших предшественников, каким бы эмоциональным ни было восприятие их имени в глазах потомков, должен стать аксиомой, иначе легко можно отступить от многих завоеваний научного кавказоведения.

В целом можно дать самую положительную оценку труду московских кавказоведов. Остается пожелать, чтобы традиции изданий КЭС не прерывались и в ближайшее время мы бы увидели очередной его выпуск.

Ю. Д. Анчабадзе

Русский фольклор. Библиографический указатель 1901—1916. Составила М. Я. Мельц. Под редакцией С. П. Луппова и А. Д. Соймонова. Л.: Б-ка АН СССР, 1981. 478 с.

Первые десятилетия XX в. — сложный и противоречивый период в развитии фольклористики, пора идейных исканий и обостренного интереса к народной жизни. Появляется множество публикаций фольклорных текстов, причем часто в незначительных и малоизвестных изданиях. Наряду с крупными, уже известными исследователями и собирателями начинают печатать свои первые работы будущие корифеи советской фольклористики. Фольклор привлекает внимание людей самых различных взглядов и специальностей, становится нередко скрытым или явным орудием классовой борьбы. Происходит становление марксистской науки о фольклоре. Подготовленный М. Я. Мельц «Библиографический указатель» служит превосходным путеводителем в этом море самой разнообразной печатной продукции.

М. Я. Мельц — крупный специалист по библиографии фольклора, автор многих тематических библиографий, публиковавшихся в различных изданиях, составитель трех томов библиографии «Русский фольклор», посвященных публикациям 1917—1965 гг.¹ Рецензируемый указатель — четвертый том библиографической серии «Русский фольклор».

Научный редактор предшествующих трех томов — А. М. Астахова внесла большой вклад в разработку принципов построения указателей, их структуры, была автором вступительных статей к ним. Памяти ее М. Я. Мельц посвятила четвертый том библиографии «Русский фольклор».

В указателе — 4093 номера. Почти все названные в нем публикации описаны и проверены *de visu*, а те, которые составителю не удалось видеть и держать в руках, специально оговариваются. Как и в предыдущих томах, работы, названия которых не дают представления об их содержании или отражают его не полностью, аннотируются. Кроме того, перечисляются рецензии на названные труды.

Материал, изученный составителем, огромен. М. Я. Мельц в результате сплошного просмотра множества периодических и специальных изданий выявила забытые или затерявшиеся фольклорные тексты, интересные исследования. Ею описаны солидные научные издания, такие, как «Этнографическое обозрение», «Живая старина», и популярные иллюстрированные, вроде «Нивы», «Аполлона»; извлечены материалы из «Вестника Европы» и «Богословского вестника», губернских и епархиальных ведомостей и — что особенно ценно — из трудов губернских ученых архивных комиссий, сборников земских статистических комитетов, губернских памятных книжек и тематических сборников. Естественно, что нельзя было просмотреть абсолютно все областные издания того времени. Это задача местных библиографических справочников. Но все же охват материала настолько полный, что указатель может стать надежным руководством даже для составления местных справочников. Библиография, опирающаяся на такой внимательный систематический просмотр печатной продукции, полезна и интересна не только фольклористам.

Как отмечалось, рецензируемый указатель — четвертый в серии библиографических указателей «Русский фольклор». Система расположения материала в нем примерно та же, что и в трех предыдущих. Она стройна и продумана, получила одобрение рецензентов и научной общественности уже после выхода первого тома, была развита в последующих выпусках и стала традиционной для томов этой серии. Постоянное деление на части, устойчивые заглавия частей и рубрик облегчают пользование указателями, наглядно демонстрируют преимущественное внимание ученых исследуемого периода к тем или иным вопросам.

Четвертый том делится на три части: «Тексты», «Исследования, статьи, заметки», «Учебная и методическая литература. Библиографические обзоры», с последующим подразделением их по жанрово-тематическому принципу. Первая часть открывается разделом «Собрания текстов разных жанров»; за ним следуют разделы, содержащие перечень публикаций примет и суеверий, заговоров, обрядовой поэзии, загадок, пословиц, сказок, былин, духовных стихов, баллад, исторических, солдатских, лирических песен, частушек, народного театра. Затем составитель отступает от жанрового принципа и располагает материал по исполнителям, социально-профессиональным, возрастным и конфессиональным группам: творчество сказителей и народных певцов, рабо-

¹ Русский фольклор. Библиографический указатель. 1945—1959. Сост. М. Я. Мельц / Под ред. Астаховой А. М. и Луппова С. П. Л., 1961. 402 с.; То же, 1917—1944, Л., 1966. 683 с.; То же, 1960—1965, Л., 1967. 539 с. Рец. В. Я. Проппа на эти издания см.: Сов. этнография, 1962, № 2 и 1968, № 3.

чий фольклор, песни студентов, выкрики и присловья разносчиков товаров и нищих, фольклор старообрядцев и сектантов, каторжан и арестантов, детский и материнский фольклор, лубочные издания. Это отступление ни в коем случае не является недостатком. Основы такого расположения материала были заложены уже в первом томе. Оно отражает состояние изученности вопроса о жанровом делении фольклора. Составитель, придерживаясь в принципе выработанной ранее, ставшей традиционной схемы, не ограничивается раз заданными рамками, а вводит новые разделы. Так, в четвертом томе появились упоминавшиеся уже «Песни студентов», «Выкрики и присловья разносчиков товаров и нищих», «Фольклор старообрядцев и сектантов», «Фольклор каторжан и арестантов». Чрезвычайно важно, что М. Я. Мельц обращает внимание читателей на эти довольно редкие публикации, а не рассыпает их материал по жанровым разделам.

В жанровых разделах выделены три рубрики: «Научные публикации», «Популярные издания» и (если позволяет материал) «Обработки композиторов».

Вторая часть «Исследования, статьи, заметки» составлена по той же схеме. В начале — описание работ по общим вопросам истории и теории русского народного поэтического творчества, описание сборников статей, исследований по поэтике русского фольклора. Интересен раздел, открывающий вторую часть, — «Становление в России марксистской науки о фольклоре», где достаточно полно указаны произведения В. И. Ленина, А. В. Луначарского, Г. В. Плеханова, в которых использованы произведения фольклора.

За описанием работ по общим вопросам следует перечень исследований по истории и теории жанров. Здесь составитель строго придерживается установленной в первой части рубрикации. Схема первой части как бы накладывается на вторую и заполняется соответствующим материалом. Это очень удобно для пользования указателем. Гармоничное соотношение содержания разделов первой и второй частей нарушается в разделе «Лубочные издания». В первой части раздел этот (с. 183—184) включает публикации лубочных картинок и их описаний. Во второй части — «Народные книги и лубочные издания» (с. 361—365) — лубок представлен значительно шире. Здесь речь идет не только и не столько об изучении лубочных картинок, сколько о песенниках и книгах для народа. Конечно, включить в первую часть полный перечень того огромного количества книг, которые издавались для народа, невозможно. Однако описать или хотя бы назвать некоторые из них в разделе «Лубочные издания», на наш взгляд, стоило; это, несомненно, обогатило бы раздел.

Всюду, где позволяет материал, выделяются, как уже отмечалось, работы по музыкальному анализу жанра. Разделы эти, конечно, не претендуют на исчерпывающую полноту отражения музыковедческой литературы, но составлены внимательно и полезны не только словесникам, но и музыковедам.

Жанровая схема расположения материала во второй части, как и в первой, дополняется разделами, в которые включены исследования, не укладывающиеся в эту схему, но имеющие большое значение для фольклористики: лингвистическое изучение фольклора, взаимоотношения русского фольклора с фольклором других народов, взаимоотношения русского фольклора с другими формами народной культуры, история фольклористики (где особое внимание привлекают разделы «Фольклор в архивах» и «Personalia»), фольклор и профессиональное искусство (литература, театр, кино). Внимание составителя привлекли и свидетельства о вхождении в устный репертуар произведений композиторов и поэтов, о выступлении сказителей, исполнении фольклорных произведений на эстраде. Даже простое перечисление затронутых в указателе вопросов свидетельствует о большой полноте охвата материала в указателе, внимательном и скрупулезном его собирании.

Третья часть объединяет учебную и методическую литературу (преподавание фольклора в высших и средних учебных заведениях, дошкольное воспитание, программы по собиранию русского фольклора), а также библиографические справочники.

Изложение внутри каждой рубрики ведется в хронологическом порядке, но не везде заканчивается 1916 г. В некоторых разделах приводится литература, пропущенная в трех справочниках по советскому периоду (см., например, № 825, 997, 1121—1134, 2114—2116). Это ценная особенность указателя. Жаль лишь, что составитель не дает перечня номеров, дополняющих первые три тома.

Книга завершается вспомогательными указателями. Их три: указатель имен, географический указатель, указатель использованных источников. Все они не только облегчают пользование справочником, но и имеют самостоятельное значение, особенно указатель использованных источников.

Полезна и интересна вступительная статья к справочнику, написанная М. Я. Мельц. В ней в краткой форме освещаются основные направления развития науки о народном творчестве рассматриваемого периода, состояние собирания и публикации текстов, деятельность научных обществ, интерес писателей к фольклору.

В целом справочник «Русский фольклор» М. Я. Мельц чрезвычайно ценная работа. Теперь на очереди издание справочника литературы по фольклору XIX века. Хотелось бы пожелать, чтобы он вышел как можно скорее и большим тиражом.

В. В. Митрофанова

Статьи

	№	стр.
Агранат Г. А. Коренное население Аляски и Канадского Севера: современные социально-экономические и политические проблемы	6	66
Альбедиль М. Ф. Некоторые проблемы исследования протоиндийских текстов	1	35
Арутюнов С. А. Процессы и закономерности вхождения инноваций в культуру этноса	1	8
Бернштам Т. А. Орнитоморфная символика у восточных славян	1	22
Бромлей Ю. В. Основные тенденции этнических процессов в современном мире	2	3
Бромлей Ю. В. Основные тенденции национальных процессов в СССР (к 60-летию образования СССР)	6	3
Брук С. И., Кабузан В. М. Динамика численности и расселения русских после Великой Октябрьской социалистической революции	5	3
Брук С. И., Кабузан В. М. Динамика численности и расселения русского этноса (1678—1917 гг.)	4	9
Будина О. Р., Шмелева М. Н. Традиция в культурно-бытовом развитии русского современного города	6	27
Бутинов Н. А. Остров Пасхи: вожди, племена, племенные территории (в связи с кохау ронгоронго)	6	51
Васильева Г. П. Отражение этносоциальных процессов в материальной культуре современной сельской семьи (на примере народов Средней Азии и Казахстана)	5	41
Волчок Б. Я. К проблеме интерпретации протоиндийских изображений и символов	3	54
II Конгресс Международного общества этнологии и фольклора Европы	1	3
Гурвич И. С. Особенности современного этапа этнокультурного развития народов Советского Союза	6	15
Дробижева Л. М., Тульцева Л. А. Свадебная обрядность в общественном мнении (по материалам этносоциологических исследований у народов СССР)	5	33
Зубов А. А. Содержание понятия «антропология» на современном уровне развития и интеграции науки в СССР	5	21
Иванова Ю. В. Проблемы этнографии болгар в трудах советских ученых	2	16
Илларионов Н. С. Этнополитические проблемы современного Занзибара. (Этнос островных суахили в 1960—1970 годы)	1	46
Кабузан В. М.—см.: Брук С. И., Кабузан В. М.	4	9
Кабузан В. М.—см.: Брук С. И., Кабузан В. М.	5	3
Кожановский А. Н. Испания: новый этап этнического развития	4	43
Кузеев Р. Г., Рафиков Х. С., Юмагужина Н. Х. Этногенез и генетическая дивергенция восточных башкир	4	26
Литвинский Б. А. «Золотые люди» в древних погребениях Центральной Азии (опыт истолкования в свете истории религии)	4	34
Моногарова Л. Ф. Структура современной городской семьи таджиков (по материалам городов Ура-Тюбе и Исфара)	3	13
Никишенков А. А. Научные школы в период становления современной британской социальной антропологии (20—40-е гг. XX в.)	4	55
Першиц А. И. Проблема аксиологических сопоставлений в культуре	3	3
Постановление ЦК КПСС «О 60-й годовщине образования Союза Советских Социалистических Республик» и задачи советских этнографов	4	3
Рафиков Х. С.—см.: Кузеев Р. Г., Рафиков Х. С., Юмагужина Н. Х.	4	26
Руденский Н. Е. Численность и расселение венгерских групп в Европе за пределами Венгрии	3	27
Смирнова Я. С. Роли и статусы старших в абхазской семье (к проблеме геронтофильных факторов долгожительства)	6	40
Тишков В. А. Индейцы Канады во второй половине XX в.	3	40
Тульцева Л. А.—см.: Дробижева Л. М., Тульцева Л. А.	5	33
Фурсова Л. Н. Формирование метисного населения Канады	5	51
Шарма Дж. Р. Новое о культивации растений и domestикации животных в Индии	2	40
Шмелева М. Н.—см.: Будина О. Р., Шмелева М. Н.	6	27
Шнирельман В. А. Этнокультурные контакты и переход к производящему хозяйству (по материалам Африки и Азии)	2	26
Юмагужина Н. Х.—см.: Кузеев Р. Г., Рафиков Х. С., Юмагужина Н. Х.	4	26

Дискуссии и обсуждения

Андрианов Б. В. Некоторые замечания о дефинициях и терминологии скотоводческого хозяйства	4	76
---	---	----

Бутинов Н. А. Половозрастная организация [обсуждение статьи В. А. Попова]	1	63
Калиновская К. П. К проблеме возрастных систем [обсуждение статьи В. А. Попова]	1	59
Марков Г. Е. Проблемы дефиниций и терминологии скотоводческого хозяйства и кочевничества (ответ оппонентам)	4	80
Ольдерогге Д. А. Лингвистические данные в реконструкциях истории первобытного общества [обсуждение статьи В. А. Попова]	1	56
От редакции [к дискуссии по статье В. А. Попова]	1	78
От редакции [к дискуссии по статье Г. Е. Маркова]	4	87
Попов В. А. Половозрастная стратификация в этносоциологических реконструкциях первобытности (вместо ответа оппонентам)	1	68
Семенов Ю. И. Кочевничество и некоторые общие проблемы теории хозяйства и общества	2	48
Симаков Г. Н. О принципах типологизации скотоводческого хозяйства у народов Средней Азии и Казахстана в конце XIX — начале XX века	4	67
Шамиладзе В. М. О некоторых вопросах классификации и терминологии скотоводства Кавказа	3	70

Из истории науки

Алексеев В. П. В. В. Бунак — новатор в разработке теоретических основ антропологической науки	4	88
Чигринский М. Ф. Путешествие Пауля Ибиса на Тайвань	2	60

Народы мира. Информационные материалы

Нитобург Э. Л. Население Гренады	3	77
Соколов Б. В. Население Фолклендских (Мальвинских) островов	6	81

Сообщения

Алексеев В. П., Лафлин У. Материалы к антропологии древнего населения Аляски и Алеутских островов. 1. Скелеты из ипиутакских погребений на мысе Круэнштерн	6	105
Баскаков Н. А. Резьба по дереву в Хорезме	1	121
Бахышов Ч. А. Изменение этнического состава населения Азербайджанской ССР (по данным переписей 1897—1979 гг.)	5	65
Богуславская И. Я. Художественные особенности русской народной вышивки с геометрическим орнаментом (XIX—XX вв.)	1	101
Гадгил М., Малхотра К. Ч. Экология пастушеской касты гавли-дхангаров	5	107
Глинский Е. А., Сергеев Д. А., Фрадкин Э. Е. Кит в представлениях берингоморских эскимосов	4	112
Гогоберидзе Н. С. Тбилисский музей игрушки	2	93
Горленко В. Ф. Киев — центр этнографической науки на Украине (К 1500-летию Киева)	6	89
Горленко В. Ф. Об этнониме черкасы в отечественной науке конца XVIII — первой половины XIX в.	3	96
Грусман В. М., Яглинская Э. С. Показ отдельных аспектов советского образа жизни в Государственном музее этнографии народов СССР	3	88
Гурвич И. С., Ляпунова Р. Г. Поездка в США советских этнографов	3	113
Гусев В. Е. На окраине Белорусского Полесья	5	82
Давыдов А. Н. Архангельский музей деревянного зодчества	4	93
Дзадзиев А. Б. Традиционные формы проведения досуга в общественном быту осетинских крестьян в XIX — начале XX в.	5	72
Крюков М. В. Культура евразийских кочевников в выставочных залах Японии	5	89
Кызласов И. Л. Гора-прародительница в фольклоре хакасов	2	83
Лафлин У.—см.: Алексеев В. П., Лафлин У.	6	105
Лукина Н. В., Плетнева Л. М. Музей и студент (к 100-летию Музея археологии и этнографии Сибири Томского университета)	5	78
Ляпунова Р. Г.—см.: Гурвич И. С., Ляпунова Р. Г.	3	113
Малхотра К. Ч.—см.: Гадгил М., Малхотра К. Ч.	5	107
Меновщиков Г. А. О географическом названии <i>Аляска</i>	2	96
Мухиддинов И. Обычаи и обряды памирских таджиков, связанные с жилищем. Конец XIX — начало XX в. (материалы к Историко-этнографическому атласу народов Средней Азии и Казахстана)	2	76
Невская Т. А. Традиционная и современная свадьба сельского населения Ставрополя	1	89
Плетнева Л. М.—см.: Лукина Н. В., Плетнева Л. М.	5	78
Роуз Ф. Г., Шепс Б. Традиция и эволюция живописи на коре в районе Оэнпелли, западный Арnhemленд	3	120
Севан О. Г. Сезонные поселения и промысловые избы на Русском Севере (конец XIX — начало XX в.)	1	113
Сергеев Д. А.—см.: Глинский Е. А., Сергеев Д. А., Фрадкин Э. Е.	4	112

Снежкова И. А. К проблеме изучения этнического самосознания у детей и юношества (по материалам Киевской и Закарпатской областей)	1	80
Соколова З. П. Брачный возраст у хантов и манси в XVIII—XIX вв.	2	65
Соловьева Л. Т. Обычай и обряды первых лет жизни ребенка у грузин Хевсурети в конце XIX—начале XX в.	4	105
Токарев С. А. О культе гор и его месте в истории религии	3	107
Фрадкин Э. Е.—см.: Глинский Е. А., Сергеев Д. А., Фрадкин Э. Е.	4	112
Чернецов А. В. Полевые меты крестьян Подмоскovie в начале XX в.	6	101
Шепс Б.—см.: Роуз Ф. Г., Шепс Б.	3	120
Шинкарев В. Н. Сакральные предводители общин у цага	5	97
Яглинская Э. С.—см.: Грусман В. М., Яглинская Э. С.	3	88

Поиски, факты, гипотезы

Анчабадзе Ю. Д. Станные поминки [Реликты древних верований и обрядов]	1	132
Джарылгасинова Р. Ш., Крюков М. В. Праздник, который остается с нами	3	129
Крюков М. В.—см.: Джарылгасинова Р. Ш., Крюков М. В.	3	129
Михайлова Т. А. Недуг уладов — попытка интерпретации	2	103
[Окладников А. П.], Рагозин Л. А. Загадка Улалинки	6	115
Першиц А. И. Похищение невест: правило или исключение?	4	121
Рагозин Л. А.—см.: Окладников А. П., Рагозин Л. А.	6	115
Савоскул С. С. Русская народная драматическая игра «Лодка» в с. Марково на Чукотке	5	120
Шенталинская Т. С. Сухотинушка [Реликты древних верований и обрядов]	1	129
Шерстюк И. А. Редкий пережиток старины [Реликты древних верований и обрядов]	1	137

Наши юбиляры

Список основных работ доктора исторических наук В. А. Александрова (к 60-летию со дня рождения)	3	143
Список основных работ действительного члена АН Грузинской ССР Георгия Спиридоновича Читая (к 90-летию со дня рождения)	2	108

Хроника

Давыдова Г. М., Жомова В. К., Зубов А. А., Халдеева Н. И. Сессия, посвященная 90-летию со дня рождения В. В. Бунака	4	128
Кузьмина Л. П.—см.: Тер-Саркисянц А. Е., Кузьмина Л. П.	3	147
Тер-Саркисянц А. Е., Кузьмина Л. П. Работа Института этнографии АН СССР в 1981 году	3	147
Халдеева Н. И.—см.: Давыдова Г. М. и др.	4	128

Научная жизнь

Алиева А. И., Чиримпей В. А. Всесоюзная конференция фольклористов	4	134
Арутюнов С. А. Международный симпозиум «Историческая этнография сегодня»	4	134
Бернштам Т. А. 150-летие со дня рождения И. А. Федосовой	3	162
Бромлей Ю. В., Кузьмина Л. П. I Интерконгресс Международного союза антропологических и этнографических наук	1	143
Бутинова М. С. Двенадцатая Всесоюзная конференция австраловедов и океанистов	2	122
Воронина Т. А.—см.: Кузьмина Л. П., Воронина Т. А.	6	126
Герасимова М. М. Советско-французский полевой семинар «Динамика взаимодействия между естественной средой и доисторическими обществами»	6	137
Гура А. В. Симпозиум «Вопросы комплексного изучения древней славянской культуры» (Этногенетический аспект)	6	129
Гурвич И. С., Ляпунова Р. Г. Советско-американское сотрудничество в области этнографии (Поездка в США советской рабочей группы)	2	125
Дараган Н. Я. Московская конференция молодых специалистов по проблемам методологии в Институте этнографии АН СССР	5	133
Джарылгасинова Р. Ш. Выставка «Куклы Японии»	4	139
Долинова Н. А.—см.: Дубова Н. А., Долинова Н. А., Яблонский Л. Т.	5	125
Дробижева Л. М. Проблемы этнографического изучения современности на международной конференции «Семейные праздники в условиях социализма»	4	132
Дубова Н. А., Долинова Н. А., Яблонский Л. Т. Вторая всесоюзная антропологическая конференция	5	125

1300-летию Болгарского государства	2	121
Земцовский И. И. Международная конференция по фольклоризму	5	123
Золотарева И. М. «Афинский призыв» (антропологи против расизма)	3	157
Иванов Б. В. Этнографы на БАМе	5	134
Кисляков В. Н., Курылев В. П. Научная сессия в Институте этнографии АН СССР (Ленинградская часть)	6	132
Коротко об экспедициях	1	158
Коротко об экспедициях	2	130
Коротко об экспедициях	3	164
Коротко об экспедициях	4	142
Коротко об экспедициях	5	135
Коротко об экспедициях	6	141
Криничная Н. А. Конференция «Местные традиции материальной и духовной культуры Карелии»	1	155
Кузьмина Л. П.—см. Бромлей Ю. В., Кузьмина Л. П.	1	143
Кузьмина Л. П., Воронина Т. А. Международный форум ученых (к предстоящему XI Международному Конгрессу антропологических и этнографических наук)	6	126
Курылев В. П.—см.: Кисляков В. Н., Курылев В. П.	6	132
Ланяускайте-Моркунене Я., Мардоса Й. Конференция литовских этнографов	5	127
Ляпунова Р. Г.—см.: Гурвич И. С., Ляпунова Р. Г.	2	125
Мардоса Й.—см.: Ланяускайте-Моркунене Я., Мардоса Й.	5	127
Маркова Л. В., Мыльников А. С., Шумада Н. С. Вопросы этнографии, фольклора и истории культуры на I Международном конгрессе болгаристики	2	115
Молотова Л. Н. Всесоюзная научная сессия «Актуальные вопросы этнографии и этнографического музееведения»	3	159
Морохин В. Н. Конференция «Фольклор и художественная самодеятельность»	6	135
Мыльников А. С.—см.: Маркова Л. В., Мыльников А. М., Шумада Н. С.	2	115
Полищук Н. С. Конференция «Жилищные условия и образ жизни промышленного пролетариата при капитализме»	4	138
Решетов А. М. III Всесоюзная тюркологическая конференция	1	147
Соболева Е. С. Третьи Маклаевские чтения	1	152
Соболева Е. С. Четвертые Маклаевские чтения	5	129
Сусоколов А. А. Всесоюзная научная сессия «XXVI съезд КПСС и задачи изучения национальных отношений в СССР»	2	111
Шумада Н. С.—см.: Маркова Л. В., Мыльников А. С., Шумада Н. С.	2	115

Критика и библиография

Критические статьи и обзоры

Байбурин А. К. Проблема «личность и традиция» в трудах Ю. Пентикьянена	2	133
Бгажноков Б. Х. О новом этапе в изучении культурной истории адыгов	1	160
Гуллакян С. А. <i>Свод армянских сказок</i>	4	151
Пилипенко М. Ф. Современные этнические и культурно-бытовые процессы в Белоруссии (обзор работ)	6	149
Ревуненкова Е. В. <i>Семейная обрядность народов Сибири</i>	4	144
Семенов Ю. И. О структуре стратифицированной сельской общины и ее роли в истории докапиталистических классовых обществ (в связи с книгой Л. Б. Алаева «Сельская община в Северной Индии»)	6	143

Общая этнография

Арутюнов С. А. Б. А. Рыбаков. Язычество древних славян	4	154
Арутюнов С. А. Дж. Дж. Фрэзер. Золотая ветвь. Исследование магии и религии	2	139
Гольберг М. Я. Ю. Д. Левин. Оссиан в русской литературе (конец XVIII—первая треть XIX в.)	5	148
Егорова Т. В., Козлов В. И. <i>Общество и природа. Исторические этапы и формы взаимодействия</i>	5	144
Козлов В. И.—см. Егорова Т. В., Козлов В. И.	5	144
Крывелев И. А. Об историко-религиозных взглядах Дж. Фрэзера	2	141
Куббель Л. Е. <i>Этнография</i> . Под ред. Ю. В. Бромлея и Г. Е. Маркова	5	137
Мелетинский Е. М. А. Я. Гуревич. Проблемы средневековой народной культуры	6	153
Решетов А. М. С. И. Брук. Население мира. Этнодемографический справочник	5	139
Фролов Б. А. Л. А. Файнберг. У истоков социогенеза	5	142

Народы СССР

Андреев И. А., Андрианов Б. В. <i>Хозяйство казахов на рубеже XIX—XX веков. Материалы к историко-этнографическому атласу</i>	1 165
Андрианов Б. В.—см.: Андреев И. А., Андрианов Б. В.	1 165
Анчабадзе Ю. Д. <i>Кавказский этнографический сборник, VII</i>	6 163
Громыко М. М., Жегалова С. К. С. Б. <i>Рождественская. Русская народная художественная традиция в современном обществе. Архитектурный декор и художественные промыслы</i>	6 156
Жегалова С. К.—см.: Громыко М. М., Жегалова С. К.	6 156
Заднепровский Ю. А., Савинов Д. Г. <i>Л. Р. Кызласов. Древняя Тува (от палеолита до IX в.)</i>	2 147
Иордан М. В. Р. К. <i>Грдзелидзе. Межнациональное общение в развитом социалистическом обществе</i>	6 155
Кармышева Б. Х. В. М. <i>Шамиладзе. Хозяйственно-культурные и социально-экономические проблемы скотоводства Грузии</i>	3 166
Лебедева А. А. <i>Каталог этнографических коллекций. Музея археологии и этнографии Сибири Томского университета</i>	5 159
Лобачева Н. П. М. Я. <i>Устинова. Семейные обряды латышского городского населения в XX в.</i>	6 158
Лукьянченко Т. В. А. А. <i>Киселев, Т. А. Киселева. Советские саамы: история, экономика, культура</i>	5 152
Мамедов Э. Д., Ранов В. А. А. В. <i>Виноградов. Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья</i>	2 151
Митрофанова В. В. <i>Русский фольклор. Библиографический указатель. 1901—1916</i>	6 166
Мохов Н. А. М. Н. <i>Губогло. Развитие двуязычия в Молдавской ССР</i>	1 163
Окладникова Е. А. М. А. <i>Дэвлет. Петроглифы Мугур-Саргола</i>	5 163
Ранов В. А.—см.: Мамедов Э. Д., Ранов В. А.	2 151
Савинов Д. Г.—см.: Заднепровский Ю. А., Савинов Д. Г.	2 147
Соколова В. К. К. В. <i>Чистов. Русские сказители Карелии. Очерки и воспоминания; И. А. Федосова. Избранное</i>	5 161
Сусоколов А. А. В. О. <i>Рукавишников. Население города (социальный состав, расселение, оценка городской среды)</i>	5 150
Томилов Н. А. <i>Этногенез народов Севера</i>	4 163
Тульцева Л. А. Н. К. <i>Гаврилюк. Картографирование явлений духовной культуры (по материалам родильной обрядности украинцев)</i>	5 155
Холмогоров А. И. Л. М. <i>Дробижева. Духовная общность народов СССР. Историко-социологический очерк межнациональных отношений</i>	4 161
Христолюбова Л. С. С. С. <i>Курогло. Семейная обрядность гагаузов в XIX—начале XX в.</i>	5 157
Шлыгина Н. В. А. <i>Viires. Talurahva veovahendid. Baltimaade rahvapäraste pollumajanduslike veokite ajalugu</i>	1 168

Народы Зарубежной Европы

Бараг Л. Г. <i>Українські народні казки Східної Словаччини, т. 6, 7</i>	1 172
Горина Л. В. <i>Етнография на България, т. 1</i>	3 170
Мануш Лекса. Новое исследование проблем аккультурации цыган-иммигрантов в Швеции	2 155

Народы Зарубежной Азии

Гусева Н. Р. С. А. <i>Маретина. Эволюция общественного строя у горных народов Северо-Восточной Индии</i>	2 158
Заседателява Л. Б. Г. А. <i>Шпажников. Религии стран Юго-Восточной Азии. Справочник</i>	4 167
Макаренко В. А. <i>Andrew B. Gonzalez. Language and Nationalism. The Philippine Experience</i>	5 165

Народы Америки

Лукин Б. В. Новые публикации работ К. Т. Хлебникова	2 163
Фурсова Л. Н. <i>Бен Суанкей. Габриэль Дюмон и восстание 1885 г. в Саскачеване</i>	2 160

Народы Океании

Альбедиль М. Ф., Путилов Б. Н. <i>Мифы, предания и легенды острова Пасхи</i>	4 169
Тумаркин Д. Д. <i>Colin Newbury. Tahiti Nui. Change and Survival in French Polynesia 1767—1945</i>	2 165

<u>Алексей Павлович Окладников</u>	2 168
------------------------------------	-------

<u>Людмила Николаевна Терентьева</u>	5 169
--------------------------------------	-------

SUMMARIES

The Main Trends in Ethnic-National Processes in the USSR (to the 60th Anniversary of the USSR)

It is pointed out in the paper that the first victorious socialist revolution in the history of mankind took place in one of the most multinational, polyethnic countries of the world in which over a hundred nationalities are living and working at the present time. The author also reminds his readers that the Union of Soviet Socialist Republics was formed when the country was just emerging from terrible economic dislocation, the result of nearly eight years of warfare: first owing to its participation in the imperialist war, and then to the Civil War. The termination of the Civil War and the defeat of the foreign military intervention made it possible to raise the question of forming a Union of Soviet Socialist Republics in order to pool the country's material resources for reconstructing the national economy and, most important, to secure the defence of the young Soviet republics. This idea was put into practice at the end of 1922, when the Russian Soviet Federative Socialist Republic, the Ukrainian and the Byelorussian Soviet Republics and the Transcaucasian Socialist Federated Soviet Republic were amalgamated into a Union. As a result of the development of the state and its nationalities during the sixty years that have elapsed since the USSR was formed it now encompasses fifteen Union Republics and twenty Autonomous Republics; there are also eight Autonomous Regions (*Oblasts*) and ten Autonomous Districts (*Okrugs*).

To understand the essence of the transformations that have taken place in the ethnic-national sphere in the course of these sixty years the dialectics of these transformations should always be borne in mind: on the one hand, the development of nations, on the other — the process of their drawing mutually closer. It is demonstrated in the paper that these two tendencies are manifested in all spheres of Soviet peoples' life: from the economy to psychology.

Yu. V. Bromley

The Distinctive Characteristics of the Present Stage in the Ethnocultural Development of the Soviet Peoples

The author notes that the period of maximum intensity of consolidation processes is gone by. He points out that ethnic specificity in moving from the sphere of material culture to that of spiritual culture; he traces changes in language usage and examines the transformations that are taking place in the everyday life stratum of culture. Ethnic processes as they are manifested in different ethnocultural regions are dealt with in the paper.

The data adduced have permitted the author to draw the conclusion that present-day ethnic processes are characterized by a common direction on a country-wide scale: the strengthening of the internal unity and solidity of the various socialist nations which is combined with a process by which all ethnic communities of the Soviet Union are being drawn more closely together.

I. S. Gurvitch

Tradition in the Cultural Development of the Population of the Modern Russian City

Ethnographic research up to date has shown that the development of the socialist city by no means signifies a break with traditions. Having studied various aspects of the present-day everyday cultural life of Russian urban dwellers (their occupations, family life, dwellings, food, festive occasions and rituals) the authors demonstrate in what ways tradition becomes embodied in the forms of everyday life. It is just tradition that while it is itself in constant flux, that imparts an ethnic-national character to cultural processes so long as ethnic continuity is preserved.

O. R. Budina, M. N. Shmeliova

The Roles and Status of Aged Persons in the Abkhaz Family (to the Problem of Gerontophile Factors in Longevity)

The paper deals with one of the hypotheses of social factors underlying Abkhaz longevity, namely the gerontophile hypothesis; in this connection the roles and status of

the elder age groups in the Abkhaz family are undergoing investigation. By roles are understood not only active but also passive roles; by status — not only the position in the family hierarchy but, more broadly, the degree of prestige within the family.

With this in view a description is given of the forms of the Abkhaz family and its matri- or partilocal character, the sex-and-age division of labour, intra-family relation including the problem of family leadership and the position of each of the elder family members, the etiquette governing these relations, etc. It is shown that the prominent roles and high status of the elder family members not only characterized traditional Abkhaz society but, *mutatis mutandis*, persisted after its transformation and have survived up to our own times.

The data adduced permits two conclusions. The first is that although the high status of the elder members of the Abkhaz family is to a great extent determined by their economic, organizational and other activities, this status, being institutionalized has gained a certain autonomy and can, moreover, itself exert a certain retroactive influence over their roles. And the second conclusion stemming from the first: not only the active roles of the elder family members and the high status based upon these but also their institutionalized status that has lost direct connection with their roles may be regarded as evidence in favour of the social (or partly social) nature of Abkhaz longevity.

Ya. S. Smirnova

Easter Island (Chiefs, Tribes, Tribal Territories)

The author has analysed four tablets from Easter Island carrying almost identical inscriptions of 50 or 60 symbols and has ascertained that the text lists a number of tribes (Miru, Tupahotu etc.) and contains a description of the boundaries of tribal territories (Huarewa, Hanga, Kihikihi). Two of the tables list ten tribes, the two others — only nine: the Hiti-Wira tribe has been left out, presumably because the owners of these two tablets did not regard it as a separate tribe but as part of another tribe; hence its second name Ure-O-Hei («Ure» meaning «part of a tribe»). The concept of tribe is designated by the «star» symbol («mata» means «tribe» or «eyes»; «matariki», a contraction of «mata ariki» — «eyes of chiefs» — the Pleiades). The tribal names are usually given in an abbreviated form («tupa» for Tupahoyu, «hiti» for Hiti-Ura, «hau» for Haumoana, «nga» for Ngaure).

The tablet known under the name of «Tahua» belonged, as is shown by the author, to the Tupahotu tribe, the Big Leningrad tablet and the Big Sant-Iago tablet to the Miri tribe, the Small Leningrad tablet — to the Haumoana tribe.

The data on tribal territorial boundaries contained in the deciphered text testify to a dispute between two tribal alliances (Tuu and Hotu-Iti) over the Anakena Bay area.

N. A. Butinov

The Indigenous Population of Alaska and the Canadian North: Contemporary Socio-Economic and Political Problems

The paper deals with the contemporary socio-economic and political problems of the aboriginal population of Alaska and the Canadian North (Indians, Eskimos, Aleuts). As a result of the gradual disintegration of the subsistence economy and the insufficiency of other sources of livelihood the aborigines found themselves by the fifties and the sixties of the 20th century in an extremely difficult situation. Two possible ways of further development lay before them: that of working for hire or that of strengthening the traditional branches of economy. However, gainful employment is hindered primarily by their poor education and professional training; this is aggravated by capitalist conditions. As for their traditional economy, it is no longer capable of satisfying the growing requirements of the aboriginal population. The distinctive culture of the aborigines is falling apart. The inculcation of the new alien capitalist culture and the content of school education by no means always yield positive results.

At the same time, the author notes the process by which the struggle of the northern peoples for their political and socio-economic rights is gaining strength. The governments of the USA and Canada are compelled to make concessions, while at the same time trying to set the aboriginal population of the North on the path of capitalist development. The complex and contradictory problems of the aboriginal peoples of Alaska and the Canadian North are on the whole as yet far from their solution.

G. A. Agranat

A Contribution to the Anthropology of the Ancient Population of Alaska.

1. Skeletons from Ipiutak Cemetery on Cape Krusenstern

A description is given of some skeletons uncovered in Ipiutak Cemetery on Cape Krusenstern and in Battle Rock settlement on the western coast of Alaska. The cemeteries were excavated by J. Giddings and D. Anderson and their materials are now in the custody of Brown University (Providence, R. I.). Craniological traits show a resemblance between the population to whom these cemeteries belonged and the Palaeoeskimo population that dwelt on Point Hope. It appears highly probable that such craniological traits originated through contacts with populations that inhabited the interior parts of Siberia.

V. P. Alexeyev, W. Laughlin

CONTENTS

To the 60th Anniversary of the USSR

Yu. V. Bromley (Moscow). The Main Trends in Ethnic-National Processes in the USSR (to the 60th Anniversary of the USSR). *I. S. Gurvitch* (Moscow). The Distinctive Characteristics of the Present Stage in the Ethnocultural Development of the Soviet Peoples. *O. R. Budina, M. N. Shmeliyova* (Moscow). Tradition in the Cultural Development of the Population of the Modern Russian City.

Ya. S. Smirnova (Moscow). The Roles and Status of Aged Persons in the Abkhaz Family (to the Problem of Gerontophile Factors in Longevity). *N. A. Butinov* (Leningrad). Easter Island (Chiefs, Tribes, Tribal Territories). *G. A. Agranat* (Moscow). The Indigenous Population of Alaska and the Canadian North: Contemporary Socio-Economic and Political Problems.

Peoples of the World

B. V. Sokolov (Moscow). The Population of Falkland Islands (the Malvinas).

Communications

V. F. Gorlenko (Kiev). Kiev — the Centre of Ethnographical Science in the Ukraine (to Kiev's 1500th Anniversary). *A. V. Tchernetsov* (Moscow). Peasant Field Ownership Marks in the Moscow Area in Early 20th Century. *V. P. Alexeyev* (Moscow), *W. Laughlin* (Storrs, Conn., USA). A Contribution to the Anthropology of the Ancient Population of Alaska. 1. Skeletons from Ipiutak Cemetery on Cape Krusenstern.

Searchings, Facts, Hypotheses

A. P. Okladnikov, *L. A. Ragozin* (Moscow). The Ulalinka Riddle.

Academic Life

L. P. Kuzmina, T. A. Voronina (Moscow). An International Forum of Scientists (to the Forthcoming 11th International Congress of Anthropological and Ethnographical Sciences). *A. V. Gura* (Moscow). «Problems in the Integrated Study of Early Slavic Culture (the Ethnogenic Aspect)», a Symposium. *V. N. Kisliakov, V. P. Kuryliov* (Leningrad). A Scientific Session in the Institute of Ethnography, USSR Academy of Sciences (Leningrad Division). *V. N. Morokhin* (Gorky). «Folklore and Amateur Talent Activities», a Conference. *M. M. Gerassimova* (Moscow). The Soviet — French Field Seminar «Dynamics of Interaction between the Natural Environment and Prehistorical Societies». Expeditions in Brief.

Critical Articles and Reviews

Yu. I. Semyonov (Moscow). On the Structure of the Stratified Rural Community and Its Role in the History of Pre-Capitalist Class Societies (in Connection with the Book «The Rural Community of Northern India» by A. B. Alayev). *M. F. Pilipenko* (Minsk). The Study of Contemporary Ethnic and Cultural Processes in Byelorussia. General Ethnography. *Ye. M. Meletinsky* (Moscow). A. Ya. Gurevitch. Problems of Mediaeval Folk Culture. Peoples of the U.S.S.R. *M. V. Jordan* (Moscow). R. K. Grdzeldze. Inter-Ethnic Communication in a Highly Developed Socialist Society. *M. M. Gromyko, S. K. Zhegalova* (Moscow). S. B. Rozhdestvenskaya. Russian Artistic Folk Tradition in Modern Society. Architectural Decor and Art Crafts. *N. P. Lobachova* (Moscow). M. Ya. Ustinova. Family Ritual among Lettish Population in the 20th Century. *Yu. D. Anchabadze* (Sukhumi). The Caucasian Ethnographic Collection. *V. V. Mitrofanova* (Leningrad). Russian Folklore. A Bibliographical Index. 1901—1916.

Contents for 1982

Технический редактор *Беллева Н. Н.*

Сдано в набор 10.09.82	Подписано к печати 26.11.82	T-20133	Формат бумаги 70×108 ^{1/16}
Высокая печать	Усл. печ. л. 15,4	Усл. кр.-отт. 42,2 тыс.	Уч.-изд. л. 19,8
	Тираж 2694 экз.	Зак. 4288	Бум. л. 5,5

Издательство «Наука», 103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука». 121099, Москва, Шубинский пер., 10

Цена 1 р. 90 к.

Индекс 70845

В магазинах «Академкнига»

имеются в продаже:

- Карабанова С. Ф. Танцы малых народов юга Дальнего Востока СССР как историческо-этнографический источник. 1979. 141 с. 90 к.**
- Колчин Б. А., Хорошева А. С., Янин В. Л. Усадьба новгородского художника XII в. 1981. 168 с. 1 р. 10 к.**
- Корочанцев В. А. Африка под покровом обычая. 1978. 287 с. 55 к.**
- Кухаренко Ю. В. Могильник Брест-Тришин. 1980. 128 с. 1 р. 50 к.**
- Кызласов Л. Р., Леонтьев Н. В. Народные рисунки хакасов. 1980. 176 с. 85 к.**
- Могильники черняховской культуры. Сборник статей. 1979. 206 с. 3 р. 50 к.**
- Рождественская С. Б. Русская народная художественная традиция в современном обществе. 1981. 207 с. 1 р. 40 к.**
- Традиционные и новые обряды в быту народов СССР. 1981. 183 с. 65 к.**

Заказы просим направлять по одному из перечисленных адресов магазинов «Книга — почтой» «Академкнига»:

480091 Алма-Ата, 91, ул. Фурманова, 91/97; 370005 Баку, 5, ул. Джапаридзе, 13; 320093 Днепропетровск, проспект Ю. Гагарина, 24; 734001 Душанбе, проспект Ленина, 95; 252030 Киев, ул. Пирогова, 4; 277012 Кишинев, проспект Ленина, 148; 443002 Куйбышев, проспект Ленина, 2; 197345 Ленинград, Петрозаводская ул., 7; 220012 Минск, Ленинский проспект, 72; 117192 Москва, В-192, Мичуринский проспект, 12; 630090 Новосибирск, Академгородок, Морской проспект, 22; 620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137; 700187 Ташкент, ул. Дружбы народов, 6; 450059 Уфа, 59, ул. Р. Зорге, 10; 720001 Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42; 310078 Харьков, ул. Чернышевского, 87.